

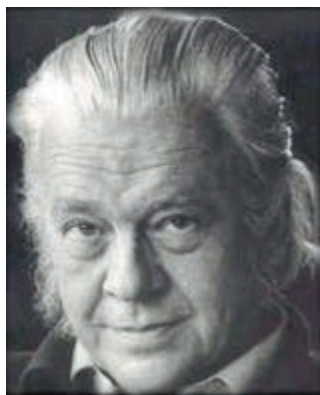
Э.Ф. Шумахер

МАЛОЕ ПРЕКРАСНО
экономика для человека

карта для заблудившихся

Все права защищены.

Размещение полного текста книги на
www.samorodok.org одобрено правообладателями.

«С восхищением наблюдая, как наука и техника расправляют свои могучие плечи, современный человек создал систему производства, терзающую природу, и калечащее человека общество.» — писал Эрнест Фридрих Шумахер (1911-1977). Серые махины заводов; отравленный воздух городов; мертвые реки; вырубленные леса; дети уроды от рождения; всеми забытые нищие старики в переходах метро; скучная неинтересная работа, пожирающая большую часть нашего времени и сил — все это экономика. А ведь возможно общество счастливых,

радостных и добродушных людей, общество без войн, преступников, довлеющей власти, насилия и депрессий. Возможна экономика без огромных заводов, отравляющих воздух, воду и землю; экономика, в которой у каждого творческая работа по душе... Экономика, построенная не на конкуренции, а на сотрудничестве и бескорыстной взаимопомощи...

Выдающийся экономист и философ, который более двадцати лет был экономическим советником правительств Великобритании, Бирмы и Индии, обобщил свое видение человеческой экономики, построенной на идеалах красоты, долговечности и ненасилия, в одной из самых влиятельных книг второй половины XX века под названием «МАЛОЕ ПРЕКРАСНО».

Почему человек стал придатком производства, а не производство обслуживает человека? Правда ли все измеряется деньгами? Неужели человек — эгоистичное существо с безграничными потребностями? Нужны ли нам высокие технологии? Почему научно-технический прогресс порождает больше проблем, чем решений, разрушая при этом природу и человека? Что же нам теперь делать? — ответы на эти и многие другие «неприличные» вопросы вы найдете в этой книге.

Книга написана ярким доступным языком и совершенно необходима не только экономистам, студентам и преподавателям вузов, но и всем, кто стремится к пониманию современных проблем человечества и ищет правильный путь в этой жизни.

Книги Э.Ф. Шумахера переведены на двадцать языков и стали бестселлерами по всему миру.

Книгам и идеям Э.Ф. Шумахера и их претворению в жизнь посвящен раздел русскоязычного веб-сайта www.samorodok.org

Ссылка на файл: <http://www.samorodok.org/schum.pdf>

Эрнест Фридрих Шумахер

МАЛОЕ ПРЕКРАСНО: ЭКОНОМИКА ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

перевод с английского

Леонида и Ирины Шарашкиных

РСПИ

2007 г.

Все права защищены. www.samorodok.org

**МАЛОЕ ПРЕКРАСНО:
ЭКОНОМИКА ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА**

Эрнест Фридрих Шумахер

**SMALL IS BEAUTIFUL:
ECONOMICS AS IF PEOPLE MATTERED**

E.F. Schumacher

**перевод с английского
Леонида и Ирины Шарашкиных**

Другие книги Э.Ф. Шумахера в этом томе:
«Карта для заблудившихся»

© Vreni Schumacher, 2003

© E. F. Schumacher Society, 2003

© Л. Е. Шарашкин, И. В. Шарашкина, перевод, 2003

© Л. Е. Шарашкин, оформление, верстка, 2007

© Л. Е. Шарашкин, оформление, верстка, 2007

© М. Дамкиер, фото обложки с BigStockPhoto.com, 2007

ISBN: 978-0-9763333-5-7

РСПИ

www.Samorodok.org

samorodok@mail.ru

Ссылка на файл: <http://www.samorodok.org/schum.pdf>

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Л. Шарашкин) 13

Часть I. СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Глава 1. Проблема производства 19

Современное устройство хозяйственной деятельности неизбежно развалится по трем причинам: исчерпание природных ресурсов, рост загрязнения окружающей среды и деградация человека. — Как быть? Претворять в жизнь идеалы красоты, долговечности и ненасилия, а продуктивность приложится сама собой.

Глава 2. Мир и долговечность 29

Мир на Земле не построить на основе всеобщего материального благополучия. — Кейнс: «зло полезно, а добро — нет». — Экономический рост богатых стран зависит от эксплуатации мировых природных ресурсов, что порождает конфликты и войны. — Бесконечный экономический рост невозможен, т. к. ограничены природные ресурсы и возрастает загрязнение окружающей среды. — Алчность и зависть как движущие силы современной экономики. — Неразрешимость современных экономических проблем, пагубность научно-технического «прогресса». — Долговечная экономика: «обустроить свое хозяйство на века». — Обуздание желаний и потребностей. — Необходимы дешевые технологии для маломасштабного производства, оставляющие человеку место для творчества. — Войны как следствие неправильного мировоззрения. «Мы настолько умны, что нам не выжить без мудрости».

Глава 3. Место экономической теории 46

Экономическая теория подминает под себя все другие науки. Озабоченность экономическими проблемами. — Критерий «экономической эффективности» однокбок. — Недостатки и ограниченность экономической теории. — Рынок закрепляет индивидуализм и безответственность. — Религия экономики: учет

количественных факторов в ущерб качественным. — Границы применения экономической теории. — Метаэкономика: этическая основа экономической теории. — Различные виды товаров. — Современная экономика: средства превыше целей.

Глава 4. Буддийская экономика 59

Экономика и экономическая теория могут быть построены на духовных принципах. — Нужен ли буддийским странам западный путь развития? — Западный экономист: труд как неизбежное зло, труд механичен. Буддийский экономист: творческий труд как благо для человека. — Машины поработают человека, инструменты помогают человеку в творческом труде. — Западный экономист: товары главнее человека, потребление — цель, рост потребления важнее всего. Буддийский экономист: главное человек, важность ограничения потребностей, потребление — средство. — Простота и ненасилие. — Производство из местных ресурсов для местного потребления. — Запад: эксплуатация природных ресурсов. Буддизм: их бережное использование. — Будда: каждый человек должен посадить дерево. — Отсутствие различия между невозобновимыми и возобновимыми ресурсами. — Потребность в правильном образе жизни.

Глава 5. Проблема масштаба 70

Распространенные мифы: развитие человечества идет от небольшой общины к глобальному сообществу; большая страна лучше малой; чем больше масштаб производства, тем лучше. — Оптимальный размер города и страны, проблемы мегаполисов. — Развитие транспорта и связи влечет утрату человеком корней и разрушает социальную структуру общества. — Проблема богатых и бедных регионов. — Никчемность современной экономической теории, необходимость новой экономики.

Часть II. РЕСУРСЫ

Глава 1. Важнейший из всех ресурсов — образование 84

Материальные ресурсы второстепенны, главное — человек. — Недостатки научного образования. Цель образования: передача

системы ценностей. — Какими мыслями мы мыслим? — Материалистическое мировоззрение ведет к отчаянию. — Второй закон термодинамики или пьеса Шекспира? — Предрассудки современности и великие идеи девятнадцатого века: эволюция, конкуренция, материя первична, духовный невроз, «все относительно», наука — ключ к истине. — «Центр»: ответ на вопросы о смысле жизни. — Два вида проблем. — Этика.

Глава 2. Земля и ее надлежащее использование 109

Земля — главнейший материальный ресурс. — Падение цивилизаций, разрушающих землю. — Земля без животных и растений? — Производитель или потребитель? — Земля — цель, а не только средство. — Должное отношение к земле: «возделывать ее и хранить ее». — Будущее европейского сельского хозяйства: отрасль промышленности? — Задачи сельского хозяйства: поддержание связи человека с живой природой, облагораживание окружающей среды, производство продуктов питания. — Идеал обращения с землей: здоровье, красота, долговечность; продуктивность приложится сама собой.

Глава 3. Промышленные ресурсы 126

Чудовищная неэффективность современной экономики. — 40% мировых ресурсов на поддержание жизни 6% населения земли. — Хватит ли ресурсов? — Опора на нефть: непонимание мировой энергетической проблемы. Рост зависимости развитых стран от нефти. — Перспективы исчерпания нефти. «Всемирная драка за нефть». — Нефтью сыт не будешь: добывающим странам нужен новый источник жизнеобеспечения; импортерам — экономика, менее зависимая от нефти.

Глава 4. Ядерная энергетика — спасение или проклятие? 143

Опрометчивое внедрение ядерной энергетики. — Угрозы «мирного» атома для человека и природы. — Проблема ядерных отходов. — Сколько радиации мы можем «переварить»? — Как удовлетворить потребности в энергии? Ответ: снизить потребности.

Глава 5. Технология с человеческим лицом 157

Вторжение техники в природу. — Современные технологии породили три кризиса: человеческая натура восстает против машин, живая природа больна, исчерпание ресурсов. — Итог развития науки и техники: больше проблем, чем решений. — Как создать технологию с человеческим лицом? — «Количество свободного времени обратно пропорционально количеству трудосберегающих машин». — Техника узурпировала творческую работу человека, работу руками и головой. — Только 3,5% времени тратится на реальное производство: работа стала нечеловеческой рутинной. — Идеал экономики: творческая работа, здоровые люди. — Массовое производство или производство массами? Помогая бедным, поможем себе: средние технологии. — Конфликт мнений: люди «полный вперед» и люди, «возвращающиеся домой». — Примеры «экономики выживания»: сельское хозяйство без химикатов, средние технологии в промышленности.

Часть III. ТРЕТИЙ МИР

Глава 1. Развитие 171

Провалы программ помощи развивающимся странам. — «Двойственная» экономика: современный и традиционный сектора. — Видимое и невидимое измерение современных технологий. — Современные технологии как инородное тело в развивающейся стране. — Массовая безработица и бегство в города как следствие внедрения современных технологий. — Основа развития: не товары, а люди. Образование, организация, дисциплина.

Глава 2. Разработка и внедрение средних технологий для решения социальных и экономических проблем 179

Положение бедных: безработица и нищета. — Помощь тем, кому она нужна больше всего. — Нужна полная занятость. Как создать миллионы рабочих мест? Создавать в провинции. Низкие затраты на одно рабочее место. Простые методы производства. Производство из местного сырья для местного потребления. — Развитие на местах. — Потребность в адекватной технологии. — Средняя технология. — Мифические возражения против

средней технологии. — Динамический подход к развитию. — Конкурентоспособность продукции средних технологий. — Использование средней технологии для удовлетворения насущных потребностей. — Методы разработки средних технологий.

Глава 3. Два миллиона деревень 201

Внимание к человеку. — Западные технологии и образ жизни неприемлемы для бедных стран. — Ненамеренный неокOLONиализм. Задолженность бедных стран. — Современные производства: «устранить человеческий фактор». Завышенные требования к качеству. — Как помочь двум миллионам деревень? Передача знаний: научить человека делать удочку. — Разработка средних технологий. — Инициативные группы развития: чиновники, бизнесмены, интеллектуалы.

Глава 4. Проблема безработицы в Индии 216

Образование: пропуск в высший свет или обет служить народу? — Достижение полной занятости: сколько мы можем вложить в создание одного рабочего места? — Пример Форда: последствия роста компании. — Важность выбора технологии. — Развитие местных рынков сбыта. Экспортная ориентация экономики не нужна. — Решить проблему занятости и развития не сложно. Горе от ума. — Заповедь Будды: посади дерево.

Часть IV. ОРГАНИЗАЦИЯ И СОБСТВЕННОСТЬ

Глава 1. Машина для предсказания будущего? 232

От «Книги перемен» до компьютера. — Что-то предсказуемо, а что-то нет. — Различия: действие или событие; прошлое или будущее; определенное или неопределенное. Терминология: прогнозы, планы, оценки и т. д. — Предсказуемо ли будущее? — Человеческая свобода. — Краткосрочные прогнозы: нужен не компьютер, а здравомыслие. — Смысл планирования: описание того, что я могу сделать. — Долгосрочные прогнозы абсурдны. — Важность опытных расчетов или прикидок. — Человек свободен, а, значит, непредсказуем. — «Жизнь достаточно непредсказуема, чтобы было интересно жить.

Глава 2. К теории крупномасштабной организации 250

Проблемы крупных организаций: безличное управление и пр. — Малые структуры внутри большой организации. — Централизация или децентрализация, порядок или свобода. — Пять принципов крупной организации. — Принцип субсидиарности: не узурпируйте функции нижестоящих подразделений. — Принцип невмешательства: оставьте нижестоящие подразделения в покое. Подотчетность по небольшому числу показателей. — Принцип обособленности: у каждого подразделения должен быть свой баланс. — Принцип мотивации: люди работают не только ради денег. — Принцип золотой середины: уметь отдавать приказы, при этом не ущемляя свободу подчиненных. — Теория и практика.

Глава 3. Социализм 263

Социализм интересен лишь своими неэкономическими ценностями. — Простота идеи частного предпринимательства: «обогащайтесь!» — Капиталисты-социалисты? — Форма собственности (государственная или частная) не цель, а средство. — Необходимость сочетать гибкость частного предпринимательства с учетом интересов всего общества. — Потребность в новой системе ценностей.

Глава 4. Право собственности 271

Два вида частной собственности: собственность работающего собственника и собственность пассивного владельца. — Достоинства малого предприятия на основе собственности первого вида. — Неправедливость института частной собственности на среднее и крупное предприятие. — Принципы национализации: не смешивать бизнес с государственным управлением, государственные предприятия не должны зависеть от дотаций из бюджета, обязанность государственного сектора служить интересам народа, участие общественности в управлении предприятием, избегать централизации.

Глава 5. Новые виды собственности 282

Частное присвоение доходов ведет к богатству элиты и нищете народа. — Государство платит за инфраструктуру и тем самым

берет на себя большую часть издержек частного предприятия. — Новые структуры собственности. Скотт Бэйдер Ко. Лимитед: владелец передает права собственности на предприятие рабочему коллективу. — Принципы устройства Содружества Скотта Бэйдера. — Коммерческий и социальный успех компании Скотт Бэйдера. «Тихая революция» Скотта Бэйдера. — Экономическое устройство общества: свобода или тоталитаризм, рыночная экономика или планирование, частная или коллективная собственность. — Способ обобществления собственности на крупные предприятия: участие государства (общественности) в собственности компании. — Местное распределение доходов, общественный контроль за деятельностью крупных компаний.

Эпилог 303

Современность: система производства, терзающая природу, и общество, калечащее человека. — Необходима система ценностей, не основанная на материализме, и новый образ жизни. — Четыре главные добродетели, без которых человечеству не выжить: благоразумие, справедливость, храбрость, умеренность. — Правда, доброта, красота. — «Навести порядок внутри себя».

Примечания 308

Общества Шумахера 316

Организации, занимающиеся распространением идей Э.Ф. Шумахера и способствующие их воплощению в жизнь. — Русскоязычный веб-сайт, посвященный Э.Ф. Шумахеру. — Ссылки на упоминаемые Э.Ф. Шумахером организации.

КАРТА ДЛЯ ЗАБЛУДИВШИХСЯ 321 и далее

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пусть государство будет маленьким, а население — редким. Если имеются различные орудия, не надо их использовать. Пусть люди до конца своей жизни не уходят далеко от своих мест... Пусть их пища будет вкусной, одеяние красивым, жилище удобным, а жизнь радостной.

Лао Цзы, Дао дэ цзин

Современное экономическое мышление по-прежнему опирается на представления о человеке и природе, свойственные девятнадцатому веку. Сегодня на лекциях по экономике студентов учат тому, что человек — это эгоистичное существо с безграничными потребностями, что природа — это всего лишь ресурс для промышленности, а рынок и конкуренция — наилучшая организация экономики, и т. д. Стоит ли удивляться, что с таким мировоззрением человечеству никак не удастся обеспечить процветание, мир, здоровье окружающей среды и благоденствие людей.

Но нашелся проницательный экономист и великий мыслитель, который заподозрил неладное с современной экономикой и в особенности с мировоззрением современного общества. «С восхищением наблюдая, как наука и техника расправляет свои могучие плечи, современный человек создал систему производства, терзающую природу, и общество, калечащее человека», — писал Эрнест Фридрих Шумахер. И еще: «Если экономическое мышление не может соприкоснуться с человеческими реалиями бедности, разочарования, отчуждения, отчаяния, подавленности, преступности, бегства от реальности, стресса, пресыщения, уродства и духовной смерти, то давайте выбросим его на помойку и начнем сначала».

«Вот тебе и раз! — удивитесь вы. — А нас постоянно уверяют, что с экономикой, в принципе, все в порядке». Книга, которую вы держите в руках, поможет вам понять, что это не так. Вас ждут огромные открытия, ибо Э. Ф. Шумахер для экономики то же, что Коперник для астрономии: он напомнил нам, что не человек создан для производства, а производство — для человека. Поистине, Э. Ф. Шумахер — великий классик «альтернативной» экономической мысли. Но чем же «альтернативная» экономика отличается от традиционной?

Все альтернативное часто выглядит чем-то новым, а при ближайшем рассмотрении оказывается хорошо забытым старым. То же касается и «альтернативной» экономики. Если дать самое краткое определение, то «альтернативная» экономика — это... *экономика!*

Кто помнит сегодня, что экономика — это *гуманитарная* наука о правильном обустройстве *домашнего* хозяйства. Это значит, что в центре экономической науки должен стоять человек. При правильном («экономном!») ведении хозяйства он может удовлетворить свои основные потребности при минимальных затратах усилий и ресурсов и с минимальным воздействием на природу. Роль же экономики ограничивается созданием человеку условий для более важных занятий — участия в общественной жизни и самосовершенствования. Кроме того, когда человек занимается *своим* хозяйством и обеспечивает процветание себя и своей семьи, то все, что бы он ни делал, непременно будет *красивым, долговечным и неагрессивным* (то есть безвредным для человека и других живых существ).

Сегодня такой взгляд на экономику кажется столь необычным, что приходится называть его «альтернативным». Между тем, это и есть настоящая экономика, ведь современную «экономику» никак нельзя назвать наукой о правильном ведении домашнего хозяйства: сегодня хозяйственная деятельность разрушает и человека, и наш общий дом — Землю.

Что же не так с современной экономикой? Да посмотрите вокруг: серые махины заводов; отравленный воздух городов; мертвые реки; вырубленные леса; залитые нефтью болота Сибири; дети, рождающиеся уродами; ДДТ в материнском молоке; никому не нужные нищие старики в переходах метро; скучная неинтересная работа, пожирающая большую часть нашего времени и сил — все это экономика. И мы еще слушаем басни про «экономическое развитие», «экономический рост» и прочую чушь. Что *нам* с «научно-технического прогресса», «роста валового внутреннего продукта» и «увеличения экспорта», когда на улице нечем дышать, а воду приходится пить из бутылок?

Как так получилось? Все не так уж и сложно: в основу современного экономического анализа положены абстрактные понятия цены, дохода, эффективности; все измеряется деньгами. А «человека забыли». Когда даже жизнь человека имеет цену, неизбежно возникает экономика, весьма далекая от его истинных потребностей. Она постоянно требует все большего количества человеческих и природных ресурсов и разрушает мир и человека в нем. Из хозяина человек превращается в раба, рабочего. На семью, общественную жизнь и самосовершенствование у рабочего уже не остается ни сил, ни времени. Чувствуя, что так не должно быть, он стремится забыться. И в забытии ему снятся «сны о чем-то большем». А просыпаясь, он опять идет на работу и безрадостно работает не на свое домашнее хозяйство, а на кого-то еще, на рынок, поэтому и плоды его труда зачастую некрасивы, еще чаще непрочны, и почти всегда разрушительны для людей, других живых существ и природы в целом. Разве этого мало, чтобы «выбросить экономику на помойку и все начать с начала»?

Мы так увлечены совершенствованием производства, что совсем забыли: человеку важны не вещи, а польза, которую он из них извлекает и — в еще большей степени — радость творения. Если мы это вспомним, то поймем, что умение вырастить вкусное яблоко или самому построить

свой дом — то есть умение творчески работать руками и головой на благо себя и своей семьи — делает человека настоящим экономистом. А вот большая часть современной «экономики» не имеет к правильному обустройству домашнего хозяйства никакого отношения.

Слышать такое нам очень непривычно. «Ну, это уж слишком!» — засомневаетесь вы. Э. Ф. Шумахер писал:

Могут возразить, что это романтическая, утопичная мечта. Согласен. Вот современное индустриальное общество не романтично и уж конечно не утопично, но оно очень серьезно больно, без шансов на выздоровление. Мы, черт побери, должны набраться смелости мечтать, если хотим выжить и дать своим детям шанс на выживание.

Так давайте «наберемся смелости мечтать» и вместе с Э. Ф. Шумахером вообразим *правильный образ жизни*, основанный на идеалах *красоты, долговечности и ненасилия*. Разве мы не хотим жить в светлом обществе, в котором люди счастливы, радостны и добродушны; в обществе без войн, преступников, довлеющей власти, насилия и депрессий? В обществе, в котором не плачут и не дерутся дети, а семьи живут в любви без ссор и измен? В обществе, где люди не боятся быть самими собой и уважают свободу самовыражения? Разве мы не хотим иметь экономику без огромных заводов, отравляющих воздух, воду и землю; экономику, в которой у каждого творческая работа по душе, или, скорее, даже нет понятия «работы», а любое занятие — приятное времяпровождение в обществе дружелюбно настроенных соратников? Экономику, в основе которой лежит не конкуренция, а сотрудничество и бескорыстная взаимопомощь?..

Но, вы скажете, что это только мечта: «В реальном мире это невозможно!» Но кто нам мешает претворять наши мечты в жизнь? Что нам терять: депрессии, страх, скучную работу? К счастью, сегодня в России и во всем

мире все больше людей не боятся мечтать и, сотворив образ будущего, в котором они хотят видеть себя и своих детей, начинают действовать. Книга Э. Ф. Шумахера «Карта для заблудившихся», служащая мировоззренческим основанием «экономики для человека», заканчивается такими словами:

А вы уверены, что люди захотят устремиться к высшему и их будет достаточно много, чтобы спасти современный мир?.. Мы не станем мучительно искать ответ на этот вопрос, а лучше примемся за дело.

И последнее: книги Шумахера перевернули мое мировоззрение как экономиста и не только; вдруг возникло *понимание* многих вещей, о которых даже не упоминали ни в школе, ни в институте. Теперь же я ежечасно убеждаюсь в том, что все, что написал Шумахер, не только прекрасно, но и *возможно*.

В этой книге заключено много добра. Если бы это было не так, мне бы и в голову не пришло перевести ее на русский язык и пытаться организовать издание в России. Но вот она издана, а, значит, мечты сбываются.

Леонид Шарашкин

ЧАСТЬ I СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Глава 1

ПРОБЛЕМА ПРОИЗВОДСТВА

Одним из роковых заблуждений современности стала святая вера в то, что «проблема производства» наконец-то решена. Теперь мы якобы можем произвести достаточно товаров и обеспечить безбедное существование всех и каждого. В этом совершенно уверены не только люди, далекие от производства и, таким образом, профессионально не осведомленные в этом вопросе; в это верят практически все ведущие эксперты, промышленники, экономисты правительств мировых держав, экономисты-теоретики и не теоретики, не говоря уже о журналистах. У них найдется немало тем для споров, однако все неизменно сходятся на том, что проблема производства уже решена, а человечество вступило в фазу зрелости. Они утверждают, что богатые развитые страны могут заниматься образованием для удовольствия, а бедным остается лишь перенять производственные технологии богатых. И все будет хорошо.

Но на деле все идет не так гладко, как хотелось бы, и виновата де в этом людская зловредность. Поэтому нам необходимо создать совершенную политическую систему, в которой даже самые отчаянные злодеи станут благодушными добряками. Считается, что от рождения человек добр, и если он стал преступником или бездушным эксплуататором, то вина эта вовсе не его, а «системы». Несомненно, «система» во многом ущербна и требует пересмотра. Однако одна из главных причин, по которой плохая система выживает несмотря на все ее очевидные недостатки, — это

Как не восхищаться при виде великолепных достижений практичного разума и технических знаний, которые начиная с конца семнадцатого века, под дерзким, пусть и не слишком аккуратным, предводительством Англии, изменяли материальный план цивилизации. Однако экономические амбиции — хорошие слуги, но плохие хозяева.

Очевидное забыть легче всего. Существующий экономический уклад и многочисленные попытки его перестроить проваливаются из-за пренебрежения простой истиной: даже у самого заурядного человека есть душа, и никакое материальное благополучие не компенсирует ему потери от условий, оскорбляющих его достоинство и ущемляющих его свободу. Здравый подход к организации хозяйственной деятельности не должен упускать из виду тот факт, что если организация промышленности будет отвечать лишь сугубо экономическим требованиям, то она обречена на вечные бунты разъяренной человеческой природы.

Р.Х. Тони

Религия и восхождение капитализма

Все проблемы современности в основном сводятся к нашему отношению к окружающему миру, выбору целей и средств к их достижению. Мы сели на бульдозер и превратили цветущую землю в мертвый пустырь, и теперь радуемся творению рук своих. Не нужно отказываться от бульдозера, который, в конце концов, не так уж плох, но необходимо обрести более объективное понимание того, что значит правильно его использовать.

Алдо Леопольд

Альманах графства Сэнд

ошибочная уверенность в том, что «проблема производства» решена. Такое заблуждение господствует в большинстве современных экономик, и вряд ли найдется система, что в этом отношении была бы лучше других.

Появление этой вопиющей ошибки, так глубоко засевшей в умах людей, тесно связано с философско-религиозным изменением отношения человека к природе за последние три-четыре столетия. Пожалуй, стоит оговориться: отношения *западного* человека к природе, но, похоже, сегодня все страны мира стремятся «догнать» Запад и перенимают его ценности, технологии и образ жизни, поэтому мои обобщения здесь вполне уместны. Современный человек уже не ощущает себя частью природы, он мнит себя внешней силой, призванной покорять и главенствовать. Он даже говорит о борьбе с природой, забывая, что победа над природой равносильна поражению и уничтожению человека. До совсем недавнего времени борьба человека с природой шла столь успешно, что у него возникла иллюзия неограниченной власти, но при этом провозглашать полную победу над природой было рано. Теперь же, по-видимому, она не за горами, и многие, пусть их и меньшинство, стали осознавать все последствия такой победы для существования человечества.

Иллюзия неограниченных возможностей, подкрепленная удивительными достижениями науки и техники, породила еще одну иллюзию — будто проблемы производства больше не существует. Источник этого заблуждения ясен: до сих пор никто четко не разграничивал понятия «доход» и «капитал», причем в вопросах, где такое разграничение просто необходимо. Разница между «доходом» и «капиталом» известна любому экономисту или бизнесмену*. Эти понятия добросовестно используют в различных областях экономики, за исключением одной, причем той, где эта разница имеет огромное значение. Речь идет о невосполнимых природных

* «Капитал» — совокупность средств производства, использование которых позволяет получить «доход». — *Прим. пер.*

ресурсах. Человек их не создал своими руками, а лишь случайно обнаружил, но обойтись без них никак не может.

Какой бизнесмен станет хвалиться, что его фирма решила проблему производства и достигла процветания и устойчивости, если фирма быстро и неумеренно расходует свой капитал? Тогда почему мы не замечаем тот же самый процесс в самой большой фирме — мировой экономике и, в частности, в национальных хозяйствах богатых стран? Откуда такая невнимательность?

Мы оторваны от реальности и склонны расценивать любое благо, не созданное нашими руками, как не имеющее никакой ценности. Вот одна из причин нашей странной невнимательности. Даже великий Карл Маркс совершил ту же непростительную ошибку в своей так называемой «теории стоимости». Не спорю, что труд человека действительно создал часть капитала, вовлеченного в производство: огромный банк научной, технической и другой информации; сложную материальную инфраструктуру; бесчисленные виды изощренного оборудования, и т. д. — однако все созданное — лишь маленькая часть того совокупного капитала, который мы используем. Природа снабжает нас гораздо большим капиталом, чем создал человек — а мы даже и не осознаем этого. В настоящее время природный капитал расходуется в устрашающих темпах; именно поэтому верить, что проблема производства давно решена и действовать, исходя из этого, — абсурдная и самоубийственная ошибка.

Давайте подробнее рассмотрим этот «природный капитал». Во-первых, наиболее очевидный вид такого капитала — полезные ископаемые. Вряд ли кто-нибудь будет отрицать, что мы рассматриваем их как «доход», тогда как полезные ископаемые, несомненно, относятся к капитальным благам. А раз это капитал, то мы должны заботиться о его сохранности, должны сделать все возможное, чтобы сократить до минимума текущие объемы потребления. Например, деньги, полученные от реализации таких активов —

невосполнимых полезных ископаемых — могли бы направляться в специальный фонд, который бы занимался исключительно разработкой новых методов производства и формированием образа жизни, позволяющих исключить потребление ископаемого топлива или же сократить зависимость от него до минимума. Эти и многие другие меры предпринимались бы, если бы мы рассматривали полезные ископаемые как капитал, а не доход. Мы же не только не реализуем такие меры, но все делаем наоборот: вместо того, чтобы сокращать темпы потребления, мы их наращиваем и совершенно не интересуемся альтернативными методами производства и образом жизни, что позволили бы сойти с пути саморазрушения; мы катимся по накатанной колее и праздно разглагольствуем о невиданном прогрессе, об «образовании для удовольствия» в богатых странах и «передаче технологий» бедным.

Истощение запасов природного капитала идет такими быстрыми темпами, что даже в США, якобы самой богатой мировой державе, немало обеспокоенных людей, включая высокопоставленных чиновников, призывают к разработке и широкомасштабному внедрению технологий по перегонке угля в нефть и газ, требуют дальнейшего увеличения затрат на поиски и эксплуатацию новых месторождений, последних природных богатств. Вот данные, опубликованные под заголовком: «Мировые потребности в топливе в 2000 году». Если уже сейчас мы потребляем 7 млрд. тонн в год в угольном эквиваленте, то через двадцать восемь лет потребность возрастет в 3 раза до 20 млрд. тонн в год! Что такое двадцать восемь лет? Двадцать восемь лет назад закончилась Вторая мировая война, и с тех пор потребление топлива также утроилось, однако это увеличение составило лишь 5 млрд. тонн в год в угольном эквиваленте. А теперь мы снова спокойно говорим о трехкратном увеличении потребления.

Люди спрашивают: а что, нельзя достигнуть трехкратного увеличения потребления? Им отвечают: это необходимо, а, значит, будет сделано. Очень вежливый ответ. Так

подбадривают умирающего, уверяя, что он проживет еще много лет. Дело в том, что сама формулировка вопроса неправильная, так как уже подразумевает, что речь идет о доходе, а не о капитале. Что ж особенного в 2000 году? А как насчет 2028 года, когда сегодняшняя беззаботная детвора будет подумывать о пенсии? Что, очередное утроение потребления? Все эти вопросы и ответы станут бессмысленными, как только мы поймем, что имеем дело с капиталом, а не с доходом: ископаемое топливо не создано человеком; их нельзя восстановить или сдать во вторсырье. Как только они будут исчерпаны, их уже не будет. Никогда.

Следует вопрос: «Хорошо, а как насчет возобновимых источников энергии, что относится не к капиталу, а к доходу?» Да, действительно, а как обстоят дела с ними? В настоящее время их доля составляет только 4% совокупного мирового потребления топлива (при пересчете в тепловой эквивалент, калории). В обозримом будущем их потребление нужно довести до 70, 80, 90%. Одно дело — использование возобновимых источников энергии там-сям в скромных масштабах, и совсем другое — крупномасштабное использование. Чтобы реально повлиять на мировую энергетическую проблему, нужны поистине титанические усилия. Если исходить из того, что производство должно работать на возобновимых источниках энергии, то едва ли кто-то станет утверждать, что проблема производства решена.

Ископаемое топливо — не единственная составляющая «природного капитала», запасы которого мы опрометчиво воспринимаем как бесконечные (как будто бы речь идет о доходах) и даже не самая важная составляющая. Транжируя полезные ископаемые, мы ставим под угрозу существование цивилизации, но расточая капитал живой природы вокруг нас, мы подвергаем опасности жизнь на планете. Люди, наконец, начали осознавать эту угрозу и требуют прекращения загрязнения окружающей среды. В загрязнителях видят этаких жадных и корыстных людей, которым ничего не стоит выбросить свой мусор через забор

на участок соседа. Для более цивилизованной утилизации отходов, полагают они, нужны дополнительные средства, а для этого необходимо наращивать темпы экономического роста. Отныне, заявляют они, по крайней мере часть плодов постоянно растущей производительности следует направлять на улучшение «качества жизни», а не просто на увеличение потребления. Эта точка зрения, конечно, в чем-то справедлива, но весьма поверхностна.

Стремясь понять суть проблемы, зададимся вопросом: а почему, собственно, понятия «загрязнение», «окружающая среда», «экология» и прочие *вдруг* стали настолько актуальными. В конце концов, промышленность падает уже более века, но всего лишь пять-десять лет назад эти слова были практически неизвестны. Это что, внезапная причуда, глупая мода или нервный срыв?

За объяснением далеко ходить не приходится. Так же, как и в случае с полезными ископаемыми, мы какое-то время пользовались капиталом живой природы, однако в относительно скромных масштабах. И только после Второй мировой войны этот вид капитала стал расходоваться угрожающе высокими темпами. По сравнению с тем, что происходит сейчас, вся деятельность человека и его воздействие на природу с конца 19 века до окончания Второй мировой войны — просто детская шалость. За ближайшие четыре-пять лет мировая промышленность произведет больше товаров, чем за всю историю человечества до 1945 года. Другими словами, совсем недавно, так недавно, что многие еще и опомниться не успели, объемы промышленного производства превратились из легкой ряби на поверхности моря в цунами.

Отчасти причиной этого превращения, отчасти его следствием стал уникальный качественный прорыв в характере производства. Ученые научились создавать совершенно неизвестные в природе вещества. Против многих из них природа совершенно беззащитна. Они не гниют и никак не распадаются в природных условиях.

Природа оказалась в ситуации племени аборигенов: их оружием испокон веку были лук да стрелы, и вдруг на них набросились вооруженные до зубов пулеметчики. Своей чуть ли не волшебной эффективностью синтетические вещества обязаны беззащитности природы. Отсюда же их неблагоприятное воздействие на окружающую среду. Синтетические вещества стали использоваться в *колоссальных* объемах лишь в последние двадцать лет. Они не разлагаются и накапливаются в природе в огромных количествах; известно, что накопление некоторых веществ в долгосрочной перспективе чревато самым страшным последствием, а для других веществ последствия совершенно непредсказуемы.

Другими словами, со всеми качественными и количественными изменениями в процессе промышленного производства дела сегодня обстоят совсем не так, как раньше. Причем причиной плачевного положения вещей стали не наши просчеты и ошибки, а то, что мы принимали за величайшие достижения и успех. Ситуация возникла неожиданно, и мы даже не успели заметить, что рьяно испытываем *«терпение» природы* — тоже своего рода невозполнимый капитал.

Давайте все же вернемся к возобновимым источникам энергии. Никто даже не заикается о том, что мировая промышленность 2000 года, т. е. следующего поколения, будет работать на энергии воды и ветра. Нет, ей пророчат атомное будущее. Конечно, раздающиеся уже двадцать лет обещания светлого атомного будущего без всякого недостатка энергии набили оскомину, а доля атомной энергетики в общем объеме производства энергии остается мизерной. В 1970 г. она составляла 2,7% в Великобритании, 0,6% в странах Европейского Сообщества и 0,3% в США — а ведь это страны-лидеры в использовании мирного атома. Наверное, природа справится с ядерными отходами в небольшом количестве, хотя уже сейчас многие люди забили тревогу. Вот что говорит о захоронении ядерных отходов президент Никсоновского научного общества д-р Эдвард Д. Дэвид:

«становится как-то не по себе, когда подумаешь, что ядерные отходы станут полностью безопасными, только пролежав в хорошо обустроенных герметичных подземных хранилищах 25000 лет».

Все достаточно просто: если заменить ежегодно потребляемые миллиарды тонн ископаемого топлива на ядерное, мы, конечно, «решим» проблему недостатка топлива, но взамен породим такую экологическую проблему, что не по себе станет не одному доктору Дэвиду. Такое решение — лишь спихивание проблемы в другую область, где она превращается в проблему несравнимо большую.

Уверен, мне возразят, что, мол, будущие ученые изобретут технологии, которые позволят совершенно безопасно использовать, перевозить, перерабатывать и утилизировать все большее количество радиоактивных веществ, а политики и социологи создадут мировое сообщество, в котором не будет ни войн, ни социальных потрясений. Опять же, это предложение решить проблему, переложив ее из одного места в другое, в данном случае в сферу повседневного человеческого поведения. Так мы подходим к рассмотрению третьего вида «природного капитала», который мы бездумно расточаем. Мы обращаемся с ним как с доходом, будто сами его создали и можем легко заменить при помощи растущих объемов производства, которыми мы так гордимся.

Разве не очевидно, что сегодняшний способ производства уже негативно сказывается на сущности человека? Для многих это вовсе не очевидно. Они удивляются: разве человеку когда-нибудь жилось лучше, чем сегодня, когда проблемы производства решена? Мы лучше питаемся и одеваемся, чем наши предки. Наши дома комфортны. А как мы образованы! Да, конечно! Все это так в отношении жителей (да и то не всех) богатых стран. Но я имел в виду совсем не то, когда говорил о «сущности человека». Сущность человека не измерить объемами валового внутреннего продукта. Пожалуй, ее вообще невозможно как-либо измерить, за исключением разве что некоторых симптомов

ее утраты. Правда, здесь не место приводить статистику появления этих симптомов, таких как преступность, наркомания, вандализм, психические расстройства, бунты и так далее. Статистикой никогда ничего не докажешь.

Как я сказал в начале, одним из роковых заблуждений современности стала вера в то, что «проблема производства» наконец-то решена. Я объяснил, что причина этого заблуждения, как мне кажется, во многом в нашей непонятливости и недальновидности. Мы все никак не можем понять, что современное индустриальное общество, помешанное на интеллектуальных изысках, подрывает тот фундамент, на котором само же себя и выстроило. Если говорить языком экономики, общество живет за счет невосполнимого капитала, который оно легкомысленно имеет доходом. Я выделил три категории этого капитала: полезные ископаемые (в особенности ископаемое топливо), запас прочности природы (то есть ее способность самовосстанавливаться) и сущность человека. Даже если некоторым читателям не придется по душе все три категории, думаю, даже одной достаточно, чтобы задуматься.

О чем же я призываю задуматься? Да о том, что наша главная задача — как можно быстрее сойти с взятого курса на разрушение. Но кому такая задача под силу? Я думаю, что любому из нас, независимо от возраста, богатства и положения в обществе. Что толку говорить о будущем, если *сейчас* ничего не делается для его изменения? Действуйте *сейчас*! Но разве можно сделать что-нибудь *сейчас*, если мы до сих пор находимся в сладкой иллюзии того, что «теперь человек живет куда лучше, чем раньше»? По крайней мере (а это уже великое дело) мы должны хорошо разобраться в проблеме и подобрать себе новый образ жизни, основанный на иной структуре производства и потребления и ориентированный на долговечность. Приведу лишь три примера: в сельском хозяйстве необходимо найти, исследовать и применить способы производства, которые бы учитывали все биологические особенности

сельскохозяйственных экосистем и не разрушали бы их, увеличивали плодородие почв и создавали бы здоровье, красоту и долговечность. А урожайность уже приложится сама собой. В промышленности следует ориентироваться на маломасштабное производство, основанное на ненасилии, «технологии с человеческим лицом». Люди должны наслаждаться процессом труда, а не просто трубить от звонка до звонка за свою зарплату со слабой надеждой «развеяться» во время досуга. Опять же, в промышленности — а промышленность поистине задает тон всей нашей сегодняшней жизни — можно поэкспериментировать с новыми формами взаимоотношений и сотрудничества между управляющими и работниками, вплоть до совместного владения бизнесом.

Часто приходится слышать, что мы вступили в эру «просвещенного общества». Очень хочется в это верить. Но какими бы просвещенными мы ни были, нам все еще придется учиться жить в ладу не только с другими людьми, но и с природой, и прежде всего с Высшими Силами, которые сотворили природу и нас, людей. Ведь без сомнения человек — творение Высших Сил, а не плод собственной изобретательности или случайного стечения обстоятельств.

В настоящей главе эти проблемы затронуты лишь поверхностно и в дальнейшем будут рассмотрены более подробно. Мало кто сразу поверит, что проблемы будущего человечества не решить даже сменой политической системы, не говоря уже о простом латании брешей там и сям.

В следующей главе мы снова попробуем взглянуть на создавшуюся ситуацию, но уже с позиций мира и долговечности. Человек обладает столь мощными средствами стереть себя с лица земли, что проблема войны и мира в настоящее время актуальна как никогда в истории человечества. Но о мире не может идти и речи, если мы не построим *долговечную* экономику.

Глава 2

МИР И ДОЛГОВЕЧНОСТЬ

Всеобщее материальное благополучие — самая прочная основа мира на земле. Это одно из самых распространенных поверий сегодняшнего дня. Но были ли богатые всегда миролюбивее бедных? Что говорит история? История же говорит, что это вовсе не так. Конечно, можно предположить, что состоятельные люди чувствовали себя незащищенными перед бедными, и воинственность богатого сословья — проявление страха. Тогда сам собой напрашивается вывод, что все было бы совсем иначе, будь каждый человек богачом. К чему богатому человеку войны? Ему нечего завоевывать. А вот бедные, униженные и оскорбленные разве не более склонны к насилию — ведь им нечего терять, кроме своих цепей? Вот и получается, что путь к миру лежит через экономическое процветание.

Конечно, приятно верить в столь изящный миф. Чем быстрее все разбогатеет, тем скорее на земле воцарится прочный мир. Кроме того, можно забыть об этике: от нас не требуется ни воздержанности, ни самопожертвования — даже наоборот! Какая заманчивая перспектива! На поезде технического прогресса мы доедем до станции «Мир и изобилие», нам остается лишь хорошо себя вести и не срывать стоп-кран. Те, кто беден и ропщет — смирись! Не трогайте и тем более не убивайте курицу, что в один прекрасный день обязательно снесет золотое яйцо и для вас. Те, кто богат — не оплошайте! Время от времени делитесь с бедными, ибо это верный способ и дальше преумножать ваши богатства.

Ганди пренебрежительно относился к «мечтам построить систему столь совершенную, что в ней отпадет

необходимость быть хорошим». Но разве не именно эту мечту мы теперь обращаем в реальность чудесными силами науки и техники? Кому нужны добродетели (приобретение которых не каждому и под силу), если все, что требуется от человека, — это рациональный научный подход и технические знания?

Но кто услышал призыв Ганди? Мы склонны следовать советам одного из самых влиятельных экономистов нашего времени, великого лорда Кейнса. В 1930 году, в разгар Великой Депрессии, охватившей весь мир, Кейнсу захотелось порассуждать о том, «как будет житья нашим внукам». Он пришел к заключению, что, возможно, не за горами тот день, когда все заживут богато. Тогда, по его словам, «мы сможем снова ставить цель выше средств и предпочитать добро пользе».

«Но смотрите! — продолжает Кейнс. — Время для всего этого еще не пришло. Еще хотя бы сотню лет нам следует притворяться, будто добродетель порочна и порок добродетелен, ибо зло полезно, а добро — нет. Алчность, корысть и осмотренность должны еще ненадолго остаться нашими богами, ибо только они могут вывести нас из подземелья нищеты на свет материального благополучия».

Этим словам сорок лет. С тех пор прогресс настолько ускорился, что, может, нам не придется ждать и тридцати лет до наступления эры всеобщего изобилия. В любом случае мысль Кейнса совершенно ясна: осторожно! этика не просто не имеет отношения к экономике, но даже мешает экономическому развитию, ибо «зло полезно, а добро — нет». Время красоты и справедливости еще не настало. Дорога к небесам вымощена плохими намерениями.

Давайте теперь разберемся с экономическим процветанием как средством достижения мира. Для этого нам нужно ответить на три вопроса:

Во-первых, *возможно ли всеобщее процветание?*

Во-вторых, *можно ли достичь его, следуя*

материалистическому призыву «обогащайтесь»?

В-третьих, *ведет ли эта дорога к миру?*

Прежде всего необходимо определить, хватит ли материальных благ на всех. Здесь возникает непростой вопрос: что значит «хватит»? Кто даст ответ? Естественно не экономист, ставящий «экономический рост» превыше всего. По определению такой экономист не понимает значения слова «хватит». Есть бедные страны, у которых слишком мало материальных благ, но видели ли вы хоть одну страну, которая заявила бы: «Все! Нам достаточно»? Таких стран нет.

Поэтому нам, наверное, придется забыть о первоначальном вопросе и удовлетвориться исследованием роста потребления мировых ресурсов в ситуации, когда все просто из кожи вон лезут, чтобы иметь «еще». Изучение спроса на все ресурсы потребовало бы слишком много места, поэтому давайте ограничимся топливом как важнейшим ресурсом.

С ростом материального богатства растет потребление топлива. Это несомненный факт. Огромный разрыв в благосостоянии между бедными и богатыми странами ясно виден из относительного потребления ими топлива. Если обозначить «богатыми» все страны, где среднее потребление топлива на душу населения в 1966 году составило более одной тонны в угольном эквиваленте (то есть тонны условного топлива — т у.т.), а «бедными» — страны с потреблением меньше 1 т у. т. на душу населения, то на основе статистики Организации Объединенных Наций можно составить следующую таблицу [см. Таблицу 1].

«Бедные» в среднем потребляют только 0,32 тонны на человека — в четырнадцать раз меньше, чем «богатые». Кроме того, в мире очень много «бедных» людей — почти 70 процентов всего населения Земли. Если бы «бедные» вдруг стали сжигать столько же топлива, сколько и «богатые», мировое потребление топлива сразу же утроилось.

Таблица 1 (1966)

	Бога- тые	(%)	Бед- ные	(%)	Весь мир	(%)
Население, млн. человек	1060	(31)	2284	(69)	3384	(100)
Потребление то- плива, млн. т у. т.	4788	(87)	721	(13)	5509	(100)
Потребление то- плива на душу населения, т у. т.	4,52		0,32		1,65	

Но это не произойдет в одночасье, так как все требует времени. А со временем и у «богатых» и у «бедных» разгорается аппетит. И их самих становится все больше и больше. Давайте прикинем. Если население «богатых» стран будет расти на 1,25 процента в год, а население «бедных» стран — на 2,5 процента, к 2000 году население Земли увеличится до 6,9 миллиардов человек. Эта цифра не сильно отличается от самых качественных сегодняшних прогнозов. Если в тот же самый период потребление топлива *на душу населения* в «богатых» странах будет увеличиваться на 2,25 процента в год, а в «бедных» странах — 4,5 процента в год, в 2000 году ситуация будет выглядеть следующим образом:

Таблица 2 (2000)

	Бога- тые	(%)	Бед- ные	(%)	Весь мир	(%)
Население, млн. человек	1617	(23)	5292	(77)	6909	(100)
Потребление то- плива, млн. т у. т.	15588	(67)	7568	(33)	23156	(100)
Потребление то- плива на душу населения, т у. т.	9,64		1,43		3,35	

В результате общее мировое потребление топлива вырастет с 5,5 млрд. т у. т. в 1966 году до 23,2 млрд. т в 2000

году, то есть более, чем в 4 раза. Половина увеличения потребления будет обусловлена ростом населения, половина — ростом потребления на душу населения.

Такое деление 50 на 50 примечательно. Но разница между «бедными» и «богатыми» еще более интересна. Из общего прироста мирового потребления топлива с 5,5 млрд. до 23,2 млрд. т у. т., то есть прироста в 17,7 млрд. т, на долю «богатых» придется почти две трети, а на долю «бедных» — лишь чуть более трети. За весь 34-хлетний период мир израсходует 423 млрд. т у. т., из них «богатые» потребуют 321 млрд. т, или 75 процентов, а «бедные» — 104 млрд. т.

Не предстает ли вся ситуация в новом очень интересном свете? Эти цифры, конечно, не прогнозы, но лишь «прикидки». Я допустил, что население «богатых» стран будет расти очень умеренными темпами, а «бедных» — в два раза большими. Между тем, именно на «богатых», а не на «бедных» приходится подавляющая часть разрушения (если можно его так назвать) природных ресурсов. Даже если бы население «бедных» стран росло теми же темпами, что и население «богатых», это оказало бы весьма скромное влияние на мировой спрос на топливо (снижение только на 10 процентов). Но если бы «богатые» посчитали (что маловероятно) свой текущий уровень потребления топлива на душу населения приемлемо высоким и совершенно достаточным, и решили его больше не наращивать (особенно учитывая, что он и так в четырнадцать раз выше, чем у «бедных») — вот *тогда бы* действительно произошли большие перемены: несмотря на предполагаемый рост численности «богатых», мировые потребности в топливе в 2000 году были бы более чем на треть ниже нашего первоначального расчета.

Все вышесказанное подводит нас к самому важному вопросу: насколько разумно предположить, что мировое потребление топлива *может* вырасти до порядка 23 млрд. т у. т. в год к 2000 году, и что за рассматриваемые 34 года будет использовано 425 млрд. т у. т.? Если основываться

на современной оценке запасов ископаемого топлива, эти цифры недостижимо высоки, даже если предположить, что 25-35 процентов совокупных потребностей в энергии будут обеспечены за счет ядерной энергетики.

Ясно, что «богатые» лишают мир невосполнимых запасов относительно дешевых, доступных, простых видов топлива. Их непрерывающийся экономический рост увеличивает спрос до заоблачных высот. В результате дешевые и доступные виды топлива могут стать дорогими и редкими задолго до того, как «бедные» страны обретут материальное богатство, образование, высокие промышленные технологии и внушительные запасы капитала, необходимые для использования альтернативных источников энергии в хоть сколько-нибудь значимом масштабе.

Мои расчеты, конечно же, ничего не *доказывают*. О будущем в любом случае нельзя ничего *доказать*. Как было умно замечено, любое предсказание ненадежно, особенно в отношении будущего. Нам нужно не доказательство, а суждение, и такие расчеты могут по крайней мере помочь оценить ситуацию. Правда, опираясь на наши вычисления, мы в одном необычайно важном отношении даже *недооцениваем* масштабы проблемы. В данном случае нельзя смотреть на мир как на единое целое. Энергетические ресурсы крайне неравномерно распределены по планете, и любой пусть даже незначительный недостаток топлива немедленно разделит мир на «имущих» не «неимущих» по совершенно новым критериям. На особо богатые ресурсами регионы, такие как Ближний Восток и Северную Африку, обратятся завистливые взгляды немыслимой сегодня силы, в то время как некоторые регионы с высоким уровнем потребления, например Западная Европа и Япония, окажутся в незавидном положении бедных родственников. И, случись конфликт, вот вам уже причина для войны.

Раз о будущем, пусть всего на тридцать лет вперед, *доказать* ничего нельзя, даже на самые страшные проблемы всегда можно закрыть глаза, уповая на то, что все как-нибудь

образуется. Вдруг разведают просто неслыханные новые запасы нефти, природного газа или даже угля? А почему ядерная энергетика должна покрывать только четверть или треть всех потребностей в энергии? Конечно, можно выставить проблему за дверь, но она никуда не уйдет, ибо потребление топлива в указанном масштабе — даже при отсутствии препятствий к удовлетворению спроса — породит беспрецедентные экологические проблемы.

Возьмем, к примеру, ядерную энергетику. По мнению некоторых специалистов, мировых запасов относительно концентрированного урана не хватило бы для поддержания по-настоящему крупномасштабной ядерной программы, способной повлиять на ситуацию с топливом в мире и заменить не просто миллионы, но многие миллиарды тонн условного топлива. Но давайте предположим, что эти люди ошиблись. Человечество разведает достаточное количество урана, соберет его из самых удаленных уголков земли, привезет в самые густонаселенные районы и сделает высоко радиоактивным. Трудно себе представить большей угрозы для жизни людей, не говоря уже о политической опасности использования этого ужасного вещества в не столь уж мирных целях.

А что, если откроют новые сказочно богатые месторождения ископаемого топлива и потребность в ускоренном развитии ядерной энергетики отпадет? Тогда мы столкнемся с невиданной проблемой по-настоящему масштабного теплового загрязнения.

Многokратное увеличение потребления любого вида топлива неизбежно приведет к неразрешимым проблемам загрязнения окружающей среды.

По мнению экономистов, ученых и промышленников, объемы производства могут расти чуть ли не бесконечно долго. Но из примера с топливом становится очевидно, что на пути экономического роста обязательно встанут непреодолимые экологические препятствия. Одураченный материализмом, современный человек стремится

реализовать себя в бездумной гонке за богатством и не видит других целей. Такой подход к жизни — не от мира сего, ибо в нем нет ограничивающего элемента, в то время как окружающая среда, в которой живет человечество, строго ограничена. Природа уже пытается показать нам, что мы слишком сильно на нее давим. «Решение» одной проблемы приводит к появлению десяти новых. Как подчеркивает профессор Бэрри Коммонер, новые проблемы — следствие не случайностей или неудач, но технических достижений.

Между тем, немало людей остаются глухи к любым аргументам и во всем видят лишь «оптимизм» или «пессимизм». Сами они с гордым оптимизмом заявляют, что «наука найдет выход из любой ситуации». Что ж, с этим можно было бы согласиться, если бы произошел осознанный и фундаментальный разворот в *направлении* научных исследований. А так в последние сто лет наука и техника породила больше проблем, чем решила. К обсуждению этого я еще вернусь.

Вокруг — множество неоспоримых доказательств того, что великая саморегулирующая система природы то там, то здесь теряет равновесие. Описание всех экологических проблем не уместилось бы в этой книге. Профессор Бэрри Коммонер обращает внимание на ужасающее состояние озера Эри. Это достаточно сильное предостережение всем нам. Через десять-двадцать лет все водоемы США могут оказаться в столь же плачевном состоянии. Другими словами, нарушение природного баланса может перерасти из местной в национальную, а потом и в глобальную проблему. Чем дальше зайдут процессы деградации окружающей среды, тем сложнее потом будет повернуть их вспять — если это вообще возможно.

Таким образом, к идее безграничного экономического роста — производить все больше и больше, пока все не утонет в роскоши — следует отнестись очень настороженно как минимум по двум причинам: запасы основных ресурсов конечны, да и способность природы справляться со все

возрастающим вмешательством человека имеет пределы. Мы уделили должное внимание физической стороне этой проблемы. Давайте теперь обратимся к некоторым нематериальным аспектам.

Бесспорно, идея личного обогащения по душе человеку. Кто не хотел бы стать богатым? В эссе, которое я уже цитировал, Кейнс сообщает, что не пришло еще время «возвратиться к незыблемым религиозным принципам и к традиционному представлению о добродетели: видеть в алчности порок, в ростовщичестве — проступок и считать любовь к деньгам отвратительной».

По мнению Кейнса, экономический прогресс основан на мощных эгоистических стремлениях человека, к смирению которых повсеместно призывает религия и традиционная мудрость. Современной экономикой движет сумасшедшая жадность и безобразная зависть. Это не второстепенные ее черты, но самая основа ее ошеломляющего роста. Встает вопрос: можно ли на таком основании построить крепкое здание, которое простояло бы века? Не дало ли оно уже трещин, чреватых полным крахом? Утверждение Кейнса, что «зло полезно, а добро — нет» — не истина в последней инстанции. Оно может оказаться и ложным. Или может выглядеть истинным в краткосрочном плане, но не выдержать проверку временем в долгосрочной перспективе. Так прав ли был лорд Кейнс?

На мой взгляд, за прямыми доказательствами ложности этого утверждения далеко ходить не приходится. Оно ложно даже с самой практической точки зрения. Целенаправленное культивирование таких человеческих пороков, как жадность и зависть, неизбежно разрушает разум. Человек, охваченный жадностью или завистью, теряет способность видеть вещи такими, какие они есть на самом деле, видеть их гармонию и целостность. И тогда его победы оборачиваются поражениями. Общество, заболевшее этими пороками, может достигнуть поистине

грандиозного экономического и технического прогресса, но при этом все хуже справляться с самыми элементарными проблемами повседневной жизни. Получается, что валовой внутренний продукт вроде бы быстро растет, а жизнь людей становится все сложнее, на их плечи ложится все больший груз разочарований, отчуждения, незащищенности и т. д. А там глядишь и валовой внутренний продукт перестает расти, и вовсе не из-за научных или технических неудач: просто общество разбивает паралич разобщенности, люди — как униженные и оскорбленные, так и самые обеспеченные — бегут от реальности и отказываются толкать экономику вперед.

Можно долго жаловаться на иррациональность и глупость как власть имущих, так и обыкновенных людей, и вздыхать: «Ах! Если б только народ понял, в чем его истинные интересы и не ленился идти к поставленной цели!» Но почему же он этого не понимает? Либо потому, что человеческий разум заслонили жадность и зависть, либо потому, что в глубине души каждый понимает, что его главная цель — в чем-то совсем другом. «Не одним хлебом живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа», — поистине революционные слова.

Конечно, и здесь ничего не «докажешь». Но как можно до сих пор полагать, будто тяжелые социальные болезни, охватившие многие богатые страны, — лишь легкий насморк, который хорошее правительство (эх! нам бы лишь найти по-настоящему хорошее правительство!) полностью вылечит просто ускорением научно-технического прогресса или ужесточением правоохранительной системы?

Прочного мира не построить на фундаменте всеобщего материального благополучия в современном смысле этого слова, так как даже если бы все могли стать богатыми, это непременно потребовало бы культивирования в человеке жадности и зависти, разрушающих разум, счастье, спокойствие и, следовательно, миролюбие человека. Богатые могут быть миролюбивее бедных, только чувствуя себя в

полной безопасности, а это по определению невозможно. Их богатство зависит от необыкновенно масштабной эксплуатации ограниченных мировых ресурсов, а значит неизбежно ставит их на тропу войны — в первую очередь не со слабыми и беззащитными бедняками, но с другими богачами.

Короче говоря, современный человек настолько умен, что ему не выжить без мудрости. Достигнуть мира, не возродив мудрость, невозможно. А утверждение: «зло полезно, а добро — нет», — это отрицание мудрости. Нереалистично, ненаучно и нерационально надеяться на то, что устремление к добру и добродетели можно отложить до времен всеобщего материального процветания, и что в слепой погоне за богатством, не забывая себе голову духовными и моральными вопросами, мы можем установить мир на земле. Пренебрежение мудростью в экономике, науке и технике некоторое время сходило нам с рук только из-за того, что наши достижения в этих областях были весьма скромны. Теперь же, когда мы преуспели и в экономике, и в науке, и в технике, проблемы духа и морали выходят на передний план.

В экономике мудрость означает прежде всего долговечность. Мы должны научиться обустривать свое хозяйство на века. Хозяйственный уклад, который того и гляди развалится, с экономической точки зрения абсурден. Экономика может «расти» к определенной цели, но неограниченного всеобщего роста быть не может. Скорее всего, Ганди был прав, сказав: «плодов Земли достаточно, чтобы удовлетворить потребности всего человечества; но если всех обуяет жадность, то не хватит никаких щедрот Земли». Долговечность несовместима с хищничеством общества, радующегося, что «то, что было роскошью для наших родителей, для нас стало необходимостью».

Культивирование и умножение потребностей — это отрицание мудрости. Кроме того, это отрицание свободы и мира. Каждая новая потребность увеличивает зависимость

человека от внешних, ему неподвластных сил, а, значит, он все больше боится за свое существование. Только сокращая потребности, можно ослабить противоречия, лежащие в основе раздоров и войн.

Построение долговечной экономики предполагает поворот научных исследований и технических разработок в совершенно новое русло. Они должны открыться мудрости и, более того, вобрать в себя мудрость. Самые гениальные и внешне привлекательные научно-технические «решения» совершенно бесполезны, если они отравляют окружающую среду и разрушают общество и человека. Производство гигантских машин, позволяющих сконцентрировать экономическую власть и творящих все большее насилие над природой, — это никакой не прогресс, а отрицание мудрости. Мудрость требует, чтобы наука и техника повернулась лицом к природе, добру, ненасилию, изяществу и красоте. Как можно построить мир на основе не думающей о последствиях науки и разрушительной техники? Необходима революция в технике, необходимы изобретения и машины, помогающие свернуть с дороги в бездну, по которой мы все сейчас идем.

Что же требуется от ученых и техников? Нам нужны методы производства и оборудование, которые

- настолько дешевы, что доступны практически каждому,
- подходят для мелкомасштабного производства и
- совместимы с потребностью человека в творчестве.

Совокупность этих трех элементов рождает ненасилие и взаимоотношение человека с природой, позволяющее построить долговечное хозяйство. Если не хватает хоть одного из этих трех составляющих, ничего не получится. Давайте рассмотрим их по очереди.

С чего мы взяли, что наши ученые и техники не могут разработать дешевые методы производства и машины по карману практически каждому человеку? Это очень волновало Ганди: «Я хочу, чтобы миллионы простых людей

в нашей стране были здоровы, счастливы и росли духовно... Если появится потребность в машинах, у нас будут машины. Любая машина, помогающая каждому человеку, имеет право на существование, но нет места машинам, которые сосредотачивают власть в руках небольшого числа людей и превращают массы в рабов машин или в безработных».

«Если бы все мы видели призвание изобретателей и инженеров в обеспечении обыкновенных людей средствами для прибыльного и по-настоящему значимого труда, научно-технический прогресс пошел бы в совершенно новом направлении, — отмечает Алдус Хаксли. — Люди преодолели бы зависимость от начальников, стали бы своими собственными работодателями или членами самоуправляющейся группы единомышленников, совместно работающих на обеспечение себя всем необходимым и на местный рынок... Такой технический прогресс постепенно привел бы к децентрализации населения, доступа к земле, собственности средств производства, политической и экономической власти... Больше людей жили бы по-настоящему полной жизнью; истинное самоуправление и демократия были бы реальностью; и все мы были бы благословенно свободны от глупой и пагубной рекламы, навязываемой крупными производителями товаров широкого потребления»¹.

Стоимость способов производства и оборудования должна быть соизмерима с уровнем доходов в обществе, где это оборудование используется. Только тогда можно сказать, что оборудование дешево и доступно практически каждому работнику. Я пришел к заключению, что в промышленности среднее вложение капитала в создание *одного рабочего места* не должно превышать годового заработка способного усердного рабочего. Другими словами, если такой рабочий зарабатывает 5000 долларов в год, средние издержки по оборудованию его рабочего места не должны превышать 5000 долларов. Если расходы значительно выше, то общество сталкивается с серьезными проблемами: богатство и власть концентрируется в руках

олигархов; все больше людей не могут найти себе места в обществе и пополняют ряды бомжей и наркоманов; возникает «структурная» безработица; население бежит в города; людей охватывает разочарование и отчуждение; безудержно растет преступность...

Итак, машины должны быть дешевы. Но, кроме того, способы производства и оборудование должны быть заточены под маломасштабное производство. Проблема «масштаба», ярко и убедительно описанная в работах профессора Леопольда Кора, напрямую связана с долговечным обустройством хозяйства. Воздействие маломасштабного производства на природу незначительно по сравнению с природной способностью к самовосстановлению. Поэтому сколь многочисленными ни были бы кустарные производства, они наносят меньший ущерб окружающей среде, чем заводы-гиганты. Человеческое знание мало и фрагментарно; в исследовании природы мы полагаемся на эксперимент куда больше, чем на понимание. Этого уже достаточно, чтобы мудрый человек всегда придерживался малого. А безудержное широкомасштабное внедрение фрагментарного знания непременно сопряжено с величайшими опасностями, которым мы свидетели в ядерной энергетике, химизированном сельском хозяйстве, новых транспортных технологиях и бесчисленных других областях.

Хотя даже небольшие сельские общины порой повинны, обычно по незнанию, в серьезной деградации земель, это детские шутки по сравнению с разрушением, производимым гигантскими промышленными группами, движимыми жадностью, завистью и неутолимым стремлением к власти. Очевидно, что люди, живущие в небольших поселениях, лучше будут заботиться о *своем* клочке земли и других природных ресурсах, чем безликие компании или помешавшиеся на гигантизме правительства, воображающие, будто им по праву принадлежит вся вселенная.

Наконец, третье, возможно, самое главное условие: способы производства и оборудование должны оставлять

человеку место для творчества. За последние сто лет никто не говорил об этой проблеме настойчивее и с большим опасением, чем главы католической церкви. Если процесс производства «становится несовместимым с человеческой свободой и превращает труд в простой набор механических действий», то рабочий теряет свои человеческие качества, перестает быть свободным существом.

«И вот физический труд, который даже после первородного греха был послан Господом для блага тела и души человека, превращается в инструмент развращения, ибо заводы делают мертвую материю красивой, а людей — безобразными», — говорил Пий XI.

Эта тема настолько обширна, что я только бегло ее затрону. Нам необходимо изменить отношение к труду и увидеть в нем не нечеловеческую рутину (коей он действительно сегодня стал), которую надлежит поскорее устранить посредством автоматизации производства, но благо, «посланное свыше для тела и души человека». Как и семья, труд и трудовые отношения лежат в самом основании общества. Если основание прогнило, как может общество быть крепким? А больное общество непременно несет угрозу миру.

По словам Дороти Л. Сэйерс, «война — это наказание обществу, мировоззрение которого слишком сильно противоречит вселенскому порядку... Войны — вовсе не безумные катастрофы: они происходят, когда неправильный образ мыслей и неправильный образ жизни делают существование человека невыносимым»². Систематическое воспитание жадности и зависти создает у человека все новые и новые потребности; наш образ жизни становится неэкономичным до расточительства, и мы превращаемся в рабов машин. Алчность в сочетании с завистью руководит современным человеком; в результате лихорадка экономического роста не лечится даже все более высоким «уровнем жизни», и даже самые богатые страны безудержно стремятся к обладанию все большими

материальными богатствами. Правители богатых стран, будь то капиталистических или социалистических, отказываются *сделать труд достойным человека* и любое предложение, связанное со снижением «уровня жизни», принимают в штыки. А люди по-прежнему выполняют бездушную, бессмысленную, механическую, монотонную, идиотскую работу. Такое оскорбление человеческой природы порождает либо стремление убежать от реальности, либо агрессию, и никаким количеством «хлеба и зрелищ» не компенсировать нанесенный такой работой вред. Эти факты никто не отрицает, но и никто не признает: их просто обходят полным молчанием, ведь отрицать очевидное глупо, а согласится с ним значит признать, что путь, по которому идет современное общество, — путь развращения человека и уничтожения всего человеческого.

Пренебрежение мудростью, я бы даже сказал отрицание мудрости, зашли настолько далеко, что большинство интеллектуалов даже не знают значения этого слова. В результате они селятся вылечить болезнь, только усиливая ее причину. Ведь если причина болезни в том, что знание заменило мудрость, никакие умнейшие исследования и новые открытия не помогут найти лекарство. Но что такое мудрость? Где найти ее? Вот мы и подошли к самой сути проблемы: прочитать о мудрости можно во множестве книг, но *найти* ее можно только в себе. А чтобы найти ее, сначала нужно освободиться от жадности и зависти. Освобождение приносит спокойствие, а спокойствие — пусть даже мимолетное — приносит *понимание*, которого не получить никакими другими способами.

Тогда человек открывает для себя всю пустоту и ничтожность жизни, направленной в основном на удовлетворение материальных потребностей за счет пренебрежения потребностями духовными. С такой жизнью человек человеку непременно волк, а страна стране — враг, так как потребности безграничны, а безграничное достижимо не в материальном мире, но только в мире духовном. Конечно,

человеку нужно подняться над будничным, и мудрость указывает ему путь. Без мудрости он бросается строить чудовищную экономику, разрушающую землю, и ищет самореализации в фантастических предприятиях, как, например, в полете человека на луну. Он пытается преодолеть тоску будней не двигаясь к святости, но стремясь стать первым в богатстве, власти, науке или каком бы то ни было «спорте».

Вот истинные причины войны, и все попытки построить крепкий мир, не устранив сперва эти причины, обречены на провал. Тем более абсурдно пытаться достигнуть мира при помощи экономики, основанной на систематическом поощрении жадности и зависти — сил, толкающих человека к конфликтам.

Как же нам справиться с жадностью и завистью? Пожалуй, каждому следует начать с себя и стать менее жадным и завистливым; устоять перед соблазном сделать из роскоши потребности; и даже внимательно разобраться в своих потребностях и подумать, не можно ли их упростить и сократить. Если все это нам не по силам, то стоит хотя бы прекратить хвалить экономический «прогресс», явно чреватый крахом всей цивилизации, и оказать скромную посильную поддержку тем, кто без страха прослыть чудаками работает во имя ненасилия: защитникам природы и диких животных, экологам, отказавшимся от ядохимикатов и минеральных удобрений земледельцам, филантропам, садоводам и огородникам, и т. д. Крупица действий обычно ценнее целого воза теории.

Но чтобы заложить экономическое основание для мира, потребуется немало крупиц. Как не упасть духом при виде столь грандиозных препятствий? Более того, где найти силу преодолеть бушующую в себе жадность, зависть, ненависть и похоть?

Думаю, Ганди ответил на этот вопрос: «Необходимо признать и искренне уверовать в существование помимо тела вечной души. Ненасилие бесполезно без живой веры в Бога Любви».

ГЛАВА 3

МЕСТО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Сказать, что будущее экономики зависит от экономистов, было бы преувеличением; между тем, огромное влияние экономистов и экономической теории на нашу жизнь несомненно. Сегодня человек озабочен решением именно экономических проблем, отсюда привилегированное положение экономической теории, решающей, что «экономично», а что — нет. Пожалуй, ни одна другая система критериев не оказывает столь сильного влияния на поведение отдельных людей, коллективов и даже правительств государств. Отсюда можно предположить, что экономисты, по-видимому, лучше всех разбираются в решении проблем современности и знают, как нам обустроить долговечное хозяйство, чтобы все жили в мире и достатке.

И все же, какое отношение имеет экономическая теория к проблемам, описанным в предыдущих главах? Вот экономист решает: эта деятельность «экономически эффективна», а эта — нет. В этой связи возникает два вопроса: во-первых, что стоит за понятием «экономическая эффективность»? И, во-вторых, позволяет ли критерий «экономической эффективности» принимать правильные решения и на их основании уверенно действовать?

Сделаем экскурс в историю экономической теории. Когда сто пятьдесят лет назад в Оксфордском университете встал вопрос об учреждении должности преподавателя политической экономии, многие уважаемые люди отнеслись к такому предложению весьма прохладно. Ректор Ориел Колледжа Эдвард Коплстон и вовсе не желал включать этот курс в учебный план университета, опасаясь, что новый предмет «подомнет под себя все остальные науки».

Даже Генри Драммонд, ректор колледжа Элбьюри Парк, учредивший таки в 1825 году должность преподавателя политэкономии, выступил с заверениями, что университет будет «держат этот предмет в узде». Но уже первый профессор политэкономии, Насо Сениор, задумал перегрызть удила. В первой же лекции он заявил, что «новая наука станет самой увлекательной и полезной из всех гуманитарных наук» и заметил, что «для основной массы людей погоня за богатством является прекрасным способом самосовершенствования». Конечно же, не все экономисты были столь заносчивы. Джон Стюарт Милль (1806-1873) видел в политической экономии не «отдельную науку, но лишь частицу более обширного поля знания». «Это отрасль социальной философии, столь тесно переплетенная с другими общественными науками и столь сильно от них зависящая, что даже в экономической сфере ее выводы можно считать верными лишь условно». И даже Кейнс, противореча себе в том, что «алчность, корысть и осмотренность должны еще ненадолго остаться нашими богами», предупреждает: «Не стоит преувеличивать важность экономических проблем и приносить в жертву якобы нуждам экономики высшие и неизменные человеческие ценности».

Но сегодня такое уже вряд ли услышишь. С ростом материального благосостояния экономическая теория стала востребована как никакая другая наука, а человечество только и думает об экономических проблемах. Правительства всех стран озабочены, можно даже сказать одержимы, вопросами «здоровья экономики», «экономического роста», «конкурентоспособности экономики» и так далее. Вряд ли найдется слово более ругательное, чем «неэкономичный» или «экономически неэффективный». Стоит какую-либо деятельность окрестить экономически неэффективной, и люди с пеной у рта заявляют, что она не имеет права на существование. Все, что мешает экономическому росту, признается чем-то неприличным, а тех, кто остается верен своему «неэкономичному» делу, принимают за саботажников

либо дураков. С другой стороны все, что незримо и уродливо, растлевает душу и разрушает человека, угрожает миру во всем мире и благополучию будущих поколений, но при этом считается экономически эффективным, может существовать, расти и процветать.

Что же все-таки *значит* «экономически неэффективный» или «неэкономичный»? Большинство людей понимают под этим болезнь, которую надо побыстрее вылечить. Экономисту, как врачу, надлежит распознать симптомы этой болезни и затем — если повезет — умело ее вылечить. Правда, экономисты нередко ставят противоположные диагнозы и еще чаще прописывают разные лекарства, но это лишь подтверждает тот факт, что проблема экономической эффективности действительно сложна, а экономисты, как все простые смертные, могут ошибаться.

Но меня больше интересует *научное значение* термина «экономически неэффективный». Ответ однозначен: экономически неэффективно или неэкономично то, что не приносит адекватный денежный доход. Этот термин не может значить ничего другого, ибо таков метод экономической теории. Многочисленные попытки скрыть это привели к изрядной путанице, но факт остается фактом. Общество, коллектив или отдельные люди, конечно, могут действовать по каким-либо *неэкономическим* (социальным, эстетическим, этическим или политическим) соображениям, но от этого данная деятельность не станет *экономичной*. Другими словами, суждения экономической теории чрезвычайно *ограниченны*: из всего многообразия вопросов, на которые в реальной жизни необходимо ответить, прежде чем принять решение, экономическая теория дает ответ лишь на один вопрос: приносит ли деятельность денежный доход *тем, кто ее предпринял*, или нет.

Я специально выделил слова «тем, кто ее предпринял». Мы привыкли думать, будто экономическая теория выясняет, приносит ли деятельность определенной общественной группы доход всему обществу в целом. Однако чаще всего

это вовсе не так. Даже государственные предприятия не рассматриваются с этой, более здоровой, точки зрения. Напротив, каждое предприятие получает от государства финансовый план, обязательный к исполнению. И от предприятий требуют, чтобы они выполняли этот план, не обращая внимания на ущерб, наносимый их деятельностью другим предприятиям или секторам экономики. Мы верим — и эту веру разделяют все политические партии — что общественное богатство можно максимизировать, если каждая отрасль и предприятие, частное или государственное, будет стремиться «окупить» вложенные в производство средства. Но даже Адам Смит не был настолько уверен в «невидимой руке рынка», чтобы утверждать: «то, что хорошо для Джeneral Моторз, должно быть хорошо и для США».

Как бы там ни было, невозможно отрицать *ограниченность* заключений экономической теории. Даже в области экономических расчетов ее выводы неизбежно однобоки вследствие используемой *методологии*. Во-первых, она придает куда больший вес краткосрочным показателям, практически игнорируя показатели долгосрочные, ведь в долгосрочной перспективе, как жизнеутверждающе заявил Кейнс, мы все умрем. Во-вторых, экономические расчеты основаны на понятии стоимости, не отражающем ценности «бесплатных благ», например сотворенной Богом природы, за исключением ее частей, находящихся в частной собственности. Получается, что даже губительная для окружающей среды деятельность может считаться экономически эффективной, а сходная деятельность, часть дохода от которой направляется на охрану природы, — неэффективной.

Более того, экономисты сравнивают товары по их рыночной цене, а не по тому, чем они на самом деле являются. Одни и те же правила и критерии применяются и к сырьевым товарам, которые человек отбирает у природы, и к промышленным товарам, производство которых зависит от наличия природного сырья. Все товары оцениваются

одинаково, ведь их приводят к одному знаменателю — прибыли, извлекаемой производителем от продажи данного товара. А это значит, что методология экономической теории закрывает глаза на *зависимость человечества от окружающей среды*.

Можно сказать то же самое и другими словами. Экономическая наука смотрит на товары и услуги глазами участников рынка — желающего продать товар продавца и желающего купить товар покупателя. Покупатель стремится найти товар с наилучшим сочетанием цены и качества; его совершенно не волнует ни происхождение товара, ни условия, в которых он был произведен. Его единственная забота — купить на свои деньги побольше и получше.

Таким образом, рыночные отношения поверхностны, а ситуация на рынке обусловлена лишь кратковременным стечением обстоятельств — условиями, сложившимися здесь и сейчас. Никто не пытается докопаться до сути вещей, до социального и природного значения товаров. Можно сказать, что рыночные отношения закрепляют в общественном сознании индивидуализм и безответственность. Ни продавец, ни покупатель не ответственны ни за кого и ни за что, кроме себя. Для богатого продавца «неэкономично» уступить в цене бедному покупателю просто из-за того, что у последнего не хватает денег, а богатому продавцу «неэкономично» платить сверх установленной цены лишь потому, что продавец беден. Аналогично, для покупателя «неэкономично» покупать отечественный товар, если импортный дешевле. Он не несет ответственности — да никто от него этого и не требует — за платежный баланс своей страны.

Что касается безответственности покупателя, то существует единственное исключение: покупатель не должен приобретать краденный товар. Это правило соблюдается неукоснительно, и неосведомленность или наивность покупателя не служат ему оправданием, что порой приводит к чудовищно несправедливым и досадным ситуациям.

Однако неприкосновенность частной собственности требует соблюдения этого закона. И он соблюдается.

Конечно, легко вести дела, не отвечая ни перед кем, кроме себя. Это действительно практично, поэтому стоит ли удивляться, что многие деловые люди столь безответственны? Но воистину удивительно, что извлечение максимальной выгоды из свободы от ответственности считается нормальным и даже похвальным. Если покупатель отказывается от хорошей сделки, подозревая, что за дешевой товаром стоит хищническое использование природных ресурсов, эксплуатация людей или другая предосудительная деятельность (исключая кражу), то критицизм в его сторону неизбежен. Такого человека обвинят в «неэкономическом» поведении, что приравнивается чуть ли не к грехопадению. Такое поведение покупателя вызывает у экономистов и прочих людей насмешки, а иногда даже возмущение, ведь первая заповедь религии экономики гласит: человек должен вести себя «экономически эффективно», по крайней мере производя, покупая или продавая товары. Вот когда скупердяй-покупатель пришел домой и превратился в потребителя, первая заповедь чудесным образом утрачивает силу: ему не зазорно расслабиться и делать, что только душа пожелает. Экономическая религия как-то совсем забыла о потребителе. Эта странная, но важная черта современного общества заслуживает более пристального внимания.

В рынке теряются бесчисленные качественные характеристики, столь важные для человека и общества. В практических целях на них не обращают внимания. Так его величество Количество празднует в царстве Рынок свой величайший триумф. Все приведено к одному знаменателю, имеет цену и может быть куплено. Экономическое мышление, основанное на рыночных отношениях, лишает жизнь святости, ведь то, что имеет цену, не может быть свято. Неудивительно, что когда экономический образ мыслей охватывает все общество, даже за такими простыми неэкономическими ценностями, как красота, здоровье или

чистота признают право на существование лишь в том случае, если они «экономически обоснованны».

Стремясь втиснуть неэкономические ценности в экономические расчеты, экономисты разработали метод сравнения издержек и выгод*. Этот метод считается новым словом в экономике, дающим возможность по крайней мере попытаться учесть издержки и выгоды, которые в противном случае вообще не принимаются во внимание. Но по сути анализ издержек и выгод низводит высшее до уровня низшего и оценивает бесценное. Поэтому он никчемен: с его помощью не разберешься в ситуации и не примешь действительно верного решения. Он лишь сбивает людей с толку, ведь попытки измерить неизмеримое абсурдны и являются лишь изощренным методом получения заранее известных результатов на основе предвзятых понятий. Чтобы получить желаемый результат, достаточно подставить подходящие значения для неизмеримых издержек и выгод. Но логическая путаница — не самый большой недостаток этого метода. Хуже всего то, что он зиждется на постулате: все имеет цену, или, другими словами, деньги являются наивысшей ценностью.

Экономическая теория применима и полезна лишь в строго заданных границах, которые невозможно установить при помощи ее количественных методов. Экономическая теория как бы лишена основания, она лишь производная отрасль знания. Система ее понятий и ценностей задается на совсем другом уровне — уровне метаэкономики. Если экономист не изучил метаэкономику, или, хуже того, даже не подозревает, что сфера применения экономических расчетов довольно узка, он рискует стать похожим на средневековых священников, которые в спорах по вопросам физики

* Сравнение издержек и выгод (англ.: *cost-benefit analysis*) — метод, широко применяемый на Западе для принятия решений. Заключается в сравнении суммы всех издержек от проекта (причем как денежных, так и не имеющих денежного выражения) с суммой всех выгод от проекта. — *Прим. пер.*

ссылались на Библию. Любая наука полезна в отведенной ей сфере, но превращается в зло и разрушение, как только переступает свои границы.

Играя на присущей человеку зависти и алчности, экономическая теория действительно «подминает под себя все другие науки» — в настоящее время даже больше, чем сто пятьдесят лет назад, когда Эдвард Коплстон предупреждал об этой опасности. Поэтому экономистам тем более следует понять и определить границы применения своих методов, и здесь не обойтись без изучения и понимания метаэкономики.

Что же такое метаэкономика? Раз экономическая теория изучает поведение человека в окружающей его среде, метаэкономика, скорее всего, состоит из двух частей: изучения человека и изучения окружающей среды. Понимая человека, мы в состоянии определить цель и задачи экономической теории, а понимая природу — разработать по крайней мере большую часть методологии экономической науки.

В следующей главе я попытаюсь показать, как с изменением видения человека и его места в этом мире меняются и выводы и рекомендации экономической теории. В этой главе я ограничусь второй частью метаэкономики: экономическая теория должна почерпнуть основы своей методологии из изучения природы. Как я уже отметил, на рынке все товары приведены к общему знаменателю. Рынок — по сути институт погони за выгодой, и экономическая теория, ориентированная на рыночные отношения, не видит зависимости человека от природы. В адресованной Королевскому экономическому обществу речи «Стагнация экономической теории» президент общества профессор Е.Х. Фелпс Браун отметил, что «даже самые выдающиеся достижения экономической теории последней четверти века внесли лишь скромный вклад в решение наболевших проблем современности». Среди острейших проблем он выделил негативное воздействие промышленности на

окружающую среду и качество жизни, рост населения и урбанизацию.

Вообще-то, «скромный вклад» — это слишком мягко сказано, так как нужно говорить о нулевом вкладе. Более того, можно с полным правом сказать, что экономическая наука в ее современном виде, из-за своей заикленности на чисто количественных методах и боязни заглянуть в суть вещей, является основным препятствием на пути решения этих проблем.

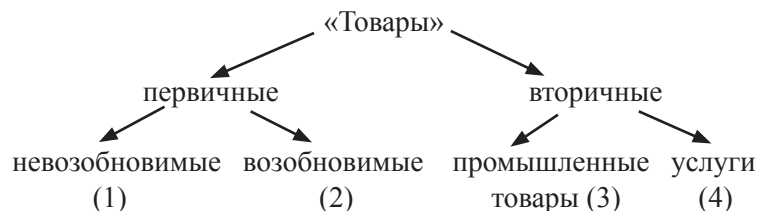
Экономическая теория имеет дело с самыми разными товарами и услугами. Эти товары и услуги производятся и потребляются самыми разными людьми. Очевидно, что при построении экономической теории неизбежно опускается огромное количество качественных характеристик. Но не менее очевидно, что полностью игнорировать *все* качественные характеристики нельзя: такая теория будет удобна в обращении, но окажется совершенно стерильной и далекой от реальности. Самые же «выдающиеся достижения экономической теории последней четверти века», о которых говорит профессор Фелпс Браун, имели место в области количественных методов в ущерб изучению и пониманию качественных характеристик. И действительно, экономическая теория становится все более нетерпимой к последним, так как качественные факторы совершенно не вписываются в ее метод и требуют от экономистов понимания и проницательности, а таким требованиям экономисты соответствовать либо не могут, либо просто не хотят. К примеру, установив при помощи чисто численных методов, что валовой внутренний продукт страны вырос на, скажем, пять процентов, экономист-статистик не желает, а чаще всего не способен ответить на вопрос, хорошо это или плохо. Он бы перестал спокойно спать по ночам, допустив правомерность такого вопроса, ведь каждый экономист знает, что рост ВВП — это обязательно хорошо, вне зависимости от того, что выросло и кто от этого выиграл (если кто-то вообще выиграл). Он гонит прочь мысль, что рост бывает

патологическим, нездоровым, нарушающим равновесие или разрушительным. Такая мысль для него — сущая ересь. Сегодня небольшая группа экономистов начинает задаваться вопросом, насколько еще сможет «вырасти» экономика, ибо бесконечный рост в конечной окружающей среде, естественно, невозможен. Но даже эти экономисты не могут выйти за рамки чисто количественного видения экономического роста. Вместо того, чтобы отстаивать *первичность качественных различий*, они просто подменяют рост отсутствием роста, а это то же самое, что переливать из пустого в порожнее.

Конечно, за качество намного сложнее «ухватиться», чем за количество, точно так же как способность дать оценку выше способности считать. Количественные характеристики легче уловить и конечно же легче измерить, чем качественные различия; точность расчетов обманчива и придает им видимость научной достоверности, даже когда эта точность куплена ценой устранения жизненно важных качественных характеристик. Подавляющее большинство экономистов все еще мечтают о том, что однажды экономическая теория станет столь же научной и точной, как и физика. Можно подумать, что между безмозглыми атомами и людьми, созданными по образу и подобию Бога, не существует качественных различий.

Экономическая теория в основном занимается «товарами». Экономисты проводят некоторые примитивные различия между товарами с точки зрения *покупателя*. Например, делается различие между потребительскими товарами и средствами производства, но почти никто не пытается понять, чем эти товары являются на самом деле: сделаны они человеком или даны Богом, могут ли они быть свободно произведены в любом количестве или нет. На рынке товары с любыми метаэкономическими характеристиками являются лишь объектами купли-продажи. А экономическая теория прежде всего озабочена теоретическим рассмотрением поведения покупателя, ищущего лучшую цену.

Однако группы «товаров» существенно отличаются друг от друга. Это непреложный факт. Не замечать эти различия значит потерять связь с реальностью. Ниже приведена самая простая и принципиально важная классификация товаров:

Различие между первичными и вторичными товарами имеет колоссальное значение, так как последние предполагают наличие первых. Могли бы мы производить все больше вторичных товаров, не совершенствуя способы добычи первичных товаров из земли? Ведь человек не производит, а лишь преобразует, и для каждого преобразования ему нужно сырье — первичные товары. В частности, преобразование невозможно без энергетических ресурсов, отсюда очевидна необходимость различать между невозобновимыми и возобновимыми первичными товарами. Что до вторичных товаров, промышленные товары существенно отличаются от услуг. Таким образом, мы выделили как минимум четыре категории, каждая из которых *существенно* отличается от всех остальных.

Рынок не знает таких различий. У каждого товара есть ценник, и нам кажется, будто все они одинаково значимы. Нефть на пять долларов (категория 1) тождественна пшенице на пять долларов (категория 2), которая в свою очередь тождественна ботинкам за пять долларов (категория 3) и услугам по размещению в гостинице на пять долларов (категория 4). Единственный критерий для сравнения относительной важности этих товаров — прибыльность для того, кто их продает. Если категории 3 и 4 приносят большую прибыль, чем категории 1 и 2, это принимают как

«сигнал» о «целесообразности» вложения дополнительных средств в сферы 3 и 4 за счет сфер 1 и 2.

Здесь меня не волнует надежность или рациональность рыночного механизма — то, что экономисты называют «невидимой рукой». Это обсуждалось тысячу раз, но ни разу — с пониманием того, что четыре выше описанные категории *по сути несовместимы*. Например, понятие «издержек» принципиально различно для возобновимых и невозобновимых сырьевых товаров, а также для промышленных товаров и услуг. Однако этот факт так и остался незамеченным, и в экономической теории его никогда серьезно не рассматривали. Не вдаваясь в дальнейшие подробности, можно сказать, что экономическая теория в ее современном виде полностью применима только к промышленным товарам (категория 3), но не понимая принципиальных качественных различий между четырьмя категориями, экономисты применяют ее без разбора ко всем товарам и услугам.

Эти различия можно назвать метаэкономическими: в них необходимо тщательно разобраться прежде, чем приступать к экономическому анализу. Еще важнее увидеть и понять природу «товаров», которые никогда не появляются на рынке, ибо не могут (или до сих пор не могли) находиться в частном владении, но тем не менее являются необходимым условием для любой человеческой деятельности — таких как воздух, вода, почва, да и вся окружающая нас живая природа.

До самого недавнего времени экономисты более или менее обоснованно чувствовали себя вправе рассматривать всю окружающую среду, в которой протекает хозяйственная деятельность, как *данность*, вечную и нерушимую. В их профессиональные обязанности не входило изучение воздействия хозяйственной деятельности на природу. Да и мало кто из экономистов в этом хорошо разбирается. Между тем, наблюдаемое сегодня ухудшение качества окружающей среды и разрушение живой природы заставляют нас пересмотреть предмет и метод экономической теории.

Экономические знания слишком узки и отрывочны, и могут привести к правильным выводам только в сочетании с знанием метаэкономики.

Когда средства ставят выше цели — а именно таков подход современных экономистов, что подтверждают и высказывания Кейнса — возникают серьезные проблемы: человек теряет свободу и способность выбирать нужные ему цели; совершенствование средств предопределяет выбор целей. Сразу приходят на ум такие примеры, как стремление к созданию сверхзвуковых пассажирских самолетов и грандиозные усилия, связанные с полетом человека на луну. Постановка этих задач была обусловлена не осознанием истинных потребностей и стремлений человека, которым и должна служить техника, но появлением необходимых технических средств.

Как мы видели, экономическая теория «подчиняется» тому, что я назвал метаэкономикой. По мере изменения метаэкономики меняется и содержание экономической теории. В следующей главе мы рассмотрим, что произойдет с экономическими законами и понятиями «экономичного» и «неэкономичного», если на место западной материалистической метаэкономики поставить учение буддизма. Выбор для этой цели именно буддизма несуществен: вместо него мы могли бы взять учения христианства, ислама, иудаизма или других великих религий Востока.

Глава 4

БУДДИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА

«Правильный образ жизни» — одно из требований к последователям Благородного Восемеричного Пути Будды. А правильный образ жизни, среди прочего, предполагает умение правильно обустроить свое хозяйство и обеспечить себя всем необходимым. Тогда, очевидно, должна существовать и «буддийская» экономика.

Страны, исповедующие буддизм, не скрывают желания оставаться верными своему наследию. Так, например, бирманцы заявляют: «Современная Бирма не видит противоречия между религиозными ценностями и экономическим прогрессом. Духовная чистота и материальное благополучие вовсе не исключают, а, скорее, дополняют друг друга»³. Или: «Мы в состоянии успешно сочетать религиозные и духовные ценности нашего наследия с преимуществами современных технологий»⁴. Или еще: «Наш священный долг привести наши устремления в соответствие с верой. И мы его выполним»⁵.

Несмотря на эти заявления, буддийские страны считают, что планирование экономического развития должно основываться на законах западной экономической теории. Они приглашают в качестве советников именитых экономистов из «развитых» стран, чтобы те давали советы и составляли долгосрочные программы развития, типа Пятилеток. Похоже, всем невдомек, что своеобразный образ жизни в буддийских странах требует соответствующей ему «буддийской» экономики, точно так же, как западному материалистичному образу мышления и жизни необходима им под стать экономическая наука.

Экономисты же, как и многие другие специалисты, частенько страдают чем-то вроде метафизической*

слепоты. Они почему-то уверены, что экономика — это наука абсолютных и вечных истин, что она не основана на допущениях и предположениях. А некоторые даже верят в то, что законы экономики — как и закон всемирного тяготения — не зависят от всякой «метафизики» и «ценностей». Мы не станем вступать в дебаты по поводу научных методов. Вместо этого, давайте возьмем несколько основных экономических понятий и рассмотрим их с точки зрения западного и буддийского экономиста.

Бесспорно, труд — основной источник богатства. Между тем, западный экономист рассматривает «труд», или работу, как неизбежное зло. Для работодателя это просто одна из статей в графе «затраты», следовательно чем меньше расходы на оплату труда, тем лучше (если уж избавиться от них невозможно, например, с помощью автоматизации производства). С точки зрения рабочего, труд — это досадное неудобство, ведь работать — значит жертвовать своим комфортом и досугом. Заработная плата служит как бы компенсацией этой жертвы. Получается, что работодателю в идеале хотелось бы наладить полностью автоматизированное производство, в то время как мечта каждого работника — получать доход без всяких усилий.

Такой подход как в теории, так и на практике имеет далеко идущие последствия. Если мы мечтаем о том, что в один прекрасный день необходимость в труде исчезнет, то любой способ сократить трудовые затраты, безусловно, воспринимается как великое благо. Самый эффективный метод, после автоматизации, — это так называемое разделение труда, и классическим примером здесь служит небезызвестная булавочная фабрика, воспетая Адамом Смитом в «Богатстве народов»⁶. В трактате Смита речь идет не о привычной специализации, известной человеку с

* Метафизика — часто употребляется как синоним слова «философия». Восходит к названию одного из трудов Аристотеля и представляет собой учение о принципах бытия, недоступных обычному чувственному опыту. — *Прим. пер.*

незапамятных времен, а о разделении любого заверщенного процесса производства на множество примитивных операций. В результате разделения труда конечный продукт производится с огромной скоростью, в то время как вклад отдельно взятого рабочего — незначителен и в большинстве случаев сводится к простейшему движению рук, не требующему никакой квалификации.

С точки зрения буддизма, назначение труда по крайней мере тройко. Во-первых, труд предоставляет человеку возможность использовать и развивать свои способности. Во-вторых, труд помогает ему преодолеть свой эгоизм через работу над общей задачей совместно с другими людьми. В-третьих, труд решает задачу производства необходимых для достойной жизни товаров и услуг. Как и в случае с западной экономикой, последствия буддийского подхода также всеобъемлющи. Если работодатель организовал труд таким образом, что он становится бессмысленным, скучным, никчемным или раздражающим, он чуть ли не совершает преступление. Его действия означают, что он больше печется о производстве материальных благ, чем о людях, а значит он черств и его душа погрязла в пагубной привязанности к самой примитивной стороне бытия. Точно так же стремление как можно больше отдыхать и как можно меньше работать означает полное непонимание одной из важнейших основ человеческого бытия: работа и отдых — две взаимодополняющие стороны одного жизненного процесса. Отделить их друг от друга — значит пожертвовать радостью работы и блаженством отдыха.

Таким образом, с точки зрения буддийского экономиста существует четкое различие между двумя способами механизации. Первый умножает силу и способности человека, а второй заменяет человеческий труд машинным и превращает работника в слугу бесчувственной механической машины. Как же отличить один способ от другого? Вот как на это отвечает Ананда Кумарасвами, человек, компетентный в делах как современного Запада, так и древнего Востока:

Попросите любого ремесленника объяснить вам разницу между машиной и инструментом. Он без колебаний скажет, что, к примеру, рама для плетения ковров — это инструмент, приспособление, удерживающее нити в горизонтальном положении, пока пальцы Мастера вплетают ворс. Однако, механический станок для производства ковров — это машина. Машина делает за человека именно *его*, человека, работу, и тем самым разрушает культуру⁷.

Отсюда очевидно, что буддийская экономика принципиально отличается от западной материалистичной экономической науки, поскольку буддист видит суть цивилизации не во все увеличивающихся потребностях, но в возвышении человеческого характера. Характер складывается под влиянием труда. Свободный труд в достойных человека условиях облагораживает как работников, так и продукт. Вот как говорил об этом индийский философ и экономист Дж. С. Кумараппа:

Если значение труда оценено по достоинству и ему найдено верное приложение, то работа становится для души тем же, что пища для тела. Труд питает и возвышает Человека, побуждает его на лучшее, что он способен. Труд направляет его свободную волю правильным курсом, дисциплинирует в человеке животное начало и использует его для развития. Труд предоставляет человеку удивительные возможности продемонстрировать свою систему ценностей и развивать себя как личность⁸.

Лишившись работы, человек попадает в отчаянное положение не просто потому, что он теряет источник дохода, но и потому, что он уже не может ощутить это живительное и ничем не заменимое влияние прилежного труда. Западный экономист может производить невероятно

сложные вычисления, пытаясь определить, насколько «выгодна» полная занятость, или, может быть, выгоднее поддерживать определенный уровень безработицы, ведь это дает большую мобильность рабочей силы, стабильную зарплату и т. д. Не удивляйтесь, ведь для него основным критерием успешного развития экономики является объем произведенной за определенный промежуток времени продукции (то есть валовой внутренний продукт — ВВП). «Если предельная потребность в товарах невелика, — говорит профессор Гэлбрейт в работе “Общество изобилия”, — то и необходимость обеспечивать работой все население до последнего человека, или до последнего миллиона человек, также невелика»⁹. И дальше: «Стоит пожертвовать полной занятостью ради достижения экономической стабильности — что, кстати, предлагали самые консервативные экономисты прошлого — и мы сможем обеспечить безработных пособиями, достаточными для поддержания их привычного образа жизни».

С буддийской точки зрения, ставить товар выше человека, а потребление — выше творческой деятельности — значит перевернуть все с ног на голову. Ведь тогда получается, что продукту труда (то есть низшему предмету) уделяется больше внимания, чем самому работнику (высшему существу, человеку), а это капитуляция перед силами зла. Для буддийского экономического планирования на первом плане должно стоять обеспечение полной занятости не для достижения наибольшего объема производства, но лишь ради обеспечения работой тех, кто нуждается в ней «на стороне», за пределами домашнего хозяйства. Женщины, в основном, не нуждаются в работе «на стороне». Повсеместная занятость женщин в конторах или на фабриках говорит о серьезных неполадках в экономике. Мамы, работающие на заводах, когда их дети предоставлены самим себе, — это так же неэффективно в глазах буддийского экономиста, как и призыв в армию высококвалифицированного рабочего — в глазах западного экономиста.

Материалист в основном думает о товарах, буддист заботится об освобождении души. Однако не зря буддизм еще называют «Срединным путем»: действительно, он никоим образом не отрицает материальное благополучие. Не богатство само по себе, но привязанность к богатству, не радость от материальных благ, но страстное желание владеть ими, стоят на пути освобождения. Таким образом, основной принцип буддийской экономики — простота и ненасилие. С точки зрения экономики, буддийский образ жизни удивительно разумен: самых скромных средств достаточно для достижения полного благополучия.

Но западному экономисту понять это очень трудно. Он привык мерить уровень жизни количеством потребленных за год товаров и услуг, полагая, что человек, потребляющий больше, живет лучше того, кто потребляет меньше. Для буддийского экономиста такой подход абсурден: потребление — не цель, а средство, а показателем уровня жизни является максимальное благополучие при минимальном потреблении. Возьмем для примера одежду. Одежда должна согревать тело и иметь привлекательный вид. Задачей для буддиста является достижение этой двойной цели с наименьшими усилиями, т.е. с наименьшим ежегодным износом ткани, и с использованием моделей, требующих минимальных затрат труда. Чем меньше труда затрачено, тем больше времени и сил остается на созидательное творчество. К примеру, совсем не экономично производить одежду с помощью сложных процессов кройки и шитья, как это делается сейчас на Западе, в то время как одежда, полученная из искусно обернутой вокруг тела ткани выглядит гораздо красивее. Вершина глупости — производить быстро изнашиваемый материал, и верх варварства — шить некрасиво и убого. Все, только что сказанное об одежде, в равной степени относится и к другим человеческим потребностям. Потребление благ и владение ими — всего лишь средства. Буддийская экономика — это систематическая наука о том, как достичь желаемых целей, обладая минимальными средствами.

С другой стороны, для западной экономической науки потребление — единственная цель экономической деятельности, а средствами служат факторы производства: земля, труд и капитал. Одним словом, буддийская экономика старается максимально удовлетворить потребности путем оптимального потребления, в то время как западная наука ориентирована на максимальное потребление с помощью оптимального производства. Очевидно, что нескончаемая гонка за максимальным потреблением требует огромных усилий и средств, в то время как поддержание образа жизни, нацеленного на оптимальное потребление, куда менее затратно. Поэтому не стоит удивляться тому, что американец подвергается значительно большему стрессу чем, скажем, бирманец, и это несмотря на то, что Бирма, по сравнению с США, почти не использует трудосберегающие технологии.

Простота и ненасилие тесно связаны. Оптимальное, т.е. относительно скромное, но приносящее наибольшее удовлетворение, потребление дает людям возможность жить, не испытывая стресса, свободно, и таким образом выполнять основное предписание буддийского учения: «Не делай зла. Твори добро». Природные ресурсы ограничены везде: у тех, кто довольствуется малым, куда меньше причин воевать, чем у тех, кто зависит от высокого уровня использования ресурсов. Люди, живущие в небольших поселениях с натуральным хозяйством, менее склонны ввязываться в войны и революции, чем те, чье выживание зависит от наличия ресурсов с другого конца света.

С точки зрения буддийской экономики, производство из местных ресурсов для местных нужд является наиболее рациональным экономическим укладом. Крайне неразумно зависеть от импорта из дальних стран и в то же время производить товары для продажи неизвестно кому на другом конце планеты. Такая торговля оправдана только в исключительных случаях и в небольшом объеме. Западный экономист, наверняка, согласится, что далекий путь от дома на работу и обратно (и потребление большого количества

транспортных услуг), означает скорее неудобство, нежели высокий уровень жизни. Точно так же, буддийский экономист утверждает, что расчет на удаленные ресурсы для удовлетворения местных потребностей — свидетельство не благополучия, а экономической неэффективности. Западные экономисты часто рассматривают увеличение объемов грузовых перевозок на душу населения как показатель экономического прогресса, в то время как те же данные для буддийского экономиста означают крайне нежелательное ухудшение *структуры* потребления.

Еще одно принципиальное отличие буддийской экономики от западной очевидно в отношении к использованию природных ресурсов. Бертран де Жувенель, выдающийся французский философ и политолог, охарактеризовал «западного человека» следующим образом (такое описание как нельзя лучше подходит и западному экономисту):

Человеческий труд для него, пожалуй, единственная статья расходов. Ему наплевать на расточительное использование полезных ископаемых, и, что гораздо хуже, ему все равно, сколько живых существ он уничтожил. Он не отдает себе отчета в том, что человеческая жизнь — часть природы, совокупности миллионов видов живых существ. Миром правят города, обитатели которых отрезаны от всех форм жизни, за исключением человеческой, и никак не могут ощущать себя частью природы. В результате цивилизация рубит сук, на котором сидит, в частности, отравляя воду и хищническая уничтожая леса¹⁰.

Учение же Будды предписывает почтительное и ненасильственное отношение ко всему живому и, в особенности, к деревьям. Раз в несколько лет каждому буддисту следует сажать дерево и приглядывать за ним, пока оно не окрепнет. Буддийский экономист без труда покажет, что соблюдение этого правила всеми приведет к высоким темпам не

зависящего ни от какой иностранной помощи истинного экономического развития. Развал экономики стран Юго-Восточной Азии и других частей света во многом объясняется позорной небрежностью и наплевательским отношением к деревьям.

Современная экономика не делает различия между возобновимыми и невозобновимыми ресурсами, поскольку для сравнения любых товаров используются только денежные показатели цены. Возьмем, к примеру, различные виды топлива: уголь, нефть, дрова, гидроэнергию. В глазах современного экономиста они различимы только по цене за единицу условного топлива. Автоматически, самый дешевый источник энергии является лучшим, а выбор другого вида топлива — нерационален и неэкономичен. С буддийской точки зрения простого сравнения по цене недостаточно. Нельзя упускать из виду принципиальную разницу между невозобновимыми источниками энергии (уголь, нефть) и возобновимыми (дрова, гидроэнергия). Использование невозобновимых ресурсов допустимо лишь в случае крайней необходимости, да и то с величайшей рачительностью. Их бездумное использование для удовлетворения человеческих прихотей является актом насилия. Хотя полное ненасилие недостижимо в этом мире, непреложная обязанность человека стремиться к этому идеалу во всех своих действиях.

Вряд ли европейский экономист счел бы большим экономическим достижением даже выгодную в денежном отношении продажу всех шедевров европейского искусства в Америку. Точно так же, буддийский экономист утверждает, что страна, где население использует в основном невозобновимые источники энергии, ведет паразитический образ жизни, потребляя не доход, а капитал. Такой экономический уклад крайне неустойчив и допустим лишь как кратковременное явление. Поскольку мировые запасы невозобновимых ресурсов — угля, нефти, природного газа — распределены крайне неравномерно и без сомнения

ограничены, их разработка все увеличивающимися темпами представляет собой насилие против природы и неизбежно ведет к насилию между людьми.

Даже жителям буддийских стран, безразличным к своему религиозному и духовному наследию и жаждущим пережить западный экономический уклад со свойственным ему материализмом, есть над чем подумать. Отбросить буддийскую экономику как всего лишь пустую мечту несложно. Западный путь экономического развития позволит на некоторое время увеличить объемы потребления, но приведет ли это к большему благополучию? В своей книге «Проблема человеческого будущего» Хэррисон Браун, профессор Калифорнийского Института Технологий, делает смелые выводы:

Индустриальное общество основано на эксплуатации невозобновимых природных ресурсов, и поэтому не сможет существовать бесконечно долго. Неизбежен возврат к экономическому укладу, основанному на земледелии. Кроме того, индустриальное общество не имеет встроенных механизмов, позволяющих навечно обеспечить уважение прав человека и предотвратить переход к тоталитарному государственному устройству. Выживание индустриальной цивилизации сопряжено со столь масштабными трудностями, что о поддержании экономической стабильности в сочетании с уважением свободы человека вряд ли может идти речь¹¹.

Можно отбросить вышесказанное как слишком долгосрочный прогноз, но это не поможет ответить на вопрос: действительно ли технический прогресс без учета религиозных и духовных ценностей приносит приемлемые результаты. Ведь для большинства населения последствия такого развития просто бедственны: развал экономики села, рост безработицы в городе и деревне, рост городского пролетариата, обделенного и материальной, и духовной пищей.

Видя то, что происходит в мире, и задумываясь над тем, что нас ждет в будущем, мой совет даже тем, кто верит, что экономический рост важнее любых духовных или религиозных ценностей: изучите буддийскую экономику. Ведь мы больше не можем выбирать между «современным ростом» и «традиционным застоєм». Нам нужно найти правильный путь развития, Срединный Путь между безрассудством материализма и неподвижностью традиционного общества, то есть, другими словами, найти «ПРАВИЛЬНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ».

ГЛАВА 5

ПРОБЛЕМА МАСШТАБА

На занятиях по истории меня учили, что развитие общественных отношений происходило так: сначала возникла семья, затем семьи объединились и образовали племена, потом из нескольких племен возникло государство, из объединения государств образовывались всякого рода «Союзы» и «Соединенные Штаты», и, наконец, впереди нас ждет единое Мировое Правительство. Все это звучит очень правдоподобно и захватывающе. Однако, параллельно, похоже, происходит прямо противоположный процесс увеличения числа независимых государств. Двадцать пять лет назад в Организацию Объединенных Наций входило около шестидесяти стран, сегодня же их более ста двадцати, и это далеко не предел. В моей молодости этому процессу дали название «балканизация» и считали его крайне негативным. Но несмотря на это, процесс дробления крупных государств на мелкие продолжается вот уже более полувека в большинстве частей света. Бigger имеет склонность распадаться на меньшее. Этот феномен, который так дискредитирует общепринятую историческую гипотезу о развитии общественных отношений, заслуживает внимания вне зависимости от нашего к нему отношения.

Вдобавок ко всему, меня постоянно убеждали, что размер территории страны обеспечивает ее процветание, и чем обширнее страна, тем лучше. Эта теория также выглядела вполне правдоподобно. Сравните раздробленную на княжества Германию до Бисмарка, которую Черчилль метко сравнивал с «лоскутным одеялом» и бисмарковский рейх. Не правда ли очевидно, что только объединение Германии привело к ее возрождению и процветанию?

Между тем, отказавшиеся от присоединения к Германии немецкие швейцарцы и австрийцы ничуть не проиграли в экономическом плане. Если же составить список самых процветающих стран мира, то окажется, что почти все обладают очень скромными территориями, в то время как большинство самых крупных стран окажется очень бедными. Вот вам пища для размышлений.

И в довершение всего я усвоил теорию «экономии на масштабах производства». Суть ее в том, что аналогично объединению мелких государств в более крупные, в промышленности и отдельных компаниях существует непреодолимая тенденция к укрупнению, причиной чему является современная технология. Нельзя не согласиться, что на своем веку человечество никогда еще не создавало так много таких крупных организаций, но в то же время в странах типа Великобритании и США наблюдается устойчивый рост числа малых предприятий. Многие из этих мелких фирм вполне успешны и поставляют обществу немало действительно полезных новшеств. Как же примирить теорию с реальностью? Вопрос оптимального размера выглядит довольно запутанным, особенно для тех, кому со школьной скамьи внушали эти три взаимодополняющих теории.

Даже сегодня нам твердят о насущной потребности в гигантских организациях, однако если приглядеться, можно заметить одну особенность: как только организация становится гигантом, координация деятельности мелких подразделений внутри огромной машины становится чрезвычайно сложным делом. Величайшим достижением руководителя Джерарда Моторз г-на Слоуна стала перестройка структуры этой гигантской корпорации таким образом, что она фактически превратилась в федерацию компаний более или менее приемлемого размера. В Британском национальном совете угольной промышленности, одной из крупнейших фирм Западной Европы, происходили сходные процессы под руководством

лорда Робенса: он прилагал огромные усилия для структурной перестройки группы, чтобы поддержать единство одной большой организации и одновременно создать атмосферу содружества многочисленных «квази-фирм». Неуклюжего монстра преобразовали в хорошо управляемую группу активных, полуавтономных хозяйственных единиц, с различными стремлениями и интересами. Пусть оторванные от жизни теоретики по-прежнему молятся на фирмы-гиганты. Практики чувствуют неодолимую тягу к малой организации, чьей неотъемлемой чертой является удобство, человечность и гибкость в управлении. Это также совершенно очевидная тенденция.

Рассмотрим проблему под другим углом и зададимся вопросом: а какой же размер *нужен* на самом деле. Мы в своей деятельности всегда испытываем потребность в двух на первый взгляд совершенно несовместимых и взаимоисключающих элементах: свободе и порядке. Мы хотим свободы для многочисленных подразделений и в то же время упорядоченности единства и координации для крупномасштабного, и даже глобального предприятия. Действие человека приносит желаемые результаты только в небольших структурах, ибо действие предполагает личное участие, а человек способен одновременно общаться с очень небольшим числом людей. Но когда дело касается системы ценностей и этики, целостности мира и экосистемы Земли, нам следует исходить в наших действиях из интересов единого человечества. Другими словами, все люди — братья, но между тем в нашей повседневной личной жизни нам могут фактически приходиться братьями только несколько человек, и эти люди получают от нас больше братской любви, чем все человечество. Вокруг нас многие восхваляют братство, но при этом враждуют с собственными соседями. Аналогично, немало людей поддерживают великолепные отношения с соседями, но в то же время таят в душе ужасные предрассудки по отношению к людям, не входящим в их круг общения.

Я хочу подчеркнуть *неоднозначность* проблемы оптимального масштаба, у нее нет *единого и окончательного* решения. Для разных целей человеку нужны разнообразные структуры: малые и большие, специализированные и универсальные. Между тем, человек с трудом может совместить в себе эти две так необходимые ему противоположности. Он всегда склонен шумно требовать окончательного решения всех проблем, как будто в реальной жизни бывают окончательные решения, кроме смерти. Для плодотворной работы необходимо постоянно поддерживать определенное равновесие. Сегодня мы страдаем от почти повсеместной гигантомании. Вспомните, ведь малое тоже прекрасно — там, где это уместно. (Если бы вместо гигантомании мы везде и во всем страдали минимализмом, то встала бы необходимость подтолкнуть общество в противоположном направлении.)

Проблему масштаба можно переформулировать и по-другому: прежде всего необходимо разобраться с каждой конкретной ситуацией, ибо в одних случаях укрупнение может оказаться полезным, а в других нет. Любая деятельность требует своего оптимального масштаба. Так, в активной деятельности, построенной на тесном личном взаимодействии, могут поучаствовать немного людей, ибо человек способен поддерживать ограниченное число личных отношений. Возьмем, к примеру, преподавание: говорят, что будущее за обучением на расстоянии. Но сначала следует выяснить, чему мы хотим научить. Сразу становится очевидным, что некоторые знания передаются в очень узком кругу через живое общение, а другим, конечно же, можно учить в массовом порядке — по радио, телевидению, с помощью обучающих машин и так далее.

Какой же масштаб оптимален? Это зависит от рода нашей деятельности. Сегодня вопрос масштаба не теряет своей актуальности и в политических, и в общественных, и в экономических, да и почти во всех остальных сферах. Например, каков оптимальный размер города? Или кто-то

может спросить: а каков оптимальный размер страны? Это, бесспорно, вопросы серьезные и сложные. Сложные компьютерные вычисления вряд ли помогут ответить на этот вопрос. Решение по-настоящему важных жизненных проблем не поддается арифметическим расчетам. Нам сложно подсчитать напрямую, что правильно, но мы чертовски хорошо чувствуем, что неправильно! Обычно правильное и неправильное поддается распознаванию в самых крайних проявлениях, хотя часто мы не в состоянии провести тонкие различия и заключить: «Это не плохо бы увеличить на пять процентов» или «сие нужно уменьшить на пять процентов».

Возьмем проблему оптимальных размеров города. Хотя абсолютная точность здесь невозможна, с достаточной уверенностью можно сказать, что верхний предел оптимального размера города — где-то порядка полумиллиона жителей. Совершенно очевидно, что от превышения этого предела город далеко не выигрывает. Многомиллионное население таких городов, как Лондон, Токио или Нью-Йорк отнюдь не делает их привлекательными, а лишь создает *огромные* проблемы и становится причиной деградации человека. Поэтому, возможно, число в 500000 человек можно принять за верхний предел оптимального населения города. На вопрос о нижнем пределе ответить уже куда сложнее. Размеры самых красивых в истории человечества городов по современным меркам были очень небольшими. Инструменты и институты городской культуры, конечно же, требуют накопления определенного благосостояния. Но количество необходимых материальных благ зависит от вида культуры. Философия, искусства и религия требуют очень небольших вложений. Расходы же на другие виды так называемой «высокой культуры» — космические исследования или ультрасовременную физику — обычно просто астрономически высоки, но, к сожалению, такая культура очень слабо связана с истинными потребностями человека.

Вопрос оптимального размера города интересен и сам по себе, и как основа для дальнейшего обсуждения оптимального размера страны.

Упомянутая религия гигантизма, возможно, является одной из причин и уж конечно, одним из следствий применения современных технологий, особенно в сфере транспорта и связи. Развитие транспорта и связи имеет одно серьезное последствие: люди *перестали чувствовать почву под ногами* и стали чересчур мобильными.

Миллионы людей снимаются с насиженных мест, бросают родную деревню или городок и устремляются к манящим огням больших городов, что приводит к патологическому разрастанию последних. Посмотрите на Соединенные Штаты — пожалуй, наилучший пример такой ситуации. Социологи изучают проблему «мегаполисов». Слово «метрополис» уже не отражает реального размера городов, приходится говорить о «мегаполисах». Ученые спокойно толкуют о поляризации населения США и его концентрации в трех районах-мегаполисах: от Бостона до Вашингтона (сплошь застроенная полоса с шестьюдесятью миллионами жителей), вокруг Чикаго (еще шестьдесят миллионов) и на западном побережье — от Сан-Франциско до Сан-Диего (опять же полоса сплошной застройки с шестьюдесятью миллионами человек). Оставшаяся часть страны оказывается практически незаселенной и представляет собой брошенные провинциальные города и сельскохозяйственные земли, обрабатываемые гигантскими тракторами и комбайнами и посыпаемые огромным количеством химикатов.

Может кто-то и мечтал о таком будущем для США, но вряд ли наберется много желающих жить в таком будущем. Приходится признать, нравится нам это или нет, что таков результат чудесной мобильности рабочей силы, восхваляемой экономистами.

Все, что не имеет *структуры*, превращается в хаос. До появления массового транспорта и связи структура существовала за счет относительной немобильности

человека. Люди, жаждавшие перемены мест, находили способы к перемещению — вспомните о потоке святых из Ирландии по всей Европе. Я не говорю, что люди не путешествовали, но, по крайней мере, они «держались корней» и не стремились к бесцельным перемещениям. Сегодня же большая часть структуры рухнула, и страна стала похожа на большую баржу, где груз забыли прикрепить к палубе. Достаточно судну накрениться, и весь груз вывалится за борт, а корабль затонет.

Один из главных элементов структуры для всего человечества, безусловно, *государство*, а один из важнейших инструментов структуризации (если можно так сказать), это *границы*, государственные границы. Раньше, до появления технического прогресса, значение границ было исключительно политическим: они показывали пределы политической власти, обозначали, из каких районов монархии могли призвать в армию мужчин в случае войны. Экономисты всячески противились тому, чтобы такие границы превращались в экономические барьеры — отсюда идеология свободы торговли. Но в то время люди «держались корней»; а перевозка пассажиров и грузов была настолько дорогой, что перемещения всегда были самыми незначительными. В доиндустриальном мире никогда не торговали предметами первой необходимости: велась торговля драгоценными камнями и металлами, предметами роскоши, специями и, к несчастью, рабами. Основные жизненные потребности, конечно же, удовлетворялись за счет местного производства. Пускались в путешествия лишь те (за исключением периодов катастроф), у кого были на то особые причины, как, например, ирландские святые или студенты и преподаватели Парижского университета.

Теперь же никого ничто не держит. Все структуры *уязвимы* в большей степени, чем когда-либо раньше, и того и гляди развалятся.

Экономическая теория, которая, как надеялся лорд Кейнс, займет скромное место в ряду занятий сродни

стоматологии, вдруг становится важнейшей научной дисциплиной. Почти все внимание правительства уделяется именно экономической политике, которая, между тем, становится все менее эффективной. Самые простые вещи, которые считались естественными лишь полвека назад, сегодня уже непозволительная роскошь. С ростом благосостояния общества заниматься стоящим делом без немедленных и существенных жертв становится практически невозможно. Экономика поработила нас настолько, что стала узурпировать даже несвойственные ей области, вроде внешней политики. Люди ворчат: «Этот народец просто невыносим, а что делать? Мы зависим от него экономически, и поэтому приходится смотреть им в рот и улыбаться». Экономика почти полностью подмяла под себя этику и главенствует над всеми соображениями человека. Совершенно очевидно, что здоровым такое развитие не назовешь. Тому, конечно же, есть много причин, но среди них одна, лежащая на поверхности — достижения современной техники в области транспорта и связи.

Люди легкомысленно полагают, что быстрый транспорт и мгновенная связь создают новое измерение свободы (что, конечно, верно, но лишь на первый взгляд). Но никто не замечает, что эти достижения в то же время разрушают свободу, делая все вокруг чрезвычайно уязвимым и беззащитным, если только не проводится целенаправленная политика и не предпринимаются сознательные действия для компенсации разрушительных воздействий технических достижений.

Разрушительные последствия развития транспорта и связи наиболее сильно проявлены в *больших* странах, потому что, как мы выяснили, границы создают «структуру», и любому человеку куда сложнее перебраться в другую страну — с корнями оторвавшись от родной земли, чтобы затем попытаться укорениться в земле чужой — чем переместиться внутри границ своей страны. Таким образом, оторванность от земли тем больше, чем больше страна, ведь в крохотной стране даже человек из самого

«удаленного» района по-прежнему «свой», а в большой тот, кто приехал из другой части страны — уже «чужак». Отравляющее влияние потери связи с землей чувствуется и в богатых, и в бедных странах. В богатых странах, таких как Соединенные Штаты Америки, она порождает, как мы уже говорили, «мегаполисы». Кроме того, ее следствием стала нарастающая и выходящая из-под контроля проблема «лишних людей», то есть тех, кто, потеряв свои корни, не может найти себе места в обществе. С этим напрямую связана ужасающая проблема преступности, отчуждения, стресса, разрыва социальных отношений вплоть до уровня семьи. В бедных странах, опять же наиболее сильно в самых больших, потеря связи с землей вызывает массовую миграцию в города, массовую безработицу и, по мере того, как жизнь покидает деревню, угрозу голода. В результате возникает «двойное общество» без внутреннего единства, подверженное высокой политической нестабильности.

В качестве примера приведу Перу. Столица Лима, расположенная на тихоокеанском побережье, еще пятьдесят лет назад, в начале 1920-х годов, была милым испанским городком с 175 тысячами жителей. Теперь население этого города составляет около трех миллионов человек. Город оброс трущобами, окружающими его концентрическими кругами до самых подножий Анд. Но это еще не все. Ежедневно из деревни в Лиму приезжает более тысячи человек, и никто не знает, что с ними делать. Социальная и духовная жизнь в провинции полностью разрушена, люди снимаются с насиженных мест и тысячами прибывают в столицу, чтобы закрепиться на крошечном кусочке еще незанятой земли. И под страхом облав полиции, которая всеми силами пытается выжить их из города, люди строят себе глиняные лачуги и начинают искать работу. *И никто не знает, что с ними делать дальше.* Никто не знает, как остановить миграцию из деревни.

Представьте, что в 1864 году Бисмарк аннексировал всю Данию, а не ее небольшую часть, и с тех пор Дания

так и осталась в составе Германии. Датчане оказались бы этническим меньшинством, и, скорее всего, попытались бы сохранить свой язык. А так как официальным языком, конечно же, был бы немецкий, они стали бы двуязычными. Они могли бы избежать положения граждан второго сорта только через активную ассимиляцию среди немцев. Самые амбициозные и предприимчивые датчане, уже полностью «онемеченные», неизбежно потянулись бы на юг, на континент. И что бы из себя представлял Копенгаген? Удаленный провинциальный городок. Или представьте себе Бельгию частью Франции. Во что бы превратился Брюссель? Опять же, в малозначимый городок на периферии. Стоит ли продолжать? А теперь представьте себе, что Дания как часть Германии и Бельгия как часть Франции вдруг заупрямились и стали бы добиваться независимости. Возникли бы бесконечные, ожесточенные споры о том, что эти «провинции» экономически нежизнеспособны и что их стремление к независимости — это, по словам одного известного политического обозревателя, «подростковые причуды, политическая наивность, экономическая мистика и неприкрытый оппортунизм».

Что можно сказать об экономике малых независимых государств? Не станем обсуждать эту проблему, ведь ее просто нет. Нет такого понятия, как жизнеспособность больших и малых государств, есть только проблема жизнеспособности людей: люди жизнеспособны, если могут сами удовлетворять свои нужды. Однако, нельзя вернуть людям их жизнеспособность, просто поместив их в один огромный город. Кроме того, жизнеспособные люди не теряют своей силы, если происходит дробление крупного сообщества на ряд более мелких, более сильных, более сплоченных и более организованных групп. Все это совершенно очевидно и не подлежит никаким обсуждениям. Кто-то спросит: «А что произойдет, если страна, состоящая из одного богатого и нескольких бедных регионов, распадется по желанию богатого региона?» Скорее всего, ничего

особенного и не произойдет. «А если до отделения богатый регион оказывал помощь бедным, что тогда?» Ну тогда, вполне возможно, субсидии прекратятся. Но богатые редко субсидируют бедных, чаще всего они их эксплуатируют. Не обязательно делать это напрямую, достаточно обеспечить себе выгодные условия торговли. Богатые могут пустить пыль в глаза некоторым перераспределением налоговых поступлений на небольшую благотворительность, но отделяться от бедных они захотят в последнюю очередь.

Обычно же происходит прямо противоположное, а именно: бедные регионы хотят отделиться от богатых, а богатые сопротивляются, ведь они прекрасно знают, что доить бедных внутри своих государственных границ бесконечно легче, чем за их пределами. Так как относиться к тому, что бедный регион стремится к самостоятельности, риску потерять некоторые субсидии?

Конечно, решать не нам, но все же, как относиться к такой ситуации? Разве не стоит уважать и всячески поддерживать такое стремление? Разве мы не *хотим*, чтобы люди стояли на своих ногах и стали свободными и самодостаточными? Так что здесь также нет никаких вопросов. Поэтому я склонен утверждать, что, как показывает опыт, не существует проблемы жизнеспособности. Кто сказал, что если страна хочет заниматься экспортом и импортом в мировых масштабах, то ей для этого нужно аннексировать весь мир?

А как же насущная потребность в большом внутреннем рынке? Если под «большим» мы понимаем территорию страны, то это еще один обман зрения. Не спору, что процветающий рынок лучше бедного, но какая разница, внутренний он или внешний? Например, я что-то не слышал, чтобы для обеспечения экспорта больших партий Фольксвагенов на богатый рынок Соединенных Штатов, Германии необходимо было присоединить США к себе. Но все выглядит совсем по-другому, когда бедная социальная группа или регион оказываются политически привязанными к богатой группе или региону или же управляются ими.

Почему? Потому что в мобильном, оторванном от земли обществе закон потери равновесия бесконечно сильнее так называемого закона равновесия. Успешное развитие непременно ведет к дальнейшему развитию, а застой — к еще более глубокому застою. Развитый регион обескровливает недоразвитый, и если у слабых нет защиты от сильных, то ситуация безнадежна: им остается либо остаться слабыми, либо мигрировать и присоединиться к сильным, однако помочь себе сами они уже не в состоянии.

Важнейшая проблема второй половины двадцатого века — это географическое распределение населения, проблема «регионов». Проблема регионов здесь понимается не в смысле объединения многих стран в региональные системы свободной торговли, но в смысле равномерного развития всех регионов внутри каждой страны. И действительно, сегодня это самый важный пункт на повестке дня всех крупных стран. И национализм малых народов, стремление к самоуправлению и так называемой независимости — это просто логичный, разумный ответ на потребность регионального развития. В особенности в бедных странах положение бедноты безнадежно, если не будет успешного регионального развития во всех сельских районах за пределами столицы.

Если региональное развитие не является одним из приоритетов государства, то бедные оказываются перед выбором: продолжать жить в нищете там, где они есть, или переехать в большой город, где их ждет еще большая нищета. Действительно странно, что современная экономическая наука со всеми своими премудростями бессильна помочь бедным.

Она неизменно доказывает, что эффективна лишь та политика, которая делает богатых и могущественных еще более богатыми и могущественными. Из нее следует, что промышленное развитие оправдано только в непосредственной близости к столице или к другому большому городу, но не в деревне; большие проекты

неизбежно более эффективны, чем малые, и что предпочтение следует неизменно отдавать капиталоемким, а не трудоемким проектам. Экономические расчеты современных экономистов подводят промышленников к необходимости ликвидации человеческого фактора, ибо, в отличие от людей, машины не делают ошибок. Отсюда огромные затраты на автоматизацию и строительство заводов все большего размера. Это означает, что те, у кого нет ничего, кроме своих рабочих рук, остаются в самом уязвимом положении, когда речь идет об оплате труда. Мудрость экономической науки обходит стороной бедных, тех самых людей, которым действительно необходимо экономическое развитие. Экономика гигантизма и автоматизации — пережиток мышления девятнадцатого века, совершенно бессильного решить сегодняшние насущные проблемы. Необходимо совершенно новое мышление, основанное на внимании к человеку, а не к товарам (товары-то сами о себе позаботятся!). Его можно кратко передать фразой: «производство массами, а не массовое производство». То, что было невозможно в девятнадцатом веке, возможно сегодня. И то, чем пренебрегали в девятнадцатом веке, сегодня становится для нас невероятно важным. Это касается целенаправленного использования колоссального технического и научного потенциала для борьбы против нищеты и деградации человека, борьбы в непосредственном контакте с народом: с отдельными людьми, семьями, небольшими группами, а не с государством или другими безымянными абстракциями. А для этого необходима политическая и организационная структура, позволяющая работать в таком контакте.

В чем смысл демократии, свободы, человеческого достоинства, высокого уровня жизни, самореализации, чувства удовлетворения? От чего это зависит: от материальных благ или человека? Конечно же, от человека. Но люди могут быть сами собой только в небольших коллективах. Поэтому целостная крупная структура должна одновременно быть

способна справляться со множеством маломасштабных проблем. Если экономическое мышление не может это понять, оно бесполезно. Если оно не может выйти за рамки своих широких обобщений, национального дохода, темпов роста, коэффициента капиталоемкости производства, анализа затрат и выпуска, мобильности рабочей силы, накопления капитала; если оно не может отвлечься от всего этого и соприкоснуться с человеческими реалиями бедности, разочарования, отчуждения, отчаяния, подавленности, преступности, бегства от реальности, стресса, пресыщения, уродства и духовной смерти, то давайте выбросим всю экономическую теорию на помойку и начнем сначала.

Неужели мы еще не поняли, что всю экономическую теорию действительно пора переписать заново?

ЧАСТЬ II РЕСУРСЫ

ГЛАВА 1

ВАЖНЕЙШИЙ ИЗ ВСЕХ РЕСУРСОВ — ОБРАЗОВАНИЕ

Тысячелетиями человеческий род жил, множился и создавал свою культуру практически во всех уголках земли. Всегда и везде человек изыскивал средства, чтобы произвести все необходимое для выживания и даже отложить что-то про запас. Цивилизации росли, достигали расцвета, и, чаще всего, приходили в упадок и исчезали. Здесь мы не станем вдаваться в подробности всех причин их гибели, но с уверенностью можно сказать только одно: им не хватало ресурсов. В большинстве случаев на месте старых цивилизаций возникали новые. Если бы гибель цивилизаций объяснялась дефицитом только *материальных* ресурсов, то каким же образом на месте погибших цивилизаций появлялись новые? Ведь материальные ресурсы не могли бы так быстро восстановиться.

Вся история вплоть до сегодняшнего дня показывает, что важнейшие для человека ресурсы заключены вовсе не в природе, а в человеке, и движущей силой любого экономического развития является человеческий разум. Внезапно, одновременно во многих областях знаний возникает взрыв смелости, инициативы, изобретательности, созидательной деятельности. Пусть мы не в состоянии объяснить причины такой активизации творческих энергий, но затем возникновение различных школ и направлений, другими словами, образование, поддерживает и даже усиливает этот всплеск. Поэтому можно с уверенностью

утверждать, что образование — важнейший из всех ресурсов.

Поскольку западная цивилизация впала в состояние хронического кризиса, можно не без основания заподозрить неладное в системе ее образования. Я уверен, что ни одной цивилизации не пришлось потратить столько энергии и ресурсов на организацию системы образования. Мы можем быть оголтелыми атеистами и безбожниками, но наша вера в образование свята и непоколебима. Мы уверены, что образование и есть или должно быть тем самым золотым ключиком, что отпирает все потайные двери. Более того, вера в образование столь сильна, что во всех наших проблемах мы склонны винить несовершенство системы образования. Новые угрозы со стороны ядерной энергетики и генной инженерии; разрушительные соблазны потребительского общества нам ни по чем, если улучшить и расширить систему образования, ибо тогда она со всем справится. Жизнь сейчас становится все более сложной. А значит, каждый должен получать больше знаний. Не так давно кто-то заявил: «Желательно к 1984 году обучить даже самого простого обывателя без труда пользоваться логарифмической таблицей, хорошо считать и понимать и использовать такие термины, как “электрон”, “кулон” и “вольт”. Он должен уметь пользоваться не только ручкой, карандашом и линейкой, но магнитной лентой, клапанами и транзисторами. От этого зависит улучшение общественных отношений». Ситуация в мире, похоже, требует невероятных усилий в области образования. Классическое заявление на эту тему сделал несколько лет назад в своей лекции сэра (а ныне Лорда) Чарльз Сноу: «Посмотрите, что творится в мире, и вы поймете, что образование для нас — вопрос чуть ли не жизни и смерти. Мы должны стать образованней или уже на своем веку будем свидетелями резкого упадка нашей цивилизации». По словам Лорда Сноу, русские справляются с проблемой образования куда лучше остальных и «вырвутся вперед,

если только американцы и мы не позаботимся о воспитании разума и чувств».

Насколько я помню, лекция Лорда Сноу касалась «двух культур и научной революции», и через нее красной нитью проходила его озабоченность «все увеличивающимся расколом интеллектуальной жизни западной цивилизации на две противоположные группы... С одной стороны — литературные интеллектуалы ... с другой — ученые». Он выражал недовольство «пропастью взаимного непонимания» между этими двумя группами и мечтал о ее устранении. Предложенный им способ «наведения мостов» таков: нужно разработать новую политику в области образования. В соответствии с этой политикой, во-первых, страна должна вырастить «максимальное количество «сверхгениальных ученых». Во-вторых, обучить «значительно большее количество профессионалов первой величины» для проведения высококласных научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок. В-третьих, обучить «многие и многие тысячи» других ученых и инженеров и, наконец, дать «политикам, чиновникам и всему обществу основные азы в науке, чтобы те имели представление, о чем говорят ученые». Если последняя группа получит достаточное образование, чтобы, по крайней мере, «иметь представление», о чем говорят настоящие люди — ученые и инженеры — то, по мнению Лорда Сноу, пропасть взаимного непонимания между «двумя культурами» будет преодолена.

Такой привычный в наше время взгляд на образование оставляет в душе неприятный осадок. Получается, что от обычных людей, включая политиков и чиновников, нет никакого толку — это люди второго сорта. Но по крайней мере они должны быть достаточно образованными, чтобы представлять, о чем толкуют между собой люди науки, когда, к примеру, разговор заходит о втором законе термодинамики. Все это неприятно, так как ученые не устают твердить о «нейтральности» плодов их труда: результат использования научных знаний будет зависеть от поставленной цели. Но кто выбирает

эти цели? Ученые и инженеры такие решения не принимают, иначе от нейтралитета науки не осталось бы и следа.

Образование действительно может помочь обычным людям справляться с проблемами, порождаемыми научно-техническим прогрессом, но лишь если оно не сводится к тому, о чем говорил Лорд Сноу. Ученые и инженеры создают «знания», но сами по себе «знания» ничего не значат, это средства без цели, всего лишь потенциал, незаконченное предложение. Называть «знания» культурой все равно, что считать фортепиано музыкой. Может ли образование помочь нам закончить предложение, претворить потенциал науки в жизнь на благо человека?

Для этого важнейшей целью образования должна стать передача системы ценностей, понимания смысла жизни. Конечно, передача технических знаний тоже важна, но имеет уже второстепенное значение. Очевидно, было бы верхом безрассудства наделять людей огромной властью, даже не позаботившись о том, чтобы они могли разумно ею пользоваться. Сегодня, без сомнения, человечество находится в смертельной опасности, и не потому, что ему не хватает научных и технических знаний, а потому, что используются они в целях разрушения, без мудрости. Образование сможет решить наши проблемы лишь в том случае, если поможет человеку набраться мудрости.

По-моему, суть образования в передаче системы ценностей, но ценности вряд ли помогут в выборе жизненного пути, если они не восприняты нами и не стали, так сказать, частью нашего духовного облика. Система ценностей — это не просто предписания и догмы; система ценностей — это «цветное стеклышко», сквозь которое мы смотрим на мир, это инструмент, при помощи которого мы мыслим и чувствуем, интерпретируем и ощущаем происходящее. При помощи чего мы думаем? При помощи мыслей. Наш разум вовсе не пуст, он не *tabula rasa*. Мы способны мыслить, лишь когда ум уже наполнен всякого рода мыслями, *при помощи* которых можно думать. В детстве и

юности, еще до того, как сознательный ум начинает играть роль фильтра и привратника, в него беспрепятственно проникает огромное количество представлений и идей. В эти годы мы получаем в наследство множество различных мыслей, постулатов, теорий и пр. Лишь спустя немало лет мы постепенно научимся разбираться в нашем наследстве.

Прежде всего, мы наследуем язык. В каждом слове заложена мысль. Если в детстве мы выучили английский язык, то представления, заложенные в наш ум этим языком, существенно отличаются от представлений, закладываемых китайским, русским, немецким или даже американским языками. За словами следуют правила объединения слов в предложения — грамматика любого языка представляет еще один набор представлений. Изучение грамматики настолько зачаровало некоторых современных философов, что, по их мнению, всю философию можно было бы свести к изучению грамматики.

Представления, являющиеся результатом размышлений и наблюдений, привлекали особое внимание философов и не только. Однако в последнее время их изучению стали уделять слишком мало внимания. Поверхностные представления еще можно изменить на основе опыта и посредством сознательного размышления, но изменить фундаментальные, всеобъемлющие или тонкие представления очень сложно. Более того, порою невозможно даже осознать их существования, ибо они являются инструментами, а не результатом нашего мышления. Это сравнимо со зрением: наш глаз может видеть окружающий мир, но увидеть инструмент зрения, то есть сам глаз, практически невозможно. И даже когда мы осознаем существование инструментов мышления — заложенных в наше сознание представлений, критически оценить их на основе обычного опыта зачастую невозможно.

Порой мы замечаем более или менее глубоко укоренившиеся представления в умах других людей — мысли, которыми они мыслят, даже не замечая этого. Мы называем

такие мысли предрассудками, что очень логично, ибо они проникли в ум и вовсе не являются результатом рассуждения. Но слово «предрассудок» имеет негативный оттенок и означает представление, считающееся явно ошибочным всеми окружающими, кроме самого носителя предрассудка. Однако большинство представлений, являющихся инструментами мышления, нельзя назвать ошибочными. К некоторым из них, например, тем, что встроены в слова и грамматику, понятия истинности и ложности неприменимы в принципе; другие же являются не явными предрассудками, а результатами рассуждения; третьи — молчаливые допущения или предположения — вообще распознать очень сложно.

Мы мыслим *при помощи* представлений, а то, что мы называем мышлением, обычно является процессом «фильтрации» ситуации или факта через уже сформированные представления. Во время размышления, скажем, о политической обстановке в стране, мы более или менее систематично рассматриваем эту обстановку с позиций наших политических представлений и пытаемся «разобраться» в ней посредством своих представлений. И так везде. Некоторые представления входят в систему наших ценностей, то есть мы оцениваем ситуацию в свете наших представлений о добре и зле.

Очевидно, наше восприятие мира в очень большой степени зависит от представлений, которыми заполнены наши головы. Если представления преимущественно недалекие, слабые, поверхностные и запутанные, то жизнь будет казаться скучной, неинтересной, никчемной и хаотичной. И тогда нас охватывает просто невыносимое чувство пустоты. А вакуум разума с легкостью заполняется какой-нибудь большой, фантастичной идеей — политической или любой другой — которая вдруг чудесным образом все разъясняет и придает значение и цель существованию. Стоит ли говорить, что здесь кроется одна из величайших опасностей нашего времени.

В образовании, как правило, важно не просто обучение, знание фактов и не просто развлечение. Может, человек и сам не уверен, что именно он желает найти, но думаю, на самом деле он ищет представления, помогающие понять смысл мира и его собственной жизни. Если человеку понятен смысл происходящего, то он чувствует к этому сопричастность, если же происходящее бессмысленно, то ничего, кроме отчуждения и страха, оно не вызывает. «Ну что же это такое?!» — то и дело говорят люди в бессильном протесте против бессмысленности окружающего мира. Если разум не принес с собой в мир набор инструментов мышления — мощных представлений, мир предстает перед ним как хаос, масса бессвязных феноменов и бессмысленных явлений. Такой человек похож на путешественника, вдруг оказавшегося в незнакомом краю без всяких признаков цивилизации, без карты и без каких бы то ни было ориентиров. Для него все бессмысленно, необъяснимо, неинтересно; он не может ни в чем разобраться.

Вся традиционная философия — это попытка создать упорядоченную систему представлений, инструментов понимания мира. По словам профессора Куна «в представлении греков философия — это попытка человеческого ума разобраться в системе знаков и символов и, таким образом, определить место человека в мире как всеобъемлющем порядке». Классическая христианская культура позднего Средневековья давала человеку полную и удивительно целостную систему распознавания знаков, то есть систему жизненно важных представлений, рисующих детальное понимание вселенной, человека, и его места во вселенной. Однако эта система была разрушена, что привело к замешательству и отчуждению, необычайно ярко описанному Кьеркегором в середине прошлого века:

Кто-то тыкает пальцем в почву и по ее запаху определяет место, где он оказался. Я тыкаю пальцем в существование — оно ничем не пахнет. Где я? Кто я?

Как я здесь очутился? Что это за мир? Что он значит? Кто заманил меня в это место и бросил одного?.. Как я пришел в этот мир? Почему у меня не спросили... и вот я стою среди таких же как я, будто меня купил похититель, продавец душ. Откуда у меня интерес к этой большой игре, что называется реальностью? Почему я должен этим интересоваться? Разве у меня нет выбора? И если я обязан участвовать в ней, то где режиссер? Кому я могу пожаловаться?

Может, режиссера вообще не существует. По утверждению Бертрана Рассела, вселенная — просто «результат случайного соединения атомов», а научные теории, ведущие к такому заключению, «если и не абсолютно бесспорны, то настолько близки к истине, что любая философская система, их отвергающая, обречена... Безысходное отчаяние — теперь единственный удел человеческой души». Астроном сэр Фред Хойл говорит о «поистине ужасном положении, в котором мы оказались. Вот мы живем в этой фантастической вселенной без малейшего представления о том, имеет ли наше существование хоть какой-то смысл».

Из отчуждения рождается одиночество и отчаяние, «встреча с пустотой», цинизм, пустая болтовня, которыми грешит большая часть экзистенциальной философии и современной литературы. Или отчуждение, как я отметил выше, обращается в ярое служение фантастическому учению, которое, хоть и чудовищно упрощает реальность, но все же дает ответы на все вопросы. Итак, в чем же причина отчуждения? Вроде бы все прекрасно: наука празднует громкий триумф, власть человека над природой тверда и непоколебима, а технический прогресс идет по миру семимильными шагами. Вряд ли отчаяние религиозных мыслителей вроде Кьеркегора и таких ведущих математиков и ученых, как Рассел и Хойл, было вызвано недостатком технических знаний. Мы умеем делать очень многое, но знаем ли мы, *что и зачем* делать? Ортега-и-Гассет говорил

об этом коротко и ясно: «На человеческом уровне бытия мы не можем жить без представлений. От них зависят наши действия. Жизнь — это постоянный выбор между разными действиями». Что же тогда образование? Это передача идей, позволяющих человеку делать выбор или, по словам Ортеги, «вести жизнь, которая все же немного больше, чем бессмысленная трагедия или презрение к самому себе».

Помогает ли нам понять смысл человеческого существования на земле, скажем, второй закон термодинамики? Лорд Сноу говорит, что когда образованные люди жалуются на «невежество ученых», он иногда у них спрашивает: «А вы знаете второй закон термодинамики?» По его словам, в ответ лишь поджимают губы и холодно качают головой. «А ведь это то же самое, — говорит он, — что спросить: читали ли вы что-нибудь Шекспира?» Такое заявление потрясает самые основы нашей цивилизации. Что может быть важнее набора представлений о смысле окружающего мира и предназначении человека? Второй закон термодинамики — не более, чем рабочая гипотеза, подходящая для разного рода научных исследований. С другой стороны, произведения Шекспира избобилуют самыми жизненно важными идеями о *внутреннем* развитии человека, показывают весь блеск и нищету человеческого существования. Как эти две вещи могут быть равнозначными? Что я потерял, как человеческое существо, если никогда не слышал о втором законе термодинамики? Ответ: ничего¹². А что я потерял, если не читал Шекспира? Если я не почерпнул понимание сути жизни из другого источника, я просто потерял свою жизнь. Как мы можем учить своих детей, что эти две вещи одинаково хороши: вот немного физики, а вот немного литературы? Если мы делаем это, то грехи отцов накажут в детях до третьего и четвертого рода*, ибо обычно именно столько времени проходит от рождения идеи до ее полной

* Об этом говорится в нескольких местах Ветхого Завета, в частности: Числа 14:18, Исход 20:5, Второзаконие 5:9. — *Прим. пер.*

зрелости, когда она внедряется в сознание людей нового поколения и заставляет их думать *посредством* ее.

Наука не может дать нам жизненных ориентиров. Даже величайшие научные идеи — всего лишь рабочие гипотезы, пригодные для целей определенных исследований, но совершенно бесполезные для понимания смысла мира и предназначения человека. Если человек, не видящий смысла в жизни и чувствующий себя отчужденным и заблудившимся, тянется к образованию, то, изучая естественные науки (то есть получая технические знания), он так и никогда не найдет ответов на мучающие его вопросы. Я вовсе не собираюсь умалять достоинства технических знаний: они помогают понять устройство неживой природы и полезны в инженерном деле, но ничего не говорят человеку о смысле жизни и не помогут преодолеть отчуждение и скрытое отчаяние.

Куда же податься человеку ищущему? Возможно, несмотря на все разговоры о научной революции и хвалебные гимны наступившей эпохе науки и техники, он обратится к так называемым гуманитарным наукам. Здесь, если ему повезет, он действительно найдет великие и живительные идеи, из которых можно построить систему ценностей, идеи, посредством которых можно осмыслить и понять смысл мира, общества и собственной жизни. С какими же основными идеями он вероятнее всего столкнется сегодня? Я не собираюсь составлять здесь полный список, а ограничусь перечислением шести основных идей, рожденных девятнадцатым веком, которые все еще владеют умами «образованных» людей современности.

1. *Идея эволюции*: высшие формы постоянно развиваются из низших. Это естественный и автоматический процесс. В последние сто лет или около того эта идея систематически применялась ко всем без исключения аспектам бытия.

2. *Идея конкуренции, естественного отбора, и выживания сильнейшего*, которая якобы объясняет естественный и автоматический процесс эволюции и развития.

3. Идея о том, что высшие проявления человеческой жизни, такие как религия, философия, искусство, и т. д. (Маркс называл это «фантасмагорией в мозгу человека») — ничто иное как «необходимые дополнения материального жизненного процесса», надстройка, возведенная для прикрытия и продвижения экономических интересов, ибо вся история человечества — это история классовой борьбы.

4. Казалось бы, вразрез с марксистской интерпретацией высших проявлений человеческой жизни идет четвертая идея под авторством Фрейда. Он объяснял духовную сторону жизни темным брожением подсознания, основной причиной которого является нереализованное желание инцеста в детстве и раннем подростковом возрасте.

5. Общая идея *относительности*, отвергающая все абсолютное, все нормы, стандарты и самую идею истины и затрагивающая даже математику, которую Бертран Рассел назвал «предметом, где никогда не знаешь, о чем речь, и даже не уверен в истинности того, о чем говоришь».

6. Наконец, победная идея *позитивизма**, согласно которой получение истинного знания возможно только при помощи методов естественных наук. Таким образом, если знание не подтверждено очевидными фактами, то оно не может считаться истинным. Другими словами, позитивизм признает только технические знания и отвергает существование объективного знания о смысле и предназначении.

Думаю, никто не станет преуменьшать силу и масштабы воздействия этих шести «великих» идей. Эти идеи вовсе не являются результатом какого-либо целенаправленного эмпирического исследования. Вряд ли можно собрать достаточно фактов, чтобы подтвердить истинность хотя

* Позитивизм исходит из того, что «реально существует» лишь то, что мы можем непосредственно увидеть или зарегистрировать другими органами чувств. — *Прим. пер.*

бы одной из них. Они являются огромными скачками воображения в непознанное и непознаваемое. Конечно, за основу берется небольшая группа наблюдаемых фактов. Если бы эти идеи не содержали в себе важных элементов истины, то вряд ли они смогли так крепко укорениться в человеческих умах. Но все они имеют одну существенную характеристику — претензию на универсальность. Где только не встретишь идею эволюции, она объясняет не только материальные феномены от космических туманностей до *homo sapiens*, но и духовные феномены, такие как религия или язык. Конкуренция, естественный отбор и выживание сильнейших — это якобы не одно из множества наблюдаемых явлений, но вселенский закон. Думаете, что Маркс говорил: «некоторые периоды истории отмечены классовой борьбой»? Вовсе нет! «Научный материализм» не самым научным образом распространяет свои поверхностные наблюдения не много не мало на «историю всего доселе существовавшего человечества». Фрейд также, не желая довольствоваться описанием нескольких клинических наблюдений, предлагает всеобъемлющую теорию человеческих мотиваций, среди прочего утверждая, что религия — не более чем маниакальный невроз. Релятивизм* и позитивизм, чистой воды метафизические доктрины, имеют забавную особенность: они отвергают истинность всей метафизики, включая самих себя.

Что общего у этих шести «великих» идей, помимо их неэмпирического, метафизического характера? Они утверждают, что все проявления высшего порядка — «всего лишь» утонченная форма «низшего», если только высшее и низшее вообще чем-то отличаются. Таким образом, человек, как и все прочее во вселенной, — всего лишь случайное соединение атомов. Различие между человеком и камнем — лишь кажущееся различие во внешнем виде. Наивысшие достижения человека в области культуры — всего лишь

* То есть: «все относительно». — *Прим. пер.*

скрытая корысть и жадность или выплеск сексуальной неудовлетворенности. В любом случае, призывать человека стремиться к «высшему», а не к «низшему», просто бессмысленно, так как не существует никакого разумного определения таким субъективным понятиям, как «высшее» и «низшее», и сам такой призыв — вообще признак авторитарной мании величия.

За идеи отцов девятнадцатого века приходится расплачиваться потомкам в третьем и четвертом поколении, живущим во второй половине двадцатого века. Для авторов эти идеи были просто результатом размышлений. В третьем и четвертом поколении они стали инструментами познания и объяснения мира. Новые идеи редко имеют власть над теми, кто их выдвинул. Но они обретают власть над судьбами людей в третьем и четвертом поколении, когда эти представления вливаются в огромную массу уже существующих идей, включая язык, и таким образом проникают в сознание детей и молодежи еще до того, как они начинают самостоятельно мыслить.

Эти идеи девятнадцатого века прочно засели в умах почти всех людей западной цивилизации, вне зависимости от уровня образования. В уме необразованного человека эти представления еще не успели принять ясные и четкие формы, они запутаны, расплывчаты и слишком слабы для того, чтобы стать инструментом познания и объяснения мира. Отсюда и исходит потребность в образовании, то есть в системе знаний, которая вывела бы нас из темного леса невежества к свету понимания.

Я уже отметил, что чисто научному образованию это не под силу, так как оно основано только на технических знаниях. Мы же жаждем понимания сути вещей, смысла нашей жизни и нашего назначения в этом мире. В любом случае знание отдельной науки слишком специфично и узко, чтобы служить нашим гораздо более обширным целям. Тогда в поисках четкого представления о значительных и жизненно важных идеях современности

мы обращаемся к гуманитарным наукам. Но даже там мы рискуем погрязнуть в массе специализированных знаний и незначимых идей, которые не подходят для наших целей, как и идеи естественных наук. Но, может, нам повезет (если это правильно назвать везением) и найдется учитель, что «очистит наш ум» и прояснит «значимые» и всеобъемлющие идеи, уже присутствующие в наших умах — и таким образом сделает мир более понятным.

Вот такой процесс действительно достоин называться «образованием». А что дает нам современное образование? Представление о мире как о бессмысленной и никому не нужной пустыне, где сознание человека — лишь случайное стечение космических обстоятельств, и где по-настоящему реальны только страдание и отчаяние. Если с помощью настоящего гуманитарного образования человеку удастся познать «верховные идеи нашего времени» (Ортега), он оказывается в бесконечной пустоте. Возможно, его ощущения будут схожи с чувствами Байрона:

Скорбь — знание, и тот, кто им богаче,
Тот должен был в страданиях постигнуть,
Что древо знания — не древо жизни*.

Другими словами, даже гуманитарное образование, поднимающее человека «на вершину идей нашего времени» не отвечает его запросам, ведь совершенно естественно искать от жизни не тоски и печали, а радости и счастья.

Но что стряслось? Почему так получается?

Наиболее значимые идеи девятнадцатого века, которые якобы разделились с метафизикой, явили собой ту же метафизику, но жестокую, порочную, разрушительную. Мы неизлечимо больны этими идеями. Знание — это скорбь? Это неправда. Но ядовитые ошибки приносят неизбывное горе в третьем и четвертом поколении. Ошибки не в науке,

* Джордж Гордон Байрон. «Манфред», акт 1, сцена 1. — *Прим. пер.*

но в философии, выдаваемой за науку. Как сказал более двадцати лет назад Этьен Гилсон:

Нельзя сказать, что такой исход был неизбежен, но постепенное развитие естественных наук увеличивало вероятность его наступления. Растущий интерес человека к практическому применению наук был сам по себе естественным и правомерным, но за всем этим человек совсем забыл, что наука — это знание, а практические результаты — всего лишь его побочный продукт... Естественные науки столь успешно находили объяснения явлениям материального мира, что человек начал либо пренебрегать всеми дисциплинами, где нельзя было найти таких объяснений, либо перестраивать их по образу и подобию физики. Вот и получилось, что метафизику и этику надлежало либо вовсе забросить, либо подменить новыми позитивными науками. И в том, и в другом случае философия и этика потеряли бы свой смысл, что чрезвычайно опасно. Пренебрежение этими дисциплинами и объясняет бедственное положение современной западной культуры.

Нельзя сказать, что метафизику и этику окончательно упразднили — даже напротив. Просто нам досталась порочная метафизика и развращенная этика.

Историки знают, что философские ошибки могут привести к гибели. Р. Г. Коллингвуд писал:

Отцы христианской церкви приписывали упадок греко-римской цивилизации метафизической болезни... Причиной падения греко-римского мира стали вовсе не атаки варваров... Причина была метафизической. [По словам Отцов Церкви], «языческий» мир не смог уберечь собственные основополагающие убеждения, ибо из-за ошибок метафизического анализа он уже не знал, во что верить... Если бы назначением метафизику

было лишь изящное украшение интеллекта, то эти ошибки не имели бы значения.

Это высказывание можно без изменений применить и к современной цивилизации. Мы запутались в своих представлениях и уже не можем разобраться, во что мы действительно верим. Наш ум так или иначе захвачен «великими» идеями девятнадцатого века, но наши сердца не могут в них поверить. Между собой воюют ум и сердце, а не, как часто утверждается, разум и вера. Наш разум замутнен необычайной, слепой и безумной верой в набор фантастических и разрушительных идей, унаследованных из девятнадцатого века. Основная задача нашего разума — обретение истинной и твердой веры.

Образование, не уделяющее должного внимания метафизике, бесполезно. Если обучение науке — естественной или гуманитарной — не ведет к разъяснению метафизику, то есть наших базовых убеждений, оно не может называться образованием и, следовательно, не имеет настоящей ценности для общества.

Приходится слышать, что образование страдает сверхспециализацией, и в этом де вся проблема. Но этот диагноз верен лишь отчасти и поэтому только сбивает с толку. Специализация — естественный принцип образования. А что предлагается взамен: «мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь?» Или длительное общее образование, где студенты вынуждены изучать все подряд, даже неинтересные им предметы? Тогда на предметы, к которым действительно лежит душа, уже не остается ни сил, ни времени. Такое образование не решит проблему, ведь оно способно лишь сформировать такого интеллектуала-всезнайку, о котором критически высказался Кардинал Ньюмэн: «сегодня интеллектуалами называют тех, кто может не задумываясь высказать “свое мнение” на любую философскую проблему или любое происходящее

событие». Такие «мнения» — скорее признак невежества, чем знания. Конфуций спрашивал: «Объяснить вам, что такое знание? Когда вы что-то знаете и сознаете, что вы это знаете; а когда чего-то не знаете и сознаете, что вы этого не знаете — это и есть знание».

Проблема образования не в специализации, а в поверхностном освещении предметов и отсутствии метафизической осознанности. Науки преподаются без всякого осознания их предпосылок, смысла и значимости научных законов и места естественных наук во всем космосе человеческой мысли. В результате предпосылки науки обычно принимают за ее открытия. Современным преподавателям экономической теории невдомек, что в основе их предмета лежит определенное представление о природе человека. Действительно, многие экономисты даже не подозревают, что это представление составляет неотъемлемую часть их учения. Экономическая теория изменилась бы до неузнаваемости, если бы изменилось отношение к человеку. Возможно ли преподавание политологии без сведения всех вопросов к их метафизическим корням? Из-за постоянного пренебрежения серьезным изучением соответствующих метафизических и этических вопросов, политическое мышление неизбежно становится запутанным и заканчивается лицемерной болтовней политиков. Неразбериха уже столь велика, что приходится сомневаться в образовательной ценности изучения многих так называемых гуманитарных дисциплин. Я говорю «так называемых», ибо предмет, четко не обозначающий свой взгляд на природу человека, можно с трудом назвать гуманитарным.

Все, даже узкоспециализированные, предметы связаны с центром, они похожи на лучи, исходящие от солнца. Центром служат наши самые глубокие убеждения, система наших ценностей, идеи, к которым мы действительно не равнодушны. Другими словами, центр состоит из метафизики и этики, из идей, которые — нравятся нам это или нет — выходят за пределы материального мира.

А раз так, то их не доказать и не опровергнуть обычными научными методами — что вовсе не значит, что эти идеи «субъективны», «относительны» или являются лишь произвольными условностями. Они, хоть и выходят за пределы материального мира, все же должны соответствовать реальности — вот такой парадокс для наших мыслителей-позитивистов. Если система ценностей не соответствует реальности, то принятие такого набора идей неизбежно приведет к катастрофе.

Образование бесполезно, если оно не формирует «целостного человека». По-настоящему образованный человек — не тот, кто имеет представление обо всем понемногу, и даже не тот, кто досконально знает все предметы (даже если бы это было возможно). На самом деле «целостный человек» может и не обладать детальным знанием фактов и теорий («к чему мне забивать голову всякой чепухой, когда на это есть Британская энциклопедия!»), *но он находится в неразрывном контакте с центром*. Такой человек не сомневается в своих базовых убеждениях, в своем взгляде на смысл и цель жизни. Возможно, он не сможет объяснить это словами, но в его поведении и образе жизни будет чувствоваться определенная уверенность в себе и твердость духа, исходящие от внутреннего ясного понимания мира и своего места в нем.

Попытаюсь немного подробнее объяснить значение слова «центр». Любой человек стремится к добру. Это звучит банально, но наводит на правильный вопрос: «Добру для кого?» Добру для самого человека. Но если он не разобрался со своими многочисленными желаниями и порывами и не упорядочил их, его устремления скорее всего будут запутанными, противоречивыми, нереалистичными, а то и очень разрушительными. «Центр» — это место для создания упорядоченной системы представлений о себе и о мире. Только выстроив свою систему ценностей, человек может упорядочить и сонаправить свои стремления. Если

он никогда об этом не задумывался (ввиду «нехватки времени» или гордо считая себя «скромным агностиком»), центр не станет пустовать: его заполнят идеи, которые тем или иным способом пробрались в ум человека в детстве и юности еще до того, как он начал самостоятельно мыслить. Я обрисовал идеи, которые скорее всего там окажутся: полное отрицание смысла и цели человеческого существования на земле, ведущее к глубокому отчаянию всякого, кто в них по-настоящему верит. К счастью, как я уже говорил, сердце разбирается в подобных вещах лучше ума, и отказывается принимать эти идеи слишком «близко к сердцу». Тогда человек избегает отчаяния, но оказывается в замешательстве. Его базовые убеждения спутаны, поэтому его действия также запутанны и робки. Но стоит ему направить луч сознания на центр и задаться вопросами своих базовых убеждений, и он сможет навести порядок там, где сейчас царит неразбериха. Это «образует» его и выведет из мрака метафизического замешательства.

Между тем, его усилия вряд ли увенчаются успехом, если он совершенно осознанно не примет — пусть даже на время — некоторые метафизические идеи, идущие вразрез с представлениями (из девятнадцатого века), укрепившимися в его уме. Приведу три примера.

Идеи девятнадцатого века полностью отрицают существование иерархии во вселенной, но понятие иерархического порядка — необходимый инструмент понимания. Без признания «Уровней Бытия»* или «Степеней значимости»** мы не сможем понять мир и определить место человека

* Смотри главу «Уровни Бытия» в книге: Э.Ф. Шумахер, «Карта для заблудившихся». Под Уровнями Бытия подразумеваются фундаментальные различия между существами разных уровней: минералы — растения — животные — человек. — *Прим. пер.*

** Один и тот же предмет можно наделить разными «степенями значимости» — например, книгу можно воспринимать как физический предмет определенной формы, как набор символов или же как *выражение смысла*. Смотри книгу Э.Ф. Шумахера «Карта для заблудившихся». — *Прим. пер.*

в устройстве вселенной. Мир — это лестница, и человек находится на одной из ступеней. Имея такое представление о мире, мы можем понять предназначение человека на земле. Может, задача человека, или, если хотите, просто счастье человека, заключается в максимальной реализации своего потенциала, в достижении более высокого уровня бытия или «степени значимости», чем те, которыми он наделен при рождении. Но если существование «вертикального измерения» полностью отрицается, то как человеку тянуться вверх? Пока мы смотрим на мир сквозь фундаментальные идеи девятнадцатого века, различия в уровнях бытия для нас не существуют; мы их не видим, ибо нас ослепили.

Между тем, стоит нам допустить существование «уровней бытия», и сразу становится ясно, почему, к примеру, методы физики неприменимы к политологии или экономической теории, или почему достижения физики не имеют никакого философского значения — о чем, кстати, говорил и Эйнштейн.

Если, следуя Аристотелю, разделить метафизику на онтологию*** и эпистемологию****, то понятие уровней бытия будет относиться к онтологии. Важно добавить одно эпистемологическое положение: природа нашего мышления такова, что мы мыслим противоположностями.

Нам всю жизнь приходится примирять логически непримиримые противоположности. На привычном нам уровне бытия типичные жизненные проблемы не имеют решения. Возьмем пример с воспитанием детей. Как примирить потребность в свободе и в дисциплине? На самом деле многие мамы и учителя успешно это делают, но вряд ли кто-нибудь из них смог бы написать формулу успеха. Они успешно решают эту проблему при помощи силы,

*** Онтология — изучение того, что действительно существует в окружающем нас мире. — *Прим. пер.*

**** Эпистемология — изучение процесса человеческого познания. — *Прим. пер.*

принадлежащей более высокому уровню бытия и стоящей над противоположностями, — силы любви.

Г. Н. М. Тирелл разделил все проблемы на «расходящиеся» и «сходящиеся»*. Первые отличаются от вторых тем, что не могут быть решены при помощи логики. Расходящиеся проблемы — двигатель жизни, их нужно «прожить», а решение таких проблем приходит только со смертью. Сходящиеся же проблемы — полезное изобретение человека. Они не существуют в реальности, но создаются посредством абстрагирования. Когда они решены, решение можно записать и передать другим людям, которые могут его использовать, не воспроизводя умственные усилия, что были необходимы для нахождения решения. Если бы человеческие отношения в личной жизни, в экономике, политике, образовании и т. д. попадали под этот тип проблем, тогда — ну, я даже не знаю, как закончить предложение. Тогда бы мы имели дело не с человеческими отношениями, а лишь с механическими реакциями; жизнь была бы живой смертью. Расходящиеся же проблемы заставляют человека стремиться превзойти себя. Они требуют и тем самым обеспечивают наличие сил более высокого уровня и приносят в наши жизни любовь, красоту, доброту и истину. В жизненных ситуациях противоположности примиримы только с помощью этих высших сил.

Физические науки и математика занимаются только сходящимися проблемами. Именно поэтому эти науки развиваются кумулятивно, и каждое новое поколение ученых начинает прямо с того места, где остановились предшественники. Но за это приходится платить высокую цену. Занятие исключительно сходящимися проблемами не наполняет жизнь, а опустошает ее.

* Смотри также главу «Два вида проблем» в книге Э.Ф. Шумахера «Карта для заблудившихся». — *Прим. пер*

До тридцати, а, может, и более лет [писал в своей автобиографии Чарльз Дарвин], я получал огромное удовольствие от поэзии. Еще в школе я был в восторге от Шекспира, особенно его исторических пьес. Я уже упоминал, что раньше очень любил живопись, и музыка доставляла мне огромное наслаждение. Но вот уже много лет я не выношу стихов: недавно попробовал почитать Шекспира, и он мне показался настолько невыносимо скучным, что меня чуть не стошнило... Кажется, мой ум превратился в особую машину по выделению общих законов из большого количества фактов, но я ума не приложу, почему это повлекло атрофию части мозга, от которой зависят высшие ощущения... Потеря этих ощущений ведет к потере счастья, возможно, разрушительно скажется и на интеллекте, и уж точно — на морали, ослабляя чувственную часть человеческой природы¹³.

Это оскудение, столь трогательно описанное Дарвином, захватит всю нашу цивилизацию, если мы не перестанем, по словам Гилсона, «распространять действие позитивных наук на социальные факты». Все расходящиеся проблемы можно свести к сходящимся через процесс «редукции». Однако в результате теряются все высшие силы, обогащающие человеческую жизнь, и деградирует не только чувственная сторона нашей природы, но и, как почувствовал Дарвин, разум и мораль. Современный мир полон проявлений этой болезни.

Истинные проблемы жизни — в политике, экономике, образовании, семье, и т. д. — всегда связаны с преодолением или примирением противоположностей. Такие расходящиеся проблемы не имеют решения в обычном смысле этого слова. Они требуют от человека полной отдачи, а не просто мыслительных способностей. Естественно, постоянно появляются внешне верные, но на поверку ложные умные решения-формулы, но они никогда долго не работают, ибо неизменно упускают из вида одну

из противоположностей, а вместе с ней и самую суть человеческой жизни. В экономической теории предлагаются решения, обеспечивающие свободу, но не возможность планирования, и наоборот. В управлении компаниями появляются решения, обеспечивающие дисциплину, но не участие работников в управлении компанией, и наоборот. В политике — обеспечивают сильную власть без демократии или же демократию без сильной власти.

Решение расходящихся проблем — обычно тяжелое, беспокойное, изматывающее занятие. Поэтому люди, елико возможно, их избегают. Занятой бизнесмен, весь день решавший расходящиеся проблемы, по дороге домой читает детектив или решает кроссворд. Он и так весь день напрягал мозги, неужто ему мало? Но в том-то и дело, что детектив и кроссворд представляют собой сходящиеся проблемы, и *это* — настоящий отдых. Для их решения необходимо пошевелить мозгам (причем порой довольно интенсивно), но они не требуют напряжения всех сил для достижения более высокого уровня, что является характерным вызовом расходящихся проблем, проблем, в которых требуется примирить непримиримые противоположности. А только такие проблемы и составляют настоящую материю жизни.

Наконец, я обращаюсь к третьему классу понятий, которые по сути относятся к метафизике, но обычно рассматриваются отдельно — этике.

Как мы видели, самые значимые идеи девятнадцатого века развалили или по крайней мере запутали систему представлений об «уровнях бытия» и о том, что есть «высшее» и «низшее». Это, конечно же, разрушило и этику, которая основана на различении добра и зла и утверждении, что добро выше зла. И снова за грехи отцов приходится расплачиваться третьему и четвертому поколениям, которые сегодня растут без каких бы то ни было моральных ориентиров. Ум людей, выдвинувших идею, что «мораль — это полная чушь», был набит моральными представлениями. Но таких представлений больше нет в умах третьего и четвертого

поколений: они набиты идеями девятнадцатого века, а именно что «мораль — это полная чушь» и что все «высшее» на самом деле весьма посредственно и вульгарно.

Возникает неопишуемая путаница. На что молодежи ориентироваться в попытках образовать себя? Ориентиров нет, или, скорее, существует такое количество взаимоисключающих ориентиров, что по ним не найдешь пути. Интеллектуалы, которые должны были бы привести все в порядок, тратят время на заявления, что все относительно — или что-то вроде того. Или берутся за этические вопросы с самым наглым цинизмом.

Приведу пример, на который уже намекал выше. Он столь значим потому, что исходит от одного из самых влиятельных людей нашего времени, покойного Лорда Кейнса. Кейнс писал: «Еще хотя бы сотню лет нам следует притворяться, будто добродетель порочна и порок добродетелен, ибо зло полезно, а добро — нет. Алчность, корысть и осмотрительность должны еще ненадолго остаться нашими богами».

Когда великие, умнейшие люди говорят такое, стоит ли удивляться, что смешение понятий порока и добродетели ведет к лицемерию, пока все спокойно, и к преступлению, когда спокойствие хоть немного нарушено. То, что алчность, корысть и осмотрительность (то есть экономическая безопасность) должны быть нашими богами — было лишь яркой идеей для Кейнса, ибо, несомненно, сам он поклонялся более благородным богам. Но идеи — самые могущественные вещи на земле, и вряд ли преувеличением будет сказать, что к сегодняшнему дню названных им богов усадили на трон.

В этике, как и в столь многих других областях, мы опрометчиво и сознательно отбросили наше великое классическое христианское наследие. Мы даже смешали с грязью слова, без которых об этике говорить невозможно, такие слова, как «добродетель», «любовь», «смирение». В результате в самых важных из всех мыслимых предметов

мы совершенно невежественны и необразованны. Не имея идей, которыми думать, мы больно легко верим в то, что в области этики размышления бесполезны. Кто знает что-нибудь сегодня о Семи смертных грехах или Четырех главных добродетелях? Сможет ли кто-нибудь хотя бы перечислить их? А если предполагается, что эти благородные старые идеи не заслуживают того, чтобы ими забивали себе голову, то какие новые идеи заняли их место?

Что должно прийти на смену тлетворной метафизике девятнадцатого века? Не сомневаюсь, что задача нашего поколения — это метафизическое возрождение. Нам нет нужды все изобретать заново. В то же время недостаточно просто возвратиться к старым формулировкам. Наша задача — и задача всего образования — это понять современный мир, мир, в котором мы живем и выбираем жизненный путь.

Проблемы образования — лишь отражение глубочайших проблем нашего века. Их не решишь совершенствованием организации, административными мерами или финансовыми вливаниями, хотя никто не отрицает важность всего этого. Мы страдаем метафизической болезнью, а значит и лекарство должно быть метафизическим. Образование, которое не позволяет нам разобраться в наших базовых убеждениях — это просто обучение или бесполезное времяпрепровождение. Ибо наши базовые убеждения не в порядке и до тех пор, пока сегодняшние антифилософские настроения не исчезнут, беспорядок будет усугубляться. Тогда образование не только перестанет быть главным ресурсом человека, но и станет инструментом разрушения, в соответствии с принципом *corruptio optimi pessima**.

* *Corruptio optimi pessima* (лат.) — нет ничего страшнее развращения самого лучшего. — Прим. пер.

Глава 2

ЗЕМЛЯ И ЕЕ НАДЛЕЖАЩЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Земля, бесспорно, важнейший из всех материальных ресурсов. Хотите узнать будущее цивилизации? Посмотрите на ее отношение к земле, этого достаточно.

Земля покрыта почвой, а почва — несметным количеством разнообразных живых существ, включая человека. В 1955 году два опытных эколога, Том Дэйл и Вернон Джилл Картер, опубликовали книгу под названием «Почва и цивилизация». Здесь будет уместно процитировать несколько первых параграфов этой книги.

Цивилизованному человеку время от времени удавалось стать полновластным хозяином природы. Но он мнил себе на погибель, что его временная власть была постоянной. Он считал себя «хозяином мира», но при этом так и не понимал законов природы.

Человек, цивилизованный или дикий, — дитя природы, а не ее хозяин. В своих действиях человек должен всегда учитывать природные законы, иначе его господство над окружающей средой долго не продлится. Пытаясь обойти эти законы, человек просто разрушает природную среду, поддерживающую его существование. А с разрушением природы приходит и упадок цивилизации.

Кто-то метко описал историю человечества одной фразой: «цивилизованный человек прошел по лицу земли и оставил за собой пустыню». Это заявление может быть несколько преувеличенным, но по сути оно верно. Основная часть земель, на которых цивилизованный человек жил более-менее продолжительное время,

безнадежно испорчена. Это явилось основной причиной постоянных перемещений цивилизаций с места на место и упадка цивилизаций в старых заселенных районах. Деградация земель — главный фактор, определявший все развитие истории.

Историки редко уделяют должное внимание вопросу использования земли. Они, похоже, еще не поняли, что отношение к земле во многом определяло судьбы большей части империй и цивилизаций. Признавая влияние окружающей среды на историю, они почему-то не замечают, что человек постоянно изменял и разрушал природу вокруг себя.

Как же цивилизованный человек превращал благоприятную среду обитания в неблагоприятную? Главным образом, истощая и разрушая природные ресурсы. Он вырубал и сжигал большую часть пригодной для хозяйства древесины с облесенных холмов и долин. Его скот выедал всю растительность, и луга превращались в голые пустыри. Он убивал диких животных, рыбу и других водных существ. Из-за безграмотного земледелия эрозия лишала его пахотные земли плодородной почвы. Смытая водой почва забивала илом ручьи, пруды, ирригационные каналы и гавани. Зачастую он разбазаривал большую часть легко добываемых металлов и других необходимых минералов. После всего этого цивилизация приходила в упадок среди ей же произведенного разрушения, а человек перебирался на новые земли. По разным подсчетам, от десяти до тридцати цивилизаций погибли именно по такому сценарию¹⁴.

Что бы там ни говорили, а «экологическая проблема» не блещет новизной. Но между прошлым и настоящим есть две важнейшие разницы: сегодня плотность населения земли намного выше, чем когда-либо в истории, и, вообще говоря, новых земель, куда можно было бы переселиться, у

нас не осталось. Кроме того, преобразование природы идет куда быстрее, чем раньше, особенно в последнюю четверть века.

Но, несмотря ни на что, большинство людей думают так: «не знаю, отчего там вымерли прошлые цивилизации, но современная западная цивилизация уже давно не зависит от окружающей среды». Приведу высказывание Евгения Рабиновича, главного редактора «Бюллетеня ученых-ядерщиков», опубликованное в журнале «Таймс» от 29 апреля 1972 года:

Бактерии, населяющие тело человека, — это единственные животные, без которых наше выживание на земле невозможно. Все остальные животные — совсем другое дело. Нет убедительных доказательств того, что человек не сможет выжить, даже оставшись единственным видом животных на земле! Рано или поздно мы изобретем экономичные способы производства синтетической пищи из неорганического сырья, и человек перестанет зависеть даже от растений, которые кормили его столько тысячелетий...

Лично я и, наверное, подавляющее большинство людей содрогнется при мысли о том, что на планете не останется животных и растений. Но ведь выживают же миллионы жителей «городских джунглей» Нью-Йорка, Чикаго, Лондона или Токио, рождаясь и живя в среде, практически лишенной жизни (за исключением крыс, мышей, тараканов и прочих нежелательных животных).

Судя по всему, Евгений Рабинович считает это «логически обоснованным» утверждением. Он сетует на то, что «в последнее время даже самые видные ученые то и дело говорят, что природные экологические системы святы, что им присуще хрупкое равновесие, и что вмешательство в них человека опасно. Такие заявления логически необоснованны».

Но что «логично» и что — «свято»? Кто человек: хозяин природы или ее дитя? Если «рано или поздно» появятся «экономичные способы производства синтетической пищи из неорганического сырья», мы станем независимыми от растений, и связь между почвой и цивилизацией исчезнет. Но исчезнет ли? Эти вопросы подводят к пониманию того, что «надлежащее использование земли» — это не технический и не экономический, но в первую очередь метафизический вопрос. Совершенно ясно, что эту проблему нужно рассматривать на более высоком уровне рационального мышления, чем уровень последних двух цитат.

У человека есть цели и есть средства для достижения целей. Ни в коем случае нельзя путать одно с другим. Любое общество должно обязательно выработать целостную и непротиворечивую систему целей и средств к их достижению. Что такое земля: просто фактор производства или что-то большее, цель в себе? Когда я говорю «земля», я имею в виду и живые существа, живущие на ней.

То, что мы делаем «ради удовольствия», не поддается утилитарному объяснению. Например, почти все люди склонны поддерживать чистоту своего тела и пространства вокруг себя. Почему? Только ради гигиены? Нет, гигиена второстепенна. Мы признаем чистоту как ценность в себе. Мы не подсчитываем ее цену: экономические расчеты здесь неуместны. Можно доказать, что умываться неэкономично: мы тратим время и деньги, а взамен не получаем ничего, кроме чистоты. Многие действия можно расценить как совершенно неэкономичные, однако же люди их предпринимают ради них самих. Экономисты ловко справились с этой проблемой: они разделили все человеческие занятия на «производство» и «потребление». Ко всему, что подпадает под определение «производства», применимы экономические расчеты, для «потребления» же они не годятся. Но реальная жизнь никак не укладывается в такое жесткое разграничение, ведь на самом деле производитель и потребитель — одно и то же лицо, причем *одновременно* производящее и потребляющее.

Даже рабочий на фабрике потребляет определенные «услуги», обычно называемые «условиями труда», и при отсутствии таких «услуг» он не может или отказывается работать. И даже человека, потребляющего воду и мыло, можно рассматривать как производителя чистоты.

Мы производим для того, чтобы позволить себе некоторые удобства как «потребители». Однако потребуй кто-то тех же удобств на «производстве», ему скажут, что это неэкономично и неэффективно, чего общество позволить себе ну никак не может. Другими словами, оценка действия зависит от того, кто его предпринимает, человек-производитель или человек-потребитель. Если производитель путешествует первым классом или пользуется роскошным автомобилем, это назовут расточительством, но если тот же самый человек в роли потребителя делает то же самое, это считается признаком высокого уровня жизни.

Наиболее ярко эта двойственность прослеживается в отношении к земле. Считается, что фермер — типичный производитель, обязанный всеми возможными способами снижать издержки и увеличивать эффективность, даже если он таким образом разрушает (уже для человека-потребителя) плодородный слой почвы и красоту ландшафта, что в конечном итоге выливается в «вымирание» сельской местности и перенаселение городов. Многим теперешним крупным фермерам, цветоводам, садоводам и производителям питания и в голову не придет потреблять собственные продукты. «К счастью, — говорят они, — мы достаточно обеспечены, чтобы покупать продукты, выращенные без использования ядохимикатов и минеральных удобрений». Спросите их, почему они сами не придерживаются экологически чистых методов земледелия и пользуются ядовитыми веществами, и получите ответ: мы не можем себе этого позволить. То, что позволительно человеку-производителю, это совсем не то, что может себе позволить человек-потребитель. Но, забывая о том, что производитель и потребитель — одно и то же лицо, мы никак не можем ответить на вопрос: что же

на самом деле может себе позволить человек или общество. Возникает нескончаемая путаница.

Нам не выбраться из этой неразберихи, пока мы относимся к земле и существующей на ней жизни *лишь* как к «факторам производства». Конечно, они являются факторами производства, то есть средствами для достижения цели, но это их второстепенное, не главное значение. Прежде всего они самоценны, метаэкономичны, а поэтому можно логически обосновано утверждать, что они в некотором смысле святы. Земля не является творением рук человека, поэтому относиться к земле как и рукотворному механизму, который ничего не составляет создать или починить, совершенно недопустимо.

Высшие животные полезны, и поэтому имеют экономическую ценность, но они ценны и в метаэкономическом смысле. Купив автомобиль, вещь, произведенную человеком, я имею полное право навсегда забыть о ремонте и обслуживании и просто гонять на нем, пока он не рассыпется. Может, я действительно рассчитал, что это самый экономичный способ его использования. Если мои расчеты верны, никто не станет критиковать мое поведение, ибо в рукотворном предмете, машине, нет ничего святого. Но будь у меня животное, пусть лишь теленок или курица — живое, чувствующее существо, имею ли я право относиться к нему как к всего лишь полезной вещи? Позволено ли мне загнать его до смерти?

Попытки дать на эти вопросы научный ответ ни к чему не приведут. Это вопросы не научные, а метафизические. Приравнивать «машину» к «животному» на основе их полезности, и не обращать внимания на важнейшее различие между ними, различие «уровней бытия» — это грубейшая метафизическая ошибка, которая может привести к тяжелейшим практическим последствиям. Современный человек с удивлением и презрением взирает на священные слова, которыми религия помогала нашим предкам осознать метафизические истины. «И взял Господь Бог человека,

и поселил его в саду Эдемском» не для безделья, но для того, «чтобы возделывать его и хранить его». «И да владычествуют они [люди] над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле». Когда он сделал «скотов, и гадов, и зверей земных по роду их», он увидел «что это хорошо». Но увидев все, что он создал — как мы называем ее сегодня, всю биосферу, «и вот, хорошо *весьма*». Человеку, высшему существу, была дана «власть», а не право мучить, разрушать и убивать. Говорить о достоинстве человека можно только, признавая, что *noblesse oblige*¹⁵. Неправильное отношение к животным, в особенности прирученным и одомашненным, всегда, во всех традициях считалось ужасным и бесконечно опасным поведением. История не знает ни одного мудреца или святого, кто бы отличался жестоким обращением к животным или рассматривал бы их как *всего лишь* полезные вещи. Из бесчисленных легенд и сказаний мы узнаем, что святость и счастье сопряжены с любовью и добротой по отношению к низшим созданиям.

Интересно отметить расхожее якобы научно-объективное убеждение, что человек — *всего лишь* голая обезьяна или даже случайное соединение атомов. «Теперь мы можем дать определение человеку, — заявляет профессор Джошуа Ледерберг. — По крайней мере с точки зрения генотипа, это сто семьдесят сантиметров особой молекулярной последовательности атомов углерода, водорода, кислорода, азота и фосфора»¹⁶. Если человек придерживается столь «скромного» мнения о себе, то что уж говорить о полезных ему животных: он относится к ним, словно это машины. Другие, менее образованные (а, может, менее обделенные?) люди смотрят на животных совсем по-другому. Х. Филдинг Холл, побывав в Бирме, писал вот что:

Для бирманца люди это люди, а животные это животные, и человек значительно выше животных. Но из этого

вовсе не следует, что превосходство человека дает ему право плохо относиться к животным или убивать их. Наоборот. Именно из-за этого превосходства человек может и должен относиться к животным с величайшей заботой и величайшим состраданием, и выражать свою доброту к ним любым возможным способом. Похоже, лозунг бирманца — это *noblesse oblige*. Он знает, что это значит, пусть даже никогда не слышал этих слов*.

В Книге притчей Соломоновых говорится, что праведник заботится о своем животном, а порочный человек относится жестоко. Святой Фома Аквинский писал: «Очевидно, что если человек испытывает сострадание и любовь к животным, он еще более склонен к состраданию к другим людям». Никто никогда не задавался вопросом, может ли он *позволить себе* жить в соответствии с этими убеждениями. На уровне ценностей, вещей в себе, не существует вопроса об эффективности и экономичности.

То, что относится к животным на земле, без всякой сентиментальности равным образом относится и к самой земле. Хотя невежество и жадность неизменно разрушали плодородие почвы настолько, что исчезали целые цивилизации, все без исключения традиционные учения признавали метаэкономическую ценность и значимость «матушки земли». И там, где придерживались такого взгляда, не только сельское хозяйство, но и другие составляющие цивилизации расцветали и отличались здоровьем и целостностью. Как только люди воображали, что «не могут себе позволить» бережно относиться к почве и сотрудничать с природой, больная почва неизбежно разрушала и другие составляющие цивилизации.

В наше время главная опасность для почвы, а вместе с ней для сельского хозяйства и для цивилизации в целом,

* *Noblesse oblige* (фр.) — положение обязывает, то есть благородное происхождение предполагает благородное поведение — *Прим. пер.*

исходит из решимости горожан применить к сельскому хозяйству принципы промышленного производства. Ярчайшим представителем этого течения является д-р Сикко Л. Маншольт, который, будучи вице-президентом Европейского экономического сообщества, запустил План Маншольта для европейского сельского хозяйства. Он считает, что фермеры «все еще не осознали быстрых перемен в обществе». Большинству фермеров следует оставить фермерство и пополнить ряды промышленных рабочих в городах, так как «у промышленных рабочих, строителей и «белых воротничков» уже пятидневная рабочая неделя и две недели отпуска в году. Возможно, в скором времени рабочая неделя сократится до четырех дней, а отпуск увеличится до четырех недель. А фермер, как *проклятый, работает семь дней в неделю, ибо пятидневную корову пока не изобрели, а отпуск ему и вовсе не предусмотрен*»¹⁷. Соответственно План Маншольта предполагает как можно быстрее и гуманнее объединить множество небольших семейных ферм в большие сельскохозяйственные предприятия, управляемые по типу фабрик, что приведет к максимальному сокращению доли сельского населения. Выдаваемые пособия «помогут старым и молодым фермерам оставить сельское хозяйство»¹⁸.

В Плане Маншольта сельское хозяйство обычно называют одной из «отраслей промышленности» Европы. Возникает вопрос: действительно ли сельское хозяйство — это промышленность, или, может, что-то *существенно* отличное от нее? Стоит ли удивляться, что, раз это вопрос метафизический, или метаэкономический, экономистам до него нет никакого дела.

Все же, давайте разберемся. Сельское хозяйство *существенно* отличается от промышленности, ибо имеет дело с жизнью, то есть живой материей. Его продукт — результат живых процессов, а его средства — живая почва. Один кубический сантиметр плодородной почвы содержит миллиарды живых существ, полное исследование которых не под силу человеку. С другой стороны, современная промышленность

имеет дело с технологиями, созданными человеком, сырьем же для нее служат рукотворные неживые материалы. Идеал промышленности — устранение живых материй. Искусственные материалы предпочтительнее природных, ибо человек может подогнать их свойства под свои потребности и применить идеальный контроль качества. Сделанные человеком машины более надежны и предсказуемы, чем живое существо и человек. Идеал промышленности — устранение живого фактора, вплоть до человека, и передача производственного процесса машинам. Альфред Норс Уайтхэд определил жизнь как «оскорбление монотонному механизму вселенной». Так и мы можем определить современную промышленность как «оскорбление непредсказуемости, непунктуальности, постоянной изменчивости и упрямству живой природы, включая человека».

Другими словами, фундаментальные «принципы» сельского хозяйства и промышленности, несомненно, не только не сопоставимы, но прямо противоположны друг другу. Настоящая жизнь состоит из «трения», производимого непримиримыми противоположностями, каждая из которых необходима. И так же как жизнь не имела бы смысла без смерти, сельское хозяйство не имело бы смысла без промышленности. Между тем, факт остается фактом: сельское хозяйство первично, а промышленность вторична. Другими словами, человек может выжить без промышленности, но не без сельского хозяйства. Однако на уровне цивилизации жизнь человека требует *баланса* двух принципов, и этот баланс неизбежно нарушается, когда люди перестают замечать *принципиальную* разницу между сельским хозяйством и промышленностью, разницу столь же огромную, как разница между жизнью и смертью, и пытаются относиться к сельскому хозяйству просто как к еще одной отрасли промышленности.

Такой подход, конечно, нам очень знаком. Группа высококлассных специалистов коротко и четко описала его в своей работе «Будущее европейского сельского хозяйства»:

Разные страны в зависимости от климата, качества почвы и стоимости рабочей силы располагают самыми различными преимуществами для производства определенных продуктов. Разделение труда позволит им производить самую выгодную для них сельскохозяйственную продукцию. От этого выиграют все страны. Это приведет к росту доходов в сельском хозяйстве и снижению издержек для экономики в целом, особенно для промышленности. Сельскохозяйственный протекционизм совершенно необоснован¹⁹.

Если это так, то почему сельскохозяйственный протекционизм был скорее правилом, чем исключением на протяжении всей истории? Почему большинство стран часто не желают получить такие заманчивые выгоды столь простым способом? Именно потому, что «производство сельскохозяйственной продукции» не сводится к извлечению прибыли и снижению издержек, но включает в себя все отношения между человеком и природой, весь образ жизни общества, здоровье, счастье и гармонию человека, а также красоту его среды обитания. Если все это выпадает из поля зрения экспертов, то вместе с этим выпадает и человек. Приняв решение, эксперты и политики ставят человека перед свершившимся фактом, а обществу потом приходится расплачиваться за «социальные последствия» принятой политики. По утверждению экспертов, План Маншольта — «смелая инициатива, основанная на понимании основополагающего принципа: уровень доходов в сельском хозяйстве можно удержать на существующем уровне, только если ускорится снижение доли сельского населения и если фермы быстро достигнут экономически эффективных размеров»²⁰. Или еще: «Сельское хозяйство, по крайней мере в Европе, направлено прежде всего на производство продуктов питания... Хорошо известно, что спрос на продукты питания растет относительно медленно по сравнению с реальным доходом. В результате

совокупный доход в сельском хозяйстве растет медленнее, чем в промышленности. Для обеспечения одинакового темпа роста доходов на душу населения необходимо соответственно снизить занятость в сельском хозяйстве»²¹... «Выводы очевидны: в условиях, обычных для развитых стран сегодня, общество могло бы удовлетворить свои потребности за счет гораздо меньшего количества фермеров, в три раза меньшего, чем сегодня»²².

Что ж, с этим не поспоришь, если, конечно, мы примем точку зрения махрового материализма этих экспертов, для которых денежные издержки и денежные доходы — единственное мерило действий человека, а *живой мир* — не более чем объект для эксплуатации.

Но достаточно более широко взглянуть на мир, чтобы понять, что земля — это бесценный капитал, а задача и счастье человека в том, «чтобы возделывать ее и хранить ее». Можно сказать, что, возделывая землю, человек должен преследовать три цели — здоровье, красоту и долговечность. Тогда четвертая цель — продуктивность (единственное, что признается экспертами) будет достигаться почти автоматически. Грубый материалист считает, что сельское хозяйство «направлено в основном на производство продуктов питания». Более широкий взгляд предполагает, что сельское хозяйство направлено на выполнение по меньшей мере трех задач:

- поддержание связи человека с живой природой, ведь человек был, есть и будет уязвимой ее частью,
- гуманизация и облагораживание окружающей человека среды, и
- производство продуктов питания и других материалов, необходимых для достойной жизни.

Очень сомневаюсь, что цивилизация, которая постоянно пренебрегает двумя первыми задачами, а признает лишь третью, и то добивается ее выполнения с изощренной

жестокостью и насилием, имеет в долгосрочном плане хоть какие-то шансы на выживание.

Мы гордимся тем, что сегодня доля занятых в сельском хозяйстве сократилась до рекордно низкого уровня и все еще продолжает сокращаться. В Великобритании всего лишь 3 процента занятых в сельском хозяйстве удовлетворяет около 60 процентов потребностей страны в продуктах питания. В Соединенных Штатах к концу Первой мировой войны доля занятых в сельском хозяйстве все еще составляла 27 процентов, к концу Второй мировой войны — 14 процентов, и в 1971 году только 4,4 процента. Такое снижение занятости в сельском хозяйстве обычно связано с массовым бегством людей с земли и разрастанием городов. Однако, в то же время, по словам Льюиса Хербера:

Жизнь в мегаполисе разваливается и в психологическом, и в экономическом, и в биологическом плане. Это факт признан миллионами людей: они просто собрали пожитки и уехали. Если им не удалось порвать связь с мегаполисом, по крайней мере они попытались это сделать. Как социальный симптом это устремление имеет большое значение²³.

В современных огромных городах, говорит г-н Хербер, горожанин чувствует одиночество гораздо острее, чем его предки в сельской местности: «Городской житель в современном мегаполисе достигает такой степени анонимности, социальной атомизации и духовной изоляции, какой до сих пор не знала человеческая история»²⁴.

Как же он решает эту проблему? Переезжает в пригород и каждый день мотается на работу в город. Сельская культура развалилась, и люди бросают землю. Городская культура также разваливается, и горожане бегут из городов. По словам д-ра Маншольта, «никто не может позволить себе такую роскошь, как действовать неэкономично»²⁵. В

результате повсеместно жизнь становится невыносимой для всех, кроме самых богатых.

Я согласен с утверждением Г-на Хербера, что «примирение человека с природой не просто желательно, а уже жизненно необходимо». Но туризм, осмотр достопримечательностей и другие способы проведения досуга не могут обеспечить воссоединение с природой. Это может произойти только через изменение структуры сельского хозяйства, которая станет прямо противоположной той, что предложена доктором Маншольтом и вышеупомянутыми экспертами. Вместо того, чтобы стимулировать сокращение доли занятых в сельском хозяйстве, нам следует проводить политику возрождения сельской культуры. Пусть земля станет доступной большому числу людей, пусть люди плодотворно работают на земле либо постоянно, либо хотя бы часть своего времени, и свои действия на земле направляют на достижение тройного идеала здоровья, красоты и долговечности.

Социальная структура сельского хозяйства, порожденная и часто оправдываемая широкомасштабной механизацией и химизацией, не позволяет человеку поддерживать настоящую связь с живой природой. Напротив, она поощряет опаснейшие современные тенденции: насилие, отчуждение и разрушение природы. Сегодня затрагивать темы здоровья, красоты и долговечности стало признаком дурного тона, а это еще один пример наплевательского отношения к человеческим ценностям, а значит и к человеку. Таков неизбежный результат современного экономического мышления.

Если «красота — это сияние истины», то сельское хозяйство вряд ли выполнит свою вторую задачу — гуманизацию и облагораживание человеческой среды обитания — если не станет придерживаться природных истин. Одна из них — это закон возвращения; другая — закон разнообразия, то есть недопустимость монокультуры любого рода; третья — закон децентрализации, позволяющий найти применение даже незначительным ресурсам, которые невыгодно

перевозить на большие расстояния. Но сегодня сельское хозяйство развивается в противоположном направлении — к все большей индустриализации, обезличиванию сельскохозяйственного производства, к концентрации, специализации и внедрению машин, экономящих труд, но разрушающих природу. В результате сельскохозяйственная деятельность человека не только не облагораживает среду обитания человека, но обезличивает и даже к уродует ее.

А все потому, что человек-производитель не позволяет себе «роскошь вести себя неэкономично» и поэтому не может произвести самую необходимую роскошь — здоровье, красоту и долговечность — которую человек-потребитель жаждет больше всего. Это слишком дорого, и чем богаче мы становимся, тем меньшее мы можем себе это «позволить». Вышеупомянутые эксперты рассчитали, что «бремя» поддержки сельского хозяйства в шести странах Европейского сообщества составляет «почти три процента совокупного валового национального продукта», то есть «весьма приличную» величину. Если учесть, что валовой национальный продукт растет на три процента в год, можно предположить, что такое «бремя» не столь уж и обременительно, но эксперты отмечают, что «ресурсы страны необходимы для личного потребления, инвестиций и покрытия государственных расходов... Бросая на ветер столько ресурсов на поддержку убыточных предприятий, будь то в сельском хозяйстве или в промышленности, Сообщество лишает себя возможности предпринять... необходимые улучшения»²⁶ в этих важных областях.

Что может быть проще. Если сельское хозяйство не приносит дохода, это просто «убыточное предприятие». Зачем его поддерживать? «Необходимые улучшения» не касаются земли, но лишь доходов фермеров, а эти доходы можно поддерживать, если сократить количество фермеров. Это философия горожанина, оторванного от природы, и навязывающего свои приоритеты, доказывая при помощи экономических расчетов, что мы не можем «позволить себе»

никакой другой шкалы ценностей. В реальности же любое общество может позволить себе заботливо относиться к земле и поддерживать ее здоровье и красоту бесконечно долгое время. Для этого нет никаких технических препятствий и нет недостатка соответствующих знаний. Нет смысла обращаться к экспертам-экономистам, когда речь идет об определении приоритетов. На сегодняшний день мы так хорошо разбираемся в экологии, что многочисленным злоупотреблениям, наблюдаемым сейчас в обработке земли, в обращении с животным, в хранении продуктов питания, в пищевой промышленности и безудержной урбанизации нет никаких оправданий. Если мы закрываем на это глаза, то не от бедности, как будто мы не в силах остановить этот беспредел, а из-за того, что наше общество не имеет твердой веры в основные метаэкономические ценности, а когда нет веры, верх берет экономический расчет. Это неизбежно. Может ли быть иначе? Как говорится, природа не терпит пустоты, и когда имеющееся место для духовных ценностей не заполнено более высокими мотивами, их место неизбежно займет более низкое — маленькое, подлое, расчетливое — отношение к жизни, основанное на экономических расчетах.

Не сомневаюсь, что черствое отношение к земле и животным говорит и о многих других пороках, таких как жажда резких перемен и обожание новшеств — технических, организационных, химических, биологических, и т. д. Все это внедряется в жизнь задолго до того, как приходит хотя бы примерное понимание их долгосрочных последствий. В нашем отношении к земле, к самому драгоценному ресурсу после человека, отражается весь наш образ жизни, и прежде чем политика в области земли по-настоящему изменится, потребуются глубинные философские, если не религиозные, изменения. Здесь речь идет вовсе не о том, что мы можем себе позволить, а о том, на что мы решаем потратить свои деньги. Если бы мы вернулись к широкому признанию метаэкономических ценностей, наши ландшафты снова

стали бы здоровыми и красивыми, а люди вновь обрели бы достоинство человека, который всегда осознает свое превосходство над животными, но который никогда не забудет, что *noblesse oblige*.

ГЛАВА 3

ПРОМЫШЛЕННЫЕ РЕСУРСЫ

Просто удивительно, насколько современная промышленность много берет и мало дает. Неэффективность современной промышленности даже не укладывается в голове. По этой причине эту неэффективность никто не замечает.

Самая промышленно развитая страна в мире — это, бесспорно, Соединенные Штаты Америки. Население США составляет около 207 миллионов человек, или 5,6 процента населения земли, с средней плотностью в 22 человека на квадратный километр, что значительно ниже среднего показателя по миру — 27 человек. Эта страна расположена в умеренных широтах северного полушария и является одной из обширнейших редконаселенных территорий мира. Кто-то подсчитал, что если бы все человечество перебралось в США, то плотность их населения оказалась бы не большей, чем в сегодняшней Англии. Могут возразить, что это «нечестное» сравнение, но даже в Великобритании в целом плотность населения в десять раз выше, чем в США (что значит, что США могли бы вместить более половины современного населения мира, прежде, чем сравнялись бы с Великобританией по плотности населения), а ведь во множестве промышленно развитых стран плотность населения еще выше. Плотность населения Западной Европы в целом составляет 94 человека на кв. километр, что в 4,25 раза выше, чем в США. То есть нельзя сказать, чтобы Соединенные Штаты были в относительно проигрышном положении и имели слишком много людей и слишком мало места.

Также не скажешь, чтобы территория США была обделена природными ресурсами. Наоборот, за всю историю

европейцы не открывали большей территории с более замечательными и чудесными ресурсами. Это относится к США и по сей день, пусть со времен открытия Америки многие ресурсы подверглись эксплуатации и были разрушены.

Однако промышленности США не хватает внутренних ресурсов, поэтому она протянула свои щупальца по всему миру, чтобы обеспечить поставки сырья. 5,6 процентам населения мира, проживающим в США, требуется около сорока процентов первичных ресурсов мира, чтобы выжить. По прогнозам, в следующие десять, двадцать, тридцать лет экономика США будет все больше зависеть от поставок сырья и топлива из-за границы. Так, по расчетам Национального нефтяного совета, к 1985 году США потребуются покрыть 57 процентов потребностей в нефти за счет импорта, и ввезти на 800 миллионов тонн больше нефти, чем сегодня импортируют из стран Ближнего востока и из Африки Западная Европа и Япония вместе взятые.

Промышленную систему, потребляющую 40 процентов мировых первичных ресурсов для обеспечения потребностей менее чем 6 процентов населения планеты, можно было бы назвать эффективной, только если бы она обеспечила необыкновенное счастье и благополучие людей, процветание культуры, мир и гармонию. Нет нужды долго доказывать, что американская система с этим не справляется. Нет никаких оснований полагать, что ей помогло бы с этим справиться увеличение темпов роста производства, сопряженных с постоянно растущим спросом на конечные мировые ресурсы. Профессор Вальтер Хеллер, бывший председатель Совета экономических советников президента США, несомненно, отразил мнение большинства современных экономистов:

Для удовлетворения чаяний нашей нации нам необходим экономический рост. В быстрорастущей экономике с полной занятостью скорее найдутся государственные и частные ресурсы для борьбы с загрязнением земли,

воздуха и воды, и с шумом, чем в экономике с низкими темпами роста.

«Не могу себе представить, — говорит он, — процветающую экономику без экономического роста». Но если даже экономика США не может быть процветающей без дальнейшего быстрого роста, зависящего от возможности высасывать все больше ресурсов из всего мира, как насчет остальных 94,4 процентов человечества, пока «отстающих» от США?

Для борьбы с загрязнением нужны высокие темпы экономического роста. Но загрязнение является следствием высоких темпов экономического роста. Возможно ли вырваться из этого порочного круга? В любом случае необходимо разобраться, хватит ли мировых ресурсов для дальнейшего развития промышленной системы, которая потребляет так много, а дает человеку так мало.

Сегодня все чаще приходится слышать, что ресурсов не хватит. Возможно, наиболее авторитетное заявление исходит от группы исследователей Массачусетского института технологий (МИТ), опубликовавших «Пределы роста», доклад Римскому клубу в рамках проекта по выяснению будущего человечества. В этом докладе, среди прочего, есть интересная таблица, показывающая известные мировые запасы ресурсов; число лет, на которое известных мировых запасов хватит при текущих мировых темпах потребления; число лет, на которое известных запасов хватит, если потребление и дальше будет расти экспоненциально; и число лет, на которое, при растущем потреблении, их хватило бы, будь они в пять раз больше, чем известно сейчас — все это по девятнадцати невозобновимым природным ресурсам, жизненно важным для индустриального общества. Особый интерес представляет последняя колонка таблицы, в которой указана «Доля США в мировом потреблении ресурсов, в процентах». Цифры следующие:

Алюминий	42%	Молибден	40%
----------	-----	----------	-----

Хром	19%	Природный газ	63%
Уголь	44%	Никель	38%
Кобальт	32%	Нефть	33%
Медь	33%	Платиновые мет.	31%
Золото	26%	Серебро	26%
Железо	28%	Олово	24%
Свинец	25%	Вольфрам	22%
Марганец	14%	Цинк	26%
Ртуть	24%		

Добыча полезных ископаемых внутри страны полностью обеспечивают потребности США только в одном или двух из этих ресурсов. Подсчитав, когда, при определенных сценариях, мировые запасы каждого из этих полезных ископаемых иссякнут, авторы осторожно делают следующий общий вывод:

Исходя из сегодняшнего уровня потребления ресурсов и прогнозируемого роста потребления в будущем, можно заключить, что подавляющее большинство важнейших для современной промышленности невозобновимых ресурсов будут чрезвычайно дороги через 100 лет.

Более того, по их мнению, современную промышленность, «в большой степени зависящую от системы международных соглашений с добывающими странами о поставках сырья», могут очень скоро потрясти кризисы неслыханных масштабов.

По мере того, как ресурс за ресурсом будет становиться слишком дорогим, различные отрасли промышленности столкнутся с огромными трудностями. Эта экономическая проблема усугубляется политическими проблемами неизвестного масштаба. Какими станут отношения между странами-производителями и странами-потребителями по мере концентрации оставшиеся ресурсы

в определенных географических регионах? Недавняя национализация южноамериканских рудников и успешное повышение цен на нефть ближневосточными странами позволяют предположить, что политические проблемы могут возникнуть задолго до серьезных экономических проблем.

Замысловатые гипотетические расчеты экспертов МИТ, быть может, и бесполезны, но вряд ли принципиально важны. В конце концов, заключения экспертов вытекают из сделанных ими допущений, а для того, чтобы понять, что бесконечный рост потребления ресурсов в конечном мире невозможен, достаточно лишь немного поразмыслить. То, *что время коротко*, понятно и без исследования многочисленных товарных групп, тенденций, схем обратной связи, системной динамики и прочего. Может, и полезно использовать компьютер для получения выводов, к которым любой разумный человек придет при помощи нескольких расчетов на клочке бумаги, ибо современный мир верит в компьютеры и базы данных, и питает отвращение к простоте. Правда, изгоняя бесов, бесполезно и даже опасно звать на помощь Вельзевула, главного беса.

Дело не в возможной нехватке и высоких ценах на большинство сырьевых товаров, которым в «Пределах роста» уделяется столь пристальное внимание. Современной индустриальной системе это особо не угрожает. Кто знает, сколько полезных ископаемых скрыто в земной коре и сколько будет извлечено все более изощренными способами, прежде чем серьезно встанет вопрос об исчерпании ресурсов в масштабе всей планеты; сколько можно будет извлечь из океана, и сколько — получить из вторичного сырья? Как говорится, голод не тетка: изобретательная промышленность и современная наука так просто не сдадутся в этих направлениях.

Анализ «Пределов роста» был бы значительно глубже, удели его авторы главное внимание материальному

ресурсу, наличие которого является изначальным условием наличия всех остальных и *который невозможно повторно использовать* — энергии.

В одной из предыдущих глав я уже упоминал проблему энергии. От нее не убежишь. Невозможно переоценить ее значение. Можно сказать, что энергия для промышленности — то же самое, что сознание — для человека. Если закончится энергия, всему придет конец.

До тех пор, пока первичная энергия в достатке по приемлемым ценам, нет причин для беспокойства: нехватку любых других первичных ресурсов можно либо преодолеть, либо обойти. С другой стороны, в случае недостатка первичной энергии спрос на большинство других первичных ресурсов сократится настолько, что вряд ли встанет вопрос об их нехватке.

Большинство современных экономистов пока не осознают эту простую и столь очевидную истину. Из-за чрезмерной привязанности к *количественному* анализу, они по-прежнему ставят проблему наличия энергии в ряд многочисленных второстепенных проблем. Такой подход свойствен и авторам «Пределов роста». Зацикленность на количестве сопровождается настолько полным непониманием качества, что даже самые принципиальные качественные различия остаются незамеченными. А это, между прочим, одна из основных причин нереалистичности большинства прогнозов обеспечения современного индустриального общества энергией. Например, утверждают, что «на смену углю скоро придет нефть». В ответ на замечание, что это означает быстрое исчерпание всех разведанных и предполагаемых (то есть тех, что еще будут разведаны) запасов нефти, уверенно заявляют, что «мы прямоком идем в эру ядерной энергетики», поэтому можно спать спокойно и продолжать разбазаривать запасы ископаемого топлива. Нет счета умным исследованиям, подготовленным национальными и международными организациями, комитетами, научно-исследовательскими

институтами и т. д., якобы доказывающим при помощи сложнейших расчетов, что спрос на западноевропейский уголь снижается и будет продолжать падать столь быстро, что единственная проблема — побыстрее избавиться от шахтеров. Вместо того, чтобы взглянуть на общую ситуацию, которая была и продолжает оставаться легко предсказуемой, авторы почти всех этих исследований ограничиваются бесчисленными аспектами проблемы, каждый из которых в отдельности предсказать невозможно, ибо невозможно понять часть, не поняв целого.

Приведу только один пример. Тщательное и сложное исследование Европейского сообщества угля и стали, предпринятое в 1960-61 годах, дало точные количественные ответы на буквально все вопросы, что только могут прийти в голову, о топливе и энергетике стран Общего рынка вплоть до 1975 года. Мне довелось рецензировать этот доклад вскоре после его публикации, и, возможно, не лишним будет процитировать несколько отрывков из моего отзыва²⁷:

Можно диву даваться, что кто-то способен предсказать динамику заработной платы шахтеров и их производительности труда в своей стране на пятнадцать лет вперед. Еще более поразительно, что этот кто-то умудряется предсказать расценки на трансатлантические перевозки американского угля. Утверждается, что американский уголь определенного качества будет стоить «около 14,5 долларов за тонну», включая доставку в порт на Северном море, в 1970 году и «несколько больше» в 1975 году. «Около 14,5 долларов», говорится в докладе, означает «цену в пределах между 13,75 и 15,25 долларов», то есть с точностью до 1,5 долларов или плюс минус пяти процентов.

(В реальности же цена СИФ, то есть цена с доставкой, американского угля в европейских портах по новым контрактам, заключенным в октябре 1970 года, возросла до 24–25 долларов за тонну!)

Равным образом, цена мазута будет порядка 17–19 долларов за тонну. Приводятся и различные оценки для природного газа и ядерной энергии. На основе этих (и многих других) «фактов» авторы без труда подсчитали, какой объем добычи угля странами Сообщества будет конкурентоспособным в 1970. Ответ получился «около 125 миллионов тонн, то есть чуть более половины от сегодняшнего уровня добычи».

Прогнозы сегодня в моде. Считается, что лучше иметь хоть какую-то цифру о будущем, чем вообще никакой. Современный экономист так «узнает» о будущем: делается то или иное предположение, называемое «допущением», и на его основе получают оценку при помощи тонких расчетов. Затем такую оценку выдают за результат научного исследования, за что-то куда более значимое, чем просто гадание на кофейной гуще. Такая порочная практика может привести лишь к колоссальным ошибкам в планировании, ибо она дает липовый ответ там, где на самом деле требуется оценка здравомыслящим человеком, хорошо разбирающимся в проблеме.

Рассматриваемое исследование изобилует самыми произвольными допущениями, которые затем как ни в чем не бывало вводятся в счетную машину для получения «научного» результата. Было бы дешевле и значительно честнее просто допустить результат расчетов.

Так и случилось: «порочная практика» действительно привела к колоссальным ошибкам в планировании. Производственные мощности западноевропейской угольной промышленности были сокращены практически наполовину не только в Сообществе, но и в Великобритании. С 1960 по 1970 год зависимость Европейского сообщества от импорта топлива возросла с тридцати до более шестидесяти процентов, а Великобритании — с двадцати пяти до сорока четырех процентов. Хотя общую ситуацию в 1970-х годах и далее *можно* было совершенно спокойно предвидеть

еще в начале 1960-х годов, правительства стран Западной Европы при поддержке подавляющего большинства экономистов специально разрушили почти половину угольной промышленности, как будто уголь был *всего лишь* одним из бесчисленных товаров на рынке, который следует производить до тех пор, пока это выгодно, и ликвидировать, как только производство перестало приносить прибыль. На вопрос о том, что заменит поставки местного угля *в долгосрочном плане*, ответили заверениями в том, что другие дешевые энергоносители обеспечат потребности в энергии «на обозримое будущее», тем самым выдавая желаемое за действительное.

Не то, чтобы тогда — да и сейчас — не хватало нужной информации, или чтобы разработчики энергетической политики случайно пропустили немаловажный факт. Нет, они располагали совершенно достаточной информацией о текущей ситуации и совершенно разумными и реалистичными оценками будущих тенденций. Но они не смогли прийти к правильным заключениям на основе достоверной информации. Замечания тех, кто указывал на возможность резкой нехватки энергоносителей в обозримом будущем, не принимали во внимание и не отвергали на основе контраргументов, но просто осмеивали или обходили молчанием. И без семи пядей во лбу можно было понять, что каким бы ни было будущее ядерной энергетики в долгосрочном плане, судьбы мировой промышленности до конца этого века будут определяться главным образом нефтью. Что можно было сказать о будущем нефти лет десять тому назад? Приведу отрывок из своей лекции, прочитанной в апреле 1961 года.

Что-либо сказать о наличии нефти в долгосрочной перспективе — незавидная задача. Действительно, тридцать-пятьдесят лет назад кто-то предсказывал, что нефть скоро кончится, но, смотри-ка! не кончилась. Удивительно большое количество людей, кажется,

воображают, что, указывая на ошибочные предсказания, сделанные тем или иным ученым в стародавние времена, они как бы доказали, что нефть никогда не кончится, как бы быстро не росли объемы добычи. В отношении запасов нефти, так же как и будущего ядерной энергетики, многие люди занимают совершенно неразумную позицию безграничного оптимизма.

Я предпочитаю основываться на информации, исходящей от самих нефтяников. Они не говорят, что нефть скоро кончится. Напротив, по их словам, очень много нефти еще не найдено и мировые запасы, доступные для разработки с разумными издержками, быть может, составляют порядка 200 миллиардов тонн, что в 200 раз больше объема ежегодной добычи в настоящее время. Так называемые «доказанные» запасы нефти составляют на сегодняшний день 40 миллиардов тонн, и глупо было бы думать, что только эта нефть и есть на земле. Мы радостно верим, что еще 160 миллиардов тонн будет открыто за следующие несколько десятков лет. Такие открытия трудно себе представить, потому что, например, даже недавнее открытие больших месторождений нефти в Сахаре, по мнению многих людей якобы в корне изменившее будущее нефтедобычи, вряд ли существенно увеличивает разведанные запасы. На сегодняшний день эксперты полагают, что месторождения в Сахаре в конце концов дадут до 1 миллиарда тонн нефти. Такая цифра впечатляет, если ее сравнить, скажем, с текущими годовыми потребностями Франции, но ее вклад в 160 миллиардов тонн, которые, как мы полагаем, разведают в обозримом будущем, невелик. А 160 открытий, сравнимых с открытием нефти в Сахаре, и вправду сложно себе представить. Но все же давайте допустим, что такие открытия могут и будут сделаны.

Поэтому при сегодняшних объемах добычи доказанных запасов нефти, по-видимому, хватило бы на сорок лет, а всех запасов — на двести лет. К сожалению,

однако, объемы потребления уже долгие годы растут на 6-7 процентов в год. Если бы объемы добычи отныне расти перестали, то не могло бы идти и речи о замене угля нефтью, поэтому все, похоже, достаточно уверены, что рост потребления нефти в мировых масштабах продолжится теми же темпами. Индустриализация охватывает весь мир, и в основе ее лежит использование нефти. Поскольку все исходит из того, что эти тенденции продолжатся и в будущем, нам стоит чисто арифметически прикинуть, как долго сможет продолжаться рост потребления нефти.

То, что я предлагаю сейчас сделать, это не прогноз, а лишь опытный расчет, прикидка или, как говорят инженеры, оценка осуществимости проекта*. Темпы прироста в 7 процентов означают удвоение за десять лет. Таким образом, к 1970 году в мире может потребляться 2 миллиарда тонн нефти в год. [На самом деле потребление составило 2,3 миллиарда тонн.] За эти десять лет добудут примерно 15 миллиардов тонн. Чтобы сохранить величину доказанных запасов на уровне в 40 млрд. тонн, новые доказанные запасы должны составить около 15 млрд. тонн. Доказанные запасы, что сегодня составляют сорок объемов годовой добычи, тогда уже составят только двадцать лет, ибо годовое потребление удвоится. События вполне могут развиваться таким образом. Но в вопросе запасов топлива десять лет — это не срок. Поэтому давайте посмотрим на следующие десять лет до примерно 1980 года. Если потребление нефти продолжит расти в среднем на семь процентов в год, оно составит около 4 млрд. тонн в год в 1980 году. Объем добычи за эти десять лет составит около 30 млрд. тонн. Если мы захотим, чтобы доказанных запасов

* Оценка осуществимости проекта (англ.: *feasibility study*) — исследование того, возможно ли реализовать какой-либо проект, или нет. Часто используется для принятия решения о реализации или отказа от реализации проекта. — *Прим. пер.*

по-прежнему хватало на двадцать лет — а немногие бизнесмены станут вкладывать большие деньги, если невозможно планировать их списание хотя бы в течение двадцати лет — будет необходимо не просто восполнить добытые 30 млрд. тонн, но обеспечить наличие 80 млрд. тонн доказанных запасов (двадцать раз по 4 млрд.). Новые открытия в течение этих десяти лет должны будут составить как минимум 70 млрд. тонн. По-моему, такая цифра уже достаточно фантастична. Более того, к тому времени мы уже израсходуем 45 млрд. тонн из изначально имевшихся 200 млрд. Оставшиеся 155 млрд. тонн, разведанные и нет, обеспечат поддержание уровня потребления 1980 года на протяжении менее 40 лет. И без дальнейших арифметических расчетов становится понятно, что продолжение быстрого *роста* потребления нефти после 1980 года тогда будет практически невозможным.

Результат нашей «оценки осуществимости проекта» таков: если оценки общих запасов нефти, опубликованные ведущими геологами, хоть как-то соотносятся с реальностью, не вызывает сомнений, что нефтяная промышленность сможет расти привычными для нее темпами еще десять лет; весьма сомнительно, что такой рост сможет продержаться двадцать лет, и почти точно не сможет продолжиться после 1980 года. В 1980 году, или скорее примерно в это время, и мировое потребление нефти, и доказанные запасы нефти в абсолютном выражении будут больше, чем когда-либо в истории. Это, конечно же, не значит, что к этому времени мировые нефтяные ресурсы окажутся исчерпаны, но росту потребления нефти придет конец. Кстати, это, похоже, уже случилось с природным газом в США. Потребление природного газа достигло рекордной за всю историю отметки, но соотношение объемов текущего потребления и оставшихся запасов таково, что, возможно, потребление газа больше расти не сможет.

В Великобритании — стране с высокоразвитой промышленностью и высоким уровнем потребления нефти при отсутствии местных запасов — нефтяной кризис наступит не когда все мировые запасы нефти иссякнут, но когда мировые запасы нефти перестанут расти. Как показывают наши опытные расчеты, это могло бы произойти лет через двадцать. К тому времени индустриализация охватит весь мир, и у развивающихся стран — пусть по-прежнему нищих — разгорится желание более высокого уровня жизни. Когда этот момент наступит, может начаться энергичная и даже кровавая борьба за нефть, в которой любая страна с большими потребностями и малыми местными запасами окажется в очень слабом положении.

При желании можно еще поиграть с опытными расчетами. Но даже если изменить основные допущения в полтора раза, результаты существенно не изменятся. Если вы переполнены оптимизмом, то, возможно, обнаружите, что точка максимального роста будет достигнута не в 1980 году, а на несколько лет позднее. Какая разница? Мы, или наши дети, будем просто несколькими годами старше.

Следовательно, главнейшая задача и обязанность Национального совета угольной промышленности как попечителя угольных запасов страны — быть в состоянии произвести достаточно угля, когда начнется всемирная драка за нефть. Это будет невозможно, если он допустит, чтобы угольную промышленность или ее большую часть ликвидировали из-за текущего избытка и дешевизны нефти, избытка, вызванного разными временными причинами...

Каково же будет значение угля, скажем, в 1980 году? По всей видимости, спрос на уголь в нашей стране будет выше, чем сейчас. Нефти все еще будет много, но, возможно, недостаточно для всех нужд. Возможно, произойдет всемирная драка за нефть, и цены на нее

значительно возрастут. Поэтому будем надеяться, что Национальный совет угольной промышленности проведет отрасль без потерь через трудные годы, лежащие впереди, и сохранит ее способность эффективно производить порядка 200 миллионов тонн угля в год. Время от времени будет казаться, что снижение добычи угля и увеличение импорта нефти дешевле и удобнее для отдельных пользователей или для всей экономики в целом, но национальная топливная политика должна основываться на долгосрочном видении проблемы. И этот долгосрочный взгляд должен учитывать такие всемирные тенденции, как рост численности населения и индустриализацию. По всей видимости, к 1980 году население планеты будет как минимум на треть больше, чем сегодня, а объем мирового промышленного производства — по меньшей мере в два с половиной раза выше, чем сегодня; потребление топлива более чем удвоится. Чтобы обеспечить удвоение общего потребления топлива, необходимо будет увеличить добычу нефти в четыре раза; удвоить количество получаемой гидроэнергии; поддержать уровень добычи природного газа как минимум на сегодняшнем уровне; обеспечить существенный (пусть все еще скромный) вклад ядерной энергетики, и добывать примерно на двадцать процентов больше угля, чем сегодня. Несомненно, за следующие двадцать лет произойдет масса событий, которые мы не можем сегодня предусмотреть. Некоторые события могут увеличить потребность в угле, а некоторые — уменьшить. Нельзя основывать политику на неизвестном и тем более непредсказуемом. Политика, основанная на том, что можно предвидеть сегодня, должна предусматривать сохранение, а не ликвидацию угольной промышленности...

На эти и многие другие предупреждения, высказывавшиеся на протяжении 1960-х годов, никто так и не обратил

внимания; к ним относились с насмешкой и презрением вплоть до всеобщей топливной паники 1970 года. Каждое новое открытие нефти или природного газа, будь то в Сахаре, в Нидерландах, в Северном море, или на Аляске, встречали с восторгом как событие, «основательно изменившее будущее нефтедобычи», как будто анализ, подобный вышеприведенному, уже не *предполагает*, что огромные новые открытия должны совершаться каждый год. Основной недочет опытных расчетов 1961 года в том, что все цифры оказались несколько занижены. События развивались даже быстрее, чем я ожидал десять или двенадцать лет назад.

Даже сегодня приходится слышать, что у нас нет проблем. На протяжении 1960-х годов самые обнадеживающие заявления исходили в основном от нефтяных компаний, хотя ими же предоставляемые цифры полностью опровергали их утверждения. Сегодня, когда почти половина производственных мощностей и куда более половины доступных запасов западноевропейской угольной промышленности уничтожено, они сменили пластинку. Раньше говорили, что ОПЕК — Организация стран-экспортеров нефти — никогда не будет значимой, потому что арабы ни за что не договорятся друг с другом, и тем более с не-арабами. Сегодня же ясно, что ОПЕК — величайший картель-монополия, что видывал мир. Раньше говорили, что страны-экспортеры нефти *зависят* от стран-импортеров в не меньшей степени, чем последние зависят от первых; сегодня ясно, что тот, кто так говорил, выдавал желаемое за действительное: потребность в нефти настолько велика, а спрос столь неэластичен, что странам-экспортерам нефти, действующим сообща, для увеличения своих доходов достаточно уменьшить добычу нефти. Все еще встречаются люди, заявляющие, что если цены на нефть станут слишком высоки (не знаю, что они имеют в виду), нефть перестанут покупать из-за высокой цены; но ведь совершенно очевидно, что пока нефть заменить ничем в хоть сколько-нибудь значимом масштабе, поэтому на

самом деле покупатели не могут перестать покупать нефть из-за ее дороговизны.

Тем временем, страны-производители нефти начинают понимать, что одной нефтью и нефтедолларами сыт не будешь, и их население нуждается в новых источниках жизнеобеспечения. А их создание требует, кроме денег, огромных усилий и очень долгого времени. Нефть — это «тающий актив», и чем быстрее он растает, тем меньше времени останется для развития новой экономической базы воспроизводства. Выводы очевидны: в долгосрочном плане *как* страны-экспортеры, *так и* страны-импортеры нефти по-настоящему заинтересованы продлить «жизнь» нефти как можно дольше. Первым необходимо время, чтобы разработать альтернативные источники жизнеобеспечения, а вторым — чтобы приспособить свои зависимые от нефти экономики к ситуации (которая совершенно точно сложится еще при жизни большинства сегодня живущих людей), когда нефти будет мало и цены на нее будут огромны. Самая большая опасность для тех и для других — продолжать наращивать добычу и потребление нефти во всем мире. Катастрофу на нефтяном фронте можно было бы предотвратить, только полностью осознав *фундаментальное единство долгосрочных интересов обеих групп стран* и предприняв совместные действия для стабилизации и постепенного снижения годовых объемов потребления нефти.

Что до стран-импортеров нефти, Западная Европа и Япония находятся в самом незавидном положении. Эти два региона рискуют превратиться в «бедных родственников», стоящих в очереди за импортом нефти. Это очевидно и без сложных компьютерных расчетов. До самых недавних пор Западная Европа жила в приятной иллюзии приближения «века безграничной, дешевой энергии» и известные ученые, среди прочих, в качестве своего экспертного мнения заявляли, что в будущем «энергии будет завалиться». Возьмем Доклад по топливной политике Великобритании, опубликованный в ноябре 1967 года:

С открытием запасов природного газа в Северном море перспективы снабжения Великобритании энергией предстают в новом свете. Вот и ядерная энергия того и гляди станет важнейшим источником энергии. В ближайшее время ядерная энергия и газ Северного моря в корне изменят структуру спроса и предложения энергии.

Прошло пять лет. Достаточно сказать, что Великобритания больше зависит от импортной нефти, чем когда бы то ни было раньше. В докладе, представленном Министру окружающей среды в феврале 1972 года, глава об энергетике начинается такими словами:

Мы крайне озабочены будущем как британской, так и мировой энергетике. По существующим оценкам, ископаемые энергоносители будут исчерпаны в не столь отдаленном будущем, и необходимо найти удовлетворительные альтернативы. Огромные грядущие потребности развивающихся стран, рост населения, бездумное разбазаривание некоторых энергоносителей, возможный рост издержек на добычу ресурсов и опасности, связанные с развитием ядерной энергетике, — все эти факторы вызывают все растущую озабоченность.

Жаль, что «растущая озабоченность» не проявилась в 1960-х годах, когда почти половина британской угольной промышленности была ликвидирована из-за ее «экономической неэффективности» (причем, закрывая шахты, мы фактически теряем их навсегда). И поистине удивительно, что, несмотря на «растущую озабоченность», очень влиятельные официальные лица постоянно требуют от отрасли дальнейшего закрытия шахт по «экономическим» причинам.

Глава 4

ЯДЕРНАЯ ЭНЕРГЕТИКА — СПАСЕНИЕ ИЛИ ПРОКЛЯТИЕ?

Появление ядерной энергетике вызвало всеобщую эйфорию, теперь, правда, постепенно проходящую. По всеобщему убеждению, за ядерной энергетикой будущее, и изобрели ее как раз вовремя. Но никто не задумывался о *последствиях* ее появления. Ядерная энергия казалась новой, прогрессивной, поразительной; к тому же обещали, что она будет дешевой. Поскольку новый источник энергии рано или поздно все равно понадобится, то почему бы не пользоваться им уже сегодня?

Следующее заявление было сделано шесть лет назад. В то время оно казалось очень неортодоксальным:

Кульм экономической теории благоволил резким «революционным» переменам. Служители этого культа не понимают одной простой истины: резкие перемены, не обещающие очевидных улучшений — это кот в мешке. Они рассуждают так: «Мы произвели грандиозные перемены, а уж к чему они приведут, пусть думают всякие «экологи-зеленые». Если *они* не докажут очевидный вред этих перемен для человека, значит изобретенное новшество имеет полное право на существование и повсеместное внедрение». Если рассуждать здраво, то бремя доказательства, наоборот, должно лежать на том, кто жаждет грандиозных перемен. Это *он* должен доказать, что от таких изменений никто *не пострадает*. Но на это бы ушло слишком много времени, а время — деньги. Между тем, всякий экономист, будь он профессионал или любитель, просто обязан досконально

изучить экологию: это помогло бы ему не принимать опрометчивых решений. Ведь экологи знают, что «окружающая природная среда формировалась многие миллионы лет, и к ней должно относиться с уважением. Наша планета — сложный организм, населенный более чем 1,5 миллионами видов животных и растений, живущих совместно в относительно устойчивом равновесии. Они постоянно пользуются одними и теми же молекулами почвы и воздуха. Это равновесие не может быть улучшено бесцельным и необдуманным вмешательством. Любые изменения в сложном механизме сопряжены с некоторым риском и должны предприниматься лишь после тщательного изучения всех имеющихся фактов. Новшества поначалу следует испытывать и внедрять в малых масштабах, и только потом принимать решение о повсеместном внедрении. Если существует недостаток информации, то изменения следует максимально приблизить к природным процессам, которые уже в течение длительного времени безотказно поддерживают жизнь на Земле»²⁸.

И далее:

Широкомасштабное использование реакции расщепления ядра, бесспорно, стало наиболее опасным и глубоким вмешательством человека в естественный природный порядок. В результате ионизирующая радиация стала самым серьезным фактором загрязнения окружающей среды и величайшей угрозой жизни человека на Земле. Неудивительно, что создание атомной бомбы приковало всеобщее внимание, но, быть может, ее больше никогда не станут использовать. Использование атомной энергии в так называемых мирных целях таит в себе гораздо большую угрозу для человечества. В этой области безраздельно властвует экономическая теория. Вопрос выбора между строительством традиционных электростанций на угле или мазуте или атомных электростанций решается лишь на

основе экономических расчетов. При этом ради приличия делается небольшой реверанс в сторону возможных «социальных последствий» быстрого сворачивания угольной промышленности. Однако же ни в каких расчетах не фигурирует тот факт, что реакция ядерного расщепления представляет невероятную, ни с чем не сравнимую и единственную в своем роде опасность для человеческой жизни. Ни в одной стране мира профессионалы в области оценки риска — страховые компании — не желают страховать АЭС от гражданской ответственности, то есть от риска причинения ущерба третьим лицам. В результате потребовалось принятие специального законодательства, согласно которому государство берет всю ответственность на себя²⁹. Но страхование не может устранить угрозу человечеству. Тем не менее правительство и общественность, похоже, интересуется лишь «прибыльностью», тем самым отдавая дань культу холодной и расчетливой экономической теории.

Нельзя сказать, чтобы нас некому было предупредить об опасностях радиации. Воздействие альфа-, бета- и гамма-лучей на живую клетку изучено достаточно хорошо: радиоактивные частицы подобно пулям, врезаются в ткани, а степень наносимого поражения прежде всего зависит от интенсивности излучения и типа пораженных клеток³⁰. Уже в 1927 году американский биолог Г.Д. Мюллер опубликовал свой знаменитый труд о генетических мутациях, вызванных рентгеновским облучением³¹, а в начале 30-х годов опасность генетических повреждений вследствие радиоактивного излучения была признана также и учеными других областей³². Ясно, что перед нами неведомая доселе угроза беспрецедентных масштабов, нависшая не только над теми, кто подвержен риску радиоактивного поражения, но и над их потомками.

После создания радиоактивных веществ их радиоактивность уже невозможно снизить никакими средствами — человечество оказывается в ловушке. Ни химическая реакция, ни физическое воздействие не может

обезвредить радиацию с момента ее возникновения. Это лишь во власти времени. Период полураспада углерода-14 составляет 5900 лет. Это означает, что требуется почти 6 тысяч лет, чтобы его радиоактивность уменьшилась наполовину. Период полураспада стронция-90 составляет 28 лет. Но каким бы коротким ни был период полураспада, какая-то доля излучения сохраняется практически вечно. И с этим уже ничего не поделаешь. Единственный «выход» — попытаться захоронить радиоактивное вещество в относительно безопасном месте.

Но где найти достаточно безопасное место для огромного количества радиоактивных отходов, создаваемых ядерными реакторами? Ни одно место на земле не может считаться абсолютно безопасным. Сначала предлагали сбрасывать радиоактивные отходы в самые глубины океана, полагая, что жизнь на такой глубине невозможна³³. Но затем советские ученые обнаружили жизнь на огромной глубине. А везде, где есть жизнь, радиоактивное вещество вовлекается в биологический цикл. В течение считанных часов после погружения этих веществ в воду, огромное их количество можно обнаружить в живых организмах. Планктон, водоросли и многие морские животные накапливают радиоактивные вещества в концентрациях, в тысячу, а иногда и в миллион раз превышающих концентрацию радиоактивных веществ в воде. А поскольку одни организмы служат пищей для других, то радиоактивные материалы поднимаются вверх по пищевой цепи и возвращаются к человеку³⁴.

Международной конвенции о захоронении радиоактивных отходов до сих пор не существует. В ноябре 1959 года на конференции МАГАТЭ в Монако страны-участницы так и не смогли договориться: большинство стран были возмущены практикой американцев и англичан сбрасывать радиоактивные отходы в океан³⁵. «Высокорadioактивные» отходы все еще продолжают сбрасывать в океан, а «средне-» и «низко радиоактивные» сливают в реки или прямо в землю. В одном из докладов КАЭ лаконично отмечается,

что жидкие отходы «постепенно просачиваются в грунтовые воды, но радиация, полностью или частично [так! ого!] застревает в почве»³⁶.

Основные поставщики радиоактивных отходов — это, конечно же, отслужившие свой срок ядерные реакторы. На повестке дня стоит тривиальный экономический вопрос — каков срок службы реактора? 20 лет? 25 лет? 30 лет? Да какая разница? Знает ли кто-нибудь, что ядерный реактор не подлежит разборке и транспортировке? Он будет стоять на своем прежнем месте сотни, а может даже тысячи лет, представляя постоянную угрозу всему живому, тихо и незаметно загрязняя радиацией воздух, воду и почву. Никого не волнует ни количество, ни расположение этих неумолимо множась дьявольских мельниц. Все почему-то уверены, что реакторы не потревожат ни землетрясения, ни войны, ни гражданские беспорядки и бунты, которыми так изобилуют американские города. Отработавшие АЭС будут стоять уродливыми памятниками и постоянно нарушать покой человека: «а вдруг что случится?», и напоминать ему, что когда-то будущим жертвовали ради мелких сиюминутных выгод.

Тем временем ряд государственных служб занимаются разработкой «предельно допустимых концентраций» (ПДК) и «предельно допустимых уровней» (ПДУ) для различных радиоактивных веществ. Под ПДК подразумевается количество радиоактивного вещества, которое человеку допустимо накопить в своем теле. Но известно, что любое накопление радиации в организме приводит к биологическому повреждению. Сотрудники радиологической лаборатории ВМФ США отмечают: «Полностью вылечиться от радиоактивного поражения невозможно, поэтому нам необходимо волевое решение о том, с какой дозой облучения мы готовы смириться. То есть вопрос: что является «приемлемым» или «допустимым», должен решаться не на основе научных исследований, а через постановления правительства»³⁷. Стоит ли удивляться,

что разумные и честные люди, типа Альберта Швейцера, реагируют на такие административные решения весьма бурно: «Кто дал им такое право? Кто вообще вправе давать такое разрешение?»³⁸ История принятия этих решений, мягко говоря, вызывает тревогу. Около 12 лет назад Британский совет медицинских исследований отметил, что:

Максимально допустимый уровень стронция в скелете человека, принятый Международной комиссией по радиационной защите, соответствует тысяче микро-микрокури на один грамм кальция (=1000 стандартных единиц). Но это максимально допустимый уровень для взрослых работников особых специальностей и не подходит для населения в целом или для детей с их повышенной чувствительностью к радиации³⁹.

Немногим позже ПДК стронция-90 для населения в целом была уменьшена на 90 процентов, а затем еще на одну треть до 67 стандартных единиц. Тем временем ПДК для работников АЭС была поднята до 2000 стандартных единиц⁴⁰.

В джунглях противоречий, накопившихся в этой области, несложно и потеряться. Но если внимательно во всем разобраться, не остается сомнений, что «мирное использование» ядерной энергии уже представляет очень серьезную угрозу не только для нынешнего, но и для будущих поколений. И это при том, что на сегодняшний день доля ядерной энергетики в общем энергетическом балансе сравнительно невелика. Если же ядерная энергетика начнет бурно развиваться, со временем наладятся постоянные транспортные потоки радиоактивных веществ от заводов по производству ядерного топлива к АЭС и обратно, а от АЭС к предприятиям по переработке отходов, затем от них — к местам захоронений. Крупная авария во время перевозки или производства может привести к очень серьезной катастрофе, и уровень радиации по всему миру

будет неотвратно расти от поколения к поколению. По словам современных генетиков, столь же неумолимо, хотя с определенным временным лагом, будет увеличиваться количество всевозможных вредных мутаций. К.З. Морган из лаборатории Оук-Ридж подчеркивает, что повреждения могут быть совершенно невидимы глазу: деградация качеств органической материи, таких как подвижность, способность к размножению и сенсорная чувствительность. «Небольшая разовая доза радиации на любой стадии жизненного цикла организма может и не повредить, однако постоянное облучение той же интенсивности может вызвать более серьезные повреждения, чем большая единовременная доза... Даже когда облучение вроде бы не ставит под угрозу жизнь человека, могут иметь место внутренние повреждения и увеличение частоты мутаций»⁴¹.

Ведущие генетики призывали сделать все возможное, чтобы не допустить учащения мутаций⁴². Светила медицины настаивали на том, что будущее ядерной энергетики должно определяться прежде всего результатами исследований в области влияния радиации на живые организмы, а таких исследований в настоящее время совершенно недостаточно⁴³. Ведущие физики полагали, что для решения проблемы будущих источников энергии, не столь уж острой в настоящее время, можно обойтись и «меньшей кровью, чем строительство... ядерных реакторов»⁴⁴. Ведущие исследователи стратегических и политических проблем в то же время предупреждали, что распространение ядерного оружия станет неизбежным, если продолжится тиражирование плутониевой технологии, как в «блистательно запущенной президентом Эйзенхауэром 8 декабря 1953 года “инициативе по мирному использованию атома”»⁴⁵.

Но все эти весомые аргументы почему-то не оказывают никакого влияния на ход дискуссии о том, быть или не быть ядерной энергетике со всеми ее непредсказуемыми опасностями. О них даже не упоминают. Дебаты о будущем ядерной энергетики, результаты которых жизненно

важны для человечества, ведутся исключительно на основе соображений сиюминутной выгоды, как если бы два старьевщика пытались договориться о скидке на приобретаемый товар.

В конце концов, что такое задымление воздуха по сравнению с загрязнением воздуха, воды и почвы ионизирующей радиацией? Я вовсе не собираюсь приуменьшать вред от загрязнения воздуха и воды традиционными загрязнителями. Но мы должны признать существенную разницу: радиоактивное загрязнение — это зло несопоставимо большего «масштаба», чем все, с чем сталкивалось человечество до сих пор. Что толку в чистом воздухе, если этот воздух насыщен радиацией? Но, допустим, удастся предотвратить загрязнение воздуха — ну и что с того, если заражены почва и вода?

Даже экономист мог бы задаться вопросами: к чему нам экономический прогресс и пресловутый высокий уровень жизни, если наша земля, единственная, что у нас есть, загрязняется веществами, из-за которых наши дети и внуки могут родиться уродами? Неужели трагедия с талидомидом* нас ничему не научила? Можно ли решать столь серьезные проблемы путем необоснованных заверений или увещаний государственных органов, типа «нет доказательств, что это вредно, нечего и панику поднимать»?⁴⁶ Можем ли мы при решении таких вопросов руководствоваться исключительно расчетами краткосрочной прибыльности?

С точки зрения здравого смысла [писал Леонард Битон], страны, опасаящиеся распространения ядерного оружия, должны были постараться как можно дольше сдерживать его разработку в странах, у которых его пока

* Талидомид — твердое кристаллическое вещество ($C_{13}H_{10}N_2O_4$), широко применявшееся как успокаивающее и снотворное. Затем было обнаружено, что талидомид вызывает очень сильные уродства у новорожденных, если мать принимала его во время беременности. — *Прим. пер.*

нет. По идее, США, СССР и Великобритания должны были направлять большие средства, к примеру, на доказательство привлекательности традиционных видов топлива как источников энергии... Произошедшие же события можно трактовать, как одну из наиболее необъяснимых политических прихотей в истории. Возможно, лишь социальному психологу под силу объяснить, почему обладатели самого ужасного за всю историю человечества оружия способствовали распространению технологий, необходимых для его производства... К счастью... ядерных реакторов пока сравнительно немного⁴⁷.

Выдающийся американский ядерный физик А. У. Вейнберг смог хоть как-то это объяснить: «люди доброй воли, — говорит он, — склонны расхваливать положительные аспекты ядерной энергетике просто потому, что отрицательные ее стороны столь ужасны». Но он также предупреждает, что «ученые атомщики с оптимизмом пишут о своем влиянии на мир по веским причинам личного характера. Все они должны как-то оправдывать перед собой свое участие в создании инструментов ядерного разрушения (и даже мы, специалисты, связанные с «мирными» реакторами, лишь немногим меньше обременены чувством вины, чем наши коллеги, изготавливающие оружие)»⁴⁸.

Казалось бы, что значат сладкозвучные обнадеживающие речи «виноватых» ученых и бездоказательные обещания финансовых выгод по сравнению с заложенным в нас инстинктом самосохранения? Но мы не прислушиваемся к своим инстинктам. «Пока еще не слишком поздно пересмотреть старые решения и принять новые, — говорит один современный американский обозреватель. — По крайней мере сегодня у нас еще есть выбор»⁴⁹. Строительство множества новых ядерных реакторов лишит нас этого выбора, и мы останемся один на один с огромнейшей угрозой масштабного радиоактивного загрязнения. А сможем ли мы с ней справиться, неизвестно.

Совершенно ясно, что некоторые научно-технические достижения последних тридцати лет создали и продолжают создавать невиданную опасность для природы и человека. В сентябре 1960 года в США на Четвертой национальной конференции по онкологии Лестер Бреслоу из Министерства здравоохранения Калифорнии сообщил, что десятки тысяч особей форели в нерестилищах западного побережья США внезапно заболели раком печени, и продолжил:

Внедрение новых технологий, меняющих среду обитания человека, происходит с такой головокружительной скоростью и контролируются настолько слабо, что остается удивляться, как людям до сих пор удалось избежать что-то вроде эпидемии рака, охватившей в этом году форель⁵⁰.

Упоминая о подобных вещах, я, без сомнения, подставляю себя под огонь критики и рискую получить клеймо «противника науки, техники и прогресса». Поэтому позвольте в заключение сказать несколько слов о будущем научных исследований. Человек не может жить без науки и техники так же, как он не может жить, нарушая законы природы. Однако, следует серьезно задуматься, о *направлении* научных исследований. Этот вопрос нельзя оставить на откуп ученым. По словам самого Эйнштейна⁵¹, «почти все ученые находятся в полной экономической зависимости», а «число ученых, обладающих чувством социальной ответственности столь незначительно», что они не могут определять направление исследований. Последнее высказывание, без сомнения, применимо ко всем ученым-специалистам. Следовательно, эта задача ложится на плечи сознательных рядовых граждан, на людей вроде тех, что являются членами Национального общества охраны чистого воздуха и других подобных организаций, обеспокоенных *сохранением среды обитания*. Им следует работать над общественным мнением с тем, чтобы политики,

зависимые от общественного мнения, освободились от рабства экономических расчетов и занялись действительно значимыми проблемами. Как я уже сказал, действительно значимой проблемой является *направление* исследований, которые должны ориентироваться скорее на ненасилие, чем на агрессию; на гармоничное сотрудничество с природой, а не на противостояние ей; на создание бесшумных, энергосберегающих, изящных и экономичных решений, обычно свойственных природе, а не грохочущих, энергозатратных, грубых, ресурсоемких и неуклюжих решений современной науки.

Пока же наука движется по пути все большего насилия над природой, венец которого — расщепление ядра и грядущий ядерный синтез. Этот гибельный путь грозит истреблением всему человечеству. Но ведь нас никто не обязывал идти именно этим путем. Есть также возможность жизнеутверждающего и созидательного развития, сознательного исследования и культивирования всех мирных, гармоничных, естественных методов сотрудничества с этой огромной, чудесной, непостижимой, сотворенной Богом природой, частью которой (и уж никак не ее творцами) являемся и мы.

Так заканчивалась моя лекция, прочитанная перед Национальным обществом охраны чистого воздуха в октябре 1967 года. Ее встретила осознанными аплодисментами очень ответственная аудитория. Но затем на меня яростно обрушились государственные органы с критикой за «сущую безответственность». Чего стоит одно лишь замечание министра энергетики Великобритании Ричарда Марша, который посчитал своим долгом «пристыдить» меня. По его словам, лекция была *невероятной и бесполезной, никак не проясняющей проблему сравнения себестоимости ядерной и тепловой энергии* (Дэйли Телеграф от 21 октября 1967 года.)

Но времена меняются. Доклад о борьбе с загрязнением, представленный в феврале 1972 года Министру окружающей

среды официально назначенной рабочей группой, и опубликованный Канцелярией Ее Величества под заглавием «Загрязнение: досадное неудобство или возмездие?», содержит такие строки:

Нас очень беспокоит будущее, будущее Великобритании и всего мира. Похоже, что мировое экономическое процветание связано с ядерной энергетикой. В настоящее время на долю ядерной энергетике приходится только один процент от всей произведенной в мире электроэнергии. Если текущие планы будут реализованы, то к 2000 году доля ядерной энергетике составит более пятидесяти процентов. Каждый день будут вводиться в эксплуатацию два новых реактора по 500 мегаватт, подобные реактору в Тросфиниде в Сноудонии⁵².

Касательно радиоактивных отходов от ядерных реакторов:

И самую большую тревогу за будущее вызывает долгосрочное, почти вечное хранение радиоактивных отходов... Мы научились очищать воздух, воду и почву от некоторых загрязнителей, но способов устранения радиоактивного излучения не существует... Потому нет способов их безопасного и вечного хранения...

Сегодня в Соединенном Королевстве стронций-90 хранится в жидком виде в огромных баках из нержавеющей стали в Уиндскейле (графство Камберленд). Их приходится постоянно охлаждать водой, поскольку тепло, выделяющееся в результате радиоактивного распада, подняло бы температуру выше точки кипения. Мы будем вынуждены охлаждать эти баки еще долгие годы, даже если сегодня прекратим строительство ядерных реакторов. Но быстрое увеличение количества стронция-90, ожидающееся в будущем, может поставить нас перед гораздо более серьезными проблемами. Более того, ожидающийся переход на технологии быстрых

бридерных реакторов еще больше усугубит ситуацию, поскольку они производят большое количество радиоактивных веществ с очень длительным периодом полураспада.

Одним словом, мы сознательно и намеренно накапливаем смертоносное вещество, уповая на совершенно иллюзорную мечту, что в один прекрасный день мы как-нибудь от него избавимся. Мы переваливаем все заботы по решению этой неразрешимой проблемы на грядущие поколения.

Наконец, доклад содержит совершенно ясное предостережение:

Всецело доверившись ядерной энергетике, человек может вдруг обнаружить, что связанные с ней проблемы неразрешимы. Такая опасность действительно существует. И тогда, возможно, возникнет сильнейшее политическое давление пренебречь опасностями радиации и продолжать пользоваться уже построенными реакторами. Было бы верхом благоразумия притормозить развитие ядерной энергетике, пока мы не найдем решения проблемы радиоактивных отходов... Многие ответственные люди пошли бы еще дальше. Они считают, что стоит вообще отказаться от строительства ядерных реакторов, пока мы не знаем способа утилизации их отходов.

А как же удовлетворить постоянно растущий спрос на энергию?

По их мнению, если спрос на электроэнергию будет продолжать расти сегодняшними темпами, энергетические потребности невозможно будет удовлетворить без ядерной энергетике, поэтому человечеству следует пересмотреть свои потребности

и пользоваться электроэнергией и другими видами энергии менее расточительно. Более того, они видят насущную необходимость в изменении направления научных исследований.

Никаким процветанием экономики нельзя оправдать накопление огромных количеств высокотоксичных материалов, не поддающихся обезвреживанию. Эти вещества будут чрезвычайно опасными для всего живого в течение исторических или даже геологических эпох. Такой поступок — преступление против самой жизни, преступление бесконечно более серьезное, чем любое из когда-либо совершенных человеком. Мысль о том, что цивилизация может строить свое существование на фундаменте такого злодеяния, есть чудовищное этическое, духовное и метафизическое заблуждение. Это означает вести хозяйственную деятельность без малейшего уважения к человеку.

Глава 5

ТЕХНОЛОГИЯ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ

Современный мир таков, какова его метафизика. Метафизика определила содержание образования, которое в свою очередь привело к появлению науки и техники. Если не возвращаться к метафизике и образованию, то можно сказать, что мир обрел свой современный вид благодаря технике. Его лихорадит, терзает то один, то другой кризис, со всех сторон слышны пророчества катастрофы, и, действительно, видны признаки распада.

Если мир, преобразованный техникой, выглядит больным, разумно взглянуть на саму технику. Если мы чувствуем, что техника становится все более и более негуманной, небесполезно подумать, как нам обзавестись чем-нибудь получше — технологией с человеческим лицом.

Достаточно странно, что техника, хоть, конечно же, и создана человеком, развивается по своим собственным законам, весьма отличным от законов человеческой природы и живой природы в целом. Природа всегда знает, где и когда остановиться. Поистине, естественный рост — великая тайна. Но естественное прекращение роста — тайна еще более глубокая. Во всем живом присутствует чувство меры — в размерах, скорости, агрессивности. В результате природной системе, частью которой является и человек, свойственно равновесие, приспособляемость и самоочищение. С техникой — или, скорее, с человеком под властью техники и специализации — все наоборот. Техника не признает ограничений в размере, скорости, агрессивности. Поэтому она лишена достоинств равновесия, приспособляемости и самоочищения. Техника, и в особенности современная супертехника — инородное

тело в тонкой системе природы, и налицо все признаки отторжения.

Не удивительно, что современная техника ввергла мир в три кризиса одновременно. Во-первых, человеческая природа восстает против нечеловечных технических, организационных, и политических структур, которые ее душат и обескровливают. Во-вторых, живая природа, поддерживающая существование человека, больна. Она стонет и демонстрирует признаки частичного распада. И, в-третьих, посягательства на невозобновимые ресурсы планеты, в особенности на ископаемое топливо, достигли таких масштабов, что серьезная нехватка и фактическое истощение ресурсов не за горами, что совершенно очевидно каждому сведущему в этом деле человеку.

Каждый из этих трех кризисов — болезнь, которая может оказаться смертельной. Не знаю, который из трех станет прямой причиной краха. Но совершенно очевидно, что образ жизни, основанный на материализме, то есть на постоянном и безграничном экономическом росте в конечной среде, долго не протянет и конец тем ближе, чем успешнее экономический рост.

Результаты бурного развития мировой промышленности за последние двадцать пять лет удручающи. Повсеместно проблемы растут быстрее решений. Это относится как к богатым странам, так и к бедным. Стало очевидно, что современные технологии не облегчат глобальную проблему бедности, не говоря уже о проблеме безработицы, которая уже достигает тридцати процентов во многих так называемых развивающихся странах и того и гляди охватит богатые страны. Не будь трех кризисов, о которых я говорил, мы еще могли бы повторить мнимый успех последних двадцати пяти лет, а так это уже невозможно. Поэтому давайте разберемся с технологией — что она делает и что она должна делать. Можем ли мы создать технологию, что действительно поможет нам в решении проблем, — технологию с человеческим лицом?

На первый взгляд, техника призвана облегчить человеку бремя работы, необходимой для поддержания жизни и самореализации. И техника вроде бы справляется с этой задачей — достаточно взглянуть на любую работающую машину. Компьютер, например, за считанные секунды производит вычисления, на которые клеркам и даже математикам потребовалось бы очень много времени, если такие расчеты вообще возможно произвести вручную. Но если взглянуть на все общество в целом, в душу закрадываются серьезные сомнения. Когда я впервые посетил некоторые богатые и бедные страны, меня так и подмывало сформулировать первый закон экономической теории следующим образом: «Количество свободного времени в обществе обратно пропорционально количеству трудосберегающих машин, используемых в этом обществе». Преподаватели экономической теории могли бы включить это высказывание в экзаменационные работы и попросить студентов обсудить его. Как бы там ни было, эта закономерность очевидна. Уезжая из беспечной Англии в, скажем, Германию или Соединенные Штаты, вы обнаруживаете, что немцы или американцы живут в намного большем напряжении, чем англичане. А в стране вроде Бирмы, что плетется в самом хвосте промышленного прогресса, у людей огромное количество по-настоящему радостного досуга. Конечно, они не располагают трудосберегающим оборудованием, и их «достижения» значительно скромнее наших, но это совсем другая история. Факт остается фактом: им живется значительно легче, чем нам.

Поэтому стоит разобраться, какой в технике прок. Она значительно снижает бремя некоторых видов работ, но при этом увеличивает бремя других. Современная технология разделалась с искусной, продуктивной работой человеческих рук в контакте с природными материалами. В продвинутом индустриальном обществе такая работа стала чрезвычайно редкой, а обеспечить себе достойную жизнь, занимаясь такой работой, стало практически невозможно.

Быть может, этим в большой степени и объясняются неврозы современного общества, ибо ничто так не мило человеку — которого Фома Аквинский называл существом с мозгами и руками — как творческая, полезная, продуктивная работа с использованием и рук и мозгов. Сегодня только состоятельный человек может позволить себе это простое удовольствие, эту великую роскошь: ему нужно помещение и хорошие инструменты, ему очень повезет, если он найдет хорошего учителя и достаточно свободного времени на учебу и наработку навыка. Получается, что он должен быть достаточно богат и не нуждаться в работе, ибо число работ, удовлетворительных в этих отношениях, действительно очень невелико.

Покажу на примере, насколько современная технология уzurпировала работу человеческих рук. Зададимся вопросом, сколько «совокупного времени общества» — то есть всего времени, что есть у всех нас, по двадцать четыре часа в день на каждого — действительно используется в реальном производстве. Чуть меньше половины всего населения нашей страны, как говорится, заняты, и около одной трети из этого числа — настоящие производители в сельском хозяйстве, строительстве и промышленности. Я действительно имею в виду только *настоящих производителей*, а не людей, говорящих другим людям, что делать, или считающих прошлое, или планирующих на будущее, или распределяющих то, что произведено другими людьми. Другими словами, чуть меньше одной шестой всего населения заняты реальным производством. В среднем каждый из них кормит кроме себя пятеро других, из которых двое заняты чем-то помимо реального производства, а трое не заняты. Далее: полностью занятый человек, за вычетом праздников, больничных, прогулов, проводит около одной пятой своего общего времени на работе. Из этого следует, что доля «совокупного времени общества», затрачиваемая на реальное производство — в узком смысле, в котором я использую этот термин — составляет около одной пятой от

одной третьей от одной второй, то есть 3,5 процента. Остальные 96,5 процентов «совокупного времени общества» тратится на что-то еще, включая сон, еду, телевизор, работу, которая *напрямую* ничего не производит, или просто более или менее сносное времяпрепровождение.

Эти расчеты не следует воспринимать слишком буквально, но они совершенно адекватно показывают, чего мы добились при помощи технологии. Она сократила количество времени, непосредственно затрачиваемого на реальное производство, до столь незначительного процента от совокупного времени общества, что настоящая работа теряет истинный вес, не говоря уже о престиже. Поэтому не удивительно, что престиж достается тем, кто помогает заполнить оставшиеся 96,5 процентов совокупного времени общества. Это в основном те, кто нас развлекает, а также те, кто применяет на практике закон Паркинсона*. Социологи могли бы проверить такую гипотезу: «В современном индустриальном обществе престиж человека обратно пропорционален его близости к реальному производству».

На это есть еще одна причина. С концентрацией продуктивного времени в 3,5 процентах совокупного времени общества работа перестала приносить работнику всякое удовольствие и удовлетворение. Почти все реальное производство превратилось в нечеловеческую рутину, которая не обогащает человека, а опустошает его. Как было сказано, «заводы делают мертвую материю красивой, а людей — безобразными».

Поэтому не будет преувеличением сказать, что современная технология украла у человека самую приятную работу — творческую, полезную работу для рук и мозгов, и дала взамен много фрагментарной работы, большая часть которой человеку вообще не по душе. Технология засадила массу людей за работу, которая, если она вообще

* «Работа расширяется до тех пор, пока не заполнит все время, на нее отведенное». — *Прим. пер.*

продуктивна, продуктивна в непрямом или каком-то «опосредованном» виде, и большая часть такой работы была бы вообще не нужна при менее современных технологиях. Похоже, Карл Маркс предвидел многое из этого, когда писал: «Они хотят, чтобы производились только полезные вещи, но забывают, что производство слишком большого количества полезных вещей выливается в слишком большое количество бесполезных людей», к чему можно добавить: особенно когда процесс производства безрадостен и скучен. Все это подтверждает наше подозрение, что, развиваясь, современная технология становится все менее человеческой, поэтому нам не мешало бы остановиться и пересмотреть свои цели.

Мы накопили огромное количество новых знаний, обладаем чудесными научными методами их дальнейшего умножения и обширным опытом в их применении. Все эти знания в некотором смысле истинны. Эти истинные знания сами по себе *не* обрекают нас на технологию гигантизма, сверхзвуковых скоростей, насилия и устранения человеческого удовольствия от работы. Мы использовали наши знания только одним из возможных способов, причем, как сегодня становится все более заметно, способом немудрым и разрушительным.

Как я показал, в нашем обществе по-настоящему продуктивное рабочее время уже сократилось до примерно 3,5 процентов совокупного времени общества, и все развитие современных технологий направлено на его дальнейшее сокращение, асимптотически* до нуля. Представьте себе, что мы поставили противоположную цель — увеличить его в шесть раз до примерно 20 процентов, чтобы 20 процентов совокупного времени общества использовалось на действительно продуктивную работу с использованием

* Асимптота — математическая прямая, постоянно приближающаяся к некоторой кривой, но так и не пересекающая ее в конечном расстоянии. — *Прим. пер.*

рук, головы и, естественно, отличных инструментов. Невероятная мысль! Тогда нашлась бы работа даже для детей и стариков. При шестикратном снижении продуктивности мы бы производили то же самое количество товаров, что и сегодня. На любую работу нашлось бы в шесть раз больше времени — достаточно, чтобы выполнить ее размеренно и с удовольствием, произвести по-настоящему качественные предметы и даже украсить их. Только подумайте о терапевтическом эффекте настоящей работы, об ее образовательной ценности. Никто бы тогда не стал продвигать срок обучения в школе или понижать возраст выхода на пенсию с целью вытеснить людей с рынка рабочей силы. Помощь каждого была бы уместна. Достоянием каждого стала бы редчайшая сегодня привилегия — возможность, задействуя руки и голову, выполнять полезную, творческую работу в удобное для себя время, в своем темпе, и с отличными инструментами. Значит ли это, что нам пришлось бы намного больше работать? Нет, люди, которые так работают, не знают различия между работой и досугом. За исключением сна, еды и иногда безделья, они всегда занимаются чем-то приятным и продуктивным. Многие работы для «нахлебников» просто исчезли бы; оставлю на откуп читателю определить их. Стали бы не нужны бездумные развлечения и другие наркотики и, несомненно, люди намного меньше болели бы.

Могут возразить, что это романтическая, утопичная мечта. Согласен. Вот уклад современного индустриального общества не романтичен и уж конечно не утопичен, ибо мы все ему свидетели. Но он очень серьезно болен, без шансов выжить. Мы, черт побери, должны набраться смелости мечтать, если хотим выжить и дать своим детям шанс на выживание. Три кризиса, о которых я говорил, не исчезнут, если мы будем продолжать жить, как раньше. Все будет лишь ухудшаться и закончится катастрофой, если мы не создадим новый образ жизни, учитывающий истинные потребности человеческой натуры, обеспечивающий здоровье живой

природы вокруг нас и вписывающийся в запасы мировых ресурсов.

Это действительно непросто, и не потому, что невозможно вообразить новый образ жизни, который бы отвечал этим требованиям, но потому, что современное общество потребления похоже на наркомана, который, как бы плохо ему ни было, никак не может слезть с иглы. Что бы там ни говорили, большинство самых серьезных проблем современности порождаются богатыми странами, а вовсе не бедными.

Но богатые страны по крайней мере обратили внимание на третий мир и попытались уменьшить его бедность. Это почти благословение свыше. Хотя помощь далеко не всегда искренна, и эксплуатация бедных продолжается, я думаю, изменение отношения богатых к бедным достойно похвалы. Это новое мировоззрение могло бы нас спасти: бедные не в состоянии успешно перенять наши технологии. Они часто пытаются это сделать, и затем тяжко страдают от массовой безработицы, массовой миграции в города, упадка села и невыносимых социальных трений. На самом деле им нужно то же, что и нам: *другие* технологии, технологии с человеческим лицом, которые вместо того, чтобы делать человеческие руки и голову лишними, помогли бы разительно увеличить их продуктивность.

Как сказал Ганди, бедным не поможешь массовым производством, но только производством *массами*. Система *массового производства*, основанная на сложных, очень капиталоемких, энергоемких и трудосберегающих технологиях, предполагает, что вы уже богаты, ибо требует огромных капитальных вложений для создания каждого рабочего места. Система *производства массами* мобилизует бесценные ресурсы, которыми обладают все человеческие существа — умные головы и умелые руки — и *снабжает их первоклассными инструментами*. Технологиям *массового производства* присуще насилие, разрушение природы, эксплуатация невозобновимых ресурсов и обольванивание

человека. Технологии *производства массами*, используя лучшие современные знания и опыт, ведут к децентрализации, сочетаются с законами природы, экономно используют ограниченные ресурсы и служат человеку, а не превращают его в слугу машин. Я назвал их *средними технологиями*, что значит, что они значительно превосходят примитивные технологии ушедших веков, и в то же время значительно проще, дешевле и свободнее супертехнологий богатых. Их также можно назвать технологиями «помоги себе сам», или демократичными, народными технологиями, доступными каждому, а не только тем, кто уже богат и могуществен. Мы более подробно рассмотрим среднюю технологию в следующих главах.

Мы обладаем всеми необходимыми знаниями, но еще требуется систематическое, творческое усилие, чтобы эта технология увидела свет и стала повсеместно известной и доступной. По своему опыту знаю, что усложнить вещь куда проще, чем вновь сделать ее простой. Любой третьеразрядный инженер или исследователь гораздо усложнять, но чтобы вернуть вещам простоту, нужен гений. А проницательность редко свойственна людям, отвернувшимся от настоящей продуктивной работы и от самобалансирующей системы природы, которая всегда знает меру и пределы. Любая деятельность, не признающая принципа самоограничения, — от сатаны. В нашей работе с развивающимися странами мы по крайней мере вынуждены признать ограничения бедности, и поэтому, искренне пытаюсь помочь другим, можем также научиться помогать себе.

Думаю, уже очевиден конфликт мнений, от которого зависит наше будущее. С одной стороны стоят люди, полагающие, что с тремя кризисами можно справиться современными методами, и только ими; я называю их людьми полный вперед. С другой стороны, есть люди, ищущие новый образ жизни, стремящиеся вернуться к определенным базовым представлениям о человеке и мире; я называю их «теми, кто возвращается домой». Не спорю, что голоса людей полный

вперед, как и сатаны, сладкозвучны. Они знают самые лучшие песни и постоянно напевают самые популярные и знакомые мелодии. Нельзя стоять на месте, говорят они, стоять на месте — значит идти вниз, ты должен идти вперед, с современной технологией все в порядке, ну разве что она еще недоделана, но так нужно ее доделать. Можно привести слова д-ра Сикко Маншольта, одного из самых выдающихся вождей Европейского экономического сообщества и типичного представителя этой группы. «Больше, дальше, быстрее, богаче, — говорит он, — ключевые слова современного общества». И, по его мнению, необходимо помочь людям к этому приспособиться, «ибо другой альтернативы нет». Это аутентичный голос полного вперед, который вторит великому инквизитору Достоевского: «Зачем же ты пришел нам мешать?» Они указывают на демографический взрыв и на вероятность всемирного голода. Естественно, мы должны смело броситься вперед и не падать духом. Народ начинает протестовать и бунтовать? Давайте найдем больше полицейских и лучше вооружим их. Проблемы с окружающей средой? Примем более строгие законы против загрязнения и ускорим экономический рост, чтобы покрыть расходы на защиту природы. Не хватает природных ресурсов? Перейдем на синтетические материалы. Кончается ископаемое топливо? Сменим медленные ядерные реакторы на быстрые, а расщепление ядра — на ядерный синтез. Неразрешимых проблем не *существует*. Лозунги людей полный вперед ежедневно мелькают в заголовках газет с неизменным смыслом: «ежедневный прогресс — вот и кризис исчез».

А как насчет другой стороны? Эта состоит из людей, которые глубоко убеждены, что технический прогресс сбился с правильного пути и его нужно снова направить в правильное русло. Термин «возвращающийся домой» имеет, конечно, религиозную коннотацию. Ибо нужно обладать недюжинной храбростью, чтобы сказать «нет» моде и чарам нашего времени и отбросить предрассудки

цивилизации, которая завоевала почти весь мир. Необходимые на этом пути силы можно почерпнуть только из глубоких убеждений. Если они исходят лишь из страха перед будущим, они, очень возможно, исчезнут в решающий момент. Тот, кто возвращается в свой истинный дом, не знает лучших песен, но помнит самые возвышенные слова, не много не мало, слова Евангелия. Для него самое точное описание *нашего* положения — это притча о блудном сыне. Удивительно, но Нагорная проповедь содержит достаточно точные инструкции о том, как сформировать мировоззрение, которое могло бы привести к Экономике Выживания.

Блаженны нищие духом, ибо им принадлежит Царство Небесное.

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Блаженны кроткие, ибо они унаследуют землю.

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Блаженны миротворцы, ибо они названы будут сыновьями Божиими.

Казалось бы, какая связь между этими словами и проблемами техники и экономики? Но не потому ли мы в беде, что до сих пор не видим этой связи? Не сложно различить, что эти откровения значат для нас сегодня:

Мы бедняки, а не полубоги.

Нам есть много о чем плакать. Мы не вступаем в золотой век.

Нам нужна кротость и философия ненасилия, а малое прекрасно.

Мы должны заботиться о справедливости и зреть торжество правды.

И все это, только это, сделает нас миротворцами.

Возвращающиеся домой и люди полный вперед поразному смотрят на природу человека. Было бы слишком

поверхностно сказать, что последние верят в «рост», а первые — нет. В определенном смысле все верят в рост, что совершенно правильно, ибо рост — существенная черта жизни. Все упирается в то, чтобы провести в идее роста качественные различия, ибо чему-то следует расти, а чему-то — уменьшаться. Так устроено в природе.

Равным образом было бы слишком поверхностно сказать, что возвращающиеся домой не верят в прогресс, ведь прогресс тоже, можно сказать, существенная черта жизни. Все сводится к определению того, что такое прогресс. Те, кто возвращаются домой, считают, что путь, на который встала и по которому продолжает идти современная технология — к все большему размеру, все большим скоростям, все большему насилию наперекор всем законам природной гармонии — противоположен прогрессу. Отсюда призыв остановиться, подвести итоги «прогресса» и найти новое направление. Подведение итогов обнаруживает, что мы разрушаем самое основание нашего существования. Чтобы найти новое направление, нужно вспомнить об истинном смысле человеческой жизни.

Так или иначе каждому придется определить свое место в этом великом конфликте. «Положиться на мнение экспертов» значит примкнуть к людям полный вперед. Все соглашаются, что политика — слишком важное дело, чтобы оставлять ее на усмотрение экспертов. Сегодня основное содержание политики — это экономика, а основное содержание экономики — это технология. Если политику нельзя отдавать на откуп специалистам, то же самое относится к экономике и технологии.

Обнадешивает, что обычные люди часто мыслят более широко и более «человечно», чем эксперты. Сегодня обычные люди считают, что они не в силах ничего изменить. Но от них и не требуется встать и начать действовать наперекор всему обществу. Достаточно поддержать альтернативные группы, что уже начали действовать. Кстати приведу два примера. Первый касается сельского хозяйства, по-прежнему самого

масштабного занятия человека на земле, а второй — промышленной технологии.

Современное сельское хозяйство полагается на внесение в почву, растения и животных все больших количеств химикатов, которые в долгосрочном плане разрушают плодородие и здоровье почвы. Людям, об этом заявляющим, обычно напоминают, что теперь де человечеству приходится выбирать между «ядом или голодом». Однако во многих странах есть преуспевающие фермеры, которые обеспечивают высокую урожайность без использования химикатов и не подвергают риску долгосрочное плодородие и здоровье почвы. Вот уже двадцать пять лет частная благотворительная организация — Почвенная ассоциация — занимается исследованием жизненно важных связей между почвой, растениями, животными и человеком, предпринимает или поддерживает соответствующие исследования, и пытается информировать общество о достижениях в этой области. Ни преуспевающие фермеры, ни Почвенная ассоциация не смогли заручиться официальной поддержкой и признанием. Обычно над ними смеются, их обзывают «навозными мистиками», ибо они, естественно, «стоят на обочине прогресса». Их методы возделывания земли отличаются ненасилием и уважением бесконечно тонкой гармонией природы, а это противоположно образу жизни современного мира. Но если мы сейчас осознали, что современный образ жизни смертельно опасен, не стоит ли нам поддержать и даже присоединиться к этим первопроходцам, вместо того, чтобы игнорировать или осмеивать их?

Что до промышленности, то Группа разработки средних технологий занимается систематическими исследованиями того, как помочь людям встать на ноги и достигнуть независимости и самодостаточности. Хотя ее работа в основном касается оказания технической помощи третьему миру, результаты ее исследования привлекают все большее внимание тех, кого волнует будущее богатых стран. Ибо

она показывает, что средние технологии, технологии с человеческим лицом, возможны, жизнеспособны и вновь вовлекают человеческое существо, с его умелыми руками и изобретательной головой, в процесс производства. Она служит *производству массами* вместо *массового производства*. Как и Почвенная ассоциация, это частная благотворительная организация с добровольным членством, зависящая от общественной поддержки.

Я не сомневаюсь, что развитие техники можно повернуть в новое русло. Технология может вернуться к истинным потребностям человека, а также к *реальному размеру человека*. Человек мал, и поэтому малое прекрасно. Стремление к гигантскому — это стремление к саморазрушению. А во сколько нам обойдется смена курса? Гм! Как-то странно подсчитывать цену выживания. Несомненно, за все стоящее должно платить: чтобы перенаправить технологию с разрушения человека на служение ему, придется, главным образом, напрячь воображение и избавиться от страха.

ЧАСТЬ III ТРЕТИЙ МИР

Глава 1

РАЗВИТИЕ

Несколько лет назад в Государственном докладе об экономическом развитии стран третьего мира британское правительство так определило цель своей помощи:

Мы сделаем все от нас зависящее, чтобы помочь развивающимся странам предоставить своему населению материальную основу для самореализации, насыщенной и счастливой жизни и постоянного совершенствования условий существования.

Вряд ли сегодня кто-то станет говорить об этом с таким же оптимизмом, но отношение к проблеме особо не изменилось. Однако на практике задача оказалась не такой уж простой, как думали многие, и немало новоиспеченных государств чувствуют это на себе. Особое беспокойство мирового сообщества вызывают два явления: массовая безработица и массовая миграция населения в города. Две трети человечества считают «насыщенную и счастливую жизнь и постоянное совершенствование условий существования» если не утопией, то весьма далекой перспективой. Поэтому на проблему экономического развития требуется взглянуть заново.

Необходимость нового подхода к экономическому развитию очевидна, и раздаются призывы увеличить расходы на помощь бедным странам. Вся беда де в недостатке средств. Сторонники такой точки зрения признают наличие

нездоровых и разрушительных процессов, но полагают, что увеличение объемов финансирования могло бы компенсировать негативные тенденции. Если же выделяемых средств не хватит для помощи всем странам, то их следует направить в страны, где можно ожидать должную отдачу от помощи. Неудивительно, что мало кто принял такую точку зрения.

Практически во всех развивающихся странах наблюдается одно нездоровое и разрушительное явление — «двойственная экономика». Возникают два отдельных мира со своим укладом и образом жизни. Речь не идет о простом делении на богатых и бедных, но о двух совершенно отличных, но параллельно сосуществующих системах, в одной из которых дневной доход даже самого скромного работника на несколько порядков выше дохода самого трудолюбивого работника в другой. Социальные и политические трения, возникающие из-за двойственной экономики, настолько очевидны, что нет нужды их подробно описывать.

В двойственной экономике типичной развивающейся страны примерно пятнадцать процентов населения заняты на современных предприятиях, сосредоточенных в одном-двух крупных городах. Остальные восемьдесят пять процентов живут в сельской местности и мелких городах. По некоторым причинам, которые будут обсуждаться ниже, основной поток помощи направляется в большие города. Это значит, что восемьдесят пять процентов населения остается не у дел. Что же станет с ними? Совершенно нереально предполагать, что со временем все они найдут работу в современном промышленном секторе больших городов, как это произошло во многих развитых странах. Ведь даже высокоразвитые страны сильно страдают от диспропорции городского и сельского населения.

Концепция «эволюции» занимает очень важное место во всех отраслях современного знания. Но теорию экономического развития учение об эволюции обошло

стороной, даже несмотря на то, что термины «развитие» и «эволюция» — почти синонимы. При всех ее достоинствах и недостатках в применении к другим отраслям, теория эволюции, безусловно, отражает наш опыт экономического и технологического развития. Представим себе современное промышленное предприятие, скажем, гигантский нефтеперерабатывающий завод. Мы бродим по его просторам, оглядываем фантастически сложные машины и удивляемся, как человек смог до всего этого додуматься. Какие огромные знания, талант и опыт заложены в этом оборудовании! Как же такое возможно? Дело в том, что человек не сходу все это придумал, а доходил до этого постепенно, эволюционным путем. Сначала все было довольно просто, потом что-то добавлялось, что-то совершенствовалось, а завод в целом становился все более сложным. Но даже то, что мы видим на заводе — лишь, как говорится, вершина айсберга.

От нашего взора укрылось гораздо больше, чем мы увидели: сложнейшая разветвленная организационная структура, обеспечивающая все от поступления сырой нефти на завод до отправки множества упакованных и промаркированных готовых заказов на нефтепродукты бесчисленным заказчикам через чрезвычайно сложную и отлаженную систему сбыта. Все это мы увидеть не смогли. Остались невидимыми для нас и интеллектуальные достижения в области планирования, организации, финансов и маркетинга. Тем более мы не можем увидеть высокий образовательный уровень от начальной школы до университетов и научно-исследовательских институтов, который и стал основой всего существующего на заводе. Как я уже сказал, посетитель видит лишь вершину айсберга: а под водой осталось его основание, которое в десять раз больше верхушки. Однако без этого скрытого основания верхушка просто невозможна. И если в стране, на территории которого был возведен завод, нет такого основания, то либо завод просто не сможет функционировать, либо останется для этой страны инородным телом и будет практически

полностью зависеть от «основания» другой страны. Сейчас этот факт просто забыли, так как современные люди склонны принимать во внимание лишь видимое глазу и игнорировать невидимое, которое на самом деле является двигателем видимого.

Так, быть может, одной из причин относительной неудачи иностранной помощи или по крайней мере низкой ее эффективности является наша материалистическая философия, следуя которой мы не замечаем важные предпосылки успешного развития, обычно невидимые глазу? А если и замечаем, то ставим в один ряд с материальными факторами, которые можно распланировать, расписать и приобрести за деньги по заранее разработанному плану развития. Другим словами, мы склонны видеть в «развитии» не «эволюцию», а «творения».

Наши ученые беспрестанно и с полной уверенностью утверждают, что все окружающее произошло в результате небольших мутаций, прошедших естественный отбор. Даже Всевышний, по их мнению, не способен сотворить что-нибудь сложное. Считается, что всякая сложная система является результатом эволюции. А вот наши специалисты по развитию почему-то думают, что они лучше Бога и могут сотворить сложнейшую систему за один присест с помощью планирования. У них Афина рождается не из головы великого Зевса, а из ничего, и при этом она во всеоружии, прекрасна и полностью жизнеспособна.

Конечно, время от времени происходит что-то из ряда вон выходящее, и то там, то здесь кому-либо удастся успешно реализовать проект. В конце концов, сотворить суперсовременный островок в море доиндустриального общества не так уж и сложно. Но впоследствии такие островки будут нуждаться в постоянной защите от стихии, а провизию на них будут сбрасывать с вертолетов, иначе остров погибнет и его смоем бушующий океан. В любом случае, вне зависимости от успешности этих проектов, создается «двойственная» экономика, о которой говорилось выше. Такие островки не

могут быть интегрированы в существующее общество и начинают разрушать устоявшиеся социальные связи.

Кстати сказать, аналогичные тенденции наблюдаются даже в самых высокоразвитых странах, где они проявляются в виде чрезмерной урбанизации с образованием мегаполисов, а за бортом всеобщего изобилия остается немало нищих, безработных, никому не нужных людей.

До недавнего времени эксперты по развитию довольно редко вспоминали о «двойственной» экономике, а с ней и о ее родных сестрах: массовой безработице и массовой миграции в города. Двойственную экономику воспринимали лишь как досадное временное явление. Между тем всем стало ясно, что со временем вряд ли что-нибудь изменится. Даже наоборот, «двойственная» экономика, если не принимать должные меры, вызывает «эффект взаимного уничтожения». Успешное промышленное развитие в городах уничтожает экономическую структуру глубинки, а глубинка мстит за это массовой миграцией в города, в результате чего город становится совершенно неуправляемым. Согласно долгосрочным оценкам ВОЗ и компетентных экспертов вроде Кингсли Дэвиса, появятся города в двадцать, сорок и даже шестьдесят миллионов жителей, где несметное число людей будут прозябать в невообразимой нищете.

Но, может быть, есть другой путь? Развивающиеся страны вряд ли смогут обойтись без современной промышленности, особенно там, где налажены тесные связи с богатыми странами. Между тем, предполагается, что современные отрасли очень быстро вырастут и обеспечат рабочими местами чуть ли не все население страны. Но так ли это? В последние двадцать лет, составляя программы развития, плановики неизменно руководствовались принципом: «все, что хорошо для богатого, обязательно должно быть хорошо и для бедного». Эта идея подвигла на воистину великие свершения. Достаточно просмотреть список развивающихся стран, где американцы и их союзники, а иногда и русские, нашли уместным воздвигнуть «мирные» атомные реакторы:

Тайвань, Южная Корея, Филиппины, Вьетнам, Таиланд, Индонезия, Иран, Турция, Португалия, Венесуэла. Основная же проблема всех этих стран — возрождение сельского хозяйства, так большая часть бедного населения проживает в сельской местности.

Отправной точкой наших рассуждений будет бедность, вернее, ее крайнее проявление — нищета, ведущая к деградации и распаду личности. Прежде всего нам необходимо определить и понять условия нищеты и связанные с ними ограничения. И опять, наша материалистичная философия обязывает нас принимать во внимание лишь «материальную основу» (используя слова из доклада, который я цитировал в начале главы) и не обращать никакого внимания на нематериальные факторы. Но я уверен, что среди причин нищеты материальные факторы, такие как недостаток природных ресурсов, капитала или неразвитость инфраструктуры, являются лишь вторичными. Основные причины ужасающей нищеты нематериальны, они кроются в недостатке образования, организации и дисциплины.

Движущая сила развития — не товары, а люди и их образование, организация и дисциплина. Без этих трех составляющих все остальные ресурсы пассивны. Существуют процветающие общества, которые практически не обладают природными ресурсами; и первостепенное значение нематериальных факторов было особенно заметно после второй мировой войны. Как бы ни разорена была послевоенная экономика, страна с высоким уровнем образования, организации и дисциплины неизменно являла «экономическое чудо». На самом деле, это казалось чудом лишь тем, кто смотрел на вершину айсберга. Война разрушила вершину, но осталось невидимое основание — образование, организация, дисциплина.

В этом-то и заключается центральная проблема развития. Если основная причина нищеты в недостатке образования, организации и дисциплины, то преодоление нищеты требует, соответственно, развития этих трех составляющих.

Становится понятно, почему развитие не может быть «творением», почему его нельзя купить, заказать и четко распланировать, и почему развитие — эволюционный процесс. Уровень образования не подскочит в одночасье, это длительный и довольно сложный процесс. Невозможно все сразу организовать, организация развивается постепенно под влиянием изменяющихся обстоятельств. То же самое относится и к дисциплине. Все три формируются постепенно, шаг за шагом; основная же задача политики в области развития — ускорить эти процессы. Эти три элемента должны стать достоянием всего общества, а не привилегированного меньшинства.

Если помощь направлена на внедрение каких-либо новых видов экономической деятельности, то последние могут быть жизнеспособными лишь тогда, когда они подкрепляются уже существующим уровнем образования довольно широких слоев населения. Они принесут настоящую пользу обществу, если будут способствовать распространению более высокого уровня образования, организации и дисциплины. Но в любом случае это процесс, требующий не рывков и прыжков, а времени. Если внедряемые виды экономической деятельности требуют *особого* образования, *особой* организации и *особой* дисциплины, то такая деятельность не может органично вписаться в общество и не будет нести с собой здоровое развитие, а скорее лишь станет препятствием на его пути. Она так и останется инородным телом, которое невозможно переварить, и в дальнейшем будет усугублять проблему «двойственной» экономики.

Из всего этого следует, что развитием в первую очередь должны заниматься далеко не экономисты и уж тем более не экономисты, чьи взгляды основаны на матерой философии материализма. Без сомнения, на разных этапах процесса развития, а также на строго очерченных участках работы, требующих прагматичного подхода, найдут себе применение экономисты с самыми разными философскими взглядами,

но лишь в том случае, если политика экономического развития четко сформулирована и предполагает *охват всего населения страны*.

Новое мышление, необходимое для помощи развивающимся странам, будет отличаться от старого тем, что серьезно возьмется за проблему нищеты. Здесь нельзя автоматически руководствоваться правилом: «все, что хорошо для богатого, непременно хорошо и для бедного». Экономист с новым мышлением будет заботиться о человеке с совершенно практической точки зрения. К чему нам принимать во внимание человеческий фактор? Да потому что человек — первичный и незаменимый источник любого богатства. Если не ставить в центр человека и позволить мнимым экспертам и надменным плановикам манипулировать людьми, развитие не принесет никаких реальных результатов.

Следующая глава — немного сокращенная версия доклада, написанного в 1965 году для Конференции по применению науки и техники в целях развития стран Латинской Америки. Конференция была организована ЮНЕСКО в Сантьяго, Чили. В то время во всех дискуссиях по экономическому развитию уровень технологий обычно не обсуждался, основная задача развития виделась в том, чтобы внедрить данную высокую технологию там, где только возможно. Считалось, что чем выше уровень технологий, тем, конечно же, лучше. На фоне этого идею о том, что высокие технологии далеко не всегда решают насущные проблемы развивающихся стран и не могут быть восприняты нищим обществом, и вовсе поднимали на смех. Однако на основе идей этого доклада в Лондоне была создана Группа по разработке средних технологий.

Глава 2

РАЗРАБОТКА И ВНЕДРЕНИЕ СРЕДНИХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Введение

Сегодня во многих уголках мира наблюдается рост материального благосостояния богатых и дальнейшее обнищание бедных. И, похоже, установившаяся практика иностранной помощи и планирования развития не в состоянии хоть что-нибудь изменить. Более того, зачастую помощь и планирование в современном виде даже усиливают этот процесс: всегда легче подать руку помощи оступившемуся силачу, который, отряхнувшись, пойдет на своих ногах, нежели безногому калеке, которого всю дорогу придется нести на руках. Практически во всех «развивающихся» странах присутствует современный сектор экономики, где условия жизни и труда во многом схожи с реалиями развитых стран. Однако подавляющее большинство населения развивающихся стран живет и работает в традиционном секторе экономики. Здесь условия жизни и труда просто ужасающи, и к тому же продолжают ухудшаться.

Здесь меня интересует исключительно проблема помощи занятым в традиционном секторе экономики. Я вовсе не призываю перестать помогать современному сектору; такая работа, несомненно, продолжится. Но я убежден, что любые достижения в современном секторе окажутся иллюзорными, если не будет обеспечен если не рост, то хотя бы стабильные и достойные условия жизни и труда

для огромного числа людей, не вылезаящих из нищеты и пребывающих в состоянии полнейшей безнадежности.

Потребность в средней технологии

Положение бедных

Чем же живет бедняк в типичной «развивающейся» стране? Возможности трудоустройства для него настолько ограничены, что шансы выкарабкаться из нищеты практически равны нулю. Он либо подрабатывает от случая к случаю, либо вообще безработный, и даже если ему посчастливится найти временную работу, его производительность крайне низка. Возможно, он владеет землей, обычно крошечным клочком. Но зачастую земли у него нет и не будет никогда. В деревне ему надеяться не на что, и поэтому он перебирается в большой город. Но и в городе его никто не ждет с распростертыми объятьями: нет работы и, конечно же, нет крыши над головой. Но все же он тянется к городу: шансы найти там хоть какую-то работу повыше, чем в деревне, где они попросту нулевые.

Обычно единственной причиной явной и скрытой безработицы в деревне принято считать рост населения; да, без сомнения, это немаловажный фактор. Правда, не совсем понятно, почему дополнительные люди не могут найти дополнительной работы. Говорят, они не могут работать, потому что им не хватает «капитала». Но что такое «капитал»? Это продукт человеческого труда. Недостаток капитала может объяснить низкий уровень продуктивности, но не объясняет отсутствие возможностей для работы.

Между тем, факт остается фактом: огромное количество людей — безработные либо подрабатывают от случая к случаю. Это бедные и беспомощные люди, которые от отчаяния часто покидают насиженные места в деревне и ищут лучшей доли в большом городе. Сельская безработица

порождает массовую миграцию в город; это в свою очередь ведет к высокому темпу урбанизации. Даже богатой, высокоразвитой стране было бы сложно поддержать столь быстрый рост городов. Таким образом сельская безработица порождает безработицу городскую.

Помощь тем, кому она нужна больше всего

Таким образом, встает следующая проблема: как нам поправить экономическую ситуацию в деревне, где в большинстве случаев сосредоточено 80% — 90 % всего населения страны? До тех пор, пока все имеющиеся ресурсы направляются на развитие лишь крупных городов, где гораздо проще создать новые предприятия, нанять для них менеджеров и рабочих, найти финансирование и рынки сбыта для обеспечения их бесперебойной работы, товарное производство провинции будет страдать от конкуренции со стороны города. Это приведет к росту безработицы в деревне и миграции обездоленных бедняков в крупные города, которые также не могут обеспечить им достойные условия жизни. Процесс «взаимного уничтожения» продолжается.

Поэтому основные усилия по развитию и большую часть инвестиций необходимо направить не в город, а на создание «агропромышленной инфраструктуры» в провинции. Подчеркну, что главная потребность деревни — рабочие места, миллионы и миллионы рабочих мест. Никто не станет отрицать важность производительности труда, но главная забота на данном этапе — не максимизация производительности каждого рабочего, но максимизация возможностей для занятости безработных. Возможность работать для бедняка — это потребность номер один, и даже низкооплачиваемая и относительно низкопродуктивная работа — это лучше, чем безделье. Г-н Габриэль Ардант говорил: «Добейся широты охвата, а уж потом совершенствуй охваченное»⁵³.

Важно обеспечить работой всех желающих, ибо только так можно устранить растлевающее влияние безработицы и сформировать у населения новый менталитет, показать, что в этой стране труд обладает величайшей ценностью, востребован и используется наилучшим образом.

Другими словами, экономическая политика, определяющая успех экономического развития ростом объема производства или дохода без учета занятости, совершенно не оправдана в данной ситуации и свидетельствует о статическом подходе к проблеме развития. При динамическом подходе основное внимание уделяется насущным потребностям населения. В данный момент это в первую очередь потребность в хоть какой-нибудь работе, приносящей пусть самое скромное вознаграждение. И когда человек почувствует, что его время и труд имеют какую-то ценность, он уже сам позаботится об увеличении этой ценности. Поэтому ситуация, где все производят понемногу, гораздо выигрышней той, где единицы производят огромные объемы продукции. Это верно даже в тех исключительных случаях, когда общий объем производства при полной занятости и низкой общей продуктивности будет ниже, чем при занятости небольшого числа рабочих с высокой продуктивностью. Даже в этом случае динамический подход к развитию принесет свои плоды, ибо он обеспечивает здоровый, масштабный рост.

Человек без работы находится в отчаянном положении и почти наверняка захочет попытать счастья в городе. Это еще один довод в пользу расширения занятости — задачи номер один для экономического планирования. Без создания рабочих мест в деревне усилия по сокращению, не говоря уже по прекращению, миграции в крупные города попросту бесполезны.

Суть задачи

Итак, задача сводится к созданию миллионов новых рабочих мест в сельских районах и малых городах. Совершенно очевидно, что современная промышленность развитых стран справиться с этой задачей никак не сможет. Такой тип промышленности свойствен странам с избытком капитала и дефицитом рабочей силой, и поэтому никоим образом не подходит для стран с недостатком капитала и избытком рабочей силы. Ситуация в Пуэрто-Рико служит хорошей иллюстрацией сказанному. По данным недавнего исследования,

Развитие современного промышленного производства вносит очень скромный вклад в повышение занятости. При всей энергичности и успешности Программы развития Пуэрто-Рико с 1952 по 1962 год средний рост занятости на финансируемых Агентством международного развития предприятиях составлял лишь 5000 человек в год. При современном уровне безработицы и отсутствии чистой эмиграции на континент ежегодное увеличение занятости должно было бы составлять порядка 40000 человек в год...

В промышленном производстве необходимо творческое использование маломасштабных, более децентрализованных и трудоемких технологий, сродни тем, что до сих пор сохраняются в Японии и внесли ощутимый вклад в ее энергичный рост⁵⁴.

Столь же яркие примеры можно привести из истории многих других стран, в особенности Индии и Турции. Чересчур амбициозные экономисты при планировании пятилеток закладывали на конец пятилетки больший уровень безработицы, чем на ее начало.

На самом деле данную задачу можно сформулировать в четырех положениях:

Во-первых, рабочие места в первую очередь необходимо создавать в провинции, то есть в местах текущего места жительства основной части населения, а не в городских агломерациях, куда безработные склонны мигрировать в поиске работы.

Во-вторых, средние затраты на одно рабочее место должны быть достаточно низкими для того, чтобы создать их в большом количестве без привлечения иностранного капитала и высококлассных специалистов.

В-третьих, необходимо использовать простые методы производства для снижения потребности в высококвалифицированных рабочих. Это относится не только к производственному процессу, но и к структуре предприятия, организации снабжения сырьем и сбытовой сети, финансам предприятия и так далее.

В-четвертых, сырьем для производства должны служить преимущественно местные материалы, а выпускаемая продукция должна предназначаться преимущественно для местных нужд.

Эти четыре условия можно выполнить только при «региональном» подходе к развитию и, во-вторых, при целенаправленной разработке и внедрению так называемых «средних технологий». Теперь мы по очереди рассмотрим эти два условия.

Региональный или «местный» подход

Размеры существующих территориально-административных единиц могут не подходить для нужд развития и помощи самым бедным. В некоторых случаях размеры административных единиц чересчур малы, но зачастую они слишком велики. Возьмем, к примеру, Индию. Это огромная административная единица и, безусловно, в

некоторых случаях ее целесообразно рассматривать как единое целое. Но если политика экономического развития рассматривает только (или преимущественно) «Индию в целом», то, развитие, естественно, будет концентрироваться в современном секторе городских агломераций. Однако обширные районы страны, где проживает более восьмидесяти процентов населения, останутся незатронутыми, а может даже понесут ущерб от такого развития. Отсюда появление тех самых сестер двойственной экономики: массовой безработицы и массовой миграции в город. В результате такого «развития» удачливое меньшинство значительно преумножит свое благосостояние, в то время как действительно нуждающиеся в помощи окажутся в положении еще более безнадежном, чем раньше. Если цель развития — помощь нуждающемуся в ней, то для каждого «региона» или «района» страны нужен индивидуальный план развития. Вот что понимается под «региональным» подходом.

В качестве еще одного примера можно привести Италию, уже достаточно богатую страну. В Южной Италии и Сицилии экономическое развитие прекратилось в результате успешного экономического роста «Италии в целом». Итальянская промышленность сконцентрирована преимущественно на севере страны, но ее быстрое развитие не решает, а даже усугубляет проблемы юга. Как говорится, деньги к деньгам липнут. Конкуренция с севера разрушает производство на юге и вытягивает оттуда всех талантливых и предприимчивых людей. Для противодействия этой тенденции необходимы осознанные усилия, ведь если развитие сосредоточено лишь в одном регионе и совсем не касается остальных регионов страны, то жизнь в отстающих регионах ухудшается, возникает массовая безработица, и происходит интенсивный отток безработных в город. Этот механизм срабатывает даже в высокоразвитых странах.

Везде, безусловно, присутствует своя специфика: многое зависит от географии и местных условий. Нескольких тысяч

человек, несомненно, недостаточно, чтобы образовать «район» для индивидуального экономического развития, но несколько сотен тысяч человек, даже если они проживают на обширной территории, уже заслуживают такого обозначения. Население всей Швейцарии менее шести миллионов человек, между тем она разделена на двадцать с лишним «кантонов», каждый из которых является своеобразным центром развития. В результате население и промышленность Швейцарии распределены по территории страны достаточно равномерно, что препятствует образованию излишних городских конгломератов.

В идеале каждый «район» должен обладать внутренним единством и своеобразием. На его территории должен быть хотя бы один город, служащий районным центром. Району равно необходима как экономическая так и социально-культурная инфраструктура. Желательно, чтобы она выглядела следующим образом: в каждой деревне района — начальная школа, в маленьких городах — рынки и общеобразовательные школы, а в довольно крупном районном центре — высшее учебное заведение. Чем обширнее территория страны, тем настоятельнее потребность во «внутренней структуре» и в децентрализованном подходе к развитию. Стоит пренебречь этой потребностью, и положение бедных станет совершенно безнадежным.

Потребность в адекватной технологии

Понятно, что такой «региональный» или «районный» подход обречен на провал, если не основан на использовании подходящей технологии. Оборудование каждого рабочего места в современной промышленности требует огромных капитальных вложений — в среднем порядка 2000 фунтов стерлингов. Естественно, бедная страна не может позволить себе массовое создание таких рабочих мест. Более того, рабочее место в «современном» секторе обеспечивает

высокую отдачу только в при наличии современных инфраструктуры, условий труда и жизни. Хотя бы по этой причине создание таких рабочих мест вряд ли уместно в отсталом «районе», состоящем из сельской местности и нескольких небольших городов. В любой «развивающейся» стране, наверняка, найдутся промышленные предприятия, построенные в сельских районах, где высокочассовое современное оборудование попросту простаивает из-за недостатков в организации, нехватки финансирования, сырья, транспорта, возможностей сбыта, и т.п. Начинаются поиски виноватого, но факт остается фактом: на оплату импортного оборудования потрачена часть и без того скудных запасов иностранной валюты, внушительное количество дефицитных капитальных ресурсов выброшено на ветер.

Теория экономического развития, конечно, проводит различие между «капиталоемким» и «трудоемким» производствам. Хотя такое деление, несомненно, справедливо, оно не очень-то помогает уловить суть проблемы, ибо создается впечатление, будто технология любого производственного процесса — нечто неизменное и постоянное. Пусть теоретики утверждают, что развивающиеся страны должны отдать предпочтение «трудоемким» производствам перед «капиталоемкими». На практике выбор промышленности определяется другими более весомыми факторами, такими как наличие ресурсной базы, рынков сбыта, заинтересованности предпринимателей, и т. д. Но одно дело — выбрать тип производства, и совсем другое — *затем* подобрать технологии для использования на этом производстве. Поэтому будем вести речь сразу о технологии и не путаться в понятиях «капиталоемкости» или «трудоемкости». То же относится и к другому разграничению, обычно всплывающему при обсуждении этой проблемы, — между «крупномасштабным» и «маломасштабным» производством. Да, современное производство часто организовано в виде очень крупных предприятий, но «крупномасштабность» производства сама

по себе еще ни о чем не говорит. Соответствие данной промышленной деятельности условиям и потребностям бедного района напрямую зависит не от «масштаба», а от используемой технологии. Малое предприятие с средними издержками на создание рабочего места в 2000 фунтов стерлингов не годится так же, как и крупное предприятие с аналогичными издержками.

Поэтому, рассматривая технологии, мы быстрее дойдем до сути проблемы: экономическое развитие в бедных районах может быть плодотворным только на основе так называемой «средней технологии». В конце концов всегда выясняется, что средняя технология «трудоемка» и подходит маломасштабному производству. Однако, ни «трудоемкость», ни «малый масштаб» производства еще не означают, что используется «средняя технология».

Определение средней технологии

Давайте определим уровень технологии затратами на техническое оснащение одного рабочего места. Тогда традиционную технологию, используемую в типичной развивающейся стране можно условно назвать «технологией-£1», а технологию развитых стран — «технологией-£1000». Эти две технологии настолько отличны друг от друга, что резкий переход от одной к другой просто невозможен. Судите сами: попытки развивающихся стран внедрить технологию-£1000 в свою экономику неизбежно ведут к уничтожению технологии-£1 и ее рабочих мест намного быстрее, чем появляются современные рабочие места. Это усугубляет и без того отчаянное и беспомощное положение бедных, что были заняты в производстве с технологией-£1. Для оказания реальной помощи этим людям требуется технология, занимающая промежуточное положение между технологией-£1 и технологией-£1000. Назовем ее условно «технология-£100».

Такая «средняя» технология была бы несравнимо более продуктивна, чем традиционная технология (которая зачастую уже исчерпала себя), но в то же время была бы гораздо дешевле, чем сложная и очень капиталоемкая технология современной промышленности. При таком уровне капитализации возможно создать большое количество рабочих мест за довольно короткий временной промежуток. К тому же это было бы по силам местным предпринимателям не только в финансовом отношении, но и в отношении их образования, организаторских и прочих способностей и т. д.

Поясню последнее положение на примере:

На сегодня в развитых странах среднегодовой доход одного работника и средние затраты капитала на одно рабочее место соотносятся примерно как 1:1. Это означает, что для создания одного рабочего места требуется один человеко-год, или что, ежегодно откладывая одну месячную зарплату, через двенадцать лет работник сможет выкупить свое рабочее место. Если бы соотношение было 1:10, то для создания одного рабочего места потребовалось бы десять человеко-лет, а человеку для выкупа своего рабочего места нужно было бы ежегодно откладывать один месячный заработок на протяжении 120 лет. Это уже нереально, следовательно, при внедрении технологии-£1000 в район, застрявший на уровне технологии-£1, ожидать естественного развития производства и распространения технологии не приходится. На практике с точки зрения воздействия на человека внедрение таких дорогостоящих технологий в бедной среде имеет отрицательный эффект. Бедные люди, для которых технологии-£1000 недоступны, просто «сдаются» и зачастую бросают даже свои прежние занятия.

Средняя же технология должна естественно вписаться в относительно простую среду. Оборудование будет достаточно простым и, следовательно, понятным, поддающимся обслуживанию и ремонту на месте. Производство на простом оборудовании обычно находится в меньшей зависимости от высококачественного или соответствующего

точным спецификациям сырья; простое производство легче приспособляется к колебаниям рынка, чем предприятие, оснащенное чрезвычайно сложным оборудованием. При этом гораздо проще организовать обучение персонала, контроль и функционирование предприятия. Все становится значительно менее уязвимым для непредвиденных обстоятельств.

Обсуждение возражений

Со времени появления идеи средней технологии возник целый ряд возражений. Первыми появились возражения чисто психологические: «Вы хотите скрыть от бедных самое лучшее и вынудить их пользоваться примитивным и устаревшим оборудованием». Это говорят те, кто не знаком с настоящей бедностью и просто хочет еще немного повысить свой уровень жизни. Мы же ведем речь о подавленных нищетой массах людей, у которых нет никаких условий для достойной человека жизни, будь то в сельской местности или в городе, у которых нет ни «самого лучшего», ни «просто хорошего», ни даже самых элементарных средств к существованию. Иногда задаешься вопросом, а имеют ли «экономисты по развитию» хоть приблизительное представление о реальном положении бедных?

Некоторые экономисты и эконометрики* берут за основу политики развития ряд якобы фиксированных коэффициентов, таких как отношение затрат капитала к объему произведенной продукции. Они рассуждают так: мы имеем ограниченную сумму капитала. Его можно либо сконцентрировать на создании небольшого количества очень капиталоемких рабочих мест, либо «размазать

* Эконометрия — наука, смежная с экономической теорией. Описывает экономические явления и связь между ними математическим языком при помощи методов статистики и математического моделирования.
— *Прим. пер.*

тонким слоем» по большому количеству дешевых рабочих мест. Если сделать последнее, то общий объем произведенной продукции будет меньше, чем в первом случае. Следовательно, задача достижения максимально возможных темпов экономического роста останется не выполненной. Например, д-р Калдор утверждал, что «по результатам исследований, на самом современном оборудовании можно произвести намного больше товаров на единицу вложенного капитала, чем на менее сложных машинах, требующих вовлечения большего количества рабочей силы»⁵⁵. Считается, что строго ограничено не только количество «капитала», но и потребительских товаров, и это количество определяет «максимальный уровень занятости в любой стране в любое время».

Раз мы можем обеспечить работой ограниченное количество людей, давайте использовать их самым продуктивным образом. Они должны внести максимальный вклад в объемы национального производства, ибо это также обеспечит самые высокие темпы экономического роста. Не нужно сознательно жертвовать высокой продуктивностью ради снижения затрат капитала на создание одного рабочего места. Мне это кажется абсурдным, ибо несложно подсчитать, что, увеличив затраты капитала на одного рабочего в десять раз, можно увеличить количество произведенной продукции на одного рабочего в двадцать раз. Не вызывает никакого сомнения, что с любой точки зрения современные и капиталоемкие технологии — лучшее решение проблемы⁵⁶.

Что здесь можно возразить? Во-первых, эти рассуждения совершенно статичны и не принимают во внимание динамики развития. Если мы имеем дело с реальной жизнью, то необходимо всегда учитывать поведение и возможности человека, а не ограничиваться лишь машинами и

абстрактными коэффициентами. Ошибочно полагать, что предприятие со сложным оборудованием, построенное в простой среде, будет постоянно использоваться на полную мощность. А при низком использовании мощностей отношение количества произведенной продукции к затратам капитала снижается. Поэтому не стоит думать, что этот (затраты капитала / выпуск продукции) и другие теоретические коэффициенты неизменно верны в любых условиях, так как не последнюю роль здесь играют и многие другие факторы.

Более того, стоит разобраться, а действительно ли, как утверждает д-р Калдор, при увеличении капитальных затрат на одно рабочее место увеличивается общее количество произведенной продукции? Ни один сколько-нибудь сведущий в делах промышленности специалист и ни один ученый не подтвердят вам существование такой зависимости. Да, механизация и автоматизация применяются для повышения производительности труда (то есть количества выпускаемой продукции на одного рабочего). Однако влияние механизации или автоматизации на отношение производительности труда к затратам капитала может быть как положительным, так и отрицательным. Можно привести массу примеров, когда технологические усовершенствования за счет дополнительных затрат капитала ведут к сокращению рабочих мест, но при этом не влияют на объемы производства. Поэтому совершенно неверно утверждать, что повышение капиталоемкости рабочих мест вкупе с сокращением их числа всегда и везде приводит к росту совокупного объема производства.

Однако самый главный недостаток эти рассуждений в том, что они принимают количество «капитала» и даже «потребительских товаров» за «постоянную величину» в экономике с неполной занятостью. Такой статический подход опять неизбежно ведет к ошибочным выводам. Как я уже сказал, центральной проблемой политики развития должно быть создание возможности трудиться для тех, кто, будучи безработным, является потребителем — на каком бы

то ни было низком уровне — но при этом не вносит никакого вклада ни в производство «потребительских товаров», ни в создание «капитала». Занятость — непереносимое исходное условие для всего остального. Незанятый человек вообще ничего не производит, в то время как даже бедно оснащенный человек вносит положительный вклад, и этот вклад может идти на увеличение «капитала» или количества «потребительских товаров». Различие между этими двумя категориями вовсе не столь четкое, как склонны думать эконометрики, потому что определение «капитала» во многом зависит от уровня используемой технологии.

Рассмотрим один простой пример. В районе с высоким уровнем безработицы необходимо произвести земляные работы (к примеру, выкопать фундамент для здания). Для этих целей у нас имеется широкий выбор технологий: от самой современной землеройной техники до работы руками без всяких инструментов. Рабочим нужно выполнить фиксированный объем работ, что обусловлено самой природой работы. Очевидно, что отношение выполненных работ к затратам капитала будет максимальным при минимальных затратах капитала. Если работы будут выполняться без всякой помощи инструментов, то коэффициент объем выполненных работ / затраты капитала станет бесконечно высоким, однако производительность каждого работника будет чрезвычайно мала. Если же работы будут выполнены при помощи самых современных дорогих технологий, то коэффициент объем выполненных работ / затраты капитала станет низким при очень высокой производительности каждого рабочего. Обе эти крайности не желательны; необходимо найти срединный путь. Пусть сначала часть безработных приступят к изготовлению различных инструментов, включая тачки и тому подобное, в то время как другим поручат производство различных «потребительских товаров», которые могут купить занятые в производстве инструментов на свою заработную плату. В свою очередь в каждом из этих направлений производства

потенциально могли бы использоваться самые разные технологии, от самых простых до чрезвычайно сложных. В каждом случае требуется найти среднюю технологию, которая обеспечивает достаточно высокий уровень производительности без необходимости приобретения сложного и дорогого оборудования. Результатом всего затеянного предприятия станет экономическое развитие, выходящее далеко за рамки первоначального землеройного проекта. В этом случае проект был завершен при намного меньших общих затратах иностранного капитала и гораздо большем вовлечении неиспользованной рабочей силы, чем в случае покупки самой современной строительной техники. Но это еще не все. Главное, что местные жители, все местное сообщество встало на путь развития.

Поэтому я берусь утверждать, что динамический подход к развитию, где основная задача — выбор подходящей средней технологии, открывает возможности для плодотворной работы. Применение же статического эконометрического подхода попросту не в состоянии создать возможности экономического развития и роста.

Здесь мы сталкиваемся с очередным возражением против идеи средней технологии. «Все это было бы очень перспективным, если бы жители развивающихся стран имели хоть какую-нибудь предпринимательскую жилку. А так как их предпринимательские способности в целом чрезвычайно низки, нужно максимально использовать этот редкий ресурс там, где шансы на успех наиболее высоки. При этом нужно снабдить местных предпринимателей самым лучшим и современным оборудованием, что есть в мире». Тогда опять получается, что предприятия должны создаваться поблизости или в пределах больших городов в виде крупных интегрированных производств с максимальными затратами капитала на рабочее место.

Это возражение основано на предположении, что «предпринимательские способности» строго ограничены. Опять же, это чисто статичный подход. Предпринимательские

способности, конечно же, не ограничены и во многом зависят от используемой технологии. Люди, не способные к предпринимательству в рамках современных технологий, могут быть успешны в руководстве малыми предприятиями, работающими на средней технологии — по причинам, уже объясненным выше. По моему мнению, текущая нехватка предпринимателей во многих развивающихся странах является результатом именно очевидного «провала» сложных технологий, проникнувших в простую среду. Предприятия, использующие подходящие средние технологии, вряд ли будут страдать от нехватки местных предпринимателей. Кроме того, средние технологии никак не «отнимут» предпринимателей у современного сектора, даже наоборот. Распространяя знание систематических и технических способов производства среди населения, средняя технология, несомненно, поможет развитию предпринимательского таланта у большого числа людей.

Против идеи средней технологии было выдвинуто еще два возражения: продукция предприятий на средних технологиях потребует внутренних государственных субсидий, а также она не годится для экспорта. Оба возражения основаны лишь на догадках. На самом деле немало инженерных разработок и расчетов издержек, сделанных для конкретных продуктов в конкретных районах, неизменно доказывали, что себестоимость товара, произведенного при помощи правильно подобранной средней технологии, может быть даже ниже, чем себестоимость товара, выпущенного на современных фабриках в ближайшем крупном городе. Годится ли такой товар на экспорт — это открытый вопрос. В настоящее время безработные не только не производят товары на экспорт, а попросту не имеют никакой работы. Задача номер один — дать им работу, чтобы они могли производить полезные товары из местных материалов для местных нужд.

Применимость средней технологии

Конечно, применимость средней технологии не безгранична. Несомненно, есть товары, по сути являющиеся продуктом именно чрезвычайно сложных современных производств. В то же время бедным такие товары обычно и не нужны. Более всего бедные нуждаются в относительно простых благах: строительных материалах, одежде, домашней утвари, инструментах для сельского хозяйства, и кроме того, в достойной оплате производимой ими сельскохозяйственной продукции. Часто им также настоятельно необходимы деревья, вода и помещения для хранения урожая. Возможность самостоятельной первичной обработки сельскохозяйственной продукции также была бы неоценимой помощью сельскому населению. Средние технологии идеально подходят к использованию во всех этих областях.

Между тем, средние технологии применяются и в более сложных производствах. Приведу два примера из недавнего доклада:

Первый касается нефтеперерабатывающей промышленности. Большинство стран Африки, Азии и Латинской Америки пожелали иметь на своей территории нефтеперерабатывающие заводы, невзирая на малую емкость своих рынков нефтепродуктов. Эти страны пригласили к сотрудничеству международные компании, которые спроектировали небольшие маломощные (скажем, от 5000 до 30000 баррелей в день) нефтеперерабатывающие заводы с низким уровнем затрат капитала на единицу производимой продукции. Эти предприятия не уступают в эффективности и рентабельности более крупным и капиталоемким нефтеперерабатывающим заводам обычного образца. Второй пример относится к «мини-заводам» по производству аммиака, также недавно созданным для небольших рынков. По предварительным

данным, инвестиции в мини-завод мощностью 60 тонн в день могут составить около 30000 долларов на тонну мощности, в то время как обычный завод мощностью 100 тонн в день (что совсем немного для обычного предприятия) потребовал бы капиталовложений примерно 50000 долларов на тонну мощности⁵⁷.

Средняя технология — это вовсе не «шаг назад» к примитивным устаревшим методам, хотя систематическое изучение методов производства, использовавшихся в развитых странах, скажем, столетием назад, также сослужило бы неплохую службу. Часто считают, что достижения фундаментальной и прикладной западной науки заключаются, главным образом, в изобретении сложных приборов и оборудования. И отказ от сложной техники равносителен отказу от науки и научного подхода. Этот взгляд слишком поверхностен. Истинное достижение современной науки заключается в накоплении технических знаний. А использовать эти знания можно самыми разными способами, в том числе и в современной промышленности. Поэтому разработка средних технологий значит шаг вперед в неизведанные области. Странам с избытком рабочей силы больше подходят относительно недорогие средние технологии, чем сложные методы производства с огромными затратами капитала ради экономии труда и устранения «лишних» рабочих мест.

Взгляните на примеры использования средних технологий в реальной жизни, и вам станет ясно, что их применимость не просто широка, а даже универсальна. За примерами далеко ходить не нужно. Их можно найти в любой развивающейся стране, да и в развитых странах тоже. Тогда за чем же дело встало? Просто смелые и талантливые специалисты по средним технологиям работают в одиночку, без взаимной поддержки, и не могут помочь тем, кто хочет идти в том же направлении, но не знает, как начать. Они работают как бы вне основной сферы интересов государства и общественности. «Каталоги, издаваемые крупными

европейскими или американскими экспортерами дорогого оборудования, до сих пор являются главным источником технической информации»⁵⁸, и распределение иностранной помощи организовано так, что обычно выбираются крупномасштабные проекты на уровне самой современной технологии.

Если переключить внимание государства и общественности с грандиозных проектов на истинные потребности бедных, то победа средних технологий будет обеспечена. Изучение существующих средних технологий показывает, что уже есть достаточно знаний и опыта для обеспечения работой всех безработных. Новые инженерные разработки заполняют пробелы там, где существующих знаний и опыта не достаточно. Профессор Гаджил, директор Гокхальского института политики и экономики в Пуне (Индия), обрисовал три возможных подхода к разработке средней технологии:

Подход № 1. Начните с уже существующих методов традиционного производства, и усовершенствуйте их должным образом при помощи знания современных методов производства. Усовершенствование предполагает сохранение некоторых элементов существующего оборудования, навыков и процедур... Такой процесс совершенствования традиционной технологии чрезвычайно важен, особенно для технологий с использованием ручного труда, где важно избежать роста «технологической» безработицы...

Подход № 2. Начните с конца, с самой современной технологии. Упрощайте и подстраивайте ее под требования средней технологии... В некоторых случаях этот процесс будет включать в себя учет особых местных условий, таких как доступные источники энергии или вид топлива.

Подход № 3. Проведите научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки именно с целью создания средней технологии. Для гарантированного

успеха необходимо задать всем разработчикам — ученым и технологам — лимитирующие экономические условия, такие как требуемый масштаб производства, соотношение капитальных затрат с затратами на оплату труда, объем используемого капитала и труда — возможные и желательные. Такие целенаправленные усилия по разработке средней технологии должны, несомненно, проводиться с учетом знаний современной технологии в этой области. Однако этот подход применим в куда большем количестве случаев, чем подход №2.

Далее профессор Гаджил призывает:

Основные усилия сотрудников опытных государственных лабораторий, технических институтов и факультетов крупных университетов должны быть направлены именно в эту сферу. С совершенствованием современной технологии во всех областях справляются развитые страны. Однако вряд ли кто-нибудь приспособит и адаптирует технологии к условиям Индии, кроме ее самой. Поэтому разработка технологий, подходящих для Индии, должна стоять в наших планах на первом месте. Средняя технология должна стать национальным приоритетом, а не заброшенным малозначимым предприятием, отданным на откуп разрозненной горстке специалистов.⁵⁹

С тем же призывом нужно обратиться и к международным организациям, которые имеют все возможности для сбора, систематизации и развития разрозненных знаний и опыта, уже существующих в этой важнейшей области.

В заключении подведу итоги вышесказанному:

1. Экономика развивающихся стран в обозримом будущем так и будет грешить «двойственностью». Современный сектор не сможет охватить всю экономику.

2. Без целенаправленных усилий по развитию традиционного сектора, он будет и дальше разрушаться. Это разрушение повлечет массовую безработицу и массовую миграцию в городские агломерации, что отравит жизнь и в современном секторе.

3. Есть способ помочь бедным самим позаботиться о себе. Нужно предоставить им технологию, признающую экономические ограничения бедности, — среднюю технологию.

4. На национальном и международном уровне необходимо осуществление программ по разработке средних технологий, подходящих для обеспечения полной занятости в развивающихся странах.

Глава 3

ДВА МИЛЛИОНА ДЕРЕВЕНЬ

Если материальному производству будут по-прежнему уделять больше внимания, чем человеку, то все программы развития потерпят фиаско, что, впрочем, и происходило в течение последних двадцати лет. Более того, без осознанного и решительного переноса внимания с потребностей производства на потребности человека иностранная помощь развивающимся странам будет иметь все более разрушительные последствия.

Что мы подразумеваем под развитием: производство материальных благ или улучшение жизни людей? Если улучшение жизни людей, то каких именно? Кто они? Где они? Почему они нуждаются в помощи? Если они не могут обойтись без помощи, то какая именно помощь им необходима? Как найти с ними общий язык? Забота о людях вызывает массу подобных вопросов. С производством товаров все намного проще — меньше вопросов. А уж когда за дело берутся эконометрики и статистики, тогда даже товары становятся чем-то эфемерным и превращаются в ВВП, объемы импорта, экспорта, накоплений, капиталовложений, инфраструктуры и многого другого. Из этих абстракций строятся внушительные модели, в которых живым людям нет места. Конечно, в этих моделях может фигурировать «численность населения», но всего лишь в виде численного показателя — знаменателя в дроби для определения объема произведенных товаров *на душу населения*. Кстати, модель показывает, что «развитию», то есть росту доходов, мешает рост знаменателя, то есть численности населения.

Иметь дело с товарами куда проще, чем с людьми, хотя бы потому, что у товаров нет разума, и поэтому не стоит

проблема общения. Когда мы делаем упор на человека, проблемы взаимоотношений приобретают первостепенное значение. Кто помогает и кто нуждается в помощи? Благодетели — это богатые, образованные (если это можно назвать образованием) горожане. Нуждающиеся в помощи — бедные, необразованные крестьяне. Это означает, что между первыми и вторыми пролегают целых три бездонных пропасти: пропасть между богатыми и бедными, между образованными и необразованными и между горожанами и крестьянами, включая пропасть между промышленностью и сельским хозяйством. Первая проблема иностранной помощи развитию — это преодоление трех бездонных пропастей. Для этого требуются огромные усилия, творческий подход, изучение реалий жизни бедных и сострадание. Методы производства, структура потребления, система ценностей и взглядов на жизнь, присущие зажиточным и образованным горожанам, никак не подходят бедным, полуграмотным крестьянам. Они не могут вдруг перенять мировоззрение и привычки утонченных горожан. Если люди не могут приспособиться к методам производства, значит, методы производства должны быть приспособлены к людям. Вот мы и докопались до сути проблемы.

Более того, хозяйственный уклад богатых стран сам по себе во многом ущербен. Как бы там ни было, он совершенно не вписывается в образ жизни и труда бедных общин, и даже успешное его внедрение в простую среду посеяло бы лишь разрушение. Если после внедренных западных новшеств отцам нечего передать своим сыновьям, а сыновьям — перенять от отцов, то традиционный семейный уклад попросту разваливается. Жизнь и благополучие любого общества зависит от определенных бесконечно ценных и очень хрупких «психологических структур». Целостность общества, сотрудничество, «чувство локтя» и взаимопомощь, взаимное уважение и, более всего, самоуважение, стойкость и способность сносить лишения — все это и многое другое распадается и исчезает при серьезной поломке

«психологических структур». Внутренняя убежденность в своей бесполезности и никчемности уничтожает человека. Никакой экономический рост не может компенсировать такие потери, хотя при таком исходе даже экономический рост обычно замедляется.

Ни одна из этих серьезных проблем не получила должного отражения в «удобных» теориях большинства экономистов по развитию. Провал первых десяти лет развития списывают на недостаток выделенных средств или даже на якобы ущербность общества и людей развивающихся стран. После прочтения современных исследований создается впечатление, что успех или провал программ по развитию только и зависит от выделения денежных средств на основе многосторонних или же двухсторонних соглашений, улучшения условий торговли сырьем, устранения барьеров в торговле, предоставления гарантий частным инвесторам, эффективного ограничения рождаемости и т. п. Именно это и считается по-настоящему важным.

Я вовсе не говорю, что все эти вопросы не имеют отношения к проблеме. Но они, похоже, не затрагивают самую ее суть, и, в любом случае, бесчисленные дебаты по этим вопросам практически не ведут к каким-либо конструктивным действиям. Суть же проблемы, по-моему, проста до неприличия: проблема бедности в мире — это, в основном, проблема двух миллионов деревень и двух миллиардов их жителей. Крупные города развивающихся стран — это не то место, где нужно искать решение. Если жизнь в деревне не станет достойной, то проблема бедности так и останется неразрешимой и будет неизбежно усугубляться.

Однако понимания сути проблемы еще мало, если мы по-прежнему будем мыслить в количественных и абстрактных категориях: ВВП, инвестиции, сбережения, и т. д. Они бесполезны в изучении экономики развитых стран, но не имеют практически никакого отношения к проблемам развития как таковым. (Да и в развитии богатых стран они не имели абсолютно никакого значения!)

Программу развития можно считать успешной, только если она помогла мобилизовать рабочую силу масс и повысила производительность, не «экономя» труд. Общепризнанный критерий успеха, а именно, рост ВВП, лишь основательно сбивает с толку и на деле неизбежно ведет к явлению, которое иначе как неоколониализмом не назовешь.

Я не стану использовать этот термин, потому как он уже приобрел негативную окраску и предполагает со стороны помогающих какие-то корыстные намерения. Есть ли такие намерения на самом деле? Думаю, вряд ли. Но это лишь усугубляет проблему. Ненамеренный неоколониализм — это словно скрытая опаснейшая болезнь, с которой бороться куда сложнее, чем с явным неоколониализмом. Он обусловлен стремительными переменами, которые производятся богатыми странами из самых лучших побуждений. Попытки привить бедным странам подходящие (что тоже сомнительно) лишь к условиям высокого достатка методы производства, уровень потребления, критерии успеха, систему ценностей и манеры поведения, ставят развивающиеся страны в постоянную зависимость от богатых. Самый очевидный пример и симптом — это растущая задолженность бедных стран своим богатым кредиторам. Никто не отрицает наличие этой проблемы, и люди из богатых стран с добрыми намерениями заключают, что безвозмездная помощь лучше кредитов, а низкий процент по кредитам лучше высокого. Безусловно, все верно. Но растущая задолженность — не самое страшное зло. В конце концов, если должник платить не в состоянии, то он и не платит. И кредиторы такой риск непременно учитывали.

Бедная страна попадает не только в зависимость материальную. Часто она «попадает на крючок» методов производства и структуры потребления богатых стран, и такая зависимость гораздо серьезней. Недавно я посетил крупную африканскую текстильную фабрику. Пример с этой фабрикой — отличная иллюстрация к сказанному. Управляющий гордо объяснил мне, что на его фабрике

используются самые высокие технологии, лучшие в мире. А зачем нужен столь высокий уровень автоматизации? «Видите ли, — сказал он, — африканские рабочие не привыкли работать на промышленных предприятиях и будут делать ошибки, а автоматы не ошибаются. Требования к качеству сегодня очень высокие, и для того, чтобы найти покупателя, моя продукция должна быть идеальной». Описывая свой подход, он подытожил: «Моя главная задача — устранить человеческий фактор». Но это еще не все. Из-за чрезмерно высоких требований к качеству все оборудование пришлось импортировать из развитых стран; это оборудование оказалось столь сложным, что все старшие управленческие и технические кадры пришлось также выписывать из-за границы. Даже сырье поступало из-за рубежа: волокна местного хлопка были слишком коротки для высококлассной пряжи; кроме того, установленные стандарты требовали использования большого процента искусственного волокна. Это вполне обычная ситуация. Каждый, кто, вместо того, чтобы витать в облаках абстрактных эконометрических моделей, удосужился систематически изучать реальные проекты «развития» приведет вам массу подобных примеров. Мыловарни, производящие высшие сорта мыла при помощи тонких технологических процессов. В качестве сырья для такого мыла подходят только вещества высокой очистки, которые импортируются за немалые деньги, тогда как местное сырье идет на экспорт за бесценок. Предприятия пищевой промышленности; упаковочные заводы; тракторы в сельском хозяйстве — все как у богатых. А как часто местные фрукты идут на свалку потому, что потребитель якобы требует идеального внешнего вида продуктов. Такие потребности можно обеспечить только импортом фруктов из Австралии или Калифорнии, где применение науки и техники на грани фантастики обеспечивает всем яблокам одинаковый размер и ни единого видимого изъяна. Бедные страны мало-помалу (и не без чужой помощи) начинают перенимать методы производства и стандарты потребления,

устраняющие всякую возможность самодостаточности и самопомощи. Это ведет к ненамеренному неокOLONиализму и безвыходной ситуации для бедных.

Что же может помочь двум миллионам деревень? Возьмем сначала количественный аспект. Если общую сумму, направляемую западными странами на развитие бедных, разделить на количество людей, живущих в развивающихся странах, то на каждого человека приходится чуть меньше 2 фунтов стерлингов в год. Не жалкий ли доводок к доходам бедных? Поэтому раздаются призывы увеличить суммы, направляемые на помощь бедным. Такой призыв можно только поддержать. Но на что мы можем рассчитывать? 3 фунта стерлингов на человека в год, или 4? Как субсидия, своего рода «пособие», даже четыре фунта в год — такая же смешная сумма, как и та, что мы имеем сегодня.

Но рассмотрим еще один пример: небольшая группа развивающихся стран получает по-настоящему огромные дополнительные доходы — это нефтедобывающие страны Ближнего Востока, Ливия и Венесуэла. Налоговые поступления и плата за использование месторождений от нефтяных компаний составили в 1968 году 2349 миллионов фунтов стерлингов, или около 50 фунтов на душу населения. Обеспечивают ли такие доходы здоровье и стабильность общества, благополучие населения, постепенное устранение сельской бедности, процветание сельского хозяйства и повсеместную индустриализацию? Несмотря на некоторые скромные успехи, ответ, конечно же, отрицательный. Только денег для этого явно недостаточно. Количественный аспект вторичен по отношению к качественному. Если изначально взят ошибочный курс, то деньги его не выправят, а если курс верный, то и за деньгами дело не станет.

Теперь рассмотрим качественный аспект. Попытки обеспечить экономическое развитие третьего мира за последние десять-двадцать лет научили нас тому, что перед нами стоит сложная *интеллектуальной* проблема. Богатые страны и их образованные горожане хорошо ориентируются в знакомых

им условиях. Но откуда им знать, как помочь встать на ноги двум миллионам деревень и двум миллиардам их жителей, бедным, необразованным крестьянам? Богатые могут эффективно работать в условиях избытка капитала, но что делать с огромным количеством неквалифицированной рабочей силы в условиях нехватки капитальных средств?

В целом они этого не знают, но есть множество опытных людей, которые знают — каждый в своей области. Другими словами, необходимые знания, в принципе, существуют, но они не систематизированы и труднодоступны. Эти знания разрозненны, не упорядочены, и, кроме того, несомненно, неполны.

Лучшая помощь — помощь интеллектуальная, то есть передача полезных знаний. Передача знаний гораздо предпочтительней передачи материальных благ. На то есть много причин. В любом деле навык и умение приобретается лишь через искренние усилия и даже лишения. Материальный подарок достается получателю без всяких усилий и жертв, поэтому он редко воспринимается как что-то «свое». Чаще всего к нему относятся легкомысленно, как к упавшему с неба счастью. Подарок в виде интеллектуальных благ, подарок знаний, — это совсем другое дело. Без искреннего усилия по усвоению знаний получатель не получает никакого подарка. Принять такой подарок и сделать его «своим» — это одно и то же, такой подарок в огне не горит и в воде не тонет. Дар материальных ценностей делает людей зависимыми, дар знаний освобождает их, при условии, конечно, что это знания полезные. Передача знаний также имеет долгосрочный эффект и непосредственно относится к понятию «развитие». Как говорится в пословице: покорми человека рыбой, и ты ненадолго утолишь его голод, но научи его ловить рыбу, и он сможет всю свою жизнь сам добывать себе пищу. Точно так же можно сказать: дай человеку удочку, и это влетит тебе в копеечку, а результат почти нулевой. Но даже если у него получится удить, то он будет зависеть от тебя и постоянно просить новые удочки

взамен сломавшихся. Но научив его делать удочку своими руками, ты поможешь ему не только обеспечить себя пищей, но также стать самодостаточным и независимым.

Основная забота разработчиков программ помощи — сделать людей независимыми и уверенными в своих силах, щедро обеспечить их полезными методами помощи самим себе. Этот подход, между прочим, имеет и другое преимущество: относительная дешевизна. На сто фунтов стерлингов можно снабдить средствами производства одного человека, но на те же деньги можно обучить сотню человек изготовлению для себя орудий труда. Возможно, в некоторых случаях начальная материальная поддержка поможет запустить и ускорить процесс; но наличие материальных средств вторично. Кроме того, если уровень технологии правильно подобран, те, кто хочет работать, скорее всего смогут оборудовать себе рабочее место за свой счет.

Для столь радикальной смены курса иностранной помощи потребовалось бы лишь немного перераспределить средства. На сегодняшний день Великобритания тратит на помощь развивающимся странам порядка 250 миллионов фунтов стерлингов в год. Я уверен, что всего лишь один процент от этой суммы, направленный на сбор и упорядочение «даров знаний», изменил бы все перспективы развития. Мы стали бы свидетелями наступления новой, многообещающей эры в истории «развития». В конце концов, один процент — это только два с половиной миллиона фунтов стерлингов — и, если эту сумму использовать с толком, то ее хватило бы на очень, очень многое в этой области. Тогда остальные девяносто девять процентов денежных «вливаний» стали бы несравнимо более продуктивными.

Как только мы поймем, что задача помощи — в основном в передаче соответствующих знаний, опыта, ноу-хау, и т. д., то есть скорее интеллектуальных, а не материальных благ, то станет очевидным, что сегодняшняя организация помощи развивающимся странам далеко не оптимальна. Это естественно, ибо задачу помощи видят

в предоставлении *средств* на разнообразные нужды и проекты, предложенные принимающей страной. При этом подразумевается наличие у бедной страны необходимых для этого знаний и опыта. По-моему убеждению, исходить из того, что все необходимые знания имеются в наличии, крайне неразумно, ведь как раз их-то катастрофически не хватает. Это белое пятно, «недостающее звено» во всем этом предприятии. Я вовсе не говорю, что передачи знаний не происходит. В развивающиеся страны широким потоком течет ноу-хау, но при передаче знаний следуют принципу: что хорошо для богатых, то, без сомнения, хорошо и для бедных. Как я показал выше, это предположение ошибочно или, по крайней мере, верно лишь отчасти.

Вернемся к нашим двум миллионам деревень и посмотрим, как передать *им* необходимые знания. В первую очередь мы должны сами располагать этими знаниями. Чтобы предлагать помощь, нужно иметь, что дать. В нашей стране нет тысяч обнищавших деревень, так что *мы* знаем об эффективных способах самопомощи в таких обстоятельствах? Начало мудрости — это признание нехватки собственных знаний. До тех пор, пока мы уверены в том, что знаем абсолютно все (что на деле не так), мы так и будем показывать бедным чудесные вещи, которые они могли бы делать, будь они богаты. Это и есть основная причина провала помощи до настоящего времени.

Но мы неплохо разбираемся в упорядочивании и систематизации знаний и опыта; мы располагаем реальными возможностями выполнить почти любую работу, если только четко понимаем свою цель. Например, стоит задача составить действенное руководство по дешевому строительству в тропиках, и при помощи этого руководства обучить местных строителей в развивающихся странах подходящим технологиям и методологиям. Это в наших силах или, в крайнем случае, мы могли бы немедленно приступить к решению этой задачи, чтобы располагать этими знаниями через два-три года. Равным образом, мы

понимаем, что вода — одна из насущных потребностей во многих развивающихся странах. Систематизированные знания малозатратных, доступных методов хранения, защиты и транспортировки воды были бы необыкновенно полезны миллионам сельских жителей. Если есть четкое понимание такой задачи, то, без сомнения, мы обладаем и способностями, и ресурсами по сбору, систематизации и передаче требуемой информации.

Как я уже сказал, у бедных людей относительно простые потребности, и они ждут помощи именно в своих занятиях и в удовлетворении своих основных нужд. Они, без сомнения, способны помочь себе сами и могут полагаться на свои силы, иначе не выжили бы в современном мире. Но их собственные методы часто слишком примитивны, неэффективны и недействительны; эти методы требуют усовершенствования при помощи новых для них (но не для нас) знаний. Совершенно неверно предполагать, что бедные обычно не хотят перемен, относятся к ним с подозрением и даже противодействуют им. Просто перемены должны органично вписываться в их существующий образ жизни и занятия. А как еще относиться к революционным изменениям, предлагаемым городским «белым воротничком»? Он не вылезает из своего офиса и обращается к бедному примерно так: «Эй ты, не путайся под ногами и дай мне показать тебе всю твою никчемность. С иностранной помощью и импортным оборудованием эту работу можно сделать куда лучше, чем ты».

Так как потребности бедных людей достаточно просты, набор требуемых исследований не столь уж велик. При систематическом подходе с этой задачей вполне можно справиться, однако, здесь не обойтись без новой организационной структуры, отличной от существующей, которая в основном ориентирована на распределение *финансовых средств*. В настоящее время и в странах-кредиторах, и в странах-получателях реализацией программ по развитию занимаются преимущественно государственные органы, то есть чиновничий аппарат. У них нет образования и опыта

предпринимателя и инноватора; они не разбираются ни в производственных процессах, ни в ведении коммерческих дел, ни в разрешении проблем общения. Конечно, им отведена важная роль, и преуменьшать ее не стоит. Но сами по себе они бессильны. Чиновники должны работать в тесном контакте с людьми из других слоев общества: промышленниками и коммерсантами, которые наработали огромный опыт в успешном ведении коммерческих дел (не выплатил вовремя зарплату — вылетел в трубу); с профессионалами, учеными и исследователями, профессорами, журналистами, специалистами в области образования и т.д., у которых есть время, возможности, способности думать, излагать свои мысли на бумаге и доносить их до других людей. Для успешной реализации программ развития необходимо тесное взаимодействие всех трех групп. И в странах-донорах, и в странах-получателях помощи необходимо наладить сотрудничество между чиновниками, предпринимателями, интеллектуалами и профессионалами в разных областях. Только наладив такое взаимодействие, можно достигнуть реальных успехов в решении столь сложных проблем развития.

В богатых странах найдутся тысячи талантливых людей из всех трех групп, которые бы с готовностью внесли посильный вклад в борьбу с бедностью, вклад, выходящий далеко за рамки бездумного отстегивания денежных средств. Но, к сожалению, у них нет особых возможностей применить себя в этом деле. В бедных же странах люди, получившие хорошее образование, находятся в привилегированном меньшинстве и зачастую следуют моде, задаваемой богатыми странами — это еще один аспект ненамеренного неокOLONиализма. Они занимаются всем, только не проблемами, напрямую связанными с бедностью их сограждан. Таких людей нужно вдохновить и показать четкий путь к решению насущных проблем их общества.

Итак, необходимо мобилизовать полезные бедным знания через объединение усилий желающих помочь (такие люди

найдутся повсюду, как в бедных, так и в богатых странах), а также наладить сотрудничество трех групп: чиновников, предпринимателей, интеллектуалов. Это задача требует некоторых затрат, но не огромных. Я уже упоминал, что всего лишь один процент средств, выделяемых Великобританией на развитие, обеспечил бы такому подходу долговременную финансовую поддержку. Таким образом, не нужно ломать старые и лихорадочно изобретать новые стратегии помощи. Нужно лишь изменить образ мышления и методы действия. В теории новая политика может выглядеть очень заманчиво, однако, необходим новый порядок организации, потому как *успех политики заключается в успешном ее воплощении..*

Для реализации предлагаемого подхода необходимо сформировать инициативные группы не только в странах-кредиторах, но, что даже важнее, в самих развивающихся странах. В идеале, инициативные группы, состоящие из чиновников, предпринимателей и интеллектуалов, должны находиться вне государственной машины, другими словами, они должны быть неправительственными организациями. Вполне возможно, что такие организации могут быть созданы на базе уже существующих неправительственных организаций, занимающихся проблемами развития.

На данный момент немало религиозных и светских организаций с большим штатом сотрудников работают над проблемами развития «на местах». Они отмечают, что уже не раз пытались внедрить средние технологии на практике, но всякий раз им не хватало организованной технической поддержки. После проведения многочисленных конференций во многих странах, где на повестке дня стояли наиболее общие проблемы, стало ясно, что даже самоотверженный труд добровольцев будет бесполезен без систематического упорядочивания знаний и столь же систематической организации передачи этих знаний, другими словами, без «интеллектуальной инфраструктуры».

В настоящее время предпринимаются попытки по созданию такой инфраструктуры. Эти усилия заслуживают

всяческой поддержки правительств и неправительственных организаций. Требуется обеспечить реализацию по крайней мере четырех основных функций:

Функция связи: позволяет любому специалисту или группе специалистов, работающих на местах, быть в курсе всех событий, происходящих в их профессиональной сфере или в географическом районе, где они работают. Это способствует прямому обмену информацией.

Функция информационного банка данных: систематический сбор и распространение информации о средних технологиях, в особенности о низкзатратных методах строительства, водо- и энергоснабжения, хранения и переработки сельскохозяйственной продукции, маломасштабного промышленного производства, здравоохранения, транспорта и т. д. Здесь задача состоит не в том, чтобы собрать всю информацию в одном месте, но чтобы держать «информацию об информации» или «знания о том, кто знает».

Функция обратной связи: передача технических проблем, возникших в развивающихся странах в те развитые страны, где существуют подходящие возможности для их решения.

Функция создания и координации подструктур: создание инициативных групп и технических центров в самих развивающихся странах.

Создание такой инфраструктуры — дело новое. В нем не обойтись без метода проб и ошибок. Но и на пустом месте начинать не приходится — большое количество знаний и технологий уже существуют и ждут, чтобы их собрали воедино и систематически разработали. Будущий успех помощи развитию будет зависеть от упорядочивания и передачи по-настоящему нужных знаний — эта задача нам под силу, она четко определена и полностью обеспечена имеющимися ресурсами.

Почему же помощь богатых не идет бедным впрок? Самая серьезная болезнь современного мира — это полный дисбаланс между городом и деревней, дисбаланс в богатстве, власти, культуре, привлекательности и надежде. Города растут, а деревня вырождается. Город стал магнитом, а сельская жизнь утратила свою прелесть. Однако факт остается фактом: так же, как здоровый дух зависит от здорового тела, благополучие города зависит от процветания деревни. Города со всей их роскошью — лишь вторичные производители. Первичное производство, предпосылка всей экономической жизни, происходит вне городов. Столетняя эксплуатация сельских жителей и производителей сырья породила диспропорции, которые сегодня угрожают всем странам мира, богатым даже в большей мере, чем бедным. Восстановление должного равновесия между городом и деревней — пожалуй, величайшая задача, стоящая перед современным человеком. Дело вовсе не в увеличении урожайности сельскохозяйственных культур для предотвращения всемирного голода. Чтобы излечить болезни массовой безработицы и массовой миграции в города, необходимо поднять уровень жизни в деревне, а это требует создания агропромышленной культуры, с тем, чтобы каждый район, каждая община могли предложить своим членам насыщенную плодотворную жизнь и разнообразные занятия.

Помощь развитию необходимо привести в соответствие потребностям бедных. Только так она станет более эффективной и сможет изменить жизнь к лучшему в мире бедности — двух миллионах деревень. Это важнейшая задача на ближайшие годы. Если упадок деревни продолжится, то у нас нет никаких шансов на успех вне зависимости от объемов потраченных средств. Но стоит лишь научить жителей деревень развивающихся стран методам самопомощи и самообеспечения, и я не сомневаюсь, что последует истинное развитие без лачуг и трущоб, опоясывающих все крупные города, без жестоких расправ

и кровавых революций. Перед нами стоит огромная задача, но и ресурсы для ее решения тоже огромны.

Экономическое развитие куда шире и глубже экономической теории, не говоря уж об эконометрике. Его корни лежат за пределами экономики, в сфере образования, организации, дисциплины и, еще дальше, в политической независимости и чувстве национальной гордости и уверенности в себе. Развития не обеспечишь искусными операциями по «пересадке» технологий, производимыми иностранными инженерами или местной элитой, оторванной от жизни народа. Экономiku двигает вперед широкое народное стремление к обновлению при максимальном использовании мотивации, энтузиазма, разума и рабочих рук каждого. Успех — это отнюдь не волшебство, созданное учеными, инженерами или экономистами-плановиками. Успех зиждется на трех китах образования, организации и дисциплины всего населения. Не будет хоть одного из них, и провал обеспечен.

ГЛАВА 4

ПРОБЛЕМА БЕЗРАБОТИЦЫ В ИНДИИ

Выступление перед Группой развития Индии в Лондоне

Под безработицей я подразумеваю неиспользование или значительное недоиспользование имеющейся рабочей силы. Представим себе шкалу производительности труда, где ноль — это производительность безработного, а сто — производительность человека, полностью занятого самым эффективным образом. Любой бедной стране чрезвычайно важно двигаться вверх по этой шкале. При рассмотрении совокупной производительности обычно принимают во внимание лишь производительность занятых и полностью сбрасывают со счетов всех безработных, чья продуктивность, следовательно, равна нулю. Но такой подход очень поверхностен.

Для обеспечения экономического развития обществу необходимо выполнить большой объем работ. Это возможно при выполнении четырех основных условий. Во-первых, необходима мотивация; во-вторых, некоторые знания; в-третьих, определенный капитал; в-четвертых, сбыт, так как дополнительный объем продукции требует дополнительных рынков.

Внутренняя мотивация людей обычно недоступна взгляду *со стороны*. Первое правило оказания помощи: оставьте в покое тех, кто не стремится к улучшению своей жизни. У них могут быть другие взгляды и цели в жизни. В то же время, нет недостатка и в тех, кто *действительно* жаждут улучшений, но не знают, с чего начать. Здесь сразу встает вопрос знаний и образования. Есть миллионы людей, желающих улучшить свою жизнь, но что им для

этого делать? Кто поможет и укажет им путь? Смотрите, насколько эта проблема масштабна в Индии: речь идет не о тысячах и даже не миллионах, а скорее о сотнях миллионов человек. Проблему такого размаха уже не решить скромными улучшениями, робкими реформами или пламенными призывами. Она уже затрагивает основы политической философии. Вся проблема сводится к вопросу: для чего нужны знания и образование? Перед второй мировой войной, кажется, китайцы подсчитали, что для содержания одного студента университета требуется труд тридцати крестьян. За пять лет учебы в университете студент потребляет 150 крестьянино-лет. Оправданы ли такие издержки? Почему кто-то имеет право присвоить себе плоды 150 лет крестьянского труда на собственное обучение в университете? И что от этого получают сами крестьяне? Вот мы стоим на распутье. Что есть образование: «пропуск в высший свет» или что-то вроде монашеского обета, священной обязанности служить людям? Первый путь ведет молодого выпускника вуза в престижные районы Бомбея, в свой круг высокообразованных людей. Он присоединится к их самодовольному обществу, этакому «профсоюзу элиты», дабы упрочить свое привилегированное положение и не затеряться в несметных толпах необразованных современников. Это один путь. Другой же путь ведет в обратную сторону, и на него встают с другими помыслами. Он ведет к народу, который, в конце концов, прямо или косвенно, заплатил за образование 150 крестьянино-лет. В свое время молодой человек потребил плоды крестьянского труда и теперь считает своей почетной обязанностью возвратить свой долг народу.

Эта проблема далеко не новая. Лев Толстой писал о том же: «Я сижу у мужика на шее, душу его, заставляю меня тащить, и при этом уверяю себя и других, что мне его очень жаль и я сделаю все возможное, чтобы облегчить его участь, лишь бы не слезать с его шеи». Поэтому прежде всего я предлагаю ответить на такой вопрос:

возможна ли идеология (или называйте это, как хотите), по которой получение образования — не только «пропуск в высший свет», но и определенные обязанности перед народом? Такую идеологию, конечно же, поддерживают все религиозные учения человечества. Я, как христианин, процитирую Евангелие от Луки (12:48): «И от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут». Можно сказать, что это элементарная справедливость.

Если такой идеологии не существует, а по общепринятому мнению образование — это хороший способ неплохо устроиться в жизни, то суть образования будет сводиться не к помощи своим соотечественникам, а к удовлетворению личных интересов самих образованных людей. Привилегированное меньшинство захочет получить образование и выделится из серой массы, оно будет неизбежно учить и учиться порочному. Ручной труд, сельское хозяйство, деревенская жизнь будут вызывать у таких людей лишь презрение. Если каждый образованный человек не будет воспринимать себя слугой своего отечества, что, в сущности, значит слугой народа, то откуда же взять достаточно лидеров, что поведут за собой и передадут нужные знания для решения проблем безработицы и низкой производительности труда в полумиллионе индийских деревень? Ведь речь идет о 500 миллионах человек! Чтобы наладить процесс передачи знаний и опыта, потребуются по крайней мере два учителя на 100 человек, а это в масштабах Индии означает десять миллионов образованных людей (что составляет все образованное население Индии). Вы можете скептически пожать плечами и сказать, что это невозможно. Да, но не из-за каких-то вселенских законов, а из-за разросшегося эгоизма человека, который с готовностью берет займы, но не очень-то охотно отдает свой долг. На самом деле эта проблема поддается решению только на политическом уровне.

Мы рассмотрели мотивацию и знания, третье же условие я назвал капиталом, и оно, конечно же, тесно связано с

знаниями. По моим подсчетам, сегодня Индии необходимо около пятидесяти миллионов новых рабочих мест. Если предположить, что люди могут работать продуктивно только при наличии какого-то капитала в виде оборудования и инструментов, то встает вопрос: сколько капитала мы можем позволить себе вложить в создание одного нового рабочего места? Если создание рабочего места обходится в 10 фунтов стерлингов, то на создание 50 миллионов рабочих мест потребуется 500 миллионов фунтов стерлингов. При издержках в 100 фунтов на место нам нужно 5 миллиардов фунтов, и при издержках в 5000 фунтов (таковы примерные издержки в Великобритании и США) создание 50 миллионов рабочих мест обойдется в 250 миллиардов фунтов стерлингов.

Национальный доход Индии — примерно 15 миллиардов фунтов в год. Итак, первый вопрос: сколько мы в состоянии потратить на создание одного нового рабочего места? И второй вопрос: за какое время мы хотим их создать? Скажем, наша цель — создание 50 млн. новых рабочих мест за десять лет. Какую часть национального дохода (15 миллиардов фунтов) реально направить на организацию капитального фонда по созданию рабочих мест? Не вдаваясь в подробности, скажу, что пять процентов — это уже неплохо. Тогда в течение десяти лет мы располагаем 7,5 миллиардами фунтов (пять процентов от 15 миллиардов фунтов умножить на 10 лет). Если за эти десять лет мы хотим создать 50 миллионов рабочих мест, то в среднем мы можем себе позволить 150 фунтов на место. Другими словами, при таком уровне капиталовложений в каждое рабочее место, мы имеем достаточно средств на создание 5 миллионов рабочих мест в год. Предположим, что вы рассуждаете так: «Ну, 150 фунтов — это не деньги. Их хватит разве что на набор инструментов. Вот 1500 фунтов — это еще куда ни шло». Тогда мы сможем создать не 5 миллионов, а лишь полмиллиона новых рабочих мест в год. А если вы настроены решительно: «Нам нужно только самое лучшее.

Мы все хотим жить, как в Америке — и как можно скорее. А значит, надо вкладывать 5000 фунтов в рабочее место». Тогда у нас не выйдет и полумиллиона новых рабочих мест в год (я уж молчу о пяти миллионах), но только около 170 тысяч. Вы, наверное, заметили, что я сильно упростил наш пример. Так, за десять лет, благодаря созданию новых рабочих мест, национальный доход вырастет. Но я также не учел и рост населения, поэтому давайте предположим, что эти два фактора компенсируют друг друга и не влияют на мои расчеты.

Я пытаюсь подвести вас к пониманию того, что выбор технологии — самое важное коллективное решение, которое должна принять любая страна в таком положении, как Индия. Это, конечно, не абсолютная истина, а лишь реалии нашей жизни. Со многим можно поспорить, но с арифметикой спорить бесполезно. Либо мы создаем небольшое количество капиталоемких рабочих мест, либо много рабочих мест с низким уровнем капиталоемкости.

Конечно же, все это напрямую связано с другими условиями, о которых я уже упоминал — с образованием, мотивацией, знаниями. В Индии насчитывается около 50 миллионов учеников начальной школы, 15 миллионов старшеклассников и около полутора миллионов студентов высших учебных заведений. Поддерживать такую армию учеников и студентов стоит лишь тогда, когда получившие образование люди впоследствии могут применить свои знания. Если таких возможностей нет, вся образовательная машина — лишь тяжкая обуза для общества. Чтобы образованным индийцам было, где приложить себя, действительно нужно пять миллионов новых рабочих мест в год, а не несколько сотен тысяч.

До недавнего времени, еще каких-то пятьдесят или семьдесят лет назад, методы производства по сегодняшним меркам были весьма примитивными. Здесь я хотел бы обратиться ко второй главе из книги Джона Кеннета Гэлбрейта «Новое индустриальное общество»⁶⁰,

содержащей захватывающий рассказ о развитии автомобильной компании Форда. Форд Мотор Компани была создана 16 июня 1903 года с уставным капиталом в 150 тысяч долларов. Было выпущено акций на 100 тысяч долларов, из которых только около трети были обеспечены наличными. То есть реально в это дело было вложено порядка 30 тысяч долларов. Компанию создали в июне 1903 года, а первый автомобиль появился на рынке уже через четыре месяца, в октябре 1903 года. Первоначально, в 1903 году, в компании насчитывалось лишь 125 рабочих, а размер капитальных вложений в каждое рабочее место составил чуть меньше 100 фунтов стерлингов. Это было в 1903 году. Шестьдесят лет спустя, в 1963 году, Форд решил выпустить новую модель — Мустанг. На подготовку модели к серийному производству потребовалось три с половиной года. Инженерно-конструкторские разработки и дизайн обошлись компании в 9 миллионов долларов, а издержки на оснащение оборудования для производства этой модели составили 50 млн. долларов. К этому времени активы компании достигли 6 миллиардов долларов, что составляет почти 10 тысяч фунтов на каждого занятого (примерно в сто раз больше, чем шестьдесят лет назад).

Гэлбрейт делает некоторые интересные выводы. Что же произошло за эти шестьдесят лет? Во-первых, для реализации проектов теперь требуется гораздо больше времени. На создание первой машины Форда, с начала производства до ее появления на рынке, ушло четыре месяца, в то время как на простое изменение модели теперь требуется целых четыре года. Во-вторых, произошло значительное увеличение активов компании. Первый завод Форда потребовал мизерных капиталовложений на единицу выпускаемой продукции, материалы и запчасти не залеживались на складах и сразу шли в дело, для их разработки не требовались высокооплачиваемые специалисты, сборка автомобиля производилась при помощи элементарного оборудования, а кузов могли поднять два человека, что было очень удобно.

В-третьих, приспособляемость компании к новым условиям значительно снизилась. Гэлбрейт замечает: «Стоило Форду и его партнерам [в 1903 году] в любой момент захотеть перейти с двигателя внутреннего сгорания на паровой двигатель, и рабочий цех можно было бы переоборудовать за считанные часы». Сегодня же на изменение одной гайки требуется несколько месяцев. В-четвертых, наблюдается дальнейший рост специализации не только в сфере производства, но и в планировании и прогнозировании деятельности компании. В-пятых, сформировалась совершенно новая структура компании, способная интегрировать многочисленную армию узких специалистов, каждый из которых имеет строго ограниченную функцию и является лишь винтиком в огромной замысловатой машине. «Действительно, координация бесперебойной работы компании стала настолько сложной, что уже появились специалисты по координации. Усложнение технологий проявляется даже не столько в совершенствовании промышленного оборудования, сколько в усложнении и утяжелении организационной структуры бизнеса». И, наконец, появилась потребность в долгосрочном планировании, уверяю вас, работе тяжелой и неблагодарной. Гэлбрейт отмечает: «В самом начале скорость реализации проектов компании была необычайно высокой. Производство автомобиля от А до Я занимало несколько дней. Когда будущее так близко, можно исходить из того, что оно будет очень похоже на настоящее». В этом случае и планирование, и прогнозирование не составляют большого труда.

Какой из всего сказанного сделать вывод? Вывод таков: при усложнении технологии ужесточаются все вышеописанные требования. Если элементарные блага, удовлетворяющие насущные потребности (а меня здесь только они и интересуют), производятся при помощи высоких технологий, бедной стране становится не по силам выполнять эти шесть требований. Мы глубоко убеждены, что простые блага — пища, одежда, жилье и культурная

инфраструктура — могут быть произведены лишь способом 1963, а не 1903 года, и в этом наше величайшее заблуждение. Способ производства 1963 года предполагает наличие огромного количества капитала и просто недостижим для бедных. Не желая обидеть моих ученых коллег, я все же должен заметить, что почти никто из них не замечает этой проблемы. Никто даже не задается вопросом о реальных возможных затратах на каждое новое рабочее место при том, что нам требуются миллионы рабочих мест. Выполнение требований, появившихся за последние пятьдесят — шестьдесят лет, на самом деле предполагает квантовый скачок. Примерно до начала двадцатого века история человечества текла непрерывно, но в последние полвека произошел квантовый скачок. Он сравним с резким ростом капитализации компании Форда с 30 тысяч до 6 миллиардов долларов.

В развивающихся странах Генри Форды образца 1903 года на дороге не валяются. А уж Генри супер-Форд образца 1963 года — явление и вовсе невозможное. Никто не может начать с уровня 1963 года: здесь может работать только тот, кто на нем уже находится. Это критически важно для понимания современного мира. На этом уровне уже ничего не *создается*, только модифицируется, а это значит, что при стремлении сразу достичь высокого уровня 1963 года бедные попадают в глубочайшую в истории зависимость от богатых. Богатые затыкают бедными бреши в своем производственном процессе, когда низкие издержки на оплату труда в развивающихся странах позволяют им дешево производить ту или иную чепуху. Информация о даровой рабочей силе в той или иной бедной стране распространяется в богатых странах. Там после несложных подсчетов выясняется, что какую-либо деталь часов или карбюратора в третьем мире можно произвести дешевле, чем в Великобритании. Так пусть ее производят в Гонконге, на Тайване или где-нибудь еще. Бедная страна становится просто слугой, удовлетворяющим прихоти богатых. Из

этого следует, что при высоком уровне технологии полная занятость и независимость недостижимы. Итак, самый важный выбор — это выбор технологии.

Странно, но некоторые считают вопрос выбора технологии надуманным. В одной из статей широко известного американского экономиста утверждается, что любой товар можно производить только одним способом — способом 1971 года. Но разве пища, одежда, жилье никогда не производились раньше? Эти товары нужны людям с тех пор, как Адам покинул Рай. Экономист утверждает, что на рынке представлено только новейшее оборудование. Но это уже второй вопрос. Очень возможно, что новейшее и является единственным *легкодоступным* оборудованием. И действительно, на рынке промышленного оборудования обычно доминируют новинки. Это создает впечатление, будто выбора нет и количество капитала в стране определяет возможный уровень занятости. Конечно, это абсурд. Это знает и автор статьи, поэтому он оговаривается, что в Японии, Корее, Тайване и т. д. достигнут высокий уровень занятости и производства при очень скромных затратах капитала.

Важность выбора технологии понемногу начинают осознавать даже экономисты и специалисты по развитию. У этого процесса четыре стадии. На первой стадии всякого, кто заикался об этом, осмеивали и закидывали тухлыми яйцами. Сейчас мы перешли во вторую стадию: много разговоров, но мало дела, и все идет по-старому. Третьей стадией должна быть активная работа по мобилизации знаний о технических альтернативах. А четвертой стадией станет практическое применение накопленных знаний. Но не стану скрывать, что этот растянутый во времени процесс можно существенно ускорить и перескочить сразу в четвертую стадию. Для этого существует ряд политических возможностей.

Не стану здесь распространяться о политике, это не мое дело. Раз мы наконец перестали отрицать важность выбора технологии и признали, что от него зависит все остальное, как нам перебраться из второй стадии в третью, то есть

от слов к делу? Насколько я знаю, систематически этим занимается только одна организация — Группа развития средней технологии. Хотя, не отрицаю, от случая к случаю ведется работа и на коммерческой основе. Группа поставила своей целью определить технологические альтернативы. Приведу только один пример из обширной практики этой негосударственной организации. Возьмем металл — и деревообработку, так как металл и дерево — два основных вида промышленного сырья. Группа составляет список имеющихся технологий и ранжирует их по капиталоемкости: от самых примитивных, где используются простейшие инструменты, до самых сложных. Для каждого уровня технологии составляется обучающее пособие и прилагается директория производителей такого оборудования.

Единственный недостаток этой работы в том, что ее делается слишком мало и слишком поздно. Одного небольшого коллектива энтузиастов недостаточно. Этим должны заниматься десятки серьезных, богатых организаций по всему миру. Задача столь обширна, что даже некоторое дублирование работ не имеет значения. В любом случае, я надеюсь, что этой работой серьезно займутся в Индии, и очень приятно видеть, что начало тому уже положено.

Рассмотрим теперь четвертый фактор, а именно, рынки сбыта. Это, действительно, серьезная проблема, потому как бедность означает ограниченность рынков сбыта и покупательной способности населения. Вся существующая покупательная способность уже исчерпана. Если я приму решение организовать новое производство, скажем, сандалий или ботинок, то чем же будут расплачиваться за обувь мои нищие земляки? Иногда даже легче начать производство, чем затем найти сбыт для нового товара. Тогда, конечно же, нам услужливо подкидывают идею производить на экспорт, ведь экспортный товар идет в богатые страны, а их покупательная способность огромна. Но если я начинаю дело с нуля в деревне, то вряд ли смогу конкурировать с крупными производителями на мировом рынке.

Я вижу две причины такой заикливости на экспорте: одна из них реальна, а другая — не очень. Начну со второй. На самом деле это пережиток колониальной экономики. Метрополии интересовались колониями не от доброты душевной к местному населению, а ради доступа к необходимым промышленным ресурсам. Танзанию захватили ради сизаля, Замбию — ради меди, и т. д., а некоторые территории — ради торговли. Экономическое мышление было сформировано этими интересами.

В то время «развитие» означало увеличение поставок сырья, продовольствия или доходов от торговли из стран-колоний. Метрополиям были нужны прежде всего ресурсы и прибыли, а не улучшение жизни и развитие местных народов, и их интересовал экспорт из колонии, а не расширение ее внутреннего рынка. Такое мировоззрение настолько укоренилось, что даже в Докладе Пирсона увеличение объемов экспорта рассматривается как главный критерий успешного развития страны. Но, без сомнения, страна живет не экспортом; с экономической точки зрения для нее гораздо важнее производство для местных нужд.

Теперь вернемся к первой причине, имеющей под собой реальную основу. Если мое производство ориентировано на экспорт в богатую страну, я могу быть спокоен: у меня всегда будет рынок сбыта и огромная покупательная способность потребителя. Ведь мое личное производство — лишь капля в море уже созданной и успешно работающей мировой промышленности. Но если начать производство в бедной стране и ориентироваться на местные нужды, то для обеспечения рынка сбыта в условиях низкой покупательной способности необходимо, чтобы потребитель переключился с какого-либо товара на мои сандалии, что часто довольно затруднительно. Нужно одновременно начать дюжину разных производств: тогда для каждого из двенадцати производителей остальные одиннадцать будут его рынком сбыта. Тогда появится дополнительная покупательная способность, чтобы поглотить

дополнительное производство. Однако сразу начать множество различных производств чрезвычайно сложно. Поэтому традиционный совет таков: «Производство на экспорт — единственно верный путь развития». Однако масштаб такого производства ограничен и оно не решает проблему безработицы. Для успешной конкуренции на мировых рынках обычно необходимы дорогостоящие высокие технологии богатых стран с минимальным использованием рабочей силы. В любом случае, эффект мультипликатора* отсутствует: я продаю свой товар на экспорт за иностранную валюту, которая в свою очередь идет на оплату импорта (или возврат долгов), и на этом все и заканчивается.

Для обеспечения развития на местном уровне нужно одновременно начать множество взаимодополняющих производств. Эту чрезвычайно трудную задачу можно облегчить путем организации общественных работ. Многие экономисты не раз восхваляли достоинства широкомасштабных программ общественных работ с целью создания рабочих мест. К их словам я бы хотел добавить вот что: при организации в деревне программы общественных работ с внешним финансированием для создания дополнительной покупательной способности, максимально используйте эффект мультипликатора. Занятые на общественных работах захотят потратить свой доход на различные потребительские товары. Если потребительские товары могут производиться на месте, то дополнительная покупательная способность, созданная общественными работами, не просачивается вовне, а продолжает циркулировать на местном рынке. При этом рост занятости может стать феноменальным. Приветствуйте организацию общественных работ, они при-

* Эффект мультипликатора: даже небольшая сумма денег, постоянно «вращающаяся» в местной экономике, может положительно сказаться на занятости и доходах местного населения, так как *расходы одних становятся доходами других*. Если же на заработанные деньги местные жители покупают привозные товары, то деньги «утекают» из местной общины и эффект мультипликатора отсутствует. — *Прим. пер.*

носят немало пользы, однако, если они не подкреплены местным производством дополнительных потребительских товаров, то новая покупательная способность перекинется на импортные товары, а страна может испытать серьезную нехватку валютных средств. И даже в этом случае не стоит делать вывод о том, что процесс развития не может обойтись без ориентации промышленности на экспорт. В конце концов, для человечества в целом экспорта не существует. Оно начало свое развитие без всякой финансовой поддержки с Марса или Луны. Человечество — закрытое общество. Размеры Индии достаточно велики, чтобы стать относительно закрытым в этом смысле обществом, где здоровые и сильные люди работают на собственные нужды.

Все это выглядит сложным и запутанным, и в некотором смысле это действительно очень сложно, если делается *для людей*, а не *самими людьми*. Вы думаете, что развитие и занятость — что-то очень сложное и запутанное? Но почему? Ведь это совершенно естественные процессы. Рано или поздно с ними приходится сталкиваться каждому здоровому человеку. Наступает момент, когда он просто начинает работать. В некотором смысле сегодня это сделать проще, чем раньше, потому что мы обладаем огромным запасом знаний и у нас есть прекрасные возможности его передачи. И всем этим знанием можно пользоваться (чем и должна заниматься Группа развития Индии). Поэтому не будем заранее пугаться трудностей и попытаемся мыслить здраво: труд — это совершенно естественное явление. Нужно только, чтобы избыток ума не мешал действовать. Нас постоянно одолевают умные идеи, как что-то улучшить прежде, чем оно существует. По-моему, темный мужик, считающий, что «лучше уж что-то, чем совсем ничего», мыслит куда более здраво, чем умник, рассуждающий по принципу: «ничего, кроме самого лучшего». Что же нас останавливает? Теории и планирование. В Плановой Комиссии я встречал плановиков, уверенных в том, что всех желающих работать индийцев не обеспечишь

работой даже за пятнадцать лет. Ну за пятнадцать месяцев, согласен, это было бы довольно проблематичным, ведь на все нужно время. Но ведь они поставили на всем крест и утверждают, что самую элементарную вещь нельзя сделать за пятнадцать лет! Это неприкрытое слабоумие. Как же они до такого додумались? Ага! При помощи гениальной, замечательной математической модели они установили, что для создания рабочего места требуется в среднем столько-то электроэнергии, цемента и стали. Какая чушь! Хочу напомнить, что всего лишь сто лет назад ни того, ни другого, ни третьего не производили в скольконибудь значимых масштабах. (Стоит ли мне напоминать, что при строительстве Тадж Махала не использовали ни электроэнергию, ни цемент, ни сталь, и что все соборы Европы построены без них. Все заикнулись на новейших достижениях науки и техники: мол, если уж что-то делать, то только при помощи ультрасовременных технологий. Это просто навязчивая идея, и ее нужно преодолеть.) Опять же, можно сказать, что эта проблема носит не экономический, а в основном политический характер. По сути, это вопрос сострадания обычным людям в этом мире. Мы должны добиться не мобилизации сил обыкновенных людей, а получить добровольную поддержку людей образованных.

Еще один пример: теоретики и плановики убеждают нас в том, что уровень занятости зависит от размера капитальных вложений в создание новых рабочих мест. Но ведь можно занять людей на производстве средств труда! Нам говорят, что выбора технологии нет и быть не может. Но производство возникло задолго до 1971 года! Нас поучают, что использование устаревших методов производства неэффективно. Но что может быть более неэффективным, чем безработные, погибающие от безделья люди? Нам твердят об «устранении человеческого фактора».

Нет беды большей, чем отсутствие возможности самому позаботиться о себе и обеспечить себя средствами к существованию. Между ростом и занятостью нет противо-

речия. Нет противоречия даже между настоящим и будущим. Вам придется попотеть, чтобы доказать, что обеспечение работой всякого желающего создает конфликт между настоящим и будущим. Ни одна развитая страна не достигла своего высокого уровня жизни, отказывая людям в работе. С одной стороны, все это достаточно сложно, но, с другой стороны, не будем забывать, что когда мы говорим о насущных потребностях человека, напыщенные и очень сложные соображения не должны мешать нам делать самые простые вещи.

Здесь, рискуя быть неправильно понятым, я приведу самый простой из всех возможных примеров самопомощи. Господь дал своим детям все, что мог, а уж что касается Индии, то ее он одарил многообразием деревьев, какого не сыщешь нигде в мире. Деревья в Индии могли бы удовлетворить практически все человеческие потребности. Будда, один из величайших духовных учителей Индии, давал своим последователям такое наставление: всякому хорошему буддисту хотя бы раз в пять лет следует посадить дерево и ухаживать за ним, пока оно не окрепнет. Пока люди следовали этому правилу, вся огромная территория Индии была покрыта лесами, не было пыли, а вода, тень, пища и материалы были в избытке. Только представьте себе, что вам удалось создать идеологию, обязывающую каждого трудоспособного индийца, будь то мужчина, женщина, или ребенок, делать эту мелочь — раз в год на протяжении пяти лет сажать и ухаживать за одним деревом. За пять лет Индия получила бы 2 миллиарда окрепших деревьев. После несложных вычислений на клочке бумаги станет ясно, что экономическое эффект такого правильно организованного предприятия был бы большим, чем всех индийских пятилеток. Это не требует ни копейки иностранной помощи, не нужно беспокоиться о накоплениях и капиталовложениях. В результате индийцы получили бы пищу, волокна, строительные материалы, тень, воду — почти все, что человеку действительно нужно.

Я подал лишь идею, и она не является окончательным решением серьезных проблем Индии. Но нам все же стоит задуматься: зачем нам образование, которое не может и не хочет решать самые простые проблемы? С чего мы взяли, что без электроэнергии, цемента и стали мы вообще ничего не можем сделать? Производство действительно необходимых благ не может быть централизованным и контролироваться крупными организациями. Такие блага должны производиться теми, кто непосредственно в них нуждается, то есть самим народом. Давайте вспомним, что стремление всякого человека продуктивно использовать свои руки, способности и смекалку — совершенно естественное желание, и создание условий для реализации этого желания вполне под силу человеческому уму. Если мы это поймем, то, думаю, проблема безработицы исчезнет и мы вскоре будем ломать голову: где бы нам найти пару свободных рабочих рук?

ЧАСТЬ IV ОРГАНИЗАЦИЯ И СОБСТВЕННОСТЬ

Глава 1

МАШИНА ДЛЯ ПРЕДСКАЗАНИЯ БУДУЩЕГО?

Предсказание будущего — одна из важнейших метафизических, а значит и практических, проблем, которые нам приходится решать. Поэтому я посвящаю предсказаниям целую главу. Никогда еще не было столько футурологов, плановиков, прогнозистов и специалистов по математическому моделированию, как сегодня, а самое многообещающее достижение технического прогресса, компьютер, открывает чуть ли не беспредельные новые возможности. Уже поговаривают о «машинах, которые предскажут будущее». Не этого ли мы только ждали? Человек всегда хотел знать будущее.

Древние китайцы заглядывали в И-Цзын — «Книгу перемен» — считающуюся древнейшей книгой человечества. Даже сегодня некоторые наши современники нет-нет, да и откроют древний текст. И-Цзын учит, что, хотя все со временем меняется, само изменение неизменно и подчиняется определенным метафизическим законам, которые можно установить. «Всему свое время, — говорил Экклезиаст, — и время всякой вещи под небом... время разрушать и время строить... время разбрасывать камни и время собирать камни» или, как мы бы сказали, время экономическому подъему и время экономическому спаду. Задача мудрого — понимать великие ритмы Вселенной и подстраиваться под них. Греки — и, я подозреваю, большинство других народов — ходили к живым оракулам, к своим Пифиям, Кассандрам, пророкам и ясновидящим.

Но, что очень примечательно, китайцы обращались к книге, описывающей всеобщий и непреложный порядок перемен, самые Законы Неба, которым неизбежно следует природа. Следует им по своей воле и человек — благодаря пониманию, обретенному через мудрость или через страдание. Современный же человек садится за компьютер.

Соблазнительно сравнить древних оракулов с современным компьютером, но сравнение получится не в пользу последнего. Оракулы обращались исключительно с качествами, компьютеры — с количествами. Надпись на дельфийском храме гласила: «Познай себя», а надпись на ЭВМ скорее будет «Познай меня», то есть «Прочитай инструкцию по эксплуатации, прежде чем совать вилку в розетку». На первый взгляд может показаться, что И-Цзын — это философия, оракулы — философы, а вот компьютерные расчеты — «реальные». Между тем, и компьютерные модели для предсказания будущего построены на совершенно определенных метафизических предпосылках. Подразумевается, что «будущее уже произошло», что оно уже существует в определенном виде, и с хорошим оборудованием и хорошими программами его можно нащупать и «проявить». Читатель согласится, что это очень далеко идущее философское допущение, причем чрезвычайно необычное и противоречащее личному опыту каждого из нас. Оно подразумевает, что человеческой свободы не существует или, по крайней мере, личная свобода не может изменить predetermined ход событий. Такое допущение, как и все метафизические положения, явные и подразумеваемые, имеет огромные последствия в реальной жизни. Это чрезвычайно важно, и я несколько раз говорил об этом на протяжении всей книги. Остается лишь вопрос: истинно такое допущение или ложно?

Когда Бог сотворил мир и человека — предприятие, на которое, по мнению современной науки, ушло уйма времени — я думаю, Он рассуждал с Собой таким образом: «Если я все сделаю предсказуемым, то человеческие

существа, наделенные неплохими мозгами, обязательно научатся все предсказывать, и, обнаружив, что будущее полностью заданно и никаким человеческим действиям его не изменить, потеряют всякий интерес к жизни. С другой стороны, сделай я все непредсказуемым, они постепенно обнаружат, что принимать какие бы то ни было решения бессмысленно, и, как и в первом случае, потеряют всякий интерес к жизни. Ни то, ни другое не подходит. Не смешать ли мне одно с другим? Пусть некоторые вещи будут предсказуемыми, а другие — нет. Тогда людям, помимо всего прочего, придется решать очень важную задачу — выяснять, что есть что».

И это действительно важнейшая задача, особенно сегодня, когда человек пытается создать машину для предсказания будущего. Прежде чем сделать предсказание, он должен очень убедительно объяснить, почему аспект реальности, который он предсказывает, в сущности предсказуем.

По мнению плановиков, будущее, конечно же, еще не произошло, и они имеют дело с неопределенной — а значит непредсказуемой — системой. Они могут де все предопределить своей свободной волей, и их планы сделают будущее отличным от того, каким оно было бы без плана. Получается, что будущее определяют плановики. И между тем именно плановики, больше, чем, пожалуй, кто-либо еще, мечтают о машине для предсказания будущего. Они что, хотят машину, которая бы предсказывала их планы прежде, чем эти планы пришли им в голову?

Определимся с терминами

Как бы там ни было, становится ясно, что вопрос предсказуемости не только важен, но и достаточно сложен. Мы лопочем об оценке, планировании, прогнозах, бюджетировании, об обзорах, программах, целях и так далее, и склонны использовать эти термины как синонимы, как будто каждому человеку понятно, что имеется в виду. Возникает

несусветная неразбериха, потому что на самом деле необходимо сделать несколько основополагающих различий. Мы можем говорить о прошлом или будущем, о действиях или событиях, об определенности или неопределенности. Из трех таких пар возможно восемь комбинаций, и по-хорошему нам нужно восемь разных терминов, чтобы четко понимать, о чем идет речь. Но наш язык не настолько совершенен. Вообще-то самое важное различие — между действиями и событиями, поэтому восемь возможных комбинаций можно упорядочить следующим образом:

1. Действие Прошлое Определенное	5. Событие Прошлое Определенное
2. Действие Будущее Определенное	6. Событие Будущее Определенное
3. Действие Прошлое Неопределенное	7. Событие Прошлое Неопределенное
4. Действие Будущее Неопределенное	8. Событие Будущее Неопределенное

Действие отличается от события так же, как активное от пассивного или то, над чем я властен, от того, что мне неподвластно. Использовать слово «планирование» относительно того, над чем плановик не властен — абсурдно. Для плановика события просто случаются. Возможно, он способен их спрогнозировать, и это значительно изменит его план, но они никак не могут являться частью плана.

Нам пришлось сделать различие между прошлым и будущим, потому что, оказывается, слова типа «план» или

«оценка» используются в отношении и того, и другого. Когда я говорю: «Я не поеду в Париж без плана», это может означать: «Чтобы не потеряться, я возьму с собой план города». Тогда под планом я имею в виду пятый вариант. Или это может означать: «Я заранее продумаю, куда я собираюсь пойти, и как я потрачу время и деньги» — то есть я составлю план в смысле 2 или 4. Если кто-то утверждает, что «без плана нам не обойтись», небезынтересно выяснить, имеет ли он в виду первый или второй план. Ибо эти два плана *по сути* различны.

Точно так же слово «оценка», обозначающее неопределенность, может относиться и к будущему, и к прошлому. В идеальном мире не было бы нужды оценивать то, что уже произошло. Но в реальной жизни очень часто приходится давать оценку даже тому, что, в принципе, можно было бы установить с полной определенностью. Варианты 3, 4, 7 и 8 — это четыре типа оценок. Вариант 3 относится к чему-то, что я сделал в прошлом, вариант 7 — к тому, что случилось в прошлом. Вариант 4 означает что-то, что я планирую сделать в будущем, а вариант 8 — что-то, что может произойти в будущем. Кстати, вариант 8 — это прогноз в должном смысле этого слова; он не имеет никакого отношения к «планированию». Как часто, однако, прогнозы выдают за планы, и наоборот! Британский «Национальный план» 1965 года служит великолепным тому примером. Не удивительно, что он полностью провалился.

Можно ли говорить о будущих действиях и событиях как определенных (варианты 2 и 6)? Если, составляя план, я учел все к нему относящиеся факторы и затем преисполнился решимости претворить его в жизнь, то мои будущие действия можно считать определенными — вариант 2. Точно так же в лабораторных экспериментах с тщательно изолированными детерминистскими системами будущие события можно назвать определенными. Однако реальный мир — не детерминистская система. Мы вправе говорить о свершившихся действиях или произошедших

событиях как определенных — варианты 1 и 5, но говорить о будущих событиях как определенных можно только на основе допущений. Другими словами, мы можем сформулировать условное предложение о будущем, типа: «Допустим, что наблюдаемая тенденция продолжится еще x лет. Тогда значение данного показателя будет таким-то». Это не прогноз и не предсказание, которые в жизни всегда неопределенны, но опытный расчет. Будучи условным, он обладает математической точностью и определенностью.

Сумятица с используемой сегодня терминологией порождает нескончаемую путаницу. Как я уже говорил, люди составляют «планы», которые, как оказывается, относятся к событиям, совершенно неподвластным плану-вику. «Прогнозы» на поверку оказываются условными предложениями, или, другими словами, опытными расчетами. А опытные расчеты принимаются за прогнозы или предсказания. Некоторые «оценки» оказываются планами. И так далее, и тому подобное. Преподаватели вузов выполнили бы очень нужную и действительно полезную задачу, объяснив студентам выше приведенные различия и разработав соответствующую терминологию.

Предсказуемость

Давайте теперь обратимся к нашему главному вопросу — предсказуемости. Возможно ли вообще что-либо спрогнозировать или предсказать? [Термины прогноз и предсказание вроде бы взаимозаменяемы.] Ведь будущее не существует. Так можно ли что-нибудь узнать о том, чего нет? Это очень важный и совершенно обоснованный вопрос. Строго говоря, возможно лишь знание прошлого. Будущее же постоянно формируется, правда в *большой степени* из существующего материала, о котором мы знаем очень много. Будущее, таким образом, можно в *большой степени* предсказать на основе детального и достоверного знания прошлого. В *большой*

степени, но ни коим образом не полностью, ибо в делании будущего непременно участвует загадочный фактор — человеческая свобода. Это свобода существа, созданного по образу и подобию Бога-Творца, — свобода творчества.

Но сегодня под воздействием точных наук многие люди используют свою свободу только для отрицания ее существования. Не странно ли это? Незаурядные, одаренные мужчины и женщины с восторгом говорят о «механистичности» человека, «предопределенности» его действий и на ура принимают любые доказательства человеческой несвободы. Стоит кому-то найти еще одно такое доказательство — в физиологии, психологии, социологии, экономике или политике — и поднимается овация: люди аплодируют доказательству того, что человек не может измениться к лучшему и перестать делать то, что делает, насколько нечеловеческими ни были бы его действия. Отрицание свободы, конечно же, равносильно отрицанию ответственности: действий нет, только события; все просто случается, в том некого винить. Поэтому и возникла неразбериха с терминологией, о которой я говорил выше. По этой же причине мы ждем появления машины, предсказывающей будущее.

И правда: если бы все просто случилось, без элемента свободы, выбора, человеческого творчества и ответственности, мир был бы полностью предсказуем, а любая нехватка знания была бы временна и случайна. Не будь свободы, естественные науки могли бы с полным правом взяться за изучение поведения человека или по крайней мере одолжить свои методы гуманитарным наукам, а систематического наблюдения фактов было бы вполне достаточно для надежных выводов. Президент Королевского экономического общества профессор Фелпс Браун, похоже, свято верит в несвободу человека. В своем обращении к Обществу он сетует на «недоразвитость экономической теории». «Наша наука, — говорит он, — отстала от физики на триста лет». Не сомневаясь в *метафизической* тождественности

экономической теории и физики, он с одобрением цитирует другого экономиста, профессора Моргенштерна:

Великие достижения физики семнадцатого века, особенно в области механики, зиждились на предшествовавших успехах астрономии. За ними стоят тысячелетия систематического, научного наблюдения неба... Ничего подобного пока не произошло в экономической науке. Не будь Тихо, физика не увидела бы Кеплера и Ньютона, поэтому нет оснований надеяться на быстрое становление экономической теории.

Так профессор Фелпс Браун делает вывод о необходимости наблюдать за поведением человека еще много, много лет, а «пока использование количественных методов в экономической теории преждевременно».

Именно благодаря человеческой свободе и ответственности экономическая теория метафизически отлична от физики, а человеческие действия в большой степени непредсказуемы. Но поведение человека, действующего по плану, конечно же, предсказуемо — правда, именно потому, что план — это реализованная свобода выбора: выбор сделан, все альтернативы отброшены. Следуя плану, люди ведут себя предсказуемо только потому, что они решили пожертвовать своей свободой действовать иначе.

В принципе, там, где нет человеческой свободы, все предсказуемо (как, например, движение звезд), а там, где свобода человека присутствует — непредсказуемо. Значит ли это, что все человеческие действия непредсказуемы? Нет, потому что большинство людей большую часть времени не используют свою свободу и действуют чисто механически. Как показывает опыт, при рассмотрении большого числа людей многие аспекты их поведения действительно предсказуемы, ибо из большого числа людей в каждый момент времени только единицы пользуются своей свободой, что часто почти не влияет на общий результат.

Однако все по-настоящему значимые перемены обычно начинаются с тех немногих людей, кто *свободно творит*.

Из-за отказа от свободы общественные процессы приобретают некоторую устойчивость и предсказуемость, а значит, подавляющее большинство людей одинаково реагируют на определенные события и одинаково ведут себя в определенных ситуациях. Эта реакция стабильна и долгое время не изменяется — пока под влиянием значимых новых факторов поведение людей вдруг не изменится.

Итак, мы провели следующие различия:

1. Полная предсказуемость (в принципе) возможна только там, где нет человеческой свободы, то есть в «дочеловеческой» природе. Возможности предсказания здесь ограничиваются лишь недостатком имеющихся знаний и несовершенством методов исследования.
2. Относительно предсказуемо поведение очень большого количества людей, занимающихся «обычными», рутинными делами.
3. Относительно полно можно предсказать действия людей, следующих плану, устранившему свободу. Пример — расписание поездов.
4. Личные решения индивидуумов в принципе непредсказуемы.

Краткосрочные прогнозы

На практике любое предсказание — это просто экстраполяция с поправкой на имеющиеся «планы». Но как экстраполировать? Данные за сколько предшествующих лет брать в расчет? Предположим, определенный показатель проявляет тенденцию к росту. Что именно экстраполировать: средние темпы роста, или увеличение темпов роста, или ежегодный прирост показателя в абсолютных величинах? На самом деле правил не существует*: на это просто нужно «чутье».

Полагайтесь на интуицию и здравый смысл.

Один и тот же временной ряд можно экстраполировать разными способами — и получить самые различные результаты. Тот, кто знает об этом, не станет слишком уж полагаться на любую экстраполяцию. По той же причине не стоит увлекаться разработкой «усовершенствованных» методов прогнозирования. При краткосрочном прогнозе, скажем, на следующий год, самые изощренные расчеты редко приводят к результатам, существенно отличным от результатов более грубых расчетов. Ведь что можно предсказать после года роста?

1. что мы достигли (временного) предела роста,
2. что рост продолжится теми же, более медленными, или более быстрыми темпами,
3. что произойдет спад.

«Методы прогнозирования» мало чем помогут в выборе между тремя основными вариантами прогноза. Здесь необходимо информированное суждение. Пожалуй, это достаточно очевидно. Конечно же, все зависит от показателей, с которыми вы имеете дело. Рассматривая что-то, что обычно очень быстро растет, как, например, потребление электроэнергии, вы выбираете между тем же темпом роста, более высоким или более низким.

Итак, чтобы сформировать весомое суждение о будущем, нужен не столько метод прогнозирования, сколько полное понимание текущей ситуации. Если известно, что текущий уровень производства (или темп роста) зависит от особых факторов, которые вряд ли будут иметь место в будущем году, их, конечно, необходимо принять во внимание. Тогда прогноз «без изменений» на следующий год на самом деле может означать «реальный» рост или «реальное» падение по сравнению с этим годом, ведь в этом году действовали

* При наличии сезонных или циклических колебаний, конечно же, необходимо взять данные за полный год или цикл, но вам судить, сколько взять лет или циклов.

исключительные факторы, и, безусловно, прогнозист должен открыто заявить об этом.

Поэтому, на мой взгляд, не стоит тратить сил на совершенствование методов прогнозирования, а лучше попытаться понять текущую ситуацию, распознать и, если нужно, учесть «необычные» и единовременные факторы. После того, как это сделано, даже самого грубого метода прогнозирования будет вполне достаточно. Сколь бы ни были утонченны расчеты, основополагающее суждение — будет ли следующий год таким же, как и этот, лучше, или хуже — вам придется делать самому.

Мне могут возразить, что с появлением компьютеров краткосрочное прогнозирование вступает в новую эру: машины могут легко и быстро обработать огромное количество данных и описать их формулой. С появлением новых данных эта формула может практически мгновенно обновляться, и как только динамика показателя будет достаточно хорошо описана математической формулой, машина сможет предсказывать будущее.

Давайте разберемся с метафизической основой таких утверждений. Что значит «достаточно хорошо описана математической формулой»? Просто ряд количественных изменений в прошлом был изящно описан точным математическим языком. Но то, что я или машина смог столь точно описать эту последовательность, вовсе не означает, что такая динамика изменений обязательно сохранится и в будущем. Она могла бы сохраниться только если бы: а) не было человеческой свободы и б) причины, лежащие в основе наблюдаемой динамики показателей, никоим образом не могли бы измениться.

Да, разумно ожидать, что очень четкая и хорошо установившаяся тенденция (стабильности, роста или снижения) продержится еще некоторое время в будущем, если только мы достоверно не знаем о возникновении новых факторов, способных на нее повлиять. Но, по-моему, для выявления таких четких, сильных и устойчивых тенденций куда дешевле,

быстрее и надежнее было бы воспользоваться человеческим мозгом, а не его электронным соперником. Или, другими словами, если тенденцию не выявить без утонченных методов математического анализа и компьютера, значит она настолько слаба и неясна, что не может служить подходящей основой для экстраполяции в реальной жизни.

Сделав поправку на нетипичные факторы, можно смело использовать самые простые методы прогнозирования. Сложные статистические расчеты только создают пагубную иллюзию правдоподобия и детальной проработки. Имея математическую модель и компьютер, ужасно соблазнительно мурыжить данные до тех пор, пока не возникнет картина будущего, подкупающая самой своей точностью и правдоподобием. Однако куда лучше вообще не иметь карты, чем иметь вымышленную карту и принимать ее за настоящую. Без карты вы хотя бы будете спрашивать о дороге у каждого встречного, станете отмечать каждую деталь на своем пути и всеми чувствами и разумом постоянно искать подсказок, куда вам идти.

Допущения, на которых построены прогнозы, еще могут быть понятны самому прогнозисту. Но тот, кто пользуется прогнозами, часто и не подозревает, что все здание расчетов зачастую строится на одном единственном непроверяемом предположении, и если это предположение ложно, то рухнет все здание. Люди дивятся тщательности проделанной работы, тому, как все выглядит лепо и складно, и т. д. Если бы прогнозы представляли совершенно безыскусно, просто на клочке бумаги, было бы легче осознать их зыбкость и тот факт, что прогнозы прогнозами, а кому-то придется принимать предпринимательские решения о неизвестном будущем.

Планирование

Я уже говорил о принципиальном отличии плана от прогноза. План — это заявление о намерениях, о том, что плановик

или его хозяин намеревается сделать. Планирование (я предлагаю использовать этот термин) неотделимо от власти. Каждый, кто обладает некоторой властью, хочет иметь план. Это вполне естественно. Похвально, когда люди, наделенные властью, используют власть осознанно и осмотрительно, просчитывая свои действия на несколько шагов вперед. При составлении плана они должны принимать во внимание возможные действия других людей, другими словами, умного плана не составить без некоторых прогнозов. Все это достаточно просто до тех пор, пока то, что прогнозируют, действительно «прогнозируемо», то есть относится либо к вещам, в которые не вмешивается человеческая свобода, либо к рутинным действиям очень большого числа людей, либо к планам других власть имущих. К сожалению, объекты прогнозирования очень часто не принадлежат ни одной из этих категорий, и зависят от личных решений отдельных людей или небольших групп людей. В таких случаях прогнозы не многим значимее гаданий на кофейной гуще, и никакими пусть самыми совершенными методами прогнозирования их не улучшить. Конечно, у одних людей интуиция развита лучше, чем у других, и они составляют более точные прогнозы, но ни методы прогнозирования, ни технические средства для проведения расчетов не имеют к этому никакого отношения.

Что же тогда подразумевается под «национальным планом» в свободном обществе? Понятно, что речь не идет о концентрации всей власти в одной точке, потому что это несовместимо со свободой, а истинное планирование имеет тот же охват, что и власть. По-моему, в свободном обществе «национальный план» может означать лишь как можно более полный сборник заявлений о намерениях всех людей, обладающих значительной экономической властью. Такие заявления мог бы собирать и сводить воедино какой-либо государственный орган. Самые несообразности такого сводного «плана» стали бы полезными индикаторами расклада сил.

Долгосрочные прогнозы и оценки осуществимости проектов

Давайте теперь рассмотрим долгосрочное прогнозирование, под которым я понимаю создание прогнозов на пять или более лет вперед. Понятно, что так как со временем все меняется, в долгосрочном плане будущее еще менее предсказуемо, чем в краткосрочном. На самом деле любой долгосрочный прогноз либо самонадеян и абсурден, либо настолько общ, что содержит лишь очевидные истины. Однако на практике часто все равно требуется «заглянуть» в будущее, ибо приходится принимать решения и брать на себя долгосрочные обязательства. Может ли что-то помочь в такой ситуации?

Еще раз отмечу разницу между прогнозами с одной стороны и «опытными расчетами» и «анализом осуществимости» задуманных предприятий с другой. Прогноз равнозначен утверждению: значение такого-то показателя будет таким-то через, скажем, двадцать лет. Опытные же расчеты или оценки осуществимости — это исследование того, к чему приведут те или иные тенденции в долгосрочном плане. К сожалению, макроэкономические оценки осуществимости обычно весьма примитивны. Люди зачастую полагаются на общие прогнозы, что не стоят бумаги, на которой они написаны.

Приведу несколько примеров. В наши дни модно говорить о развитии недоразвитых стран; появляются все новые «планы» экономического роста. Судя по заложенным в них ожиданиям, предполагается, что через несколько десятков лет большинство людей в мире будут жить, как сегодня живут в Западной Европе. Мне кажется, было бы очень полезно внимательно и подробно проанализировать осуществимость такого проекта. Можно взять 2000 год как конечную точку исследования и, двигаясь назад к сегодняшнему дню, прикинуть: сколько потребуется продовольствия, топлива, металлов, текстиля, и т. д.?

Какой будет величина основных средств? Естественно, нам придется сделать много новых допущений по мере продвижения от 2000 года назад к текущему году. А затем можно будет оценить, насколько каждое из принятых допущений реалистично. Тогда мы, видимо, обнаружим, что расчеты построены на совершенно нереалистичных ожиданиях. Это открытие было бы чрезвычайно поучительным. Мы поняли бы, что хотя страны, где огромное количество людей живет в полной нищете, безусловно нуждаются в значительном экономическом развитии, существует несколько альтернативных *путей* развития, и некоторые пути более реальны, чем другие.

Нам так не хватает долгосрочного мышления, подкрепленного добросовестными оценками осуществимости проектов, в сфере использования всех редких невозобновимых природных ресурсов — многих видов ископаемого топлива и металлов. Например, сегодня уголь заменяют нефтью. Некоторые люди, кажется, полагают, что скоро уголь вообще прекратят использовать. На основе имеющихся данных о запасах угля, нефти и природного газа — как доказанных, так и просто предполагаемых — можно было бы оценить осуществимость перевода экономики на нефть. Это также было бы чрезвычайно поучительно.

На сегодняшний день самые близкие к оценкам осуществимости подсчеты проводились Организацией Объединенных Наций в отношении роста населения и наличия продовольствия. Эти расчеты можно было бы значительно углубить и не только дать общий объем необходимого к 1980 или 2000 году продовольствия, но и более подробно, чем раньше, расписать с указанием дат конкретные шаги, которые нужно предпринять в ближайшем будущем, чтобы достичь этих объемов.

Загвоздка в том, что большинство людей не очень хорошо разбираются в статистике и путают прогнозы с оценками осуществимости проекта. Как я уже говорил, долгосрочный прогноз — это дерзость, в то время как долгосрочная оценка

осуществимости — плод серьезной кропотливой работы, которой мы пренебрегаем себе на погибель.

А не помогут ли этой работе приспособления типа компьютера? Навряд ли. Мне кажется, что появление все новых электронных «помощников» там, где требуется прежде всего человеческое здравомыслие, — одна из главных движущих сил Закона Паркинсона. Бесспорно, компьютер может произвести огромное количество расчетов с разными исходными условиями за считанные секунды или минуты. Человеческий мозг справился бы с этой задачей только за несколько месяцев. Но в том то все и дело, что человеку даже нет нужды браться за такую работу. Компьютер только считает, а человек способен рассуждать. Чтобы прикинуть возможное развитие событий, достаточно сосредоточиться на нескольких ключевых параметрах. Говорят, можно и нужно сделать машину для долгосрочных прогнозов. В нее будут вводить «последние известия», чтобы она постоянно уточняла долгосрочные прогнозы. Согласен, такую машину сделать можно, но только нужно ли? Ведь прежде чем ввести «новость» в компьютер, требуется определить, имеет ли она отношение к долгосрочному прогнозу, а сходу это решить порой невозможно. Кроме того, непрерывное автоматическое обновление долгосрочных прогнозов кажется мне бесполезным. Прогноз нужен только для принятия или пересмотра долгосрочного решения. Такие решения достаточно редко принимаются даже в самых крупных компаниях. В таких случаях специально собираются самые лучшие данные; они оцениваются в свете накопленного опыта; наконец принимается решение, кажущееся разумным самым башковитым людям, что только есть в компании. Те, кто думают, что такой трудоемкий и неопределенный процесс можно заменить несколькими расчетами на компьютере, глубоко заблуждаются.

Для оценки осуществимости проектов (но не для прогнозов), быть может, не помешало бы устройство, способное быстро пересчитать все данные при изменении

исходных допущений. Но мне для этих целей пока вполне хватает логарифмической линейки и набора таблиц сложных процентов.

Непредсказуемость и свобода

По-моему, «автоматизация» экономического прогнозирования и сходных областей бесполезна, не сказать вредна. Между тем, компьютеры и схожие устройства полезны, например, в решении математических задач и в программировании процессов производства, то есть в сфере применения точных наук. Точные науки не изучают человека. Самая их точность — признак отсутствия человеческой свободы, выбора, ответственности и достоинства. С появлением человеческой свободы мы оказываемся в совершенно другом мире, где внедрение механических устройств таит огромную опасность. Попытки устранить различие между человеком и до-человеческими уровнями бытия губительно, им необходимо решительно противостоять. Человеческое достоинство и так было грубо попрано опрометчивыми попытками общественных наук перенять и применить методы естественных наук. Экономическая теория, и уж тем более прикладная экономическая теория — не точная наука, но что-то гораздо большее. Она должна быть ветвью мудрости. Г-н Колин Кларк как-то заметил, что «в долгосрочном плане мировая экономика развивается сама по себе, независимо от политических и общественных перемен». На основе этой метафизической ереси в 1941 году он написал книгу под названием «Экономика в 1960 году»⁶¹. Нарисованная им картина действительно во многом походит на то, что произошло. Но эта схожесть объясняется тем, что хотя человек свободен, физические законы природы, в которой он действует, неизменны. Метафизическое допущение г-на Кларка ложно. В реальности развитие мировой экономики даже в долгосрочном плане сильно

зависит от политических и социальных перемен. Просто сложные и изобретательные методы прогнозирования, использованные г-ном Кларком, помогли создать внешне правдоподобную картину будущего.

Заключение

Вот мы и пришли к жизнеутверждающим выводам: жизнь, включая экономическую жизнь, все еще стоит того, чтобы жить, потому что она достаточно непредсказуема, чтобы быть интересной. Ни экономист, ни статистик не запишут ее на дискету. В пределах физических законов природы мы по-прежнему хозяева нашей личной судьбы и судьбы всего человечества, будь то к добру или нет.

Но знания экономиста, статистика, физика, инженера и даже истинного философа могут помочь увидеть границы, в которых лежит наша судьба. Будущее нельзя спрогнозировать, но можно нащупать. Оценки осуществимости проектов могут показать нам, куда мы идем, и это сегодня важнее, чем когда бы то ни было раньше, так как все страны мира теперь стремятся к экономическому «росту», не понимая, к чему он приведет.

Никакая армия прогнозистов, горы данных и чудесные электронные приспособления для их обработки не помогут современному погрязшему в суете человеку достоверно узнать будущее. Будущее по сути неопределенно. Попытки предсказать его при помощи технических средств — это самообман, лишняя разподтверждающий Закон Паркинсона. Лучшие решения будут по-прежнему основываться на суждениях не роботов, но зрелых людей, которые долго и спокойно смотрели на ситуацию и увидели ее в целостности. Остановиться, посмотреть вокруг и прислушаться к окружающему миру куда полезнее, чем обратиться к вороху бумаг: «Ну-ка, что у нас там напрогнозировали?»

ГЛАВА 2

К ТЕОРИИ КРУПНОМАСШТАБНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Чуть ли не каждый день мы слышим о слияниях и поглощениях компаний; в погоне за все большими рынками сбыта Великобритания вступает в Европейское экономическое сообщество; а огромные рынки требуют создания огромных промышленно-финансовых групп. Национализировав свою промышленность, социалистические страны создали индустриальные гиганты, не уступающие по размеру самым крупным корпорациям капиталистического мира. Подавляющее большинство экономистов и аналитиков корпораций поддерживают эту тенденцию укрупнения.

С другой стороны, социологи и психологи то и дело предупреждают нас об опасностях гигантских организаций, где человек чувствует себя лишь винтиком огромной машины, где людские взаимоотношения в повседневной рабочей жизни становятся все менее гуманными, где даже эффективность и продуктивность производства начинает страдать от разбухания корпоративной бюрократии.

В то же время современная литература рисует страшные картины нового мира, разорванного на *нас* и *них* и терзаемого взаимным подозрением; мира, где народ ненавидит власть, а власть презирает народ. Массы встречают решения правителей угрюмой безответственностью, а правители тщетно пытаются поддержать работу машины при помощи четкой организации и координации, налоговых стимулов, льгот, бесконечных призывов и угроз.

Безусловно, все дело в общении. Но по-настоящему эффективно лишь *личное* общение, то есть человека с человеком, лицом к лицу. Кошмарный роман Франца

Кафки «Замок» показывает разрушительное воздействие управления на расстоянии. Г-на К., землемера, наняли власти, но никто толком не знает, как и зачем. Он пытается прояснить свое положение, ибо все, кого он встречает, говорят ему: «К сожалению, нам не нужен землемер. Совершенно не нужен».

Стараясь во что бы то ни стало встретиться с представителем власти лицом к лицу, г-н К. обращается к различным людям, по-видимому, имеющим некоторый вес, но те неизменно говорят ему: «До сих пор вы еще ни разу по-настоящему не общались с нашими властями. Все эти встречи совершенно иллюзорны, но по незнанию вы принимаете их за реальность».

Ему так и не удастся толком поработать. А потом приходит письмо из Замка: «Я очень доволен вашей работой... Так держать! Успехов вам в ее завершении. Не останавливайтесь — мне это было бы неприятно... Я вас не забуду».

Мало кому по душе работа в больших организациях. Кому понравится получать приказы от начальника, который получает приказы от своего начальника, который получает приказы?... Даже когда созданные бюрократической машиной правила чрезвычайно гуманны, никому не нравятся подчиняться безликим предписаниям и людям, что встречают любую жалобу словами: «Не я же эти правила придумал. Я просто следую инструкциям».

Но, похоже, с большими организациями нам еще жить да жить. Поэтому тем более необходимо думать о них и пытаться понять, как они устроены, ведь чем сильнее течение, тем искуснее надо владеть рулем.

Главное — создать малые структуры *внутри* большой организации.

Вот возникла большая организация. Обычно она словно маятник колеблется между *централизацией* и *децентрализацией*. Каждый раз, встречая такие *противоположности*, каждая из которых обладает несомненными

достоинствами, стоит вникнуть в суть проблемы в поисках чего-то большего, чем просто компромисс, чем решение пятьдесят на пятьдесят. Может, нам на самом деле нужно не *или или*, но *и то и другое одновременно*.

Реальная жизнь полна таких проблем, пусть они и не по вкусу людям, полагающимся на логику. Они привыкли решать абстрактные задачи, в которых совершенно не учитываются «всякие посторонние факторы». Но в реальной жизни мы постоянно сталкиваемся с этими «посторонними факторами» и нуждаемся в порядке и свободе одновременно.

Любой организации, большой или малой, нужна определенная ясность и упорядоченность, ведь в беспорядке организация ничего не достигнет. Но сама по себе упорядоченность неподвижна и безжизненна; а люди должны иметь возможность импровизировать, вырываться за рамки установленного порядка, делать то, что никогда раньше не делали, что никогда не предвидели стражи порядка. Организации не выжить без непредвиденных и непредсказуемых плодов творческой мысли человека.

Поэтому любая организация должна постоянно стремиться к упорядоченности *порядка* и к беспорядку *свободы творчества*. Крупные же организации склонны предпочитать порядок свободе творчества, и в этом таится опасность.

Остальные пары противоположностей так или иначе соотносятся с основной парой «порядок—свобода». Централизация в основном связана с порядком, децентрализация — со свободой. Типичный бухгалтер и управляющий — чаще всего люди порядка, в то время как *предприниматели* — люди творческой свободы. Порядок требует интеллекта и ведет к эффективности, свобода же открывает дверь навстречу интуиции и ведет к инновации.

Большой организации непременно нужен порядок. Но если идеальный порядок поддерживают столь усердно, что человеку больше нигде применить свою творческую

интуицию, нигде создать *предпринимательский хаос*, организация теряет энергию жизни и превращается в мертвую пустыню.

На основе этих соображений я теперь попытаюсь создать теорию крупной организации и изложу ее в виде пяти принципов.

Первый принцип называется *принцип субсидиарности* или *принцип субсидиарной функции*. Известная формулировка этого принципа такова: «Передавать большей, вышестоящей организации функции, с которыми может справиться меньшая, нижестоящая организация — не только несправедливо, но и пагубно. Это нарушает правильный порядок вещей. Ведь общество призвано помогать своим членам, а не подавлять и не поработать их». Это высказывание относится к обществу в целом, но оно не менее справедливо и в отношении разных уровней в большой организации. Вышестоящий уровень не должен узурпировать функции нижестоящего: то, что он выше, еще не значит, что он непременно мудрее и лучше с ними справится. Преданность — необходимое условие здоровья любой организации — возникает только у меньших частей к большим (или высшим), а не наоборот.

В соответствии с принципом субсидиарной функции бремя доказательства всегда лежит на тех, кто хочет лишить нижестоящий уровень его функции, а значит и части его свободы и ответственности. Пусть *они* докажут, что нижестоящий уровень не справляется с выполнением этой функции, и что именно вышестоящий уровень действительно справится с ней намного лучше. Продолжаю цитату: «Власть имущие должны знать, что чем лучше сохранен иерархический порядок социальных групп в соответствии с принципом субсидиарной функции, тем выше авторитет власти и эффективнее общественные институты, и счастливее и благополучнее государство»⁶².

Нас больше не волнуют противоположности централизации и децентрализации: из принципа субсидиарной

функции следует, что, лелея свободу и ответственность нижестоящих образований, центр обретет власть и эффективность; в результате организация в целом становится «счастливее и благополучнее».

Как построить такую структуру? С точки зрения управляющего, любителя порядка, она будет выглядеть неряшливо: монолит мраморной пирамиды куда логичнее и красивее. Большая организация будет состоять из множества полуавтономных образований, *квази-фирм*. Каждая из них будет в большой степени свободна, будет обладать всеми возможностями для творчества и *предпринимательства*.

Такая организационная структура напоминает человека с тучей воздушных шаров в руке. Каждый шар устойчив и сам стремится вверх; человек же не восседает над шарами, а стоит под ними, но при этом крепко держит нити в руке. Каждый шар — не только административное, но и *предпринимательское* образование. С другой стороны, монолитная организация похожа на рождественскую елку: на вершине горит звезда, а под ней — много орехов и других полезных вещей. Все исходит от вершины и зависит от нее. Истинной свободе и *предпринимательству* место только на самом верху.

Таким образом, нужно разобраться с деятельностью организации, выделить относительно обособленные подразделения и создать столько квази-фирм, сколько покажется возможным или целесообразным. Например, Британский национальный совет угля, одно из крупнейших промышленных предприятий Европы, счел возможным создать квази-фирмы под разными именами для добычи угля открытым способом, кирпичных заводов и сбыта угля. Но этим дело не кончилось. Были разработаны специальные, относительно целостные организационные структуры для его транспортных операций, месторождений, розничной сбытовой сети, не говоря уже о различных предприятиях, не занимавшихся профильной деятельностью совета. Основная же деятельность организации, добыча угля в

шахтах, была организована по семнадцати регионам, и каждый получил статус квази-фирмы. В уже цитированном источнике описываются результаты такой *структуризации*: «Таким образом центр будет более свободно, энергично и эффективно заниматься именно своим делом: направлять, наблюдать, побуждать, сдерживать — при случае и необходимости. Кроме него выполнить эти функции некому».

Чтобы значимо и эффективно управлять, центр должен следовать второму принципу, который мы назовем *принципом невмешательства*. Этот принцип очень хорошо описывает одну из важнейших обязанностей центра по отношению к нижестоящим образованиям. Хороший управленец управляет лишь в исключительных случаях. За исключением исключительных случаев, центр не должен придирается к дочерней квази-фирме, причем исключения должны быть достаточно ясно обозначены, так, чтобы квази-фирма точно знала, удовлетворительны результаты ее деятельности или нет.

Управленцы чистой воды, то есть люди порядка, любят, чтобы у них все было под контролем. При помощи компьютеров сегодня можно проконтролировать почти неограниченное количество показателей, ведущих к прибыли или убытку: объемы производства, продуктивность, различные статьи издержек, непроизводственные расходы, и т. д. Все довольно логично, вот только реальная жизнь больше логики. Если нижестоящее образование подотчетно по большому количеству показателей, то всегда можно придаться к тому или иному показателю. Тогда не может идти и речи об управлении лишь в исключительных ситуациях, и никто никогда точно не знает, насколько хорошо работает это подразделение.

В идеале принцип невмешательства предполагает, что подразделения коммерческой организации подотчетны лишь по одному показателю, а именно по прибыльности. При этом, конечно же, квази-фирма обязана следовать

общим правилам и политике, устанавливаемым центром. Хотя идеалы и редко достижимы в реальном мире, они тем не менее значимы, поэтому любое отклонение от идеала следует специально обосновать. Творчество и *предпринимательство* в квази-фирме могут процветать, только если она подотчетна действительно по очень небольшому количеству показателей.

При всей его важности, показатель прибыльности нельзя использовать механически. Некоторые подразделения могут находиться в чрезвычайно выгодном положении, другие — в чрезвычайно плохом; некоторые могут обслуживать организацию в целом или иметь иные обязательства, которые необходимо выполнять безотносительно их прибыльности. В таких случаях при определении прибыльности необходимо учитывать, условно говоря, величину *ренты* или *субсидий*.

Подразделение, пользующееся особыми и неизбежными преимуществами, должно выплачивать соответствующую *ренту*, а подразделению, сталкивающемуся с неизбежными трудностями, причитается специальный *зачет* или *субсидия*. Такая система достаточно хорошо выравнивает шансы получения прибыли разными подразделениями, и прибыль становится значимым показателем успеха. Там, где такое выравнивание необходимо, но не применяется, подразделения-счастливчики почивают на пуховой перине, а остальные ворочаются на досках, утыканных гвоздями, что сказывается и на боевом духе, и на результатах работы.

Если в соответствии с принципом невмешательства подразделения подотчетны по прибыльности как основному показателю (с поправкой на ренту или субсидии, когда это необходимо), вмешательство центра требуется лишь в исключительных случаях, и он может сосредоточиться на том, чтобы непрестанно «направлять, наблюдать, побуждать, сдерживать — при случае и необходимости» все подразделения.

Центр будет вмешиваться в двух исключительных случаях. Во-первых, когда центр и подразделение никак

не могут договориться о размере ренты или субсидии. В таком случае центр предпринимает полную проверку эффективности подразделения, с тем, чтобы объективно оценить его истинный потенциал. Во-вторых, когда подразделение не смогло получить прибыль с поправкой на ренту и субсидии. Руководство подразделения оказывается в незавидном положении: если проводимая центром проверка эффективности выявит никчемное состояние дел, управляющим укажут на дверь.

Третий принцип — *принцип обособленности*. Каждое подразделение или квази-фирма должны иметь как счет прибылей и убытков, так и собственный баланс. Для поддержания порядка отчета о прибылях и убытках вполне достаточно: из него можно узнать, вносит ли подразделение вклад в финансовый успех организации. Но для *предпринимателя* баланс просто необходим, пусть даже исключительно для внутренних целей. Почему недостаточно иметь только один баланс для организации в целом?

Ресурсы организации уменьшаются в результате убытков и увеличиваются благодаря прибыли. Но что происходит с прибылью или убытком подразделения в конце финансового года? Они вливаются в океан счетов организации и, с точки зрения подразделения, просто теряются в нем. Без баланса или чего-нибудь подобного подразделение начинает каждый финансовый год с нуля. Это неправильно.

Успешные подразделения должны обладать большей свободой и большими финансовыми возможностями, а неудачливые и убыточные — меньшими. Организация стремится поощрять успех и ставить неудачников в менее выгодное положение. Баланс отражает совокупность ресурсов организации или его подразделения, их увеличение или уменьшение в соответствии с текущими результатами. Это позволяет всем, кого это касается, проследить воздействие текущей деятельности на ресурсы. Прибыли и убытки переносятся на будущие периоды и не стираются. Поэтому каждой квази-фирме необходим свой баланс, в котором

прибыль отражается как кредит центру, а убыток — как кредит от центра. Это имеет огромное психологическое значение.

Теперь рассмотрим четвертый принцип, который можно назвать *принципом мотивации*. Стоит ли говорить, что человек действует в соответствии со своими устремлениями? Это совершенно очевидно. Вместе с тем для большой организации с ее бюрократией, безличным управлением на расстоянии, множеством абстрактных правил и предписаний и сверх всего с ее относительной непостижимостью введу ее необъятности, нехватка мотивации у работников становится важнейшей проблемой. У высшего руководства компании нет проблем с мотивацией, но чем ниже мы спускаемся по иерархической лестнице, тем сильнее ощущается нехватка мотивации. Здесь не место углубляться в эту сложную проблему.

Современное индустриальное общество, олицетворяемое большими организациями, уделяет этому слишком мало внимания. Управленцы считают, что люди работают просто ради денег, ради конверта с получкой в конце месяца. Несомненно, это в некоторой степени так, но когда на вопрос, почему он проработал только четыре дня на прошлой неделе, рабочий отвечает: «Потому что зарплаты за три дня мне не хватило», — все ошарашены и чувствуют, что что-то неладно.

Это плата за интеллектуальную неразбериху. Мы проповедуем достоинства упорного труда и сдержанности и в то же время рисуем утопичные картины безграничного потребления без работы и без умеренности. Мы жалуемся, что на призыв работать прилежнее отвечают: «А мне наплевать», и в то же время мечтаем: «Вот бы за нас работали роботы, а думали — компьютеры!»

Один из лекторов Рейта недавно заявил, что когда меньшинство «сможет кормить, обхаживать и обеспечивать большинство, не будет смысла удерживать на производстве тех, кто не желает работать». Многие не хотят работать,

потому что их работа им неинтересна, не дает реализовать себя, не приносит удовлетворения, и на их взгляд имеет единственное достоинство: конверт с получкой в конце месяца. Если наши интеллектуальные лидеры относятся к работе как к всего лишь неизбежному злу, которое вскоре будет устранено для большинства людей, стоит ли удивляться, что уже сейчас люди стремятся как меньше работать и проблема мотивации становится неразрешимой.

Как бы там ни было, здоровье большой организации в огромной степени зависит от ее способности мотивировать своих работников. У любой организационной структуры, построенной без уважения этой фундаментальной истины, шансы на успех невелики.

Мой пятый, и последний, принцип — это *принцип золотой аксиомы*. Высшему руководству большой организации приходится нелегко. Оно ответственно за все, что случается или не случается во всей организации, но при этом удалено от реальных событий. Приказов, правил и предписаний вполне достаточно, чтобы руководить подразделениями, выполняющими многочисленные рутинные функции. Но как быть с инновационными решениями, новыми творческими идеями? Как насчет развития организации — самой что ни на есть *предпринимательской* деятельности?

Мы возвращаемся к тому, с чего начали: все истинные человеческие проблемы вырастают из *парадокса* порядка и свободы. Парадокс значит противоречие между двумя законами, конфликт мировоззрений; противостояние между законами или принципами, каждый из которых может оказаться правильным.

Прекрасно! Вот это настоящая жизнь, полная парадоксов, и большая, чем логика. Без порядка, планирования, предсказуемости, централизованного управления, счетоводства, инструкций, послушания, дисциплины — без всего этого не выйдет ничего путного, ибо все развалится. И все же без щедрости хаоса, счастливой безудержности, *предпринимательства*, осмеливающегося прыгнуть в неизвестное и

необъятное, без риска и азарта, без творческого воображения, рвущегося туда, куда ангелы-бюрократы боятся ступить — без этого жизнь жалка и унижительна.

Центр обладает властью, поэтому ему несложно навести порядок. Куда труднее создать условия для процветания свободы и творчества, ведь никаким приказом или инструкцией не вызовешь творческий порыв. Так как же высшему руководству обеспечить развитие организации? Предположим, оно знает, что нужно делать. Как добиться, чтобы это делалось во всей организации? Вот где приходит на помощь принцип золотой аксиомы.

Есть аксиомы — самоочевидные истины, с которыми нельзя не согласиться. Центр может огласить такую открытую им истину. Несколько лет назад Национальному совету угля необходимо было донести до своих подразделений очень важную истину: необходима *концентрация производства*, то есть концентрация добычи угля на меньшем количестве месторождений, с ростом добычи на каждом из них. Все, конечно же, сразу же с этим согласились, но, понятное дело, мало что изменилось.

Подобные перемены трудоемки, требуют нового мышления и планирования на каждой шахте. Естественным образом возникают препятствия и трудности. Как центру, в данном случае Национальному совету угля, ускорить процесс? Конечно, можно провозгласить новую политику компании. Но зачем, если все и так соглашаются с необходимостью перемен? Призывы из центра оставляют в неприкосновенности свободу и ответственность нижестоящих подразделений, но вызывают справедливую критику: «они только болтают, но ничего не *делают*». Возможен и другой подход: центр выпускает инструкции, но он далек от реального производства, и высшее руководство опять справедливо ругают: «они пытаются всем заправлять из Центра». Центр жертвует свободой ради порядка и теряет творческое участие людей в нижестоящих подразделениях — тех самых людей, что лучше всего

понимают работу на местах. Ни вежливые призывы, ни жесткие приказы в данном случае не подходят. Требуется что-то среднее, *золотая аксиома*, приказ сверху, что при этом не совсем и приказ.

Решив концентрировать производство, Национальный совет угля выдвинул минимальные требования к открытию новых угольных забоев. Было оговорено, что если какой-либо Регион сочтет необходимым открыть забой, несоответствующий этим требованиям, такое решение необходимо записать в специально для этого предназначенную книгу, ответив на три вопроса:

- Почему этот забой нельзя спроектировать так, чтобы был достигнут минимальный требуемый объем добычи?
- Зачем вообще разрабатывать этот участок месторождения?
- Какова примерная прибыльность забоя в спроектированном виде?

Этот действенный способ применения принципа золотой аксиомы оказал чуть ли не чудесное воздействие. Концентрация производства пошла полным ходом, с отличными результатами для отрасли в целом. Центр нашел способ воздействия без обычных понуканий и при этом не ущемил свободу и ответственность нижестоящих подразделений.

Другую золотую аксиому можно обнаружить в приеме *статистики убеждения*. Обычно статистические данные служат целям того, кто их собирает — того, кому нужна (или якобы нужна) определенная количественная информация. Цель статистики убеждения иная, а именно заставить того, кто предоставляет данные, ответственное лицо нижестоящего подразделения, осознать некоторые вещи, которые иначе он мог бы пропустить. Этот способ успешно применялся в угольной промышленности, особенно в области безопасности.

Найти золотую аксиому — всегда большое достижение. Поучать просто. Издавать приказы тоже. Но высшему руководству действительно сложно осуществить свои творческие идеи, не ущемляя свободы и ответственности нижестоящих подразделений.

Я изложил пять принципов, на мой взгляд, относящихся к теории крупной организации, и придумал каждому из них более или менее интригующее название. Какая от всего этого польза? Не пустая ли это философия? Безусловно, некоторые читатели подумают так. Другие, и именно для них я написал эту главу, возможно, скажут: «Вы выразили словами то, над чем я бьюсь много лет». Прекрасно! Многие из нас долгие годы бились над решением проблем, связанных с крупными организациями. Эти проблемы становятся все острее. Чтобы более успешно их решать, нужна теория, складывающаяся из принципов. Но откуда берутся принципы? Из наблюдения и понимания того, как все работает в реальной жизни.

Лучшая из всех известных мне формулировок необходимости взаимодействия теории с практикой принадлежит Мао Цзэдуну. Иди к практикам, говорит он, и учись у них, потом соединяй их опыт в принципы и теории, а затем возвращайся к практикам и пусть они применяют эти принципы и методы на практике, решая свои проблемы и достигая свободы и счастья⁶³.

Глава 3

СОЦИАЛИЗМ

И теоретические соображения, и реалии жизни, похоже, свидетельствуют о том, что социализм замечателен лишь своими неэкономическими ценностями. Он помогает преодолеть религию экономики. Обществу же, следующему призыву «обогащайтесь!», поклоняющемуся золотому тельцу и превозносящему миллионеров как национальных героев, социализация не даст ничего, что бы оно не могло получить и без нее.

Поэтому неудивительно, что в так называемых развитых странах многие социалисты сами того не зная являются последователями экономической религии и задаются вопросом: а нужна ли вообще национализация? Это хлопотное дело, так зачем же утруждать себя? Ликвидация частной собственности — не панацея: все стоящее по-прежнему приходится добывать упорным и терпеливым трудом, а стремление к хорошим финансовым показателям *в сочетании* со устремлением к высоким социальным идеалам приводит к множеству дилемм и кажущихся противоречий, и управлять промышленными предприятиями становится еще сложнее.

Если национализацию проводят с целью достичь более высоких темпов экономического роста, большей эффективности, лучшего планирования, и т. д., то разочарование неизбежно. Идея ведения всей хозяйственной деятельности на основе жадности отдельных людей обладает необыкновенной силой преобразовать мир, чему мы все свидетели. Даже Маркс этого не отрицал:

Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические

отношения и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голой корысти...

Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации. [Коммунистический манифест]

Идея частного предпринимательства сильна своей ужасающей простотой: жизнь сводится к погоне за прибылью. Как частному лицу, бизнесмену могут быть безразличны и другие аспекты жизни — возможно, даже доброта, правда и красота — но *как бизнесмена* его интересует только прибыль. В этом отношении идея частного предпринимательства идеально сочетается с идеей Рынка, которой, как я сказал в одной из предыдущих глав, «закрепляет в общественном сознании индивидуализм и безответственность». Равным образом она идеально подходит современной тенденции во всем видеть лишь количество и не замечать качественные различия, ибо частное предприятие волнует не то, что оно производит, а только прибыль, приносимая этим производством.

Когда всю реальность свели к только одному из ее тысячи аспектов, все становится предельно ясно. Ты знаешь, что делать — то, что приносит прибыль, и знаешь, чего избегать — того, что снижает прибыль или приносит убытки. Кроме того, твой успех или неудачу можно легко измерить. Не слушай тех, кто смущает тебя, спрашивая, ведет ли твоя деятельность к богатству и процветанию общества, обогащает ли она людей морально, эстетически или культурно. Просто выясни, выгодно ли это, и проверь, нет ли более прибыльной альтернативы. Если есть, то выбери альтернативу.

Не случайно успешные бизнесмены часто потрясающе примитивны. Они живут в мире, который стал примитивным из-за этих упрощений. Им удобно в упрощенной версии

мира, их это устраивает. А когда настоящий мир иногда заявляет о своем существовании и пытается привлечь их внимание другой гранью бытия, не предусмотренной их философией, они обычно становятся весьма беспомощными и приходят в замешательство. Они чувствуют, что с ними в любой момент может произойти что-то непредвиденное, что на их жизнь влияют неподвластные им силы, и направо и налево предрекают конец света. В результате их оценка действий людей, имеющих более глубокое понимание значения и цели жизни, обычно совершенно ничемна. Им заранее ясно, что иное устройство мира, например, бизнес, не основанный на частной собственности, никак не может быть успешным. Если он все же преуспел, на то должна быть какая-то зловещая причина — «эксплуатация потребителя», «скрытые субсидии», «принудительный труд», «монополия», «демпинг» или какое-то темное и ужасное увеличение пассивов, что непременно даст о себе знать в будущем.

Но не об этом речь. Речь же о том, что истинная сила теории частного предпринимательства заключается в грубом упрощении реальности, которое так хорошо подходит образу мыслей, сформировавшемуся под воздействием феноменальных успехов науки. Наука также сильна сведением реальности к тому или иному из многих ее аспектов, прежде всего сведением качества к количеству. В девятнадцатом веке наука заиклилась на механических аспектах реальности. Но слишком много реальности просто не укладывалось в эти рамки, и пришлось шире взглянуть на мир. Так и заикленность бизнесменов на «прибыли» претерпела изменения, ибо стремление к прибыли не учитывает истинных потребностей человека. Историческая заслуга социалистов именно в том, что они подтолкнули развитие цивилизации в этом направлении. В результате сегодня просвещенные капиталисты поговаривают: «Все мы теперь социалисты».

Сегодня капиталист божится, что прибыль — не единственная конечная цель всей его деятельности. «Что

вы! Мы очень многое делаем для наших работников, даже сверх того, что мы обязаны делать по закону. Мы пытаемся сохранить красоту сельской местности. Мы занимаемся исследованиями, которые могут себя не окупить». И прочее, и прочее. Очень знакомые заявления. Вот только они не всегда обоснованны.

Нам здесь важно следующее: вот классическое частное предприятие стремится к прибыли. Его цель максимально проста, и измерить успех или неудачу также идеально просто. Возьмем теперь предприятие «нового образца», что стремится выполнять самые разнообразные задачи, пытается учесть все аспекты реальности, а не только аспект делания денег. Оно не упрощает себе задач и не знает, как точно измерить свой успех или неудачу. Такие частные предприятия «нового образца», организованные в крупные акционерные компании, отличаются от государственных предприятий только тем, что приносят своим акционерам нетрудовой доход.

Ясно, что поборники капитализма несколько запутались. Если они признают, что «все мы теперь социалисты», как можно при этом утверждать, что социализм в принципе не работает? Если для них самих получение прибыли — не единственная цель, они не в праве утверждать, что постановка задач, отличных от получения прибыли, непременно делает управление средствами производства страны неэффективным. Если *они сами* могут управлять, не меряя все прибылью, то и национализированная промышленность может.

Но если все это — лишь притворство, и частный бизнес работает только на прибыль, если выполнение других задач в реальности обусловлено стремлением к прибыли, если расходы на социальные и другие нужды — не более чем использование части прибыли, то чем раньше это выяснится, тем лучше. В таком случае частный сектор по-прежнему обладает силой простоты и вправе утверждать, что государственные предприятия не могут быть эффективными

вследствие множественности их целей. А социалисты могут и дальше критиковать частное предпринимательство, выдвигать традиционные, в основном неэкономические аргументы, и ругать его за то, что самой своей простотой оно унижает человека, строя всю экономическую деятельность исключительно на стремлении к наживе.

Ярый сторонник капитализма на дух не переносит государственную собственность и полностью поддерживает частную. А фанатик-коммунист — наоборот. Их взгляды одинаково догматичны. Любой фанатизм — признак недалекого ума, но фанатизм *о средствах* для достижения совершенно неопределенных целей — это неприкрытое слабоумие.

Как уже отмечалось выше, вся соль экономической жизни, да и жизни в целом, — в необходимости постоянно примирять противоположности, которые с точки зрения логики непримиримы. В макроэкономике (управлении хозяйством целой страны) необходимо и планирование, и свобода, причем сочетаемые не посредством вялого компромисса, но через открытое признание потребности и в том, и в другом. То же самое в микроэкономике (управлении отдельными предприятиями): с одной стороны, управляющие должны обладать полной властью и нести полную ответственность за состояние дел, с другой — рабочие непременно должны свободно участвовать в принятии управленческих решений. Опять же, не следует стремиться сгладить противоречие между противоположными потребностями несмелым компромиссом, не удовлетворяющим ни одну из них. Требуется принять обе противоположности. Зацикленность на одной противоположности, скажем, на планировании, порождает сталинизм, а зацикленность на другой — хаос. Естественная реакция на любую крайность — движение к другой крайности. Но естественная реакция — не единственная возможная. Ворчание и злой критицизм бесполезны. Только осознание поможет обществу найти — пусть хотя бы на время — средний путь, примиряющий противоположности, и при этом не извратить их.

То же можно сказать и о выборе целей для ведения бизнеса. Деловая жизнь требует простоты и измеримости, поэтому удобно ничего не видеть в мире, кроме «прибыльности». Эта противоположность олицетворяется частным предпринимательством «старого образца». С другой стороны, потребность во всеобъемлющем гуманизме в ведении хозяйственной деятельности — это вторая противоположность, свойственная первоначальному «идеалистичному» представлению о государственном секторе. Исключительная приверженность первому принципу влечет грубое попрание человеческого достоинства, второму — хаос и неэффективность.

Такая проблема не имеет «окончательного решения». Возможно лишь *живое* решение, основанное на непрестанном осознании того, что *обе противоположности одинаково необходимы*.

Собственность, государственная или частная — просто элемент общей структуры экономики. Она не предопределяет цели хозяйственной деятельности. В этом контексте можно сказать, что форма собственности не столь уж и важна. Правда, в условиях частной собственности на средства производства выбор целей крайне ограничен: людей влечет прибыль и они *склонны* принимать узкий и эгоистичный взгляд на мир. Государственная собственность предоставляет *полную* свободу выбора целей и поэтому годится для любой цели, которая может быть выбрана. Итак, частная собственность — инструмент, который сам по себе во многом определяет цели, для достижения которых он может быть использован, государственная же собственность — это инструмент, цели использования которого неопределенны и должны быть сознательно выбраны.

Поэтому государственная собственность не имеет особых преимуществ, если цели, стоящие перед государственным сектором, ограничены лишь прибыльностью — как и в капиталистическом производстве. Именно в этом, а не в какой-то надуманной неэффективности таится

серьезная опасность национализации в сегодняшней Великобритании.

Противники национализации ведут две агитационные кампании. Одна преследует цель убедить общественность в целом и людей, работающих в национализированных отраслях, что управление средствами производства, распределения и обмена должно ориентироваться исключительно на прибыльность, а отклонение от этого священного стандарта, *особенно в национализированных отраслях*, невероятно обременительно для народа и является прямой причиной любых неполадок в экономике в целом. Эта кампания чрезвычайно успешна. Вторая кампания стремится внушить, что государственный сектор особо не отличается от частного и, следовательно, никак не помогает в строительстве лучшего общества. Поэтому любая новая национализация — следствие догматичной закостенелости власти имущих. Она является поистине «хищническим захватом», организованным расстроенными политиками — глупыми, невменяемыми и неспособными логически мыслить. А еще государство де примется регулировать цены на продукцию национализированных отраслей и лишит их всякой надежды на прибыль. И тогда этот заговор правительства увенчается успехом.

Стоит признать, что такие кампании, подкрепленные систематичным обливанием грязью национализированных отраслей, некоторым образом повлияли на мышление социалистов.

Виной тому не ошибочность светлых идеалов социалистов и не оплошности национализированных отраслей (такие обвинения совершенно беспочвенны), но недостаток четкого видения у самих социалистов. Им не вернуть своего политического влияния, и национализации не выполнить своих задач без видения целей.

Решается судьба не экономики и не уровня жизни, но культуры и качества жизни. Экономика и уровень жизни не пропадут и в капиталистической системе со

скромным планированием и перераспределительным налогообложением. Но культуре и, в общем, качеству жизни, такая система теперь только вредит.

Для социалистов национализация промышленности должна быть не просто способом раскулачить капиталистов (что им может удастся, а может и нет), но возможностью создания более демократичной и достойной системы управления предприятиями, более гуманного использования оборудования, и более разумного использования плодов человеческого труда и изобретательности. Если им это удастся, то за ними будущее. Если нет, то они не могут предложить ничего, за что стоило бы горбатиться свободным людям.

Глава 4

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ

«Никакие изменения системы или технологий не устранят причины болезни общества. Общество больно, потому что люди самовлюбленны, жадны и вспыльчивы. Между тем, систему и технологии можно изменить так, чтобы эти качества не поощрялись. Людей не заставишь жить согласно принципам. Но можно положить в основу социального уклада принципы, следуя которым по доброй воле человек будет расти, а не деградировать. Нельзя управлять действиями человека. Но можно указать ему цель, к которой он устремит свои помыслы. А каковы помыслы, таковы в долгосрочном плане и за некоторыми исключениями и будут действия».

Этим словам Р.Х. Тони много десятилетий, но они не потеряли актуальности. Правда, сегодня речь идет уже не только об общественных недугах, но и, прежде всего, о болезни всей экосистемы земли — болезни, которая может оказаться для человечества смертельной. Все проблемы, затронутые в предыдущих главах, сводятся к проблеме «системы и технологий», хотя я не престану повторять, что все системы, технологии, экономические доктрины и теории непременно имеют метафизическое основание — мировоззрение человека, его взгляд на значение и смысл жизни. Я говорил о религии экономики, поклонении материальным благам, потреблению и так называемому уровню жизни и о роковой склонности радоваться тому, что то, «что было роскошью для наших отцов, для нас стало необходимостью».

Системы всего лишь воплощают основы мировоззрения человека. Одни воплощения получаются лучше,

другие — хуже. Наши достижения в материальной сфере свидетельствует о том, что *современная* система частного предпринимательства оказалась идеальным инструментом личного обогащения. *Современная* система частного предпринимательства умело запрягла человеческую жадность и зависть в повозку экономического прогресса и при этом еще умудряется объезжать вопиющие недостатки *laissez-faire** при помощи кейнсианской экономической политики, скромного перераспределения доходов через налоги и «противовеса» профсоюзов.

Но справится ли такая система со стоящими перед нами проблемами? Конечно же, нет. Алчность и зависть требуют непрерывного и безграничного материального экономического роста без всякой заботы о сохранении природных ресурсов, а такой рост совершенно невозможен в ограниченной окружающей среде. Поэтому давайте разберемся в сути системы частного предпринимательства и подумаем о путях создания альтернативной системы, которая бы отвечала новым требованиям.

Суть частного предпринимательства — в частной собственности на средства производства, распределения и обмена. Стоит ли удивляться, что противники частного предпринимательства ратуют за перевод частной собственности в так называемую государственную или коллективную собственность и нередко добиваются успеха? Но давайте прежде всего разберемся с значением слов «собственность» или «право собственности».

Необходимо провести различие между двумя видами частной собственности: собственностью, помогающей творческой работе, и собственностью, являющейся альтернативой творческому труду. Первая — частная собственность работающего собственника — естественное и здоровое начало, но от второй — частной собственности

* *Laissez-faire* (фр.) — невмешательство правительства в дела частных лиц, особенно в частный бизнес и торговлю — *Прим. пер.*

пассивного владельца, живущего как паразит за счет чужого труда — веет чем-то неестественным и дурным. Тони ясно видел это принципиальное различие. Он писал: «прежде чем выступать за или против частной собственности, нужно уточнить, о каком виде собственности идет речь».

Ибо тлетворное влияние промышленного производства обусловлено не частной собственностью как таковой, но частной собственностью, оторванной от труда. Некоторые же социалисты полагают, что частная собственность на землю и капитал непременно вредна. Это одно из проявлений ученого педантизма, столь же нелепое, сколь и заявления консерваторов, что вся собственность священна и неприкосновенна.

Частное предприятие, основанное на собственности первого рода, — это непременно малое, личное, местное производство. Оно не несет большой социальной ответственности. С защитой прав потребителя могут справиться сами потребители. Законодательство о труде и бдительность профсоюзов защитят рабочих. Маломасштабное предприятие не принесет баснословного богатства владельцу, но обществу приносит огромную пользу.

Становится очевидным, что в вопросе о частной собственности размер предприятия имеет ключевое значение. При переходе от малого предприятия к среднему связь между собственностью и работой уже ослабевает, частное предприятие обычно становится обезличенным и обретает значительный социальный вес на местном, а порой и на более высоком, уровне. Сама идея *частной собственности* становится все более обманчивой.

1. Владелец, нанимающий управляющих, может выполнять свою работу, не будучи собственником. Таким образом, его право собственности перестает быть функционально необходимым. Оно становится

инструментом эксплуатации, если он присваивает прибыль сверх справедливой себе зарплаты и процента на вложенный капитал — не выше текущих процентов на капитал, занятый на стороне.

2. Высокую прибыль приносит либо удача, либо старания не владельца, но организации в целом. Поэтому ее присвоение одним лишь собственником несправедливо и имеет разрушительные социальные последствия. Прибыль должна быть распределена между всеми членами организации. Если она вкладывается обратно в дело, она должна принадлежать коллективу, а не увеличивать автоматически богатство изначального владельца.

3. На среднем предприятии уже возникают безличностные отношения, и управлять становится сложнее. На малом предприятии даже авторитарное управление не создает особых проблем, ведь всем руководит работающий собственник, а дело имеет почти семейный характер. Большее предприятие, пусть даже довольно скромного размера, уже несовместимо с человеческим достоинством и истинной эффективностью. Чтобы дать всем членам организации возможность по-настоящему поучаствовать в управлении, приходится сознательно налаживать общение с работниками и регулярно советоваться с ними.

4. Вследствие социальной значимости фирмы для местных жителей становится необходимым в некоторой мере «обобществить собственность» уже за пределами самого предприятия. Это «обобществление» может принять форму регулярного отчисления части прибыли на общественные или благотворительные нужды и включение местных жителей в попечительский совет предприятия.

В Великобритании и других капиталистических странах некоторые частные предприятия успешно применили эти идеи на практике и таким образом устранили

предсудительные и социально разрушительные черты, присущие частной собственности на средства производства средних предприятий. Одна из таких компаний — Скотт Бэйдер и Ко. Лимитед в Уолластоне в Норсхэмптоншире. Я более подробно опишу их опыт и эксперименты в следующей главе.

В крупных же компаниях идея частной собственности становится нелепой. Такая собственность никак не может быть истинно частной. Р. Х. Тони очень четко это подметил:

Такую собственность можно назвать пассивной, ибо она используется для стяжательства, эксплуатации, обретения власти. Ее следует отличать от собственности, активно используемой владельцем в своей профессиональной деятельности или для ухода за своим домашним хозяйством. Для юриста, конечно же, обе собственности равнозначны. Однако вряд ли экономистам стоит вообще называть ее «собственностью»... ибо она не только не равнозначна, но и противоположна правам владельца на продукт своего труда.

Так называемое право частной собственности на крупное предприятие не имеет ничего общего с простым правом собственности небольшого землевладельца, ремесленника или предпринимателя. По словам Тони, оно скорее походит на «феодальную дань, при помощи которой крестьянина лишали части его урожая».

Роялти, земельная рента, монополистические прибыли, всякого рода излишки — все эти права являются «собственностью». Их следует подвергнуть самой жесткой критике на основе обычных доводов в защиту права собственности. Говорят, что частная собственность гарантирует работнику владение плодами своего труда и тем самым поощряет усердный труд. Несомненно, за

человеком должно быть сохранено право собственности на результат его труда. Но тогда тем более важно устранить право собственности на результат чужого труда.

Подведем итог:

1. На малом предприятии частная собственность естественна, плодотворна и справедлива.

2. На среднем предприятии частная собственность уже в общем-то не нужна. Понятие «собственности» становится натянутым, неплодотворным и несправедливым. Предприятие с одним владельцем или небольшой группой владельцев может и должно добровольно передать связанные с правом собственности привилегии коллективу непосредственно занятых на производстве людей — как в случае с компанией Скотта Бэйдера. Вряд ли можно ожидать подобной щедрости от компании, которой владеет большое число анонимных акционеров, но законодательство могло бы создать такую возможность и для них.

3. Право частной собственности на крупное предприятие — это фикция, позволяющая бесполезным владельцам жить как паразиты за счет чужого труда. Она не только несправедлива, но и неразумна, и искажает все отношения внутри организации. Еще раз процитирую Тони:

Если каждый член коллектива кладет что-то в общий котел при условии, что возьмет что-то взамен, размер доли каждого все еще может вызывать споры... Но если известен общий объем прибыли и признается право каждого на ее часть, то только о размере своей доли они и могут спорить... Но в промышленности признаются не все права, ибо те, кто ничего не кладут в общий котел, требуют своей доли, когда похлебка готова.

Так называемую частную собственность на большие предприятия можно устранить самыми разными способами. Наиболее известный способ — это «национализация».

Однако национализация — слово не слишком удачное и довольно неопределенное. Оно лишь означает, что право собственности принадлежит органу, представляющему все общество потребителей. Но ни в одном языке нет слов, четко передающих нюансы всех возможных вариантов организации хозяйственной деятельности на благо обществу.

В результате совершенно нейтральное слово «национализация» приобретает очень специфический смысл и эмоциональную окраску. Сегодня под этим термином обычно подразумевают способ управления, при котором государственные служащие сменяют директоров предприятий и получают все бразды правления в свои руки. Поэтому те, кто желает поддержать систему, при которой промышленное производство служит интересам не народа, а акционеров, набрасываются на национализацию, утверждая, что государственное управление предприятиями обязательно неэффективно.

«Национализация» нескольких крупных отраслей промышленности Великобритании подтвердила очевидную истину: качество отрасли зависит от людей, которые ей управляют, а не от владельцев, которых никто не видел. Но несмотря на огромные достижения национализированных отраслей, некоторые привилегированные группы людей по-прежнему смотрят на них с непримиримой ненавистью. Непрестанная критика национализированной промышленности сбивает с толку даже тех, кто неплохо к ней относится и вроде бы хорошо разбирается в экономике. Глашатаи частного предпринимательства неустанно требуют большей «подотчетности» национализированных предприятий. Выглядит это достаточно смешно, поскольку

подотчетность государственных предприятий, работающих исключительно во благо народа, уже достаточно высока, в то время как подотчетность частной промышленности, *открыто преследующей частные интересы*, практически равна нулю.

Собственность — не единое право, но пучок прав. «Национализация» не предполагает передачи всего пучка прав от частных лиц «государству»: тщательно определяется, куда надлежит передать различные права, до национализации принадлежавшие исключительно «частному владельцу». Тони коротко замечает: «Национализация — вопрос пересмотра конституции». Как только юридический механизм частной собственности устранен, появляется возможность все устроить заново — соединить или разъединить, централизовывать или децентрализовывать, концентрировать власть или распылять ее, создавать большие или малые предприятия, унифицированную систему, федеральную систему или вообще не создавать системы. По словам Тони,

Справедливая критика государственной собственности на самом деле сводится к критике сверхцентрализации. Но лекарство от сверхцентрализации — не возврат безфункциональной собственности в частные руки, но *децентрализованное владение государственной собственностью*.

«Национализация» устраняет право частной собственности, но сама по себе не создает никакого нового «права собственности», в экзистенциальном (в отличие от юридического) смысле. Кроме того, она не предопределяет судьбу изначального права собственности и не определяет, кто его будет реализовывать. Поэтому национализация — в некотором смысле чисто негативное мероприятие: она отменяет предыдущее устройство и порождает возможность и необходимость создания нового. Это новое устройство,

возможное благодаря «национализации», должно, конечно же, удовлетворять потребностям каждого конкретного случая. Но есть несколько принципов, на которых строится любая национализация промышленных предприятий, обслуживающих общество.

Во-первых, опасно смешивать бизнес с управлением государством. Такая смесь обычно делает бизнес неэффективным, а государственную власть — коррумпированной. Поэтому в законе о национализации непременно должен содержаться четкий перечень и определение прав (если таковые имеются), которые государственный орган — министерство или любой другой орган исполнительной или законодательной власти — имеет по отношению к государственному предприятию, то есть к совету управляющих. Это особенно важно при назначении руководителей предприятия.

Во-вторых, национализированные предприятия, предоставляющие коммунальные и другие общественно значимые услуги, всегда должны стремиться к скромной прибыли, наращивать резервы и не зависеть от дотаций из государственного бюджета. Они никогда не должны распределять прибыль, даже правительству. Избыточной прибыли, то есть создания избыточных резервов, следует избегать, уменьшая цены на продукцию или услуги этих предприятий.

В-третьих, за национализированными предприятиями в законодательном порядке должна быть закреплена обязанность «во всех отношениях служить интересам народа». Определение «интересов народа» следует оставить на откуп самому предприятию, которое должно иметь соответствующую структуру. Не стоит полагать, будто национализированное предприятие должно стремиться лишь к получению прибыли, как если бы оно работало на частных акционеров, и будто определение интересов общества — исключительно дело правительства. К сожалению, теория управления национализированными

отраслями Великобритании строится именно на этой точке зрения: предполагается, что государственные предприятия должны работать только ради прибыли и могут отклоняться от этого принципа только по предписанию правительства, которое тогда должно компенсировать им недополученную прибыль. Столь аккуратное распределение функций по вкусу теоретикам, но совершенно никчемно в реальной жизни, ибо разрушает моральный настрой руководителей национализированных предприятий. Управляющие должны непрестанно заботиться о «служении народу», и правительство не может и не должно ни контролировать, ни тем более денежно компенсировать устремление к этому идеалу. Нельзя отрицать, что в некоторых случаях стремление к прибыльности и служба интересам народа несовместимы. Но это просто означает, что управление национализированной отраслью — более сложная задача, чем управление частным предприятием. Но как можно построить лучшее общество, не предъявляя к людям более высоких требований?

В-четвертых, чтобы национализированные предприятия могли выявить «интересы народа» и защищать их, необходимо устроить так, чтобы все легитимные интересы могли быть выражены и оказывать влияние на деятельность предприятия — интересы работников, местных жителей, потребителей и даже конкурентов, особенно когда последние сами являются национализированными предприятиями. Для эффективного внедрения этого принципа требуется эксперименты. Идеальных «моделей» не существует. Необходимо найти золотую середину: обеспечить уважение интересов народа и при этом оставить управляющим достаточно свободы для управления предприятием.

Наконец, главная опасность национализации — в страсти плановиков к излишней централизации. Малые предприятия, как правило, предпочтительнее крупных. Вместо того, чтобы путем национализации создавать большое предприятие, как это делалось до сих пор, и затем

пытаться децентрализовать управление и ответственность, делая нижестоящие подразделения более самостоятельными, лучше сначала создать небольшие относительно независимые предприятия, и затем передать некоторые функции в центр, вышестоящей организации, *если* лучшая координация окажется совершенно необходимой.

Лучше всех в этих вопросах разбирался Р. Х. Тони, поэтому я заключаю эту главу еще одной цитатой из его книги:

Организация общества на функциональной основе вместо правовой основы предполагает три вещи. Во-первых, право собственности признается лишь в сочетании с работой на благо общества. Во-вторых, производители напрямую связаны с потребителями и непосредственно перед ними ответственны. Сегодня же производители напрямую подчинены акционерам, которых интересует не удовлетворение потребностей общества, но прибыль. В-третьих, обязанность следить за тем, чтобы производство служило интересам общества, лежит на профессиональных организациях работников предприятий. Чтобы выполнить эту обязанность, профессиональные организации прислушиваются к мнению потребителей и играют достаточно значимую роль в управлении предприятием.

ГЛАВА 5

НОВЫЕ ВИДЫ СОБСТВЕННОСТИ

Дж. К. Гэлбрейт говорил о богатстве элиты и нищете народа. Примечательно, что он говорил о США, по общему мнению и в соответствии с принятыми показателями богатейшей стране в мире. Как в богатейшей стране народ может быть нищим, причем куда более нищим, чем во многих других странах, чей валовой внутренний продукт на душу населения значительно меньше? Если экономический рост до текущего американского уровня не смог устранить нищету народа, или даже, быть может, только ее усугубил, разумно ли ожидать, что дальнейший «рост» облегчит или устранит ее? Как объяснить, что в странах с наибольшими темпами роста природа, как правило, чрезвычайно загрязнена, а нищета народа достигает поразительных масштабов? Если бы валовой внутренний продукт Великобритании рос, скажем, на пять процентов, или около 2 миллиардов фунтов стерлингов в год, могли бы мы использовать все эти деньги, это дополнительное богатство, или большую его часть, чтобы «удовлетворить чаяния нации»?

Конечно же нет, ибо при частной собственности каждая крупица богатства, появляясь, незамедлительно автоматически присваивается *частными* лицами. У органов государственной власти почти нет своего собственного дохода, и они вынуждены извлекать из карманов граждан деньги, которые граждане считают своими по праву. Не удивительно, что это ведет к нескончаемому соревнованию в смекалке между налоговыми инспекторами и гражданами, и в этом состязании богатые, с помощью высокооплачиваемых налоговых консультантов, обычно чувствуют себя куда лучше бедных. В стремлении перекрыть «лазейки», налоговые

законодательство становится все более запутанным, растет спрос на налоговых консультантов, растут их доходы. Так как налогоплательщики чувствуют, что у них отбирают заработанное потом и кровью, они не только пытаются при всякой легальной возможности избежать налогов, не говоря уже о незаконном уклонении от налогов, но и настойчиво требуют сокращения государственных расходов. «Больше налогов и больше государственных расходов» — не очень хороший лозунг для избирательной кампании, какой бы разительной ни была разница между частным изобилием и народной нищетой.

Эта дилемма не имеет решения, если потребность в государственных расходах не будет отражена в структуре собственности на средства производства.

Дело не просто в народной нищете, убожестве многочисленных сумасшедших домов, тюрем и бесчисленных государственных служб и организаций — все это лишь негативная сторона проблемы. Положительная же сторона в том, что большое количество государственных средств тратились и продолжают тратиться на «инфраструктуру», а выгоды от ее использования в большой степени бесплатно достаются частным предприятиям. Это хорошо известно всякому, кто когда-либо участвовал в создании или управлении предприятием в бедной стране с недоразвитой или вообще отсутствующей «инфраструктурой». Там нельзя полагаться на дешевый транспорт и другие общественные услуги, часто приходится за свой счет находить многое из того, что в стране с высокоразвитой инфраструктурой можно получить бесплатно или за небольшую плату. Нельзя рассчитывать на найм обученных людей: работодателю придется самому их учить, и так далее. Все образовательные, медицинские и научно-исследовательские учреждения в любом обществе, богатом или бедном, чрезвычайно полезны для частных предприятий, однако за эти выгоды частное предприятие платит не *напрямую*, но только косвенно через налоги, которым, как я уже упомянул,

сопротивляются, которые презируют, против которых ведут кампании, и от которых часто искусно уклоняются. Но почему плата за выгоды, получаемые частными предприятиями от использования «инфраструктуры», не может быть взыскана государством путем прямого участия в прибыли, но только *после* ее частного присвоения? Ведь это совершенно нелогично и ведет к бесконечным сложностям и мистификациям. Частное предприятие утверждает, что заработало прибыль своими усилиями, а государство затем отбирает ее значительную часть через налоги. Вообще-то, это не так. В реальности большая часть расходов частного предприятия была понесена государством, *которое* заплатило за инфраструктуру; следовательно, частное предприятие реально «само» заработало лишь часть полученной прибыли.

Истинное положение вещей может быть учтено на практике, только если вклад государственных расходов в прибыль частного предприятия будет отражен в структуре собственности на средства производства.

Поэтому теперь я приведу два примера того, как структура собственности может (или могла бы) быть изменена в целях устранения фундаментальных недостатков, описанных выше. Первый пример — фирма средних размеров, фактически работающая на основе преобразованной собственности. Второй пример — гипотетический план преобразования структуры собственности крупной фирмы.

Содружество Скотта Бэйдера

Эрнест Бэйдер основал предприятие Скотт Бэйдер Ко. Лимитед в 1920 году, когда ему было тридцать лет. Тридцать лет спустя, после многочисленных испытаний и невзгод военных лет, у него был процветающий средний бизнес, с 161 наемным рабочим, оборотом около 625 тысяч фунтов стерлингов в год и чистой прибылью более 72 тысяч

фунтов. Он начал практически с нуля. Теперь же он и его семья стали состоятельными. Его фирма стала ведущим производителем синтетических смол, а также производила другие сложные продукты, например краски, полимеры и пластификаторы. В молодости ему претила мысль провести всю жизнь наемным рабочим, он не принимал сами понятия «рынок труда» и «система заработной платы» и особенно мысль, что капитал использует людей, а не люди используют капитал. Теперь, оказавшись в положении работодателя, он отнюдь не забыл, что его успех и процветание были не только его собственными достижениями, но достижениями всех его сотрудников, а также в большой степени общества, в котором он имел честь работать. Он говорил об этом так:

Я осознал, что — как и много лет назад, когда я шагнул в неизвестное и перестал быть наемным рабочим — мне претила капиталистическая философия разделения людей на начальников и подчиненных. Истинным же препятствием было корпоративное право, с его положениями о диктаторских полномочиях акционеров и подконтрольной им иерархией управления.

Он решил радикально преобразовать свою фирму «на основе философии, пытающейся привести промышленность в соответствие человеческим потребностям».

Проблема была двояка: во-первых, как организовать и соединить в фирме максимальное чувство свободы, счастья и человеческого достоинства, не теряя рентабельности, и, во-вторых, сделать это способами и средствами, приемлемыми для частных промышленных предприятий вообще.

Г-н Бэйдер сразу понял, что для *решиительных* перемен необходимы две вещи: во-первых, преобразование права собственности — простого участия работников в прибылях,

которое он применял с самого начала, было недостаточно, и, во-вторых, добровольное принятие определенных правил самоограничения. Чтобы удовлетворить первому требованию, он создал Содружество Скотта Бэйдера, которому передал (в два шага: 90 процентов в 1951 году и остальные 10 процентов — в 1963 году) права собственности на свою фирму, Скотт Бэйдер Ко. Лимитед. Для достижения второй цели он договорился со своими новыми партнерами, то есть членами Содружества, его бывшими наемными рабочими, о создании *конституции*, не только определяющей распределение «пучка прав», присущего частной собственности, но также устанавливающей следующие ограничения на свободу деятельности фирмы:

Во-первых, фирма останется предприятием среднего размера с тем, чтобы укладывается в уме и воображении каждого сотрудника. В ней будет работать не более 350 человек или около того. Если обстоятельства потребуют роста за эти пределы, то Скотт Бэйдер окажет помощь в создании новых, полностью независимых предприятий, организованных в соответствии с принципами Содружества Скотта Бэйдера.

Во-вторых, разница в вознаграждении труда в организации — между самой низкой оплатой труда и самой высокой, в независимости от возраста, пола, должности или опыта — будет не более соотношения 1 к 7, до вычета налогов.

В-третьих, так как члены Содружества — партнеры, а не наемные рабочие, они не могут быть уволены своими коллегами иначе как в случае грубого невыполнения своих обязанностей. Они могут, конечно же, добровольно уйти в любое время, заблаговременно об этом сообщив.

В-четвертых, совет директоров фирмы, Скотт Бэйдер Ко. Лимитед, будет полностью подотчетен Содружеству. По правилам, закрепленным в Конституции, Содружество имеет право и обязанность подтверждать или отклонять

назначение директоров и также соглашаться с уровнем их вознаграждения.

В-пятых, не более сорока процентов чистой прибыли Скотт Бэйдер Ко. Лимитед присваивается Содружеством, а как минимум шестьдесят процентов направляется на уплату налогов и самофинансирование Скотт Бэйдер Ко. Лимитед. Содружество направляет половину присвоенной прибыли на выплату премий сотрудникам компании и другую половину — на благотворительные цели за пределами организации Скотта Бэйдера.

Наконец, продукты Скотт Бэйдер Ко. Лимитед ни в коем случае не будут продаваться клиентам, использующим их в военных целях.

Когда г-н Эрнест Бэйдер и его коллеги привнесли эти революционные изменения, на каждом углу заявляли, что фирма, действующая на основе коллективной собственности и самоограничений, ни за что не выживет. На самом же деле компания становилась все сильнее и сильнее, хотя сложности, даже кризисы и откаты назад, конечно же, были. В чрезвычайно конкурентной среде с 1951 по 1971 год фирма увеличила свои продажи с 625 тысяч фунтов стерлингов до 5 миллионов фунтов, чистая прибыль возросла с 72 тысяч до почти 300 тысяч фунтов в год, количество сотрудников увеличилось с 161 до 379, за двадцать лет более 150 тысяч фунтов было распределено в качестве премий персоналу, и столько же было отдано Содружеством на благотворительные цели, а также было создано несколько новых фирм.

Каждый, кто хочет, может заявить, что коммерческий успех Скотт Бэйдер Ко. Лимитед был скорее всего вызван «исключительными обстоятельствами». Более того, существуют не менее успешные обычные частные предприятия. Но не в этом дело. Если бы Скотт Бэйдер Ко. Лимитед разорилась вскоре после 1951 года, это лишь послужило бы ужасным предостережением другим фирмам. Ее несомненный успех не *доказывает*, что «система» Бэйдера

обязательно лучше соответствует стандартам финансовой устойчивости, он просто показывает, что она совместима с ними. Ее достоинства заключаются именно в достижении целей, лежащих за пределами коммерческих стандартов, *человеческих* целей, которые обычно отодвигают на второй план или которыми вообще пренебрегают в обычной деловой практике. Другими словами, «система» Бэйдера преодолевает *редукцию* системы частной собственности и ставит промышленную организацию на службу человеку, вместо того, чтобы позволять использовать человека просто как средство обогащения владельца капитала. По словам Эрнеста Бэйдера:

Совместное владение, или *содружество* — естественное развитие участия рабочих в прибылях компании, партнерства, совладения или любой схемы, в которой индивидуумы имеют долевое участие в общем предприятии. Они на пути к общей собственности и, как мы увидим, совместное владение имеет уникальные преимущества.

Хотя я не собираюсь вдаваться в подробности долгой эволюции замыслов и новых стилей управления и сотрудничества за более чем двадцать лет, прошедших с 1951 года, здесь будет полезно вычленивать из этого опыта некоторые общие принципы.

Во-первых, передача прав собственности от человека или семьи — в данном случае семьи Бэйдера — коллективу, Содруеству, столь основательно меняет «собственность», что такую передачу лучше представлять себе как *ликвидацию* частной собственности, а не учреждение коллективной собственности. Отношение между одним человеком или очень небольшой группой людей и определенным набором физических активов совершенно отлично от отношения между Содружеством большого количества людей и теми же физическими активами. Неудивительно, что столь

резкое изменение *количества* владельцев приводит к глубоким изменениям в *качестве* значения собственности, особенно когда, как в случае со Скоттом Бэйдером, собственностью наделяется коллектив, Содружество, а личные права владения для отдельных членов Содруества не устанавливаются. В случае со Скоттом Бэйдером юридически корректно будет сказать, что компанией Скотт Бэйдер Ко. Лимитед владеет Содружество; но ни юридически, ни фактически неверно сказать, что члены Содруества, как индивидуумы, обладают какими-либо правами собственности внутри Содруества. На самом деле право собственности было заменено на определенные права и обязанности в управлении активами.

Во-вторых, хотя никто не *приобрел* никаких прав собственности, г-н Бэйдер и его семья лишились своей собственности. Они добровольно отказались от возможности сказочно разбогатеть. Даже тот, кто не относит себя к поклонникам идеи всеобщего равенства, согласится, что наличие необыкновенно богатых людей в любом современном обществе — огромное зло. Некоторое неравенство в богатстве и доходе, несомненно, «естественны» и функционально оправданны, с этим согласится почти каждый. Но здесь, как и во всех человеческих делах, огромное значение имеет масштаб. Чрезмерное богатство, как и власть, обычно развращает. Даже когда богатые не «бездельничают» и работают больше всех, они работают отлично от других, применяют отличные стандарты и отделяют себя от обычного человечества. Они растлевают себя алчностью и портят остальное общество, провоцируя зависть. Г-н Бэйдер осознал последствия этого, отказался от необыкновенного богатства и тем самым создал возможность построения настоящего *сообщества*.

В-третьих, эксперимент Скотта Бэйдера совершенно ясно показывает, что преобразование прав собственности имеет огромное значение, без него все попытки реформировать компанию равносильны самообману. Между тем, он

также показывает, что преобразование прав собственности всего лишь создает новые возможности: это необходимое, но не достаточное условие достижения более высоких целей. Соответственно, содружество признало, что задачи коммерческой организации в обществе не сводятся к получению прибыли, максимизации прибыли, росту и достижению могущества: Содружество признало четыре одинаково важные задачи:

- (А) Экономическая задача: заручиться заказами, которые можно выполнить и получить прибыль.
- (Б) Техническая задача: разработать новейшие продукты, позволяющие отделу сбыта обеспечить наличие выгодных заказов.
- (В) Социальная задача: обеспечить сотрудников компании возможностями для самореализации и личностного роста через работу в коллективе.
- (Г) Политическая задача: помочь другим людям изменить общество, подавая пример экономической жизнеспособности и социальной ответственности.

В-четвертых, сложнее всего выполнить именно социальную задачу. За двадцать с лишним лет устои Содрущества неоднократно изменялись. По мнению Содрущества, новая конституция 1971 года теперь сформировала набор «органов», которые позволят Содруеству соединить истинную демократию с эффективным управлением. Должен сказать, что сделать это сложнее, чем превратить круг в квадрат. Я не стану рисовать органиграммы Скотта Бэйдера и показывать на бумаге соотношение различных «органов» друг с другом: реальность не изложишь на бумаге и уж тем более не воспроизведешь, копируя кем-то описанные модели. Как говорит сам г-н Эрнест Бэйдер:

Я с куда большим удовольствием проведу каждого, кому это интересно, по нашему обширному старинному

поместью и покажу химические цеха и лаборатории, чем прилежно напишу статью, которая, ответив на некоторые вопросы, вызовет еще больше вопросов.

Развитие организации Скотта Бэйдера было и остается *учебным процессом*, и суть происходящего в ней с 1951 года в том, что люди, связанные со Скоттом Бэйдером, научились видеть в работе не просто зарабатывание себе на жизнь, получение зарплаты, помощь предприятию в получении прибыли или экономически рациональное поведение, но что-то значительно большее. В организации Скотта Бэйдера каждый имеет возможность стать более человеческим, не занимаясь сам по себе самосовершенствованием, которое не имеет ничего общего с целью фирмы (*это* каждый может сделать и сам), но свободно и радостно включаясь в достижение целей организации. Этому нужно научиться, а обучение требует времени. Большинство сотрудников Скотта Бэйдера, но не все, используют эту возможность.

Наконец, направление половины присвоенной прибыли на благотворительные нужды за пределами организации не только позволило найти деньги на многие дела, которыми обычно не занимается капиталистическое общество — работу с детьми, стариками, калеками, и одинокими людьми — но также помогло членам Содрущества осознать общественную значимость их дела, что редко встречается в коммерческой организации обычного типа. Кроме того, были предприняты сознательные усилия против превращения Содрущества в организацию, где личный эгоизм стал бы групповым эгоизмом. Был образован Попечительских совет, занимающий положение как бы конституционного монарха, в котором решающую роль играют люди, не входящие в организацию Скотта Бэйдера. Попечители следят за соблюдением конституции, но не имеют права вмешиваться в дела управления. Однако они вправе выступать в роли арбитра в случае, если возникнет серьезный конфликт по основополагающим вопросам

между демократическими и функциональными органами организации.

Как я упомянул в начале своего рассказа, г-н Эрнест Бэйдер принялся за «революционные преобразования» своей фирмы *«способами и средствами, приемлемыми для частных промышленных предприятий вообще»*. Его революция была бескровна, никто ни о чем не сожалел, даже г-н Бэйдер и его семья. Окруженные морем забастовок, рабочие Скотта Бэйдера гордо заявляют: «У нас не бывает забастовок», — и хотя каждый член Содружества осознает, что все достижения Содружества — лишь первые шаги к поставленным им целям, невозможно не согласиться с утверждением Эрнеста Бэйдера:

Опыт, полученный через многолетние усилия установить христианский образ жизни в нашей компании, очень обнадеживает: он хорошо сказался на наших взаимоотношениях, а также на качестве и количестве нашей продукции.

Мы стараемся не останавливаться на достигнутом и помогать лучшему устройству общества, в услужение Богу и нашим собратьям.

Между тем, хотя тихая революция г-на Бэйдера *должна быть* «приемлема для частных промышленных предприятий вообще», ее, в реальности, так и не приняли. Тысячи людей, даже в деловом мире, смотрят на текущее развитие событий и требуют «новых поблажек» от государства. Но Скотт Бэйдер, и некоторые другие, остаются маленькими островками здравомыслия в огромном обществе, управляемом жадностью и завистью. Создается впечатление, что сколько примеров новых способов ведения дел не показывай, «старую собаку не научишь новым трюкам». Однако постоянно вырастают новые «щенки», и им обязательно стоит обратить внимание на то, *возможность чего была продемонстрирована* Содружеством Скотта Бэйдера.

Новые способы обобществления собственности

Общество, озабоченное экономическими проблемами, стоит перед тремя важнейшими выборами — выбором между частной собственностью на средства производства и всякого рода государственной или коллективной собственностью; выбором между рыночной экономикой и различными вариантами «планирования» и выбором между «свободой» и «тоталитаризмом». Понятно, что в реальности ни одной из противоположностей не встретишь в чистом виде, ибо внутри этих трех пар противоположности дополняют друг друга, но одна из них непременно будет доминировать.

Далее: можно заметить, что сторонники частной собственности обычно заявляют, что отсутствие частной собственности неизбежно предполагает «планирование» и «тоталитаризм», в то время как «свобода» совместима исключительно с частной собственностью и рыночной экономикой. Схожим образом, сторонники разного рода коллективной собственности обычно утверждают, пусть не столь догматично, что при этом необходимо центральное планирование; по их мнению, свобода достижима только через обобществление собственности и планирование, в то время как иллюзорная свобода частной собственности и рыночной экономики — это не более чем «свобода ужинать в Рице и спать под мостами Темзы». Другими словами, каждый якобы достигает свободы по-своему и обвиняет любую другую «систему» в неизбежной тирании, тоталитаризме или анархии, ведущей и к тирании, и к тоталитаризму.

От споров между приверженцами частной и коллективной собственности обычно больше жара, чем света, как то всегда бывает со спорами, выводящими «реальность» из теоретических положений, а не теоретические положения из реальности. При наличии трех основных альтернатив возможно 2^3 , или 8, сочетаний. В реальной жизни вполне могут встретиться все возможные варианты — в разное время или даже одновременно в разных местах. В отношении

трех упомянутых мною альтернатив возможны восемь следующих вариантов (я построил их в соответствии с *противоположением* свободы тоталитаризму, ибо это самое важное различие с метафизической точки зрения, которой я придерживаюсь в этой книге):

1. Свобода
Рыночная экономика
Частная собственность	5. Тоталитаризм
Рыночная экономика
Частная собственность
2. Свобода
Планирование
Частная собственность	6. Тоталитаризм
Планирование
Частная собственность
3. Свобода
Рыночная экономика
Коллективная собств.	7. Тоталитаризм
Рыночная экономика
Коллективная собств.
4. Свобода
Планирование
Коллективная собств.	8. Тоталитаризм
Планирование
Коллективная собств.

Нелепо утверждать, что «возможны» только варианты 1 и 8: это лишь *простейшие* случаи для теоретиков-пропагандистов. Реальность, слава Богу, более разнообразна, но я оставляю на откуп усердному читателю определить современные или исторические примеры для каждого из восьми случаев, указанных выше, и я бы порекомендовал преподавателям политологии предложить такое упражнение своим студентам.

Здесь же давайте поразмыслим о возможностях создания «системы» собственности на крупные предприятия, которая бы привела к формированию истинно «смешанной экономики». Скорее всего, «золотая середина» лучше любой из крайностей удовлетворит сложным требованиям будущего, ведь мы строим наши рассуждения на реалиях

промышленно развитого мира, а не на пустом месте, где все пути еще открыты.

Я уже отмечал, что частное предприятие в так называемой развитой стране извлекает очень большую выгоду из инфраструктуры — как видимой, так и невидимой — построенной обществом за счет государственных расходов. Но государство, берущее на себя значительную часть издержек частного предприятия, напрямую не участвует в его прибыли. Вся доходы изначально присваиваются частными лицами, а государству приходится покрывать свои собственные финансовые потребности, извлекая часть этих доходов из карманов частных лиц. Современный бизнесмен непрестанно жалуется, что он в большой степени «работает на государство», что налог на прибыль поглощает значительную часть того, что, по его мнению, принадлежит ему одному или его акционерам. Получается, что доля государства в частных прибылях, другими словами, налог на прибыль предприятия, могла бы быть преобразована в долю государства в *собственности* частного предприятия, по крайней мере на крупных предприятиях.

В дальнейших рассуждениях я буду исходить из того, что государство должно получить половину распределяемой прибыли крупного частного предприятия, но не посредством налога на прибыль, а через пятидесятипроцентное участие в собственности этого предприятия.

1. Для начала необходимо определить минимальный размер предприятий, подпадающих под действие этой схемы. Поскольку каждое предприятие теряет свой частный и личный характер и фактически становится публичным предприятием, как только число наемных рабочих превышает определенный предел, наверное, минимальный размер лучше всего определить числом занятых рабочих. В некоторых случаях может возникнуть необходимость задать размер величиной капитала или объема производства.

2. Все предприятия, достигающие этого минимального размера или его превышающие, должны быть акционерными обществами.

3. Было бы желательно преобразовать все акции этих акционерных обществ в акции без указания номинальной стоимости, как это часто делается в США.

4. Количество выпущенных акций, включая привилегированные акции и любые другие ценные бумаги, выражающие *права собственности*, должно быть удвоено выпуском такого же количества новых акций, принадлежащих государству, так, чтобы на каждую старую акцию, находящуюся в частных руках, одна новая акция с идентичными правами принадлежала государству.

При реализации такой схемы не встанет вопрос о «компенсации», так как это будет не экспроприацией в строгом смысле слова, но лишь преобразованием права государства взимать налог с прибыли в прямое участие в экономических активах, из использования которых возникают налогооблагаемые доходы. Такое преобразование стало бы открытым признанием несомненного факта, что большая заслуга в создании «частного» экономического богатства в любом случае принадлежит государству, то есть некапиталистическим общественным силам, и что активы, созданные с участием государства, должны быть признаны государственной, а не частной, собственностью.

Сразу возникнет три вопроса. Во-первых, что именно понимается под «государством»? Куда будут направлены новые акции и кто будет представлять общественные интересы? Во-вторых, какими правами собственности будут наделены эти новые акции? И, в-третьих, вопросы, связанные с переходом от существующей системы к новой системе, с обращением с транснациональными и прочими компаниями, с привлечением новых капитальных средств, и т. д.

Что касается первой группы вопросов, я бы предложил держателем вновь созданных акций, представляющих 50 процентов активов, назначить местную организацию в районе, где находится данное предприятие. Таким образом мы максимально децентрализуем общественное участие в собственности и максимально интегрируем коммерческие предприятия в общественный организм, в котором они работают и от которого получают несчетные выгоды. Таким образом, половина собственности предприятия, действующего в районе X, должна быть во владении местной организации, в общем представляющей население района X. Однако ни местные выборные лица, ни местные чиновники не являются самыми подходящими людьми, которым стоит доверить реализацию прав, связанных с новыми акциями. Прежде чем углубляться в вопросы персонала, необходимо обозначить эти права немного более подробно.

Поэтому я перехожу ко второй группе вопросов. В принципе, права собственности всегда можно разделить на две части — права управления и денежные права.

Я уверен, что пока все идет хорошо, вмешательство государства в дела предприятия не только не полезно, но и чрезвычайно вредно. Существующее руководство компании должно обладать полной свободой действий и нести полную ответственность за компанию. Таким образом, «частных» управляющих предприятий стоит оставить на месте, и принадлежащие государству права управления должны оставаться пассивными до возникновения особых обстоятельств. Принадлежащие государству акции в нормальных условиях не будут иметь права голоса, но лишь наблюдательное право и право на получение информации. Государство вправе назначить одного или нескольких наблюдателей в совет директоров предприятия, но эти наблюдатели не будут иметь права голоса и принятия решений. Однако если наблюдатель чувствует, что интересы общества под угрозой и необходимо вмешаться в управление компанией, он может обратиться в специальный суд за

активацией права голоса. Если он представит суду веские доказательства необходимости вмешательства, суд на некоторое время активирует принадлежащие государству права голоса. Итак, закрепленные за принадлежащими государству акциями права управления обычно будут лишь потенциалом воздействия на руководство компании; в исключительных случаях государство сможет активировать эти права при помощи установленной формальной и гласной процедуры. И даже в этих исключительных случаях права голоса государственных акций будут активированы лишь на некоторое время, ибо в принципе управление компанией является обязанностью управляющих, а не государства. Об этом нельзя забывать.

Часто приходится слышать, что для защиты «общественных интересов» необходимо ввести чиновников высшего или среднего ранга в состав руководства компании. Об этом нередко говорится в предложениях по национализации, однако такой шаг был бы наивным и непрактичным. Чтобы заставить коммерческие предприятия с большим уважением относиться к «интересам общества», нужно не вмешиваться в управление, а обеспечить открытость информации и подотчетность руководства компании обществу. Управление государством и управление бизнесом — совершенно разные вещи. Чиновники и бизнесмены имеют совершенно различный уровень доходов и социальной защищенности, и путать бизнес и управление государством вредно.

Итак, государство как правило не будет пользоваться правами управления предприятием. При этом денежные права принадлежащих государству акций должны реализовываться с самого начала и постоянно. Это очевидно, так как они заняли место налога на прибыль, который иначе взимали бы с предприятия. Половина всех распределяемых прибылей автоматически пойдет государству — владельцу новых акций. Однако принадлежащие государству акции, в принципе, не подлежат отчуждению (точно так же как право взимания налога на прибыль не может быть продано). Их

нельзя будет обратить в наличность; а вопрос, можно ли их будет использовать в качестве залога при государственных займах, можно оставить открытым.

Описав в общих чертах права и обязанности, связанные с новыми акциями, мы теперь можем вернуться к вопросу о кадрах. Цель этой схемы — интегрировать крупные коммерческие предприятия, елико возможно, в их социальное окружение. Решая вопрос кадров, мы также должны руководствоваться этой целью. Реализация связанных с промышленной собственностью денежных и управленческих прав и обязанностей, безусловно, должна находиться вне политической борьбы. В то же время, ее не следует вменять в обязанность чиновникам, которых назначали совсем для других целей. Поэтому я предлагаю передать ее специальному общественному органу, который я здесь назову «Общественным советом». Этот орган должен быть сформирован на местном уровне без каких бы то ни было политических выборов и без помощи государственной власти, и должен включать широкие слои местной общественности. Четверть членов совета должна быть назначена местными профсоюзами, четверть — организациями местных работодателей, четверть — местными профессиональными ассоциациями, и одна четверть — набрана из местных жителей примерно так же, как выбирают присяжных. Членов назначают, скажем, на пять лет, и одна пятая членов сменяется каждый год.

Общественный совет имел бы юридически обозначенные, но в остальном неограниченные права и свободу действия. Конечно же, он будет подотчетен общественности и будет публиковать отчеты о своей деятельности. В качестве дополнительной защитной меры местный орган власти, возможно, стоит снабдить определенными «резервными правами» по отношению к Общественному совету — правами, схожими с теми, что последний имеет по отношению к руководству отдельных предприятий. То есть местный орган власти будет вправе

иметь своего наблюдателя в Общественном совете своего района и в случае серьезного конфликта или недовольства обратиться в соответствующий «суд» за временными правами вмешательства. Опять же, такое вмешательство будет скорее исключением, чем правилом, и в нормальных условиях Общественный совет будет обладать полной свободой действий.

Общественный совет будет свободно распоряжаться дивидендами на принадлежащие государству акции. Общие руководящие принципы расходования этих средств, возможно, необходимо закрепить в законе, но они должны обеспечивать большую степень местной независимости и ответственности. Возможен вопрос: где гарантии, что Общественные советы смогут правильно распределить свои средства? Ответ очевиден: а с чего мы взяли, что местный орган власти или центральное правительство лучше справились бы с этой задачей? Поскольку местные Общественные советы являются истинными представителями местного сообщества, можно с уверенностью предположить, что они будут направлять ресурсы на решение жизненно важных общественных задач и расходовать средства куда рачительнее местных или центральных чиновников.

Обратимся теперь к третьей группе вопросов. Переход от современной системы к системе, предлагаемой здесь, не создаст особых проблем. Как я уже упоминал, о компенсации не будет идти и речи, потому что половина собственности «приобретается» отменой налога на прибыль компании, и это относится ко всем компаниям, достигшим определенного размера. Размер можно задать таким образом, чтобы сначала преобразование собственности коснулось только небольшого числа очень крупных фирм. Так «переход» будет постепенным и пробным. Если в рамках этой схемы крупным компаниям придется выплачивать в качестве дивидендов государству немного больше денег, чем то, что они заплатили бы как налог на прибыль вне схемы,

это послужит социально желательным стимулом избегать чрезмерного укрупнения компании.

Стоит подчеркнуть, что преобразование налога на прибыль в «долю собственности» значительно изменяет психологический климат, в котором принимаются деловые решения. Если налог на прибыль находится на уровне, скажем, пятидесяти процентов, бизнесмену всегда будет соблазнительно требовать, чтобы «бюджет покрыл половину» всех предельных издержек, которых он мог избежать. (Избежание этих издержек увеличило бы прибыль, но половина прибыли все равно ушла бы в налоги.) Психологический климат совсем иной, когда налог на прибыль отменен, и ему на смену пришла доля государственной собственности. Ибо знание того, что половина активов компании принадлежит государству, не затеняет тот факт, что *все* расходы, которые можно избежать, снижают прибыль на сумму, точно равную этим расходам.

Естественно, возникла бы масса вопросов в отношении компаний, действующих в разных районах, включая международные компании. Но не возникнет никаких серьезных проблем, если четко придерживаться двух основных правил: налог на прибыль преобразуется в «долю собственности», и государственной долей собственности распоряжается местная организация — в местности, где работники компании реально работают, живут, пользуются транспортом и другими общественными услугами. Несомненно, порой, чтобы распутать хитросплетения корпоративных структур, бухгалтерам и юристам придется изрядно потрудиться, но настоящих проблем быть не должно.

Как компании, подпадающей под эту схему, привлекать дополнительных капитал? Ответ, опять же, прост: на каждую акцию, выпущенную частным акционером, либо за плату, либо бесплатно, бесплатно выпускается акция для государства. На первый взгляд это может показаться несправедливым: если частные инвесторы платят за свою

акцию, с какой стати государство получает ее бесплатно? Дело, конечно же, в том, что компания не платит налога с прибыли, прибыль на новый капитал, таким образом, также не облагается налогом, и государство получает свои бесплатные акции *вместо* налога на прибыль, который иначе подлежал бы уплате.

Наконец, могли бы возникнуть особые вопросы при реструктуризации компании, поглощениях, ликвидации, и т. д. Все они легко разрешимы в соответствии с выше изложенными принципами. В случае с ликвидацией компании из-за банкротства или по какой-то другой причине, государственные акции, конечно же, имели бы одинаковые права с частными.

Вышеприведенные предложения могут показаться утопичными. Однако реализовать такую схему *действительно можно*; она бы преобразовала крупную промышленную собственность без революций, экспроприации, централизации; не пришлось бы жертвовать гибкостью частного бизнеса в пользу неповоротливой бюрократии государственных органов. Ее можно было бы ввести постепенно или в качестве эксперимента — начиная с крупнейших предприятий и постепенно охватывая все менее крупные, до тех пор, пока не станет ясно, что интересы общественности достаточно закрепились в бастионах частного предпринимательства. Ведь современная структура крупных промышленных предприятий, несмотря на высокие налоги и все новые и новые законы, не работает на благо общества.

ЭПИЛОГ

С восхищением наблюдая, как наука и техника расправляют свои могучие плечи, современный человек создал систему производства, терзающую природу, и общество, калечащее человека. Считается, что главное — накопить побольше богатств, а все остальное приложится. Считается, что деньги всесильны. Хоть нематериальные ценности — справедливость, гармонию, красоту или даже здоровье — не купишь, деньги могут помочь устранить потребность в этих ценностях или возместить их потерю. И вот современный мир устремился к развитию производства и приобретению материальных благ — своим высшим целям, и по сравнению с ними все остальные цели, сколько бы о них не говорили, отошли на задний план. Высшие цели не требуют обоснований, а следование второстепенным целям обусловлено лишь пользой, которую они приносят в достижении высших целей.

Такова философия материализма, но жизнь ставит эту философию под сомнение. Во все времена в любом обществе были мудрецы и учителя, показывавшие несостоятельность материализма и призывавшие пересмотреть приоритеты. На разных языках, в разных символах, призыв был одним и тем же: «Ищите же *прежде* Царства Божия, и это все [материальные вещи, которые вам нужны для существования] *приложится* вам». Они приложатся, говорят нам, здесь на земле, где они нужны нам, а не просто в невообразимой загробной жизни. Сегодня мы слышим этот призыв не только из уст святых и мудрых, но и в событиях в окружающем нас мире. Терроризм, геноцид, депрессии, грязный воздух и отравленная вода, исчерпание природных ресурсов призывают нас одуматься. Мы живем

в уникальное время, когда все сходится к одной точке. Становится очевидно, что в этих удивительных словах о Царстве Божием не только обещание, но и предостережение: «если не будешь искать Царства Божия, то потеряешь даже вещи, которые тебе нужны для существования». Как сказал современный писатель, безотносительно экономики или политики, но между тем очень хорошо выражая состояние современного мира:

Человечество все дальше и дальше уходит от Истины. Но со всех сторон Истина все ближе и ближе подступает к человеку. Чтобы до Нее дотронуться, в прошлом люди тратили всю жизнь, а сегодня лишь требуется перестать уходить от Нее. И, между тем, как же это сложно!⁶⁴

Нас уводит от истины вера в то, что разрушительную мощь современного мира можно «обуздать», просто кинув больше ресурсов — материальных, образовательных, научных — на борьбу с загрязнением, на сохранение живой природы, на открытие новых источников энергии и на достижение более эффективных соглашений о мирном сосуществовании. Материальное богатство, образование, наука, и многое другое, безусловно, необходимо любой цивилизации, но сегодня требуется сначала пересмотреть цели, достижению которых призваны служить эти средства. А это прежде всего предполагает создание образа жизни, который ставит материальное на его должное, законное место — второе, а не первое.

Значимость жизни, человека, общества несоизмеримо выше значимости производства. Производство — лишь небольшое второстепенное занятие человека и общества. Производство будет разрушительным до тех пор, пока мы не поставим его на его должное место. Бесплезно бороться с терроризмом, если производство приспособлений для умерщвления человека продолжает считаться нормальным использованием творческих сил человека. Борьба с

загрязнением окружающей среды не увенчается успехом, пока структура производства и потребления настолько масштабна, сложна и разрушительна, что не укладывается в законы вселенной, которые точно так же применимы к человеку, как и к остальному творению. Невозможно снизить темпы истощения ресурсов или установить гармоничные отношения между теми, кто обладает богатством и властью, и теми, кто их не имеет, пока мы не поймем, что недостаток — это добро, а излишек — зло.

Постепенно даже некоторые официальные лица начинают осознавать эти глубинные проблемы и робко о них говорить. Это обнадеживает. В докладе, подготовленном для министра охраны окружающей среды Великобритании, говорится, что промышленно развитые страны должны «пересмотреть свою систему ценностей и политические приоритеты»⁶⁵, иначе будет поздно. Все дело в «моральном выборе, и расчеты здесь бесполезны... Фундаментальное неприятие общепринятой системы ценностей молодежью во всем мире говорит о повсеместной неудовлетворенности жизнью в нашем индустриальном обществе»⁶⁶. Необходимо обуздать загрязнение окружающей среды и предпринять меры для стабилизации численности населения и объемов потребления ресурсов. «Если этого не сделать, то рано или поздно, — причем скорее всего рано, чем поздно, — падение цивилизации перестанет быть сюжетом научной фантастики, но станет реалиями жизни наших детей и внуков»⁶⁷.

Но как это сделать? Каков «моральный выбор»? Сводится ли это к тому, чтобы решить, «сколько мы готовы платить за чистую окружающую среду», как то предлагается в докладе? Человечество обладает определенной свободой выбора, не ограниченной ни тенденциями экономического роста, ни «требованиями производства», ни любыми другими краткосрочными соображениями. Но она ограничена истиной. Только в служении истине совершенная свобода, но даже те, кто призывает нас «освободиться от стереотипов существующей системы»⁶⁸, не могут указать путь к истине.

Человеку двадцатого века нет нужды открывать истину, которую никто никогда не открывал. В христианской традиции, как и во всех величайших духовных традициях человечества, истина была изложена в религиозных терминах — на языке, который стал совершенно непонятным для большинства современных людей. Но язык можно и подправить, и есть современные писатели, которые это сделали, при этом оставив истину нетронутой. Из всей христианской традиции, наверное, нет учения более подходящего для условий современного кризиса, чем удивительно тонкое и реалистичное учение о Четырех главных добродетелях — благоразумии, справедливости, храбрости, и умеренности во всем.

Значение *благоразумия*, «матери» всех остальных добродетелей — *prudential dicitur genitrix virtutum* — нельзя передать общеупотребительным словом «благоразумие» или «осмотрительность». Оно означает противоположность мелочному, подлому, расчетливому отношению к жизни, отказывающемуся замечать ценность всего, что не обещает сиюминутной выгоды.

Главенство благоразумия означает, что делание добра предполагает знание реальности. Только тот может творить добро, кто знает, что к чему в этом мире. Главенство благоразумия означает, что так называемых «добрых намерений» или «хотений, как лучше», недостаточно. Добрые дела должны быть уместны в конкретных обстоятельствах, в которых действует человек, и он должен ясно видеть реальность и значение своих поступков⁶⁹.

Ясного видения реальности, однако, не достигнуть, а благоразумным не стать без «тихого созерцания» реальности, при котором эгоистические интересы человека хотя бы на время затухают.

Только на основе всеобъемлющего благоразумия можно достичь справедливости, храбрости и *умеренности во всем*,

то есть научимся знать меру. «Благоразумие позволяет преобразовать знание истины в решения, относящиеся к реальности»⁷⁰. Поэтому что может сегодня быть важнее изучения и воспитания благоразумия, которое почти неизбежно приведет к истинному пониманию трех других главных добродетелей, без которых невозможно выживание цивилизации?⁷¹

Справедливость соотносится с правдой, храбрость — с добротой, умеренность — с красотой, а благоразумие как бы объединяет их всех. Считать, будто добро, правда, и красота слишком расплывчатые и субъективные понятия, чтобы их можно было принять в качестве высших целей общественной и личной жизни, или видеть в них побочный продукт успеха, богатства и власти — это сумасшествие. Люди повсеместно спрашивают: «Что же мне *делать*?» Ответ прост, но приводит в замешательство: навести порядок внутри себя. Помощи на этом пути не найти в науке и технике, ценность которых всецело зависит от целей, которым они служат, но ее можно найти в духовных традициях человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

Часть I. СОВРЕМЕННЫЙ МИР

1. Проблема производства

Основана на лекции, прочитанной в Gottlieb Duttweiler Institute, Rüschlikon, близ Цюриха, Швейцария, 4 февраля 1972 года.

2. Мир и долговечность

Впервые опубликована в *Resurgence*, журнале четвертого мира, том III, номер 1, май-июнь 1970 года.

¹ *Towards New Horizons* by Pyarelal. Navajivan Publishing House, Ahmedabad, India, 1959. [Пьярелал, «К новым горизонтам».]

² *Creed or Chaos* by Dorothy L. Sayers. Methuen & Co. Ltd., London, 1947. [Дороти Л. Сэйерс, «Порядок или хаос».]

3. Место экономической теории

Частично основана на лекции, прочитанной в 1967 году и опубликованной Национальным обществом борьбы с загрязнением воздуха: «Чистый воздух и будущее энергетики — экономика и экология» (The Des Vœux Memorial Lecture, 1967, “Clean Air and Future Energy — Economics and Conservation,” published by the National Society for Clean Air, London, 1967).

4. Буддийская экономика

Впервые опубликована в Обзоре Азии (*Asia: A Handbook*, edited by Guy Wint, published by Anthony Blond Ltd., London, 1966).

³ *The New Burma*. Economic and Social Board, Government of the Union of Burma, 1954. [«Новая Бирма»]

⁴ *Ibid.* [Там же.]

⁵ *Ibid.* [Там же.]

⁶ *Wealth of Nations* by Adam Smith. [Адам Смит, «Богатство народов».]

⁷ *Art and Swadeshi* by Ananda K. Coomaraswamy. Ganesh & Co., Madras).

[Ананда К. Кумарасвами, «Искусство и Свадеши».]

⁸ *Economy of Permanence* by J.C. Kumarappa. Sarva-Seva Sangh Publication, Rajghat, Kashi, 4th edn., 1958. [Дж. С. Кумараппа, «Экономика долговечности».]

⁹ *The Affluent Society* by John Kenneth Galbraith. Penguin Books Ltd., 1962. [Джон Кеннет Гэлбрейт, «Общество изобилия».]

¹⁰ *A Philosophy of Indian Economic Development* by Richard B. Gregg. Navajivan Publishing House, Ahmedabad, India, 1958. [Ричард Б. Грегг, «Философия экономического развития Индии».]

¹¹ *The Challenge of Man's Future* by Harrison Brown. The Viking Press, New York, 1954. [Хэррисон Браун, «Проблемы будущего человечества».]

5. Проблема масштаба

Основана на лекции, прочитанной в Лондоне в августе 1968 года и впервые опубликованной в журнале «Возрождение» (*Resurgence*, Journal of the Fourth World, Vol. II, No. 3, September/October 1968).

Часть II. РЕСУРСЫ

1. Важнейший из всех ресурсов — образование

¹² Примечание: кстати, второй закон термодинамики говорит о том, что тепло не может само по себе перейти от более холодного к более горячему телу, или, другими словами, что «Нельзя согреться обо что-то, что холоднее вас» — знакомая, хоть и не очень радостная мысль, которую совершенно неправомерно раздули до псевдонаучного понятия, что вселенная должна обязательно погибнуть от «тепловой смерти», когда больше не останется различий температур.

Конец, конец, огарок догорел!

Жизнь — только тень, она — актер на сцене.

Сыграл свой час, побегал, пошумел —

И был таков. Жизнь — сказка в пересказе

Глупца. Она полна трескучих слов

И ничего не значит.

Это слова Макбета, узнавшего о смерти королевы. Их повторяют сегодня во имя науки, когда триумф этой же самой науки превыше всего, что она знала до сих пор.

¹³ Charles Darwin's *Autobiography*, edited by Nora Barlow. Wm. Collins Sons & Co. Ltd., London, 1958. [Чарльз Дарвин, «Автобиография».]

2. Земля и ее надлежащее использование

¹⁴ *Topsoil and Civilisation* by Tom Dale and Vernon Gill Carter. University of Oklahoma Press, Norman, Okla., 1955. [Том Дэйл и Вернон Джилл Картер, «Почва и цивилизация».]

¹⁵ *Man and His Future*, edited by Gordon Wolstenholme. A Ciba Foundation Volume, J. & A. Churchill Ltd., London, 1963. [«Человек и его будущее», под редакцией Гордона Уолштенхолма.]

¹⁶ *The Soul of a People* by H. Fielding Hall. Macmillan & Co., Ltd., London, 1920). [Х. Филдинг Холл, «Душа народа».]

¹⁷ *Our Accelerating Century* by Dr. S. L. Mansholt. The Royal Dutch/Shell Lectures on Industry and Society, London, 1967. [Д-р С.Л. Маншольт, «Наш ускоряющийся век».]

¹⁸ *A Future for European Agriculture* by D. Bergmann, M. Rossi-Doria, N. Kaldor, J. A. Schnittker, H. B. Krohn, C. Thomsen, J. S. March, H. Wilbrandt, Pierre Uri. The Atlantic Institute, Paris, 1970. [«Будущее европейского сельского хозяйства». Д. Бергманн, М. Росси-Дория, Н. Калдор, Дж. А. Шниткер, Х. Б. Крон, С. Томсен, Дж. С. Марч, Х. Уилбрандт, Пьер Ури.]

¹⁹ *Ibid.* [Там же.]

²⁰ *Ibid.* [Там же.]

²¹ *Ibid.* [Там же.]

²² *Ibid.* [Там же.]

²³ *Our Synthetic Environment* by Lewis Herber. Jonathan Cape Ltd., London, 1963. [Льюис Хербер, «Наша синтетическая среда».]

²⁴ *Ibid.* [Там же.]

²⁵ *Our Accelerating Century* by Dr. S. L. Mansholt. [Д-р С.Л. Маншольт, «Наш ускоряющийся век».]

²⁶ *A Future for European Agriculture*. [«Будущее европейского сельского хозяйства».]

3. Промышленные ресурсы

Длинная цитата из «Будущего угля» Э.Ф. Шумахера (*Prospect for Coal* by E. F. Schumacher, published by the National Coal Board, London, April 1961).

²⁷ *The Economic Journal*, March 1964, p. 192.

4. Ядерная энергетика — спасение или проклятие?

Основана на лекции «Чистый воздух и будущее энергетики — экономика и экология» (The Des Vœux Memorial Lecture, 1967, “Clean Air and Future Energy — Economics and Conservation,” published by the National Society for Clean Air, London, 1967).

²⁸ *Basic Ecology* by Ralph and Mildred Buchsbaum. Boxwood Press, Pittsburgh, 1957. [Ральф и Милдред Бухсбаум, «Основы экологии».]

²⁹ “Die Haftung für Strahlenschäden in Grossbritannien” by C. T. Highton, in *Die Atomwirtschaft: Zeitschrift für wirtschaftliche Fragen der Kernumwandlung*, 1959.

³⁰ *Radiation: What It Is and How It Affects You* by Jack Schubert and Ralph Lapp. The Viking Press, New York, 1957. [Джек Шуберт и Ральф Лэпп, «Радиация: что это такое и как она воздействует на вас».] Также *Die Strahlengefährdung des Menschen durch Atomenergie* by Hans Marquardt and Gerhard Schubert. Hamburg, 1959; Vol. XI of *Proceedings of the International Conference on the Peaceful Uses of Atomic Energy*, Geneva, 1955. [Том XI материалов Международной конференции по мирному использованию ядерной энергии, Женева, 1955 г.]; и Vol. XXII of *Proceedings of the Second United Nations International Conference on the Peaceful Uses of Atomic Energy*, Geneva, 1958. [Том XXII материалов Второй международной конференции ООН по мирному использованию ядерной энергии, Женева, 1958 г.]

³¹ “Changing Genes: Their Effects on Evolution” by H. J. Muller, in *Bulletin of the Atomic Scientists*, 1947. [Х. Дж. Мюллер, «Меняющиеся гены: их воздействие на эволюцию».]

³² Statement by G. Failla, Hearings before the Special Sub-Committee on Radiation, of the Joint Committee on Atomic Energy, 86th Congress of the United States, 1959. “Fallout from Nuclear Weapons,” Vol. II. Washington, D.C., 1959. [Свидетельство Г. Файлла на слушаниях специального подкомитета по радиации объединенного комитета по ядерной энергии, 86-й Конгресс США.]

³³ “Oceanic Research Needed for Safe Disposal of Radioactive Wastes at Sea” by R. Revelle and M. B. Schaefer [Р. Ревель и М. Б. Шефер, «Океанические исследования, необходимые для безопасного захоронения радиоактивных отходов в море»] и “Concerning the Possibility of Disposing of Radioactive Waste in Ocean Trenches” by V. G. Bogorov and E. M. Kreps [В. Г. Богоров и Е. М. Крепс, «Касательно возможности захоронения радиоактивных отходов в глубине океана»] in Vol. XVIII of *Proceedings*, Geneva Conference, 1958. [в Материалах конференции, Женева, 1958 год.]

³⁴ “Biological Factors Determining the Distribution of Radioisotopes in the

Sea” by B. H. Ketchum and V. T. Bowen, *ibid.* [Б. Х. Кетчум и В. Т. Боуэн, «Биологические факторы, определяющие распределение радиоизотопов в море», там же.]

³⁵ Conference Report by W. H. Levi, in *Die Atomwirtschaft*, 1960. [Доклад на конференции У. Х. Леви.]

³⁶ U.S. Atomic Energy Commission, Annual Report to Congress, Washington, D.C., 1960. [Коммиссия по ядерной энергетике США, Ежегодный доклад Конгрессу.]

³⁷ U.S. Naval Radiological Defense Laboratory Statement in *Selected Materials on Radiation Protection Criteria and Standards: Their Basis and Use*. [Заявление Лаборатории радиологической защиты ВМФ США.]

³⁸ *Friede oder Atomkrieg* by Albert Schweitzer, 1958.

³⁹ *The Hazards to Man of Nuclear and Allied Radiations* (British Medical Research Council). [«Опасность для человека ядерной и прочей радиации».]

⁴⁰ Lewis Herber, *op. cit.*

⁴¹ “Summary and Evaluation of Environmental Factors That Must Be Considered in the Disposal of Radioactive Wastes” by K. Z. Morgan, in *Industrial Radioactive Disposal*, Vol. III. [«Обзор и оценка экологических факторов, которые необходимо принять во внимание при утилизации радиоактивных отходов».]

⁴² “Natürliche und künstliche Erbanderungen” by H. Marquardt, in *Probleme der Mutationsforschung* (Hamburg, 1957).

⁴³ Schubert and Lapp, *op. cit.*

⁴⁴ “Today’s Revolution” by A. M. Weinberg, in *Bulletin of the Atomic Scientists*, 1956 [A. M. Вейнберг, «Революция сегодняшнего дня».]

⁴⁵ *Must the Bomb Spread?* by Leonard Beaton (Penguin Books Ltd., in association with the Institute of Strategic Studies, London, 1966). [Леонард Битон, «Распространится ли ядерное оружие по миру?»]

⁴⁶ “From Bomb to Man” by W. O. Caster, in *Fallout*, edited by John M. Fowler (Basic Books, New York, 1960). [У. О. Кастер, «От бомбы до человека».]

⁴⁷ *Op. cit.*

⁴⁸ *Op. cit.*

⁴⁹ “The Atom’s Poisonous Garbage” by Walter Schneir, in *The Reporter*, 1960. [Уолтер Шнейр, «Ядовитый атомный мусор».]

⁵⁰ Lewis Herber, *op. cit.*

⁵¹ *Einstein on Peace*, edited by O. Nathan and H. Norden (Schocken Books, New

York, 1960). [«Эйнштейн о мире», под ред. О. Натана и Х. Нордена.]

⁵² *Pollution: Nuisance or Nemesis?* (HMSO, London, 1972). [«Загрязнение: досадное неудобство или возмездие?»]

5. Технология с человеческим лицом

Основана на лекции, прочитанной на Шестой Ежегодной Конференции Центра будущего человека Тейлхард (Teilhard Centre for the Future of Man), Лондон, 23 октября 1971 г.

Часть III. ТРЕТИЙ МИР

1. Развитие

Основана на Праздничном Обращении на общем собрании Африканского Бюро, Лондон, 3 марта 1966 г.

2. Разработка и внедрение средних технологий для решения социальных и экономических проблем

Впервые опубликовано ЮНЕСКО, Конференция по использованию науки и техники в развитии Латинской Америки, организованная ЮНЕСКО при участии Экономической комиссии Латинской Америки, Сантьяго, Чили, сентябрь 1965 г.

⁵³ “A Plan for Full Employment in the Developing Countries” by Gabriel Ardant, in *International Labour Review*, 1963. [Габриэль Ардант, «Как достичь полной занятости в развивающихся странах».]

⁵⁴ “Wages and Employment in the Labor-Surplus Economy” by L. G. Reynolds, in *American Economic Review*, 1965. [Л. Г. Рейнольдз, «Заработная плата и занятость в экономике с избытком рабочей силы».]

⁵⁵ *Industrialisation in Developing Countries*, edited by Ronald Robinson (Cambridge University Overseas Studies Committee, Cambridge, 1965). [«Индустриализация в развивающихся странах», под ред. Рональда Робинсона.]

⁵⁶ *Ibid.* [Там же.]

⁵⁷ *Ibid.*, quoted from “Notes on Latin America Industrial Development” by Nuno F. de Figueiredo. [Там же.]

⁵⁸ *Ibid.* [Там же.]

⁵⁹ “Technologies Appropriate for the Total Development Plan” by D. R. Gadgil, in *Appropriate Technologies for Indian Industry* (SIET Institute,

Hyderabad, India, 1964). [Д. Р. Гаджил, «Технологии, подходящие для плана всеобщего развития».]

3. Два миллиона деревень

Впервые опубликована в *Britain and the World in the Seventies: A Collection of Fabian Essays*, edited by George Cunningham, published by George Weidenfeld & Nicolson Ltd., London, 1970. [«Великобритания и мир в семидесятых годах», под ред. Джорджа Каннингхэма.]

4. Проблема безработицы в Индии

Выступление перед Группой развития Индии, Лондон, 1971.

⁶⁰ *The New Industrial State* by John Kenneth Galbraith (Penguin Books Ltd., in association with Hamish Hamilton, Ltd., London, 1967). [Джон Кеннет Гэлбрейт, «Новое индустриальное общество».]

Часть IV. ОРГАНИЗАЦИЯ И СОБСТВЕННОСТЬ

Глава 1. Машина для предсказания будущего?

Лекция, прочитанная на Первой британской конференции по социальным и экономическим последствиям автоматизации, Харрогэйт, июнь 1961 г.

⁶¹ *The Economics of 1960* by Colin Clark (The Macmillan Co. of Canada, Ltd., Toronto, 1940). [Колин Кларк, «Экономика в 1960 году».]

Глава 2. К теории крупномасштабной организации

Впервые опубликована в “Management Decision”, *Quarterly Review of Management Technology*, London, Autumn 1967. [«Управленческие решения».]

⁶² Encyclical “Quadragesimo Anno”

⁶³ *Selected Works* by Mao Tse-tung, Vol. III. [Мао Цзедун, «Избранные произведения».]

Глава 3. Социализм

Глава 4. Право собственности

Все цитаты в этой главе взяты из *The Acquisitive Society* by R. H. Tawney [Р. Х. Тони, «Общество стяжателей».]

Ссылка на файл: <http://www.samorodok.org/schum.pdf>

Глава 5. Новые виды собственности

Эпилог

⁶⁴ *Ancient Beliefs and Modern Superstitions* by Martin Lings (Perennial Books, London, 1964). [Мартин Лингс, «Древние веры и современные предрассудки».]

⁶⁵ *Pollution: Nuisance or Nemesis?* (HMSO, London, 1972). [«Загрязнение: досадное неудобство или возмездие?»]

⁶⁶ *Ibid.* [Там же.]

⁶⁷ *Ibid.* [Там же.]

⁶⁸ *Ibid.* [Там же.]

⁶⁹ *Prudence* by Joseph Pieper, translated by Richard and Clara Winston (Faber and Faber Ltd., London, 1960). [Джозеф Пайпер, «Благоразумие».]

⁷⁰ *Fortitude and Temperance* by Joseph Pieper, translated by Daniel F. Coogan (Faber and Faber Ltd., London, 1955). [Джозеф Пайпер, «Храбрость и умеренность».]

⁷¹ *Justice* by Joseph Pieper, translated by Lawrence E. Lynch (Faber and Faber Ltd., London, 1957). [Джозеф Пайпер, «Справедливость».]

Вряд ли найдется лучший путеводитель по несравненному христианскому учению о Четырех главных добродетелях, чем книги Джозефа Пайпера. Как было справедливо замечено, он не только мастерски излагает материал в форме, доступной широкой публике, но и показывает непосредственное отношение материала к проблемам и потребностям читателя.

Все права защищены. www.samorodok.org

ОБЩЕСТВА ШУМАХЕРА

В США и Великобритании действуют общества Э.Ф. Шумахера, продолжающие распространять его идеи и способствовать их претворению в жизнь:

США: **E. F. Schumacher Society**
140 Jug End Road
Great Barrington MA 01230, USA
ph: +1-413-528-1737; e-mail: EFSSociety@aol.com
www.smallisbeautiful.org

Великобритания: **Schumacher Society**
CREATE Environment Centre
Smeaton Road, Bristol, BS1 6XN, UK
ph: +44-117-903-1081;
e-mail: admin@schumacher.org.uk
www.schumacher.org.uk

Россия: Э.Ф. Шумахеру, его книгам, его идеям и их претворению в жизнь посвящен раздел русскоязычного веб-сайта:
www.samorodok.org

ITDG: Основанная Э.Ф. Шумахером и упоминаемая в книге Группа разработки средних технологий (Intermediate Technology Development Group) успешно работает и сегодня. О деятельности этой организации можно больше узнать на ее веб-сайте:
www.itdg.org

Soil Association

Сегодня Почвенная ассоциация — одна из наиболее уважаемых организаций, занимающаяся сельским хозяйством без ядохимикатов, минеральных удобрений и генетически модифицированных растений, в Великобритании и других странах. О ней можно больше узнать на ее веб-сайте:
www.soilassociation.org

Scott Bader

Упомянутая в книге компания Скотт Бэйдер и Ко. Лтд.(известная своими экспериментами с формой собственности) процветает и сегодня. О ней можно больше узнать на ее веб-сайте:
www.scottbader.com

Издание на русском языке выполнено при поддержке
Всемирного фонда дикой природы (WWF) России:

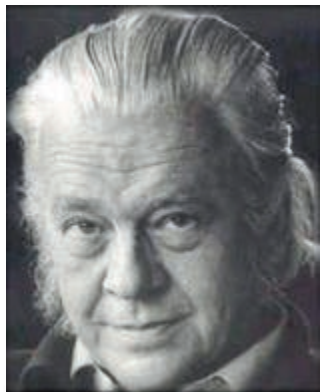

109240 Москва, ул. Никольямская,
д. 19, стр. 3
тел.: (095) 727 0939;
эл. почта: russia@wwf.ru
www.wwf.ru

КАРТА ДЛЯ ЗАБЛУДИВШИХСЯ

Эрнест Фридрих Шумахер (1911-1977), выдающийся экономист и философ, сочетал в себе деловую практичность и глубокие знания духовных практик. По его мнению, отмахиваясь от важнейших вопросов о смысле жизни и месте человека во Вселенной, современное общество обрекает человека на глубокий мировоззренческий кризис, при этом достижение состояния счастья становится почти невозможным. «Карта для заблудившихся» написана в помощь всем, кто хочет разобраться в себе и найти ответы на вопросы:

«В чем смысл жизни?» «В чем предназначение человека?» «Как мне стать счастливым?» «Почему в мире столько проблем, и как их решать?»

Книга Шумахера помогает человеку понять мир и свое место в этом мире. Но при этом он не раскрывает тайн и не отвечает на вопросы, а лишь указывает направление поисков и расставляет ориентиры на «мировоззренческой карте», которой так не хватает современному человеку.

Более двадцати лет Э.Ф. Шумахер был экономическим советником при правительствах Великобритании, Бирмы и Индии. Он обобщил свое видение человеческой экономики, построенной на идеалах красоты, долговечности и ненасилия, в одной из самых влиятельных книг второй половины XX века — «Малое прекрасно: экономика для людей».

Книги Э.Ф. Шумахера переведены на двадцать языков и стали бестселлерами по всему миру.

Книгам и идеям Э.Ф. Шумахера и их претворению в жизнь посвящен раздел русскоязычного веб-сайта www.samorodok.org

Эрнест Фридрих Шумахер

КАРТА ДЛЯ ЗАБЛУДИВШИХСЯ

перевод с английского

Леонида и Ирины Шарашкиных

РСПИ

2007 г.

КАРТА ДЛЯ ЗАБЛУДИВШИХСЯ

Эрнест Фридрих Шумахер

A GUIDE FOR THE PERPLEXED

E.F. Schumacher

перевод с английского
Леонида и Ирины Шарашкиных

Другие книги Э.Ф. Шумахера в этом томе:
«Малое прекрасно: экономика для человека»

© Vreni Schumacher, 2003

© E. F. Schumacher Society, 2003

© Л. Е. Шарашкин, И. В. Шарашкина, перевод, 2003

© Л. Е. Шарашкин, оформление, верстка, 2007

© М. Дамкиер, фото обложки с BigStockPhoto.com, 2007

ISBN: 978-0-9763333-5-7

РСПИ

www.Samorodok.org

samorodok@mail.ru

Ссылка на файл: <http://www.samorodok.org/schum.pdf>

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. О философских картах 325

Глава 2. Уровни Бытия 340

Глава 3. Продвижения 353

Глава 4. Соответствие — I 368

Глава 5. Соответствие — II 380

Глава 6. Четыре Сферы Познания: 1 392

Глава 7. Четыре Сферы Познания: 2 414

Глава 8. Четыре Сферы Познания: 3 429

Глава 9. Четыре Сферы Познания: 4 435

Глава 10. Два вида проблем 458

Эпилог 478

Примечания 482

Общества Шумахера 489

Все права защищены. www.samorodok.org

ГЛАВА 1

О ФИЛОСОФСКИХ КАРТАХ

*Философия теряет смысл, если не
помогает человеку в поиске счастья.*
Святой Августин

В августе 1968 года¹ я приехал в Ленинград. На одной из экскурсий попытался разобраться в карте города, но никак не мог понять, где я. Передо мной стояло несколько огромных церквей, но на карте их не было и следа. Наконец на помощь мне пришел переводчик: «У нас церкви не наносят на карты». «Да ладно, — возразил я. — Смотрите, вот обозначен собор». «Это не действующий храм, а музей, — объяснил он. — А вот действующих церквей Вы на карте не найдете».

Что ж, подобные случаи происходили со мной и раньше. Сколько раз мне давали карты, на которых не было и намека на то, что я видел прямо перед носом! В школе и университете меня пичкали путеводителями по наукам и по жизни, в которых ни слова не говорилось о вещах, казавшихся мне необыкновенно важными для выбора правильного жизненного пути. Помню, много лет я был в полном замешательстве, и никто не приходил мне на помощь. Но однажды я перестал сомневаться в правильности своего восприятия мира и заподозрил неладное в самих путеводителях.

В них писали, что еще совсем недавно подавляющее большинство наших предков пребывали во власти абсурдных иллюзий и руководствовались в жизни безумными поверьями и нелепыми предрассудками. Даже прославленные ученые вроде Кеплера и Ньютона, по-видимому, положили немало времени и сил на бессмысленное изучение несуществующих вещей. Тысячи лет во всем мире и даже в цивилизованной Европе добытые потом и кровью блага тратились впустую на преклонение перед ничтожными вымышленными божествами. Повсеместно тысячи с виду нормальных

людей накладывали на себя бессмысленные ограничения вроде поста, мучили себя сексуальным воздержанием, тратили время на паломничество, фантастические ритуалы, бесконечное повторение молитв и тому подобные нелепости. Они отвергали реальность этого мира (а некоторые так даже продолжают это делать и в наш просвещенный век), а все из-за чего? Невежества и глупости. Но вот мы сбросили с себя груз прошлых веков с их ошибками и заблуждениями, а все предрассудки сдали в музей. Надо же! Тысячи лет люди верили в реальность вещей, об иллюзорности которых сегодня известно даже младенцу. Любой школьник вам скажет, что это были выдумки. Все прошлое до самых недавних времен ни на что не годно, и нашим современникам остается с любопытством и снисхождением смотреть на странности и невежество прошлых поколений. Все, что написано нашими предками, также годно только для книгохранилищ, где историки и прочие специалисты копаются в допотопных трактатах и пишут о них книги. Истории давних времен иногда интересны и даже захватывающи, но не представляют собой особой практической ценности для решения современных проблем.

Этому и многому другому меня учили в школе и университете. Правда, о многом упоминали лишь вскользь, а прошлое никогда открыто не критиковали. Ведь все-таки не стоит презирать предков, при всей их отсталости и темноте. Что они могли поделать? Многие ведь из всех сил пытались доискаться правды, а некоторые по счастливой случайности даже почти прикасались к истине. Их озабоченность религией — лишь одно из проявлений недоразвитости. Да и стоит ли этому удивляться: в то время человечество было еще молодо-зелено. Даже современный человек проявляет некоторый интерес к религии, так что взять с предков! В подходящих случаях и сегодня допускается вспомнить о Боге-Творце, хотя каждый образованный человек знает, что на самом деле Бога, а тем более Творца, нет, а все многообразие жизни, которое мы видим вокруг, произошло

эволюционным путем через случайные изменения в генах и естественный отбор. К сожалению, наши предки знать не знали об эволюции, вот и напридумывали всяких сказок и мифов.

В путеводители по *настоящим* знаниям и по *реальной* жизни включали только то, что якобы можно было *доказать*. Похоже, философские карты составлялись по принципу: «Сомневаешься — выкинь» или сдай в музей. Однако я видел, насколько вопрос о том, *что является доказательством*, тонок и труден. Не лучше ли было придерживаться противоположного принципа: «Сомневаешься — напиши об этом БОЛЬШИМИ БУКВАМИ»? В конце концов, несомненные вещи в некотором смысле мертвы и неинтересны живым людям.

Любое допущение предполагает риск ошибки. Ограничиваясь вроде бы абсолютно достоверным знанием, я свожу риск ошибки на нет, но в то же время отчаянно рискую упустить, возможно, самые возвышенные, важные и стоящие вещи в жизни. Святой Фома Аквинский вслед за Аристотелем учил, что «самое приблизительное знание высшего ценнее, чем самое точное знание низшего»². Противопоставление «самого приблизительного» знания «самому точному» означает неопределенность. Может быть, мир устроен так, что *высшее* нельзя познать с той же степенью точности, что и *низшее*. Тогда, ограничиваясь изучением лишь достоверных предметов и событий, я упускаю из виду самую суть вещей.

В философских путеводителях, которыми меня снабдила школа и университет, как и на карте Ленинграда, отсутствовали действующие церкви. Кроме того, в них даже не упоминались обширные области «альтернативной» теории и практики в медицине, сельском хозяйстве, психологии и общественных науках, не говоря уже об искусстве и так называемых оккультных или сверхъестественных феноменах. Одно только упоминание о них считалось знаком умственной неполноценности. В частности, все описанные

в путеводителях крупные теории видели в искусстве лишь средство самовыражения или бегства от реальности. Красота природы также была случайной. Нас заставляли верить в то, что даже самые красивые формы можно объяснить их пользой в размножении, которое имеет прямое отношение к естественному отбору. И действительно, если не считать упоминания о «музеях», весь путеводитель от корки до корки был составлен с позиций утилитаризма: о существовании любой вещи упоминалось только тогда, когда человек мог ее использовать в своих целях или когда она была полезна во всеобщей борьбе за существование.

Стоит ли удивляться, что, следуя описанными маршрутами, мы все больше привыкали к окружающему пейзажу и уже не удивлялись отсутствию опущенных в путеводителе вещей, погружались в заблуждения, несчастья и цинизм. Кому-то из нас, однако, довелось испытать что-то сходное с опытом Мориса Николь:

Однажды на занятии по Новому Завету в воскресной школе я осмелился, несмотря на свое заикание, попросить нашего директора, который вел урок, объяснить значение одной метафоры. Ответ его был таким запутанным, что я испытал первый проблеск осознанности и вдруг понял, что *никто ничего не знает...* и начиная с этого момента начал думать сам, или по крайней мере понял, что могу думать сам... Я помню в мельчайших подробностях классную комнату, высокие окна, сделанные так, чтобы из них ничего не было видно, парты, возвышение, на котором сидел директор, его интеллигентное, худое лицо, его нервные гримасы и резкие движения рук — и вдруг это внутреннее прозрение, что *никто ничего не знает* — то есть ничего о том, что действительно имеет значение. Это было мое первое внутреннее освобождение от навязанных извне суждений. Начиная с этого момента я точно знал — то есть чувствовал своим внутренним я, которое является единственным источником настоящего

знания — что мое отвращение к религии в том виде, в котором нам ее преподносили, было обоснованным³.

Путеводители, составленные в духе современного научного материализма, оставляют без ответа самые важные вопросы. Более того, они даже не признают за этими вопросами право на существование. Во времена моей молодости, полвека назад, дела уже обстояли неважно. А сегодня — еще хуже, так как все более тщательное применение научного метода к любым предметам уничтожило, по крайней мере на Западе, последние крупинки древнего знания. *Во имя научной объективности* во всеуслышание заявляется, что «система ценностей — просто защитный механизм и рефлекс»⁴, что человек — «лишь сложный биохимический механизм, приводимый в движение системой сжигания топлива и управляемый компьютером с феноменальным объемом памяти, содержащей кодовую информацию»⁵. Зигмунд Фрейд даже утверждал: «Единственное, что я знаю наверняка, так это то, что ценностные суждения человека формируются исключительно его стремлением к счастью, а, значит, просто являются попыткой подкрепить заблуждения аргументами»⁶.

Как устоять перед весом таких заявлений, сделанных во имя научной объективности, если только, подобно Морису Николь, вдруг не испытаешь «внутреннего прозрения», что люди, делающие такие заявления, какими бы учеными они ни были, *ничего не знают о том, что действительно имеет значение?* Люди просят хлеба, а им протягивают камни. Они ищут совета о том, что им «делать, чтобы спастись», а им говорят, что идея спасения — не что иное, как бред и инфантильный невроз. Они ищут путь к ответственной человеческой жизни, а им говорят, что они — машины сродни компьютерам, без воли, а значит без ответственности.

По словам необычайно здравомыслящего психиатра Виктора Франкла, «проблема не в том, что ученые не видят мир целостным, а в том, что они выдают видимую

ими часть за целое... Поэтому страшно не то, что *ученые специализируются*, а то, что *специалисты делают обобщения*. Эпоха религиозного диктата канула в Лету, и вот мы уже третий век живем в условиях все усиливающегося «диктата научного». В результате люди, особенно молодежь, настолько потеряны и дезориентированы, что наша цивилизация того и гляди рассыпется в прах. «Истинный нигилизм сегодняшнего дня, — говорит д-р Франкл, — это редукционизм... Современный нигилизм не кичится словом “ничто” и скрывается за понятием “всего лишь”. Так феномен человека сводят к мало что значащему эпифеномену»⁷.

Между тем, внутренний мир человека остается *нашей реальностью*, всем, что мы есть и чем мы становимся. В этой жизни мы оказываемся как будто в незнакомой стране. Ортега-и-Гассет однажды отметил, что «жизнь обрушивается на нас лавиной». Мы не можем сказать: «Подождите! Я еще не готов. Дайте мне разобраться в жизни». Приходится принимать решения, к которым мы не готовы, выбирать цели, о которых у нас лишь смутное представление. Это очень странно и, на первый взгляд, даже безумно. Создается впечатление, что человеческие существа — какие-то «недоумки». Они не только рождаются и долгое время остаются беспомощными, но и достигнув зрелости значительно уступают в уверенности и ловкости животным. Они колеблются, сомневаются, передумывают, мечутся из стороны в сторону, плохо представляют не только способы достижения желаемого, но, прежде всего, *чего* они хотят.

«Что мне делать?» или «Как мне спастись?» — странные вопросы, ведь речь идет о *цели*, а не просто о средствах. Технический ответ типа «определись с тем, чего ты хочешь, и я объясню, как этого достичь» не подходит. В том-то и дело, что я не знаю, чего хочу! Может, все, чего я хочу, это быть счастливым. Ответ «скажи, что тебе нужно для счастья, и я объясню, что для этого сделать» тоже не подходит, потому что я не знаю, что мне нужно для счастья. Кто-то скажет:

«Для счастья нужна мудрость», — но какая мудрость? Или: «Счастье — в освобождении через нахождение истины», — но какой истины? И кто подскажет, где ее искать? Кто подведет меня к ней или хотя бы укажет направление, в котором идти?

В этой книге мы взглянем на мир и попытаемся увидеть его целостным. Это иногда называют философствованием, а философия — любовь к мудрости и ее поиск. Сократ говорил: «Любопытство — чувство философа, философия начинается с любопытства». И еще: «Боги — не философы. Им незачем искать мудрость, ибо они уже мудры. Невежественные тоже не ищут мудрости, ибо в том-то и порок невежества — в чувстве самодовольства, даже если ты вовсе не добр и не мудр»⁸.

Как нам охватить взглядом весь мир? Один из способов — посмотреть на карту. Карта — это схема, на которой показано, где что расположено. Конечно, на карте не обозначают все предметы, ибо тогда она стала бы непомерно большой, но самые важные ориентиры должны быть непременно на нее нанесены. Такие ориентиры настолько велики, что их невозможно пропустить. Не заметил их — считай, что сбился с пути.

Важнейший этап любого исследования — его начало. Сколько раз мы убеждались в том, что стоит исследователю встать на ложный путь или слишком легкомысленно сделать первые шаги, и даже самая прилежная последующая работа не поможет избавиться от изначальной ошибки⁹.

Картография — эмпирическое искусство, требующее высокой степени абстрагирования и одновременно постоянного контакта с реальностью. Лозунг составителя карт — «принимай все, не отвергай ничего». Все, что *есть*, что в том или ином виде существует, привлекает внимание и интерес людей, должно быть обозначено на карте в надлежащем месте. Философская карта — еще не вся философия, точно так же как путеводитель по стране — не исчерпывающий трактат по географии. Карта — это просто

начало, то самое начало, которого сегодня так не хватает людям, задающимся вопросами: «В чем смысл бытия?» или «Что мне делать со своей жизнью?»

На моей карте будут обозначены четыре Великие Истины, которые, как огромные колокольни, видны отовсюду, где вы только можете оказаться. Если вы о них помните, то всегда без труда определите свое местоположение, если же забыли — значит, вы потерялись.

Мой путеводитель — о том, как «человеку жить в мире». Поэтому нам необходимо рассмотреть:

Во-первых, сам «мир». Речь пойдет о видении мира как иерархической структуры с по меньшей мере четырьмя великими «Уровнями Бытия». Это и есть первая Великая Истина.

Во-вторых, мы поговорим о «человеке» и его приспособленности к жизни в этом мире — Великой Истине о принципе соответствия.

В-третьих, рассмотрим то, как человек познает мир — Великую Истину о «Четырех Сферах Познания».

В-четвертых, посмотрим, как прожить жизнь в этом мире, исходя из понимания Великой Истины о двух типах проблем — имеющих техническое решение и не имеющих такового.

Давайте сразу оговоримся и твердо усвоим, что карта не «решает» проблемы и не «раскрывает» тайны — она только помогает их распознать. Поэтому решение проблем и раскрытие тайн останется на нашей совести. Вспомним последние слова Будды: «Прилежно работай над своим спасением».

А для этого, по словам Тибетских учителей,

Необходима всеобъемлющая философия, позволяющая охватить все сферы знания.

Необходима система медитации, с помощью которой приобретает способность сосредотачиваться на любом предмете.

Необходимо вести такой образ жизни, который делает возможным использовать все способности тела, речи и ума в качестве помощников на Пути¹⁰.

II

Европейские философы уже давно не составляли полных и достоверных карт. Так, Декарт (1596-1650), коему современная философия обязана столь многим, смотрел на вопрос о составлении карт совсем иначе. «Тот, кто ищет прямой путь к истине, — говорил он, — не должен обращать внимания на то, что нельзя описать с точностью арифметических и геометрических формул». Достойны внимания только те предметы, «на достоверное и несомненное знание которых способен наш ум»¹¹.

Отец современного рационализма, Декарт утверждал, что «мы не должны верить ничему, что не подтверждается нашим Разумом», и подчеркивал, что речь идет именно «о нашем Разуме, а не о воображении и чувствах»¹². Суть метода познания мира разумом в том, чтобы «шаг за шагом разложить сложные и запутанные идеи на более простые, а затем, отталкиваясь от интуитивного понимания всех элементарных, абсолютно простых идей, попытаться подняться к знанию более сложных идей через серию таких же шагов»¹³. Эта программа рождена сильным, но страшно ограниченным умом. Ограниченность такого подхода еще лучше заметна в правиле:

Если, изучая предметы, мы делаем шаг, с пониманием которого наш интеллект недостаточно хорошо справляется, надлежит немедленно остановиться. Нам не следует даже пытаться исследовать предмет дальше в этом направлении. Таким образом мы оградим себя от лишних трудов¹⁴.

Декарт ограничивается точными и абсолютно достоверными знанием и идеями потому, что его главная цель — стать *«хозяином и властелином природы»*. То, что нельзя тем или иным образом измерить, не может быть точным. Комментарии Жака Маритэна:

На самом деле математическое познание природы — не полное отражение реальности, но лишь определенная интерпретация феноменов... оставляющая без ответов главные вопросы о сути вещей. Для Декарта же математические знания раскрывают самую суть вещей. Предметы досконально анализируются на основе их геометрической протяженности и характера движения. Вся физика, то есть вся философия природы, сводится к простой геометрии.

Таким образом, картезианская философия ведет нас напрямик к механике. Она превращает природу в механизм, насилует ее, уничтожает все, что позволяет предметам символизировать дух, являться частью гения Творца, разговаривать с нами. Вселенная становится безмолвной¹⁵.

Где гарантия, что в этом мире несомненная истина непременно является полной истиной? Чья несомненная истина, чье понимание? Человека. Каждого человека? Все ли люди способны осознать всю истину? Как показал Декарт, человеческий ум может подвергнуть сомнению все, что не укладывается в его рамки, и некоторые люди больше склонны к сомнениям, чем другие.

Декарт порвал с традиционными знаниями, отмел весь опыт своих предшественников и решил все начать с начала и во всем разобраться сам. Подобная самонадеянность стала «стилем» европейской философии. Маритэн отмечает: «Каждый современный философ — картезианец в том смысле, что видит себя первооткрывателем, долг которого — принести человечеству новую концепцию мироздания»¹⁶.

Декарт заключил, что «на протяжении многих веков философию двигали вперед лучшие умы, и тем не менее в ней нет ничего бесспорного, а следовательно, все сомнительно»¹⁷. Он фактически «отрекся от мудрости» и сосредоточился исключительно на знании, обладающем математической или геометрической точностью и несомненностью. Такой подход уже был свойствен Фрэнсису Бэкону (1561–1626). Скептицизм, своего рода пораженчество в философии, стал основным течением европейской метафизики. С кажущейся справедливостью скептики утверждали, что возможности человеческого ума строго ограничены и нет смысла интересоваться тем, что выходит за пределы его способностей. Древняя мудрость гласила, что человеческий ум слаб, но *открыт*, то есть способен превзойти себя и устремиться к более высоким уровням сознания. Новое же мышление приняло как данность то, что возможности разума строго и узко ограничены, причем эти границы можно четко обозначить; но в своих пределах возможности разума практически безграничны.

С точки зрения философской картографии это означало огромную потерю: целые континенты, необыкновенно старательно описанные людьми прошлых поколений, просто исчезли с карт. Но, кроме того, произошло еще более значимое «отречение от мудрости», несказанно обеднившее философскую мысль: традиционная мудрость всегда представляла мир как трехмерную структуру (символизируемую крестом), в которой не только значимо, но и принципиально важно всегда и везде различать между «высшими» и «низшими» предметами и Уровнями Бытия. Новое мышление рьяно, если не сказать бешено, бросилось устранять *вертикальное измерение*. Откуда взяться ясному и точному представлению о таких качественных понятиях, как «высшее» или «низшее»? Для разума стало насущной необходимостью заменить их количественными показателями.

Да, с «математизмом» Декарт перегнул, и вот Эммануил Кант (1724–1804) вызвался начать все с начала. Но, как

замечает Этьен Гилсон, несравненный знаток истории философии:

Кант перешел от математики не к философии, а к физике. Да он этого и не скрывал: «Истинный метод метафизики по своей сути ничем не отличается от метода, который Ньютон применил в естественных науках и который оказался столь плодотворным»... «Критика чистого разума» Канта — искусное описание того, какой должна быть структура человеческого ума, если исходить из существования концепции природы Ньютона и соответствия этой концепции реальности. Можно ли после этого всерьез говорить о «физическом» методе Канта как о здоровом философском методе?¹⁸

Математика и физика не могут переварить качественное понятие «высшего» и «низшего». Поэтому *вертикальное измерение* исчезло с философских карт, а философия сконцентрировалась на несколько надуманных проблемах типа «А существуют ли другие люди?» или «Могу ли я вообще что-нибудь знать?» или «Воспринимают ли другие люди этот мир так же, как я?» Так карты стали совершенно бесполезны для людей, решающих благородную задачу выбора жизненного пути.

Этьен Гилсон так сформулировал надлежащую задачу философии:

Ее непреходящая обязанность — приводить в порядок и контролировать все более широкое поле научного знания и решать все более сложные проблемы поведения человека. Ее нескончаемая задача — удерживать науки в присущих им границах и определять место и задавать границы новым наукам. Наконец, не менее важная задача: как бы ни менялись обстоятельства, удерживать все действия человека во власти разума, только благодаря которому человек и является судьей своих поступков и, после Бога, хозяином своей судьбы¹⁹.

III

Потеряв *вертикальное измерение*, на вопрос «Что мне делать с моей жизнью?» человек теперь мог дать лишь утилитарный ответ. Ответ эгоистичный или альтруистичный, но все же утилитарный: «Живи как можно комфортней» или «Осчастливь как можно больше людей». Кроме того, получалось, что по сути человек — только животное. «Высшее» животное? Быть может, да и то лишь в некоторых отношениях. В определенных отношениях другие животные «превосходят» человека, а значит лучше избегать расплывчатых понятий «высшего» и «низшего», если только мы не говорим в строго *эволюционном* смысле. В контексте эволюции «высшее» обычно можно соотнести с «позднейшим», а так как человек, несомненно, появился весьма недавно, его условно можно поставить на вершину эволюционной пирамиды.

Но ничто из этого не помогает получить вразумительный ответ на вопрос: «Что мне делать с моей жизнью?» Паскаль (1623-1662) говорил: «Человек хочет счастья и существует только для счастья. Он не может хотеть быть несчастным»²⁰. Однако новые философы утверждали вместе с Кантом, что человек «не может уверенно и точно сказать, чего он действительно хочет... не может определить, что для него настоящее счастье, ведь для этого необходимо быть всезнающим»²¹. Традиционная же мудрость давала простой вдохновенный ответ: счастье человека в том, чтобы двигаться *выше*, развивать свои *высшие* способности, обрести знание *высших* предметов и, если возможно, «узреть Бога». Двигаясь *вниз*, развивая только свои *низшие* способности, присущие и человеку, и животным, он делает себя глубоко несчастным, вплоть до отчаяния.

Святой Фома Аквинский (1225-1274) заявлял с непоколебимой уверенностью:

По собственной воле человек склонен делать лишь то, что он знает и понимает. Поскольку высшие силы направляют человека к *благам более высоких порядков, недостижимым смертным человеком* в этой жизни... его уму необходимо ухватиться за *что-то более высокое*, чем те вещи, которыми он занят в повседневной жизни. Только получив точку опоры в высшем, человек *учится стремиться* и своими действиями тянуться к *чему-то, превосходящему обычное состояние этой жизни*... Именно по этой причине философы, желая освободить человека из плена чувственных удовольствий и обратить к добродетели, учат, что есть блага более высокого порядка, чем те, что ублажают чувства. Вкушая эти блага, тот, кто стремится к высшему в действии или в помыслах, обретает истинное блаженство²².

Эти учения, составляющие традиционную мудрость всех народов во всем мире, для современного человека практически потеряли смысл, хотя он по-прежнему желает как-нибудь подняться над «обычным состоянием этой жизни». Он надеется, что обретение богатства, постоянная смена обстановки и путешествия, полеты на луну и в космос позволят ему подняться над однообразием будней. Стоит еще раз послушать Святого Фому:

В человеке, как и в животных, есть желание *испытывать удовольствие*. Люди стремятся удовлетворить это желание, ведя жизнь, наполненную чувственными наслаждениями, и, теряя умеренность, становятся неводержанными в еде и сексе. Между тем, в созерцании божественного заключается самое совершенное удовольствие, настолько же превосходящее чувственное удовольствие, насколько разум превосходит чувства, ибо добродетель, которую мы вкусим, превосходит все чувственные радости, глубже проникает в нас и дольше остается, к тому же

это удовольствие менее подвержено примеси горечи, сожалений и волнения...

В этом мире ничто не сравнится с полным и чистым (насколько это возможно здесь, внизу) счастьем жизни тех, кто зрит истину. По этой причине философы, не сумевшие достичь полного знания этой конечной благодати, учили о высшем счастье человека в созерцании, которое возможно в этой жизни. По этой же причине в Святом Писании созерцательная жизнь ставится выше любой другой жизни: так, Господь сказал (Лк 10:42): *Мария же избрала благую часть*, а именно созерцание истины, *которая не отнимется у нее*. Ибо созерцание истины начинается в этой жизни, а завершается в жизни грядущей, в то время как суета мирской жизни исчезает с прекращением земной жизни²³.

Большинству современных читателей будет трудно поверить в то, что абсолютное счастье достижимо при помощи методов, совершенно неизвестных нашему обществу. Между тем, здесь не стоит вопрос: верить в это или нет? Главное в том, что без качественных понятий «высшего» и «низшего» смысл жизни непременно сводится к личному или общественному утилитаризму и эгоизму, и ничему больше.

Способность видеть Великую Истину иерархической структуры мира и различать между *высшими и низшими Уровнями Бытия*, — одно из необходимых условий для понимания. Без нее невозможно определить должное место каждой вещи. Любой предмет или явление можно понять, только полностью принимая во внимание его *Уровень Бытия*. Многое из того, что истинно на низком Уровне Бытия, становится абсурдным на более высоком уровне и, конечно же, наоборот.

Поэтому теперь мы перейдем к рассмотрению иерархической структуры мира.

ГЛАВА 2

УРОВНИ БЫТИЯ

Перед нами стоит задача охватить взглядом весь мир и увидеть его как единое целое.

Мы видим то же, что всегда ясно видели наши предки, — великую Лестницу Бытия с четырьмя ступенями или, как их раньше называли, четырьмя «царствами»: минералами, растениями, животными и человеком. «Всего лишь сто лет назад именно такое деление было, пожалуй, самым распространенным представлением о всеобщем *порядке* вещей, о базовой структуре вселенной»²⁴. Лестницу Бытия можно воспринимать как спускающуюся от Высшего к низшему или же восходящую от низшего к Высшему. В древности считалось, что Лестница начинается с Божественного и спускается вниз; по мере удаления от Центра существа постепенно теряют высшие свойства. Сегодня же мы, во многом под воздействием учения об эволюции, склонны начинать с неодушевленной материи и заканчивать человеком как венцом эволюции с самым широким набором полезных качеств. В данном случае направление взгляда — вверх или вниз — для нас не принципиально, и, не желая нарушать современные традиции мышления, мы начнем с низшего уровня, царства минералов, и рассмотрим, как при продвижении вверх последовательно появляются новые качества или *силы*.

Нетрудно распознать удивительную и таинственную разницу между живым растением и мертвым, перешедшим на низший Уровень Бытия неодушевленной материи. Какую же *силу* оно потеряло? Мы называем ее «жизнью». Ученые предостерегают, что не следует говорить о «жизненной силе», ибо ее существования до сих пор не обнаружено и не доказано. Но ведь *разница* между живым и мертвым

существует. Давайте обозначим ее “*x*”, как что-то, что мы не можем объяснить, но что надлежит отметить и изучить. Если назвать уровень минерала “*m*”, то уровень растения можно назвать $m + x$. Очевидно, фактор *x* достоин нашего самого пристального внимания, особенно потому, что мы можем запросто его уничтожить, но создать жизнь нам совершенно не под силу. Даже если бы кто-то дал нам рецепт, набор инструкций, как создать жизнь из неодушевленной материи, *x* сохранил бы свою таинственную природу. Для нас всегда будет чудом, что материя, которая ничего не могла делать, теперь извлекает питание из окружающей среды, растет и воспроизводит себя «по образу и подобию». В законах, понятиях и формулах физики и химии нет ничего, что могло бы объяснить или даже описать такие способности. *X* — что-то совершенно новое и дополнительное. И чем пристальнее мы его рассматриваем, тем становится понятнее, что перед нами то, что можно назвать *онтологическим разрывом* или, проще говоря, скачком в Уровне Бытия.

При переходе от растения к животному происходит схожий скачок, схожее приобретение способностей, позволяющих обычному животному делать то, что совершенно невозможно для обычного растения. Эти способности, опять же, загадочны и, строго говоря, не имеют названия. Можно обозначить их буквой “*y*”, что будет вернее всего, ибо любое словесное обозначение может ввести в заблуждение: люди станут думать, что это название — не просто намек на природу этих сил, но точное и полное их описание. Правда, мы не умеем говорить без слов, поэтому мне придется условно назвать эти таинственные способности *сознанием*. Легко распознать сознание в собаке, кошке или лошади хотя бы потому, что, получив удар по голове, они теряют сознание: жизненные процессы продолжают течь так же, как в растении, хотя животное и потеряло присущие ему способности.

Если, следуя нашей терминологии, растение можно обозначить $m + x$, то животное следует обозначить как $m +$

$x + y$. Опять же, новое свойство “ y ” достойно нашего самого пристального внимания, мы можем разрушить его, но не можем создать. Все, что мы можем разрушить, но не можем создать, в некотором роде священо, и все наши попытки «объяснить» это на самом деле ничего не объясняют. Опять же, можно сказать, что y — это что-то совершенно новое и дополнительное по сравнению с уровнем «растения», еще один *онтологический разрыв*, еще один скачок в Уровне Бытия.

Кто станет всерьез отрицать, что при переходе с уровня животного на уровень человека возникают новые способности? В чем именно они заключаются, в наше время стало предметом оживленных споров, но то, что человек может делать — и делает — множество вещей, лежащих далеко за пределами способностей даже самых высокоразвитых животных, совершенно очевидно и никогда не отрицалось. Человек обладает силой жизни как растение, силой сознания как животное и, естественно, чем-то большим — таинственной силой “ z ”. Что это такое? Как ее описать? Какое дать название? Сила z , несомненно, имеет прямое отношение к способности человека не только думать, но и *осознавать свой мыслительный процесс*. Сознание и разум как бы замыкаются сами на себя. Перед нами не просто сознательное существо, но существо, способное сознавать свою сознательность; не просто мыслитель, но мыслитель, способный созерцать и изучать свое собственное мышление. Перед нами кто-то, кто может сказать «я» и *направлять сознание* в соответствии со своими собственными целями, хозяин или контролер, сила более высокого уровня, чем само сознание. Эта сила z , замкнутое само на себя сознание, открывает неограниченные возможности для целеустремленного обучения, исследования, изучения и формулировки нового знания. Как назвать эту силу? Так как необходимы словесные обозначения, я назову ее *осознанностью*. Однако следует непременно помнить, что такое словесное обозначение —

всего лишь, как говорят буддисты, «палец, указующий на луну». Сама «луна» остается полной загадкой, и если мы хотим понять что-то о месте человека во Вселенной, нам следует изучить эту «луну» с величайшим терпением и упорством.

Наш обзор четырех великих Уровней Бытия можно обобщить следующим образом:

Человека можно обозначить как	$m + x + y + z$
Животное можно обозначить как	$m + x + y$
Растение можно обозначить как	$m + x$
Минерал можно обозначить как	m

Лишь m видимо; x , y и z невидимы и уловить их чрезвычайно сложно, хотя мы постоянно видим их проявления в повседневной жизни.

За отправную точку можно взять «минералы» и продвигаться вверх по Уровням Бытия путем прибавления способностей. Можно же начать прямо с высшего уровня, непосредственно нам знакомого, «человека», и спускаться к низшим Уровням Бытия, последовательно вычитая способности. Тогда можно сказать, что:

Человека можно обозначить как	M
Животное можно обозначить как	$M - z$
Растение можно обозначить как	$M - z - y$
Минерал можно обозначить как	$M - z - y - x$

Нам легче понять такую схему «сверху вниз» хотя бы потому, что она ближе к нашему личному опыту. Мы знаем, что все три силы — x , y и z могут ослабнуть и исчезнуть, мы даже можем намеренно их разрушить. Исчезает осознанность, но остается сознание; исчезает сознание, но жизнь продолжается; наконец, исчезает жизнь, оставляя мертвое тело. Мы можем наблюдать и даже в некотором смысле *чувствовать* процесс уменьшения до практически полного

исчезновения осознанности, сознания и жизни. Но мы не в силах дать жизнь мертвой материи, дать сознание живой материи и, наконец, наделить осознанностью сознательные существа.

Мы можем в определенной мере понять то, что способны сделать сами; однако того, что человеку создать в принципе не под силу, мы не можем постичь даже «в определенной мере». Эволюция как процесс спонтанного, случайного возникновения силы жизни, сознания и осознанности из неодушевленной материи представляется совершенно невероятной.

Однако на данном этапе незачем углубляться в эту тему. Мы твердо усвоили истину, открытую нашим глазам и чувствам: Вселенная — огромная иерархическая структура четырех явно отличных Уровней Бытия. Естественно, внутри каждого уровня есть более высокие и более низкие существа, и границы между уровнями иногда размыты и спорны, что, однако, не ставит под сомнение существование четырех царств.

Физика и химия имеют дело с низшим уровнем, «минералами». На этом уровне x , y и z — жизнь, сознание и осознанность — не существуют (или, по крайней мере, совершенно не проявлены, и, значит, неразличимы). Физике и химии *абсолютно нечего* сказать о них. Эти науки не имеют понятий, относящихся к таким силам, и не в состоянии описать их проявления. Где есть жизнь, есть и форма, *геиштальт*, что воспроизводит себя снова и снова из семени или сходного начала, не обладающего *геиштальтом*, но развивающего его в процессе роста. Ничего подобного не встретишь ни в физике, ни в химии.

Сказать, что жизнь — всего лишь свойство особых комбинаций атомов, это все равно, что сказать, что «Гамлет» Шекспира — всего лишь свойство особой комбинации букв. На самом же деле особая комбинация букв — лишь одно из свойств «Гамлета» Шекспира. Французскому или немецкому переводу пьесы «свойственны» другие комбинации букв.

Просто поразительно, что современные «науки о жизни» почти не занимаются *жизнью как таковой*, силой x , но уделяют бесконечно много внимания изучению и анализу физико-химического тела, являющегося носителем жизни. Очень даже возможно, что современная наука вообще не обладает методом, позволяющим ухватиться за *жизнь как таковую*. Но если так, то почему бы не признать это открыто. Наука не имеет никаких оснований и никакого права утверждать, что жизнь якобы сводится лишь к физике и химии.

Неоправданны и притязания науки на то, что сознание — всего лишь свойство жизни. Рассматривать животное как сложнейшую физико-химическую систему было бы допустимо, если бы при этом не терялось то, что делает животных животными. Некоторые зоологи, по крайней мере, уже отбросили эту научную нелепость и научились видеть в животных что-то большее, чем сложные машины. Однако таких ученых, к сожалению, все еще слишком мало, и с ростом «рациональности» современного образа жизни все к большему количеству животных относятся как к всего лишь «животным машинам». (Это ярчайший пример того, как даже самые нелепые и попирающие здравый смысл философские теории со временем становятся «обычной практикой» в повседневной жизни.)

Все «гуманитарные науки», в отличие от естественных наук, так или иначе имеют дело с силой y — сознания, но редко проводят различие между сознанием (y) и осознанностью (z). В результате современная наука все больше сомневается в том, а действительно ли человек «существенно» отличается от животного. Проводится огромное количество исследований поведения животных с целью понять природу человека. Это то же самое, что изучать физику с надеждой что-то узнать о жизни (x). Естественно, человек действительно *включает в себя* три низших Уровня Бытия, поэтому кое-что о нем можно прояснить, изучая минералы, растения и животных. Да таким образом

можно узнать о человеке все *кроме того, что делает его человеком*. Все четыре составляющих человека — m , x , y и z — достойны изучения, но, несомненно, имеют разную значимость для *понимания назначения человека и выбора жизненного пути*.

Эта значимость возрастает в приведенном выше порядке: m , x , y , z . В том же самом порядке убывает полнота и определенность знаний современного человека. Сталкиваясь с почти полной неопределенностью x , y и тем более z , он задается вопросом: а есть ли что-нибудь за пределами материального мира, мира молекул, атомов, электронов и бесчисленных прочих малых частиц? Или же все на свете — от самого грубого до самого тонкого — объясняется лишь сложностью сочетаний этих частиц, как тому учит современная наука? К чему тогда говорить о фундаментальной разнице между ступенями Лестницы Бытия, об «онтологических разрывах», если все, что мы видим — это *разница в сложности строения материи*? Но нет смысла ломать голову над вопросом, лучше ли рассматривать осязаемые и бесконечно очевидные различия между четырьмя великими Уровнями Бытия как качественные различия или различия в сложности организации материи. Необходимо лишь твердо понимать, что существуют качественные различия, а не только различия в сложности, между *силами* жизни, сознания и осознанности. Следы этих сил, возможно, существуют и на более низких уровнях, хотя и незаметные (или пока незамеченные человеком). Откуда берутся эти силы? Кто знает? Может, их источник лежит за пределами этого мира. Не за чем строить теории о происхождении этих сил, при условии, что мы их различаем и, таким образом, никогда не забываем: они выходят за пределы всего, что под силу создать нашему интеллекту.

Разницу между живым и мертвым увидеть не так уж сложно. Отличить сознание от жизни уже сложнее, в то время как осознать, ощутить и понять разницу между сознанием

и осознанностью (то есть между y и z) действительно очень трудно. Причина таких затруднений лежит на поверхности: высшее включает и, таким образом, в некоторой степени понимает низшее, но ни одно существо не способно понять что-либо более высокое, чем оно само. Человек способен из всех сил тянуться к высшему и помогать своему росту поклонением, благоговением, восхищением тайнами мира, обожанием и имитацией. Достигнув более высокого уровня, он начинает понимать вещи, которые раньше были ему недоступны (позднее мы серьезно займемся этим вопросом). Но люди, у которых сила осознанности (z) развита плохо, не могут уловить ее отличия от сознания и склонны воспринимать ее как *всего лишь* некоторое продолжение сознания (y). Поэтому они считают человека *всего лишь* чрезвычайно умным животным с большим объемом мозга, или животным, умеющим изготавливать орудия труда, или политическим животным, или недоделанным животным, или просто голой обезьяной.

Люди, дающие такие определения, несомненно, с готовностью распространяют их и на себя, возможно, не без основания. Но другие считают такое описание человека просто нелепым. Это все равно, что выдавать собаку за лающее растение или бегающий кочан капусты. Ничто так не способствует ожесточению современного мира, как распространение от имени науки ложных и оскорбительных определений человека, таких как «голая обезьяна». Что можно ожидать от такого существа, от других «голых обезьян» и, в самом деле, от самого себя? Называя животных «машинами», люди вскоре начинают обращаться с ними соответствующим образом. Думая о людях как о голых обезьянах, они открывают двери настежь навстречу зверству.

«До чего же совершенен человек! До чего благороден! Сколь безграничны его способности!» С силой осознанности (z) его способности действительно бесконечны, они не загнаны в узкие рамки, не строго

заданы, не «запрограммированы», как говорят сегодня. Вернер Джэгер выразил глубокую истину, сказав, что стоит осознать возможности человека, и они обретают существование. Человека определяют величайшие свершения лучших представителей человечества, а не среднее поведение или средние способности, и уж конечно не то, что можно вывести из наблюдения за животными. «Не каждый может быть выдающимся человеком, — говорит Катерина Робертс. — Но каждый, развивая в себе высшие человеческие качества, может понять, что значит быть человеком, и ощутить себя неотъемлемой частью бытия. Здорово стать настолько человеческим, насколько ты только способен. И в этом не нужна помощь науки. Кроме того, само осознание своих возможностей может представлять шаг вперед по сравнению с прошлым»²⁵.

Бесконечность возможностей — чудесное следствие присущей именно человеку силы осознанности (z), в которой, в отличие от силы жизни и сознания, нет ничего автоматического или механического. Сила осознанности *по сути* — скорее бесконечная потенциальность, чем реальность. Человек станет поистине человеком, *личностью*, только если осознает и «реализует» этот потенциал.

Я уже говорил, что человека можно обозначить как

$$m + x + y + z.$$

Каждый новый элемент этой последовательности все более редок и уязвим. Материю (m) невозможно разрушить. Убить тело — значит лишить его x , y и z , но мертвая материя остается и «возвращается» в землю. По сравнению с неодушевленной материей жизнь хрупка и встречается гораздо реже; в свою очередь по сравнению с упорством вездесущей жизни сознание еще более редко и уязвимо. Осознанность — редчайшая из всех сил, в высшей степени ценная и уязвимая, высшее и обычно преходящее достижение человека, которым можно обладать в одно мгновение и столь же легко потерять мгновение спустя. Во все времена, кроме нашего, изучение фактора z было

основной заботой человечества. Как можно изучать что-то столь уязвимое и непостоянное? Как возможно изучать то, что само изучает? В самом деле, как нам познать «себя», если «я» пользуется сознанием, необходимым для его изучения? Этими вопросами мы займемся в следующих главах книги. А прежде чем приняться за их рассмотрение, мы повнимательнее всмотримся в великие Уровни Бытия и разберемся, как появление дополнительных сил приводит к *существенным* изменениям, хотя сходства и «соответствия» остаются.

Материя (m), жизнь (x), сознание (y) и осознанность (z) — эти четыре элемента онтологически, то есть по самой своей природе, различны, несравнимы, несоизмеримы и прерывны. Только один из них напрямую поддается объективному, научному наблюдению посредством наших пяти органов чувств. Три остальные нам тем не менее известны, потому что каждый может проверить их существование на собственном внутреннем опыте.

Жизнь встречается нам только в виде живой материи; сознание встречается нам только в виде сознательной живой материи; и осознанность нам встречается только в виде осознанной сознательной живой материи. Онтологические различия между этими четырьмя элементами сравнимы с пропастью между разными геометрическими измерениями. Линия имеет одно измерение, и никакие усовершенствования линии, никакая утонченность ее конструкции, и никакое усложнение не превратит ее в плоскость. Равным образом никакое развитие двумерной плоскости, никакое возрастание ее сложности, утонченности или размера, ни за что не превратит ее в объемную фигуру. Существование в физическом мире в том виде, что мы знаем, достигается только трехмерными существами. Одно- и двумерные предметы существуют только в наших умах. Схожим образом можно сказать, что только человек «по-настоящему» существует в этом мире, ибо лишь он один обладает «тремя измерениями» жизни, сознания и осознанности. В этом

смысле существование животных, обладающих лишь двумя измерениями, жизнью и сознанием, призрачно, а растения, не имеющие измерений осознанности и сознания, относятся к человеческому существу так же, как линия относится к объемной фигуре. В терминах этой аналогии материя, лишенная всех трех «невидимых измерений», не более реальна, чем геометрическая точка.

Хотя с точки зрения логики эта аналогия может показаться слишком натянутой, она указывает на неизбежную *экзистенциальную* истину: для нас наиболее «реален» мир таких же как мы людей. Без них нам было бы невыносимо одиноко; да и сами мы без общения с людьми, скорее всего, растеряли бы человеческие черты. Компания животных скрашивала бы наше существование только настолько, насколько они напоминали нам, пусть даже карикатурно, человеческих существ. Мир без людей был бы странным и нереальным местом заключения; без людей и без животных же мир был бы страшной пустыней, какой бы пышной ни была его растительность. Такой мир можно было бы без преувеличения назвать одномерным. Человеческое существование в полностью неодушевленной среде было бы полной пустотой и отчаянием. Такая цепочка рассуждений может показаться абсурдной, но уж конечно она не столь абсурдна, как мировоззрение, считающее «реальной» лишь неодушевленную материю и относящееся как к «нереальным», «субъективным», а значит научно несуществующим, к невидимым измерениям жизни, сознания и осознанности.

Нам было достаточно бегло окинуть взглядом четыре великие Уровня Бытия, чтобы различить четыре их «составляющие» — материю, жизнь, сознание и осознанность. Имеет значение именно это различие, а не точное соотношение четырех элементов с четырьмя Уровнями Бытия. Если бы естествоиспытатели пришли и сказали, что некоторых внешне совершенно несознательных существ они называют животными, мы не стали бы с ними спорить. Одно

дело различие и совсем другое — распознавание. Для нас имеет значение только различие, и мы вправе выбрать для наших целей типичных и зрелых представителей каждого Уровня Бытия. Если в них совершенно явственно различимы «невидимые измерения» жизни, сознания и осознанности, эти наблюдения не теряют своей достоверности из-за каких-либо проблем с классификацией в других случаях.

Поскольку мы признали онтологические пропасти, отделяющие четыре «элемента» — *m*, *x*, *y* и *z* — один от другого, понятно, что не может быть никаких «связующих звеньев» или «переходных форм»: жизнь либо присутствует, либо отсутствует, она не может присутствовать наполовину; то же относится к сознанию и осознанности. Распознавание часто осложняется тем, что более низкие уровни как бы имитируют или подделывают более высокие уровни: точно так же марионетку иногда можно принять за живое существо, а двухмерную картину — за трехмерную реальность. Но ни трудности в распознавании и разграничении, ни вероятность обмана и ошибки не могут служить аргументами против существования четырех великих Уровней Бытия с их четырьмя «элементами», которые мы назвали Материей, Жизнью, Сознанием и Осознанностью. Эти четыре «элемента» — сокровенные тайны, что требуют самого внимательного наблюдения и изучения, но не поддаются объяснению, не говоря уж об «исчерпывающем объяснении».

В иерархической структуре высшее не только обладает силами, неизвестными низшему, высшее также обладает властью *над* низшим, имеет власть организовывать низшее и использовать его в своих целях. Живые существа могут преобразовывать и использовать неодушевленную материю, сознательные существа могут использовать жизнь, а осознанные существа могут использовать сознание. Есть ли силы превыше осознанности? Есть ли Уровни Бытия выше человека? На этом этапе нашего исследования нам следует только отметить тот факт, что подавляющее большинство

людей на протяжении всей известной истории до самых недавних времен были непоколебимо убеждены, что Лестница Бытия тянется вверх за пределы человека. Эта повсеместная уверенность человечества замечательна по своей продолжительности и силе. Мудрейшие и величайшие люди прошлого, которых мы почитаем и по сей день, не только разделяли эту веру, но и считали ее самой важной и самой глубокой из всех истин.

Глава 3

ПРОДВИЖЕНИЯ

Проявление некоторых свойств на четырех великих Уровнях Бытия я назову *продвижением*. Наверное, удивительнее всего продвижение от Пассивности к Активности. На низшем уровне «минералов» или неодушевленной материи мы встречаемся с пассивностью в чистом виде. Камень полностью пассивен и являет собой чистый объект, полностью зависимый от внешних обстоятельств и условий. Он не в состоянии ничего делать, ничего устраивать, ничего использовать. Даже радиоактивное вещество пассивно.

Растение в меньшей степени пассивно. Оно уже не чистый объект и обладает ограниченными способностями приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам: оно растет к свету и тянется корнями к влаге и питательным веществам в почве. В небольшой мере растение — *субъект*, обладающий способностью делать, устраивать и использовать. Можно даже сказать, что в растениях есть намек на разум, конечно, не столь активный, как разум животных.

Появление сознания на уровне «животных» сопровождается резким переходом от пассивности к активности. Ускоряются жизненные процессы, деятельность становится более автономной, чему свидетельство — свободное и частое целенаправленное движение, не просто постепенный поворот к свету, но быстрое действие с целью получить пищу или избежать опасности. Способность делать, устраивать и использовать несоизмеримо больше; появляются признаки «внутренней жизни», счастья и несчастья, уверенности, страха, ожидания, разочарования и т. д. Любое существо с внутренней жизнью не может быть просто объектом, оно само субъект, даже способный обращаться с другими

существами как с объектами, к примеру, как кошка обращается с мышью.

На уровне человека есть субъект, говорящий «я», личность. Это еще один заметный переход от пассивности к активности, от объекта к субъекту. Обращаться с человеком, как будто он просто объект — зло, не сказать преступление. Никакие тяготы жизни, никакие превратности судьбы не лишат его возможности самоутвердиться и подняться над обстоятельствами. Человек может достигнуть значительной власти над окружающей средой (а значит, над своей жизнью), используя предметы вокруг себя в своих собственных целях. Его способностям нет четких границ, хотя он повсеместно сталкивается с ограничениями практического характера, которые ему надлежит признавать и уважать.

Это наблюдаемое в четырех Уровнях Бытия продвижение от Пассивности к Активности поистине удивительно, но не полно. Даже самый сильный и независимый человек в большой степени пассивен. Несомненно являясь *субъектом*, он остается во многих отношениях *объектом*, несвободным и зависимым от обстоятельств. Осознавая это, человек всегда при помощи воображения или интуиции завершал продвижение, экстраполировал (как бы мы сказали сегодня) наблюдаемую закономерность до конца. Так появилось представление о Существе полностью активном, полностью свободном и независимом; о *Личности* превыше всех просто человеческих личностей, не-объекте, превыше всех обстоятельств и условностей, которому абсолютно все подвластно — о *личностном* Боге, «Недвижимом Двигателе». Таким образом, четыре Уровня Бытия воспринимаются как указание на невидимое существование Уровня (или Уровней) Бытия выше человеческого.

Интересно и полезно обратить внимание на то, что при продвижении от Пассивности к Активности изменяется источник движения. Ясно, что на уровне неодушевленной материи движение невозможно без физической причины, и существует очень тесная связь между причиной и

следствием. На уровне растения причинно-следственные связи уже сложнее: физические причины действуют как и на низшем уровне — ветер качает дерево, будь оно живое или мертвое — но некоторые физические факторы действуют не просто как физическая причина, но одновременно как *стимулы*. Засветит солнце, и растение к нему повернется. Стоит растению наклониться слишком далеко в одну сторону, и корни с противоположной стороны укрепятся.

На уровне животного причины движения еще более сложны. Животное можно толкнуть, как камень; также можно стимулировать, как растение; но кроме того есть третий причинный фактор, исходящий изнутри — какие-то стремления, склонности и влечения совершенно нефизического рода, которые можно назвать *мотивами*. Собаку мотивируют, а значит двигают, не только физические силы и стимулы из внешнего мира, но и силы, идущие из ее «внутреннего пространства»: узнав хозяина, она прыгает от радости; узнав врага, ожесточенно лает.

На уровне животного мотивирующая причина может оказать воздействие, только если она физически присутствует. На уровне человека в этом нет необходимости. С осознанностью появляется еще одна причина движения — *воля*, то есть способность двигаться и действовать даже когда нет ни физического принуждения, ни физического стимула, ни мотивирующей силы. Вокруг понятия воли много споров: насколько она свободна? Мы рассмотрим этот вопрос позднее. Сейчас же нам необходимо просто признать, что на человеческом уровне возможно существование еще одного источника движения, который, похоже, отсутствует на любом низшем уровне, а именно движение на основании того, что можно назвать *интуицией*. Человек может перейти на другое место не потому, что существующие условия мотивируют его это сделать, но потому что он *предвидит* в уме определенные будущие события.

Этим новым даром, а именно способностью предвидеть то, что может произойти в будущем, бесспорно, в некоторой

степени наделено каждое человеческое существо. Между тем очевидно, что разные люди обладают этой способностью в очень разной степени и у большинства из нас она развита чрезвычайно слабо. Можно представить себе сверхчеловеческий Уровень Бытия, где интуиция присутствует в совершенном виде. Совершенное предвидение будущего поэтому можно считать божественной чертой, соотносящейся с совершенной свободой движения и совершенной свободой от пассивности. *Продвижение* от *физической причины* к *стимулу*, к *мотиву*, и, наконец, к *воле* тогда завершается совершенной волей, способной преодолевать все причинные силы, действующие на четырех известных нам Уровнях Бытия.

II

Продвижение от Пассивности к Активности схоже и тесно связано с *продвижением* от Необходимости к Свободе. Несложно заметить, что на уровне минерала присутствует лишь необходимость. Неодушевленная материя может быть только тем, чем она есть; она не имеет ни выбора, ни возможности «стать лучше» или как-либо изменить свою природу. Так называемая неопределенность на уровне ядерных частиц — лишь еще одно проявление необходимости, ибо полная необходимость означает отсутствие какого бы то ни было творческого начала. Как я уже упомянул, это аналогично нулевому измерению — ничто, в котором больше нечего определять. «Свобода» неопределенности на самом деле является прямой противоположностью свободы: это род необходимости, которую можно понять только в терминах статистической вероятности. На уровне неодушевленной материи нет «внутреннего пространства», где можно было бы собрать внутренние силы и способности. А как мы увидим, именно во «внутреннем пространстве» живет свобода.

Мало, если вообще что-нибудь известно о «внутреннем пространстве» растений, больше — о животных и очень много — о «внутреннем пространстве» человеческого существа: пространстве *личности*, творчества и *свободы*. Внутреннее пространство создается силами жизни, сознания и осознанности; но мы непосредственно ощущаем только наше собственное «внутреннее пространство» и свободу, которую оно дает *нам*. При внимательном рассмотрении оказывается, что большинство из нас большую часть времени ведут себя и действуют механически, как машины. Присущая лишь человеку сила осознанности спит, а человеческое существо, как животное, действует — более или менее разумно — исключительно в ответ на различные воздействия. Человек достигает уровня личности, уровня свободы, только когда использует свою силу осознанности. В эти мгновения он живет, а не им живут. Накопленный груз необходимости все еще определяет его действия, но что-то уже произошло, направление чуть-чуть изменилось. Это перемена будет практически незаметной, но множество проблесков осознанности могут привести много таких изменений и даже в определенный момент вывести человека на путь, противоположный тому, по которому он до этого двигался.

Спрашивать, свободен ли человек, это все равно как спрашивать, миллионер ли он. Нет, не миллионер, но может им стать. Он может поставить себе цель разбогатеть, точно так же он может поставить себе цель стать свободным. В своем «внутреннем пространстве» он может развить центр силы, так, чтобы сила его свободы превысила силу необходимости. Можно представить себе совершенное Существо, что всегда и неизменно полнейшим образом пользуется Своей силой осознанности (которая и является силой свободы), неподвластное никакой необходимости. Это — Божественное Существо, всемогущая высшая сила, совершенное Единство.

III

Мы также можем безошибочно распознавать четко выраженное *продвижение* к Интеграции и Целостности. Минерал не интегрирован. Неодушевленную материю можно делить и разделять без потери ее свойств и гештальта, просто потому что на этом уровне нечего терять. Даже на уровне растения внутреннее единство столь слабо, что порой части растения можно отрезать, и они продолжают жить и развиваться как отдельные существа. Животные — уже намного более целостные существа. Как биологическая система, высшее животное целостно, и его части не могут пережить отделения. Вместе с тем, интеграция на ментальном плане незначительна; другими словами, даже высшее животное достигает очень скромного уровня логичности и состоятельности, его память в целом слаба, а разум призрачен.

Очевидно, что человек наделен куда большим внутренним единством, чем любое существо ниже его, хотя интеграция, как то признает современная психология, не гарантирована ему от рождения, но остается одной из его главных задач. Как биологическая система он интегрирован самым гармоничным образом; в ментальном плане интеграция менее совершенна, но может быть значительно улучшена через обучение. Как *личность*, однако, как существо, наделенное силой осознанности, он обычно столь слабо интегрирован, что ощущает себя набором многих разных личностей, каждая из которых говорит «я». Классическое описание таких ощущений дано в послании Святого Павла Римлянам:

Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр, а потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех²⁶.

Интеграция означает создание внутреннего единства, центра силы и свободы, с тем, чтобы существо перестало быть просто объектом, которым играют внешние силы, а стало субъектом, действующим из своего «внутреннего пространства» в пространство вне себя. Одно из величайших схоластических высказываний об этом *продвижении к интеграции* содержится в *Summa contra Gentiles* Святого Фомы Аквинского:

Из всех вещей неодушевленные занимают самое низкое место, из них невозможна эманация иначе как через действие одного предмета на другой: так, огонь исходит из огня, когда внешнее тело преобразуется огнем, и обретает свойства и форму огня.

За неодушевленными предметами следуют растения, у которых эманация идет изнутри, постольку, поскольку присущие растению свойства обращаются в семя, которое, попав в почву, вырастает в растение. Таким образом, здесь мы впервые обнаруживаем жизнь, ибо живые существа — это те, которые могут подвинуть *себя* на действие, в то время как те, что могут двигать только внешними предметами — полностью безжизненны. Что-то внутри растений является причиной их формы — а это признак жизни. Между тем, жизнь растения несовершенна, ибо хотя эманация в нем идет изнутри, то, что исходит, проявляется очень постепенно и понемногу и в конце становится совершенно внешним. Так, сущность дерева постепенно выступает из него и со временем становится цветом, затем обретает форму плода, отличного от ветки, хоть и прикрепленного к ней, и, наконец, когда плод совершенен, он полностью отделяется от дерева и, падая на землю, производит своей семенной силой новое растение. Если внимательно разобраться в этом вопросе, то мы видим, что основной принцип этой эманации исходит извне, ибо дерево вбирает присущую ему сущность корнями из почвы, которая его питает.

Но кроме растений есть более высокая форма жизни — жизнь чувственной души, эманация которой, начинаясь вовне, заканчивается внутри. Кроме того, чем дальше идет эманация, тем глубже она проникает вглубь, ибо форма осязаемого предмета отпечатывается на внешних чувствах, затем переходит в воображение и, еще дальше, в хранилище памяти. Но в каждом процессе такой эманации начало и конец содержатся в разных субъектах, ибо чувственное восприятие не воспринимает самое себя. Таким образом жизнь такого рода превосходит жизнь растений, постольку, поскольку она глубже. Но и эта жизнь несовершенна, ибо эманация непременно идет от одной вещи к другой. Высшей же степенью жизни является жизнь разумная, ибо разум способен созерцать себя и может понять себя. Однако есть разные степени разумной жизни, ибо хоть человеческий ум и может познать себя, он делает первый шаг к познанию извне, ибо не может мыслить без мысленных образов внешних предметов... Соответственно разумная жизнь совершенней в ангелах, чей разум не отталкивается от чего-то внешнего, чтобы достичь познания самого себя, но знает себя самим собой. Но и их жизнь не достигает высшей степени совершенства... потому что для них понимать и быть — не одно и то же... Таким образом, совершеннейшая жизнь принадлежит Богу, чье понимание неотделимо от Его бытия²⁷.

Как бы ни была непривычна форма такого рассуждения современному читателю, из этого высказывания становится совершенно ясно, что «более высокий» всегда значит и предполагает «более внутренний», «более глубокий», «более личный», в то время как «более низкий» означает и предполагает «более внешний», «более поверхностный» и «менее личный».

Чем «глубже» предмет, тем менее видимым он, скорее всего, будет. *Продвижение* от Видимости к Невидимости —

еще одна грань великой иерархии Уровней Бытия. Нет нужды на этом долго останавливаться. Конечно же, термины «видимый» и «невидимый» относятся не только к зрению, но и всем внешним органам чувств. Силы жизни, сознания и осознанности, занимающие наше внимание при рассмотрении четырех Уровней Бытия, полностью «невидимы» — без цвета, звука, «поверхности», вкуса или запаха, а также без протяженности и без веса. Между тем, кто станет отрицать, что именно *они* интересуют нас более всего? Покупая пакетик семян, я хочу, чтобы они были живыми, а не мертвыми; а бессознательная кошка, будь она по-прежнему жива, все же не кажется мне настоящей кошкой, пока к ней не возвратится сознание. «Невидимость человека» ярко описал Морис Николь:

Все мы непосредственно видим тело другого человека. Вот движутся его губы, открываются и закрываются глаза, меняются очертания рта и линии лица, а тело в целом выражает себя в движении. Но *сам* человек невидим...

Если бы невидимая сторона человека была столь же явственно различима, сколь и видимая сторона, мы бы жили в *новом человечестве*. Но мы живем в видимом человечестве, человечестве *видимостей*...

Все наши мысли, эмоции, чувства, воображение, мечты, сны, фантазии *невидимы*. Все наши задумки, планы, секреты, стремления, все надежды, страхи, сомнения, заблуждения, всепривязанности, рассуждения, оценки, пустые мысли, неопределенности, все желания, страсти, склонности, ощущения, наши удовольствия и недовольства, симпатии и антипатии, отвращения и очарования, любовь и ненависть — сами по себе невидимы. А они и составляют «человека»²⁸.

Николь отмечает, что при всей кажущейся очевидности это вовсе не очевидно: «Постичь это чрезвычайно сложно... То,

что мы невидимы, для нас непостижимо. Мы не осознаем, что живем в мире невидимых людей. И не понимаем, что *жизнь — это прежде всего игра видимого и невидимого*²⁹. Есть внешний мир, предметы в котором видимы, то есть непосредственно доступны нашим органам чувств; и есть «внутреннее пространство», содержимое которого невидимо, то есть *непосредственно недоступно нам*, за исключением нашего собственного. Этой важнейшей мысли мы уделим место в одной из последующих глав.

Продвижение от полностью видимого минерала до в большей степени невидимой *личности* можно принять за указание на сверхчеловеческий Уровень Бытия, что совершенно невидим для наших органов чувств. Не удивительно, что большинство людей на протяжении большей части истории верили в реальность этого уровня и всегда утверждали, что точно так же, как мы можем научиться «видеть» невидимых людей вокруг нас, мы можем и развить способности «видеть» совершенно невидимые существа на более высоких, чем наш, уровнях.

(Как составитель философской карты я обязан нанести на нее эти важные проблемы с тем, чтобы было видно, где их место и как они связаны с другими, более знакомыми нам предметами. А исследование этой области или отказ от такового — личное дело читателя, путешественника или пилигрима.)

IV

Степень интеграции, внутреннего единства и силы непосредственно соотносится с тем, в каком «мире» живут существа разных уровней. Для неодушевленной материи нет «мира». Ее полная пассивность тождественна полной пустоте ее мира. У растения — свой «мир»: немного почвы, воды, воздуха, света и, возможно, чего-то еще, — «мир», ограниченный его скромными биологическими

потребностями. Мир любого высшего животного несравнимо больше и богаче, но по-прежнему определяется в основном биологическими потребностями; современные исследования психологии животных предоставили массу тому подтверждений. Однако животные обладают чем-то еще, например, любопытством, и их мир выходит за узкие биологические рамки.

Мир человека, опять же, несравнимо больше и богаче. И действительно, традиционная философия утверждает, что человек — *sapax universi*, способный объять всю вселенную. Но то, что человек на самом деле обнимет, зависит от его Уровня Бытия. Чем «выше» человек, тем больше и богаче его или ее мир. Например, человек, прочно укоренившийся в философии материалистического наукообразия, отрицающий реальность «невидимого» и ограничивающий свое внимание только тем, что можно посчитать, измерить и взвесить, живет в очень бедном мире, столь бедном, что воспринимать его можно не иначе как бессмысленную пустыню, в которой человеку и жить нельзя. Точно так же, если человек видит мир как всего лишь случайное соединение атомов, он непременно согласится с Берtrandом Расселом, говорившим, что единственное разумное отношение к жизни — это «неизбывное отчаяние».

Как было сказано, «то, какую жизнь ты живешь, полностью определяется твоим Уровнем Бытия»³⁰. За этим высказыванием нет мистических или ненаучных предположений. На низком Уровне Бытия мир очень беден, и подходит лишь для очень бедной жизни. Вселенная такова, какова есть, но тот, кто, хотя и *sapax universi*, ограничивает себя ее низшими сторонами — своими биологическими потребностями, животным комфортом или случайными связями — неизбежно «притянет» жалкую жизнь. Если все, что он признает — это «борьба за существование» и «воля к власти», усиленная хитростью, его «мир» будет соответствовать описанной Гоббсом жизни человека: «одинокая, несчастная, грязная, жестокая и короткая».

Чем выше Уровень Бытия, тем больше, богаче и прекраснее мир. Если продолжить Лестницу Бытия за пределы человеческого уровня, то становится ясно, почему Божественное считалось не просто *sapax universi* — способным объять всю Вселенную, но уже полностью ее обнимающим, всезнающим: «Не пять ли малых птиц продаются за два ассария? и ни одна из них не забыта у Бога»³¹.

Схожая картина возникает и при рассмотрении «четвертого измерения», времени. На низшем уровне время определяется только его продолжительностью. Для существ, наделенных сознанием, время определяется опытом, но опыт ограничен настоящим, за исключением случаев, когда прошлое притягивается в настоящее памятью (того или иного рода), а будущее — предвидением (также разного рода). Чем выше Уровень Бытия, тем шире настоящее, тем больше оно охватывает то, что на более низком Уровне Бытия является прошлым или будущим. На самом высоком, что только можно представить, Уровне Бытия, должно существовать «вечное сейчас». Может, что-то подобное описывают эти строки Откровения Иоанна Богослова:

И Ангел, которого я видел стоящим на море и на земле, поднял руку свою к небу и клялся Живущим вовеки веков, Который сотворил небо и все, что на нем, землю и все, что на ней, и море и все, что в нем, что времени уже не будет³².

V

Уже описанные *продвижения* можно дополнить почти бесконечным количеством новых, но настоящая книга не для этого. Читатель и сам сможет построить продвижения, которые его более всего интересуют. Быть может, его интересует вопрос «конечной цели». Допустимо ли объяснять

или даже описывать тот или иной феномен в теологических терминах, то есть как следующий к определенной цели? Нелепо отвечать на такой вопрос без упоминания Уровня Бытия, на котором этот феномен находится. Отрицать устремление к высшей цели на человеческом уровне так же глупо, как приписывать его уровню неодушевленной материи. Следовательно, нет причин предполагать, что следов или остатков устремления к высшей цели нельзя найти на уровнях между минералом и человеком.

Четыре великие Уровня Бытия можно представить себе перевернутой пирамидой, где каждый более высокий уровень включает в себя все более низкие и открыт воздействиям всех уровней выше него. Все четыре уровня присутствуют в человеке, которого, как мы видели, можно описать формулой:

$$\begin{aligned}\text{Человек} &= m + x + y + z \\ &= \text{минерал} + \text{жизнь} + \text{сознание} + \text{осознанность}\end{aligned}$$

Не удивительно, что многие учения описывают человека как имеющего четыре «тела», а именно

физическое тело	(соответствующее m)
эфирное тело	(соответствующее x)
астральное тело	(соответствующее y) и
«я» или Эго или Самость или Дух (соответствующее z)	

В свете понимания четырех великих Уровней Бытия разобраться в таких описаниях человека как существа с четырехмерной сущностью нетрудно. В некоторых учениях $m + x$ берутся вместе как живое тело (ибо мертвое тело вообще не представляет никакого интереса), и таким образом говорится о человеке как о трехмерном существе, состоящем из тела ($m + x$), души (y) и Духа (z). По мере того, как интересы человека все больше обращались к видимому миру, провести различие между душой и Духом

становилось все сложнее и поэтому его все чаще вообще опускали, а человека, таким образом, представляли как существо, состоящее из тела и души. Наконец, с расцветом материалистической науки даже душа исчезла из описания человека — как может она существовать, если ее ни взвесишь, ни измеришь? — и встала в ряд странных свойств сложного соединения атомов и молекул. Почему бы не принять так называемую «душу», набор удивительных сил, за *побочный продукт* материи, так же как таковым признали магнетизм? И вот Вселенная предстала уже не великой иерархической структурой Лестницы Бытия, но лишь случайным сочетанием атомов, а человек, традиционно понимавшийся как микрокосм, отражающий макрокосм (то есть структуру Вселенной), перестал восприниматься как *космос*, как значимое, хоть и загадочное, создание.

Если великий Космос видится всего лишь хаосом частиц без цели и смысла, то и на человека должно смотреть как на всего лишь хаос частиц без цели и смысла — возможно, как на чувственный хаос, способный мучаться и испытывать боль и отчаяние, но все же хаос (нравится ему это или нет) — как на весьма досадную, ни к чему не ведущую космическую ошибку.

Такую картину рисует современная материалистическая наука. Остается лишь один вопрос: похожа ли она то, что мы испытываем на самом деле? На этот вопрос каждому придется ответить самому. Тех, кто с благоговением и восхищением, изумлением и растерянностью созерцает четыре великие Уровня Бытия, не очень-то просто убедить, что есть только *большее или меньшее*, то есть горизонталь. Их разум не сможет не видеть *высшее или низшее*, то есть вертикальную шкалу и даже разрывы в ней. Тогда, увидев, что человек *выше* любых, пусть даже самых сложных, структур неодушевленной материи, и *выше* чем животные, какими бы развитыми они ни были, они увидят, что человек распахнут вверх, и, стоя не на *высочайшем* уровне, все же обладает потенциалом достигнуть совершенства.

Это самое важное прозрение, вытекающее из созерцания четырех великих Уровней Бытия: на уровне человека нет различного предела или потолка. Осознанность, отличающая человека от животного, — сила с безграничным потенциалом, что не только делает человека человеком, но и предоставляет ему возможность, даже потребность, стать сверхчеловеком. Как говорили схоласты, *homo non proprie humanus sed superhumanus est*, что означает: чтобы стать настоящим человеком, необходимо подняться над человеком обыденным.

ГЛАВА 4

СООТВЕТСТВИЕ — I

Как человек познает окружающий мир? «Знание требует органа, соответствующего объекту», — говорит Плотин (ум. 270 г.). Познание невозможно без соответствующего «инструмента» в познающем мир человеке. Это Великая Истина *«соответствия»*: знание определяется как *adaequatio rei et intellectus* — понимание познающего должно *соответствовать* (то есть быть *адекватным*) познаваемому предмету.

Еще одно высказывание Плотина: «Глаз никогда не увидит солнца, если сам прежде не уподобится солнцу, и душа никогда не узрит Изначальную Красоту, если сама не станет красивой». Джон Смит Платоник (1618-1652) говорил: «Только имея живой источник святости в самих себе, мы можем узнать и правильно понять творения Бога». Добавим высказывание Святого Фомы Аквинского: «Знание возможно лишь настолько, насколько познаваемый объект находится внутри познающего».

Мы говорили, что человек как бы *включает в себя* четыре великие Уровня Бытия, поэтому строение человека и строение мира в некоторой степени «однородны» и соответствуют друг другу. Эту очень древнюю мысль обычно выражали, называя человека «микрокосмом», который как-то «соотносится» с «макрокосмом», то есть с миром. Как и весь окружающий мир, человек является физико-химической системой, но кроме того он обладает невидимыми и таинственными силами жизни, сознания, и осознанности, которые он замечает и в других существах вокруг себя.

Человек с его пятью органами чувств *соответствует* низшему Уровню Бытия — неодушевленной материи.

Но органы чувств способны лишь снабдить нас массой чувственной информации, разобраться в которой мы можем только при наличии способностей и возможностей совсем иного порядка. Назовем их «органами разума». Без них невозможно узнать форму, закономерность, упорядоченность, гармонию, ритм и смысл, не говоря уже о жизни, сознании и осознанности. В то время как телесные органы чувств можно описать как относительно пассивные, просто передающие все происходящее вокруг и в большой степени управляемые умом, органы разума — это *ум в действии*, и их острота и широта — качества самого ума. Что до физических органов чувств, то все здоровые люди обладают очень схожими способностями, чего не скажешь о способностях умственных: не для кого не секрет, что сила и широта ума у людей очень различна.

Поэтому совершенно нереально определить границы умственных способностей «человека» как такового, как будто человеческие существа все одинаковы, словно животные одного вида. Несмотря на свою глухоту, Бетховен обладал несравнимо большими музыкальными способностями, чем большинство слышащих людей, и разница заключается не в органах слуха, но в уме. Некоторые люди не способны услышать и оценить то или иное музыкальное произведение не потому, что страдают глухотой, а из-за недостаточного умственного *соответствия*. Одни обладают настолько сильными умственными способностями, что могут усвоить и запомнить целую симфонию, единожды ее прослушав или просто прочитав партитуру; способности же других настолько слабы, что они вообще не могут ни понять, ни запомнить ее, как бы часто и внимательно ни слушали. Для первых симфония так же *реальна*, как и для написавшего ее композитора; для последних симфонии вообще не существует — есть лишь последовательность более или менее приятных, но совершенно бессмысленных шумов. Ум первых *соответствует* симфонии; ум последних *не соответствует*, и поэтому *не способен распознать существование симфонии*.

То же относится и ко всему разнообразию существующего и потенциального опыта человека. Для каждого из нас «существуют» только те факты и феномены, которым мы *соответствуем*, а поскольку мы никак не можем полагать, что непременно соответствуем всему, всегда и в любом состоянии, мы не вправе однозначно отрицать существование чего-то, недоступного нам, и выдавать это за плод воображения других людей.

Органы чувств способны фиксировать часть физических явлений, но есть еще и не физические явления, что остаются незамеченными, *если только* работа органов чувств не управляется и не дополняется определенными «более высокими» способностями ума. Некоторые из этих нефизических явлений представляют «степени значимости», если использовать термин, введенный Г. Н. М. Тиррелом. Он приводит следующий пример:

Возьмем книгу. Для животного она — просто предмет определенного цвета и формы. Любое более высокое значение книги не доступно его уровню мышления. И животное не ошибается: книга *действительно* предмет определенного цвета и формы. Поднимемся на ступень выше: необразованный дикарь может рассматривать книгу как набор знаков на бумаге. Так выглядит книга на уровне значения большем, чем у животного, соответствующем уровню мышления дикаря. Опять же такой взгляд верен, но книга *может* иметь и большее значение. Она может означать набор букв, расставленных по определенным правилам. Это книга на уровне значения более высоком, чем у дикаря... Наконец, на еще более высоком уровне, книга может нести смысл³³...

Во всех этих случаях «чувственные данные» одни и те же; глаз видит одни и те же явления. Но не глаз, а ум может определить «степень значимости». Люди говорят: «Пусть факты говорят сами за себя», — забывая, что изложение

фактов реально только тогда, когда их не только слышат, но и понимают. Считается, что не сложно отличить факт от теории, восприятие от интерпретации. На самом деле это чрезвычайно трудно. Когда мы видим полную луну прямо над горизонтом за силуэтами деревьев и зданий, ее диск нам кажется столь же большим, как и у солнца; полная же луна прямо у нас над головой кажется совсем маленькой. Каковы истинные размеры диска луны, воспринимаемого нашим глазом? Абсолютно одинаковые в обоих случаях. Но даже когда вы знаете, что это так, ум не даст вам так просто увидеть два диска одинакового размера. «Восприятие определяется не только воспринимаемым объектом, — пишет Р. Л. Грегори в книге «Глаз и мозг», — скорее это поиск наилучшей интерпретации имеющихся данных»³⁴. В этом поиске используется не только информация, доставляемая органами чувств, но и *другие знания и опыт*, хотя, по мнению Грегори, сложно сказать, насколько сильно восприятие зависит от опыта. Короче говоря, мы «видим» не просто глазами, но, кроме того, и большей частью наших умственных способностей. Но поскольку эти умственные способности очень различаются от человека к человеку, многие вещи неизбежно «видимы» некоторым людям, но невидимы другим. Или попросту говоря, одни люди *соответствуют* этим вещам, а другие нет.

Когда уровень познающего не соответствует уровню (или степени значимости) познаваемого объекта, имеет место не фактическая ошибка, но что-то куда более серьезное: неадекватное и ущербное восприятие реальности. Тиррел развивает свой пример таким образом:

Предположим, книга попала в руки разумных существ, которые ровно ничего не знают о значении письма и книгопечатания, но привыкли распознавать внешние связи между предметами. Пытаясь понять «суть» книги, они будут искать правила, по которым расставлены буквы на ее страницах... Они сформулируют определенные

законы внешней взаимосвязи букв и будут думать, что нашли суть книги. Им даже не придет в голову, что каждое слово и предложение выражает смысл, ибо их мышление составлено из понятий, касающихся только внешних взаимосвязей, а «объяснить» для них значит разгадать загадку этих внешних отношений... Их методы никогда не достигнут уровня значимости, содержащего понятие смысла³⁵.

Мир имеет иерархическую структуру, где необходимо различать «высшее» и «низшее». Также и органы чувств, способности и другие «инструменты», при помощи которых человек воспринимает и познает мир, являются иерархической структурой «высшего» к «низшего». «Что вверх, то и вниз», — говорили в древности. Это значит, что окружающий мир каким-то образом соотносится с нашим внутренним миром. Высшие уровни в мире более редки и исключительны, чем низшие: минералы вездесущи, жизнь — лишь тонкая пленка на поверхности Земли; сознание относительно редко; а осознанность — величайшее исключение. То же относится и к человеческим способностям. Низшими способностями, такими как зрение и умение считать, обладают все нормальные люди, в то время как более высокие способности, необходимые для восприятия и уяснения более тонких аспектов реальности, встречаются тем реже, чем выше мы поднимаемся.

Одни люди «от природы» наделены большими способностями, чем другие, но эти различия, скорее всего, имеют куда меньшее значение, чем разница в интересах и в том, что Тиррел называет «стереотипами мышления». Разумные существа из его аллегории не *соответствовали* книге, так как основывались на предположении, что имеют значение только «внешние связи между буквами». Их следует назвать научными материалистами, верящими в то, что объективная реальность ограничена тем, что поддается непосредственному наблюдению, и движимыми

неизменным нежеланием признать более высокие уровни или степени значимости.

Уровень значимости, на который пытается настроиться наблюдатель или исследователь, выбирается не умом, но верой. На наблюдаемых фактах не висят ярлыки с указанием того, на каком уровне их *должно* рассматривать. Однако выбор несоответствующего уровня не приводит ум к фактической ошибке или логическому противоречию. Все уровни значимости *вплоть до* соответствующего уровня, то есть до уровня *смысла* в примере с книгой, одинаково достоверны, одинаково логичны, одинаково объективны, но не одинаково *реальны*.

Выбор уровня исследования — дело именно веры. Отсюда афоризм “*Credo ut intelligam*” — вера наделяет меня способностью к пониманию. Если мне не хватает веры и, следовательно, я выбираю неподобающий уровень значимости для своих исследований, никакая дальнейшая «объективность» исследования не спасет меня от непонимания сути всего этого предприятия, и я лишаю себя самой возможности понимания. Тогда я буду одним из тех, о ком было сказано: «Они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют»³⁶.

Одним словом, имея дело с предметами более высокой степени значимости или Уровня Бытия, чем неодушевленная материя, наблюдатель зависит не только от соответствия собственных высоких качеств, быть может, «развитых» учением и тренировкой, но также от соответствия своей «веры» или, проще говоря, от своей системы ценностей. В этом отношении человек чаще всего заложник своего времени и культурных традиций, в которых он вырос, ведь человеческий ум оперирует мыслями, большинство из которых он просто перенял и усвоил от окружающего общества.

Критически осознать предпосылки собственного мышления чрезвычайно трудно. Глазами можно увидеть все окружающее, однако глаз, которыми мы смотрим,

увидеть невозможно. Можно напрямую изучить любую мысль, кроме мысли, посредством которой мы изучаем. Требуется особое усилие, усилие осознанности — почти невозможный подвиг замыкания мысли на самой себе — почти невозможный... Это и есть сила, которая делает человека человеком и открывает для него возможности идти дальше, за пределы человеческого. Эта сила лежит в том, что Библия называет «внутренностью» человека. Как мы уже отметили, «внутреннее» соответствует «высшему», а «внешнее» — «низшему». Органы чувств — самые внешние инструменты человека; когда «они видя не видят, и слыша не слышат», проблема не в органах чувств, а во внутренности, «ибо огрубело *сердце* людей сих... и не уразумеют *сердцем*»³⁷. Только через «сердце» можно соприкоснуться с более высокими степенями значимости и Уровнями Бытия.

Тот, кто погряз в современном материалистическом наукообразии, не сможет понять, что это значит. Он не верит ни во что выше человека, который, по его мнению, лишь высокоразвитое животное. Он утверждает, что истину можно обнаружить только мозгом, который в голове, а не в сердце. Поэтому «уразуметь сердцем» для него бессмысленное словосочетание. И он по-своему совершенно прав: мозга, расположенного в голове и снабжаемого информацией от органов чувств, совершенно достаточно, чтобы заниматься неодушевленной материей, низшим из четырех Уровней Бытия. И в самом деле, всяческое вмешательство «сердца» только мешало бы, а, может, и искажало бы его работу. Как ученый-материалист он верит, что жизнь, сознание и осознанность — всего лишь свойства сложных соединений неодушевленных частиц. С такой «верой» совершенно разумно полностью полагаться на органы чувств и интеллект и противостоять любому вмешательству «сил» сердца. Другими словами, более высокие уровни Реальности для него просто не существуют, *потому что его вера исключает возможность их существования*. Он похож на человека,

который, имея радиоприемник, не хочет его включать, потому что убедил себя, что из него ничего, кроме шума помех не слышно.

Вера не противоречит разуму и не заменяет его. Вера выбирает степень значимости и Уровень Бытия, на который будет направлен поиск знания и понимания. Вера бывает как разумной, так и нет. Поиск значения и смысла на уровне неодушевленной материи — проявление веры неразумной. То же самое относится и к попыткам «объяснить» шедевры человеческого гения стремлением заработать денег или дать выражение своим сексуальным проблемам. Вера агностика (если она не напускная), пожалуй, самая неразумная из всех, потому как вопрос значения для него вообще незначим. Это все равно что сказать (возвращаясь к примеру Тиррела): «Мне безразлично, чем является книга: просто предметом определенной формы и цвета, набором знаков на бумаге, набором букв, расставленных по определенным правилам, или выражением смысла». Не удивительно, что в религиозных традициях к агностикам всегда относились с явным презрением: «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих»³⁸.

Вряд ли можно считать неразумной веру людей, принимающих свидетельства пророков, мудрецов и святых, что на разных языках, но практически в один голос заверяли, что книга этого мира не просто цветная форма, но выражение смысла, что есть Уровни Бытия выше человеческого, и что человек может достигнуть этих высших уровней, если позволит вере стать проводником разума. Никто не описал возможное путешествие человека к истине более ясно, чем епископ гиппонский, Святой Августин (354-430):

Первый шаг вперед — это позаботиться о том, чтобы внимание было сосредоточено на истине. Конечно же вера не видит истину со всей ясностью, но у веры есть на истину чутье, подсказывающее ей, что верно, а

что нет. Вера еще не может видеть то, во что верит, но хотя бы уже с уверенностью знает, что это тем не менее истинно. Именно вера поможет овладеть скрытой, но несомненной истиной, побудит ум проникнуть в нее. Тогда формула «Поверь, чтобы смочь понять» (*Crede ut intelligas*) обретет свой полный смысл³⁹.

В свете разума можно видеть вещи, скрытые от органов чувств. Никто не отрицает, что именно так мы постигаем истинность математических и геометрических заключений. *Доказать* утверждение означает придать ему посредством анализа, упрощения или преобразования вид, в котором становится *видима* истина. Как только ум узрел истину, не нужны никакие другие доказательства, да и найти их не представляется возможным.

Можно ли при помощи разума видеть вещи, выходящие за пределы математики и геометрии? Опять же никто не отрицает, что мы *видим* смысл высказываний другого человека, даже когда он не очень ясно изъясняется. Наша повседневная речь — проявление способности *видеть* смысл и улавливать мысли, а это вовсе не то же самое, что мыслить и составлять мнения о чем-либо. Способность улавливать смысл ведет к проблескам понимания.

Для Святого Августина самое главное — это вера. *Вера подсказывает нам, что нужно понять*; она очищает сердце и тем самым делает рассуждения разума полезными; она позволяет разуму достичь понимания откровений Бога. Короче говоря, говоря о понимании, Святой Августин всегда имеет в виду плод размышления, которому вера проложила путь⁴⁰.

Как говорят буддисты, вера открывает «глаз истины», так же называемый «Глазом Сердца» или «Глазом Души». Святой Августин утверждал, что «жизнь нам дана для того, чтобы вылечить глаз сердца, которым можно зреть

Бога». Величайший суфийский поэт Персии, Руми (1207-1273), говорит о «глазе сердца, которому наши два глаза в подметки не годятся»⁴¹. Джон Смит Платоник утверждает: «Нам следует закрыть наши чувственные глаза и открыть ярчайший глаз понимания, глаз души. Так философ зовет силу нашего разума, что есть у каждого, но которой мало кто пользуется»⁴². Шотландский теолог, Ричард Сэнт-Виктор (ум. 1173), говорит: «Только внешние органы чувств воспринимают видимое, и один лишь глаз сердца видит невидимое»⁴³.

Сила «Глаза Сердца» рождает *прозрение* и значительно превосходит силу мысли, что порождает *мнения*. «Осознав ущербность философских мнений, — говорит Будда, — не принимая ни одно из них, добиваясь истины, я стал видеть»⁴⁴. Процесс постепенной и как бы естественной мобилизации разных присущих человеку способностей описан в одном буддийском тексте:

Человек не может сразу обрести высочайшее знание. Только постепенными тренировками, постепенным действием, постепенным раскрытием можно достичь совершенного знания. Но как? Ведомый доверием, человек приходит; придя, присоединяется; присоединившись, слушает; слушая, получает наставление; получив наставление, запоминает его; затем исследует смысл того, что запомнил; исследуя смысл, принимает; он принял, и рождается стремление; он размышляет; размышляя, он упорно работает над собой; и, упорно работая над собой, разумом познает саму высшую истину и, проникнув в нее посредством мудрости, *видит*⁴⁵.

Это процесс наработки *соответствия*, развития инструмента, способного видеть и таким образом понимать истину, что не просто информирует ум, но освобождает душу. «И познаете истину, и истина сделает вас свободными»⁴⁶.

Поскольку эти материи стали незнакомыми современному миру, может быть небесполезным процитировать современного автора, Мориса Николь:

Тогда начинает открываться мир *внутреннего* восприятия, отличный от внешнего восприятия. Появляется внутреннее пространство. *Творение мира начинается в самом человеке*. Сначала все во мраке; затем появляется свет, отдельный от мрака. В этом свете мы познаем форму сознания, по сравнению с которой наше обычное сознание — мрак. Этот свет всегда отождествлялся с истиной и свободой. Внутреннее восприятие себя, своей невидимой составляющей — это начало света. Это восприятие истины не имеет отношения к чувственному восприятию, но к восприятию истинности «идей», посредством которого, конечно же, наше чувственное восприятие очень возрастает. Путь самопознания ведет именно к этой цели, ибо невозможно познать себя, не обратившись вовнутрь... Эта борьба означает начало внутреннего роста человека, о котором по-разному (и в то же время всегда одинаково) писали на протяжении той небольшой части Истории, литература которой дошла до нас, и которую мы принимаем за всю историю человечества⁴⁷.

Процесс «обращения внутрь» мы подробнее рассмотрим в одной из последующих глав. Здесь же необходимо просто признать, что одна только чувственная информация не ведет ни к какому прозрению или пониманию. К прозрению и пониманию приводят *мысли*, а мир мыслей — в нас. В истинности идей не разобраться при помощи органов чувств, но только при помощи органа, который иногда называют «Глазом Сердца», обладающим таинственной способностью узнавать истину при встрече с нею. Если назвать плоды этой способности прозрением, а плоды ощущений опытом, можно сказать, что

1. О существовании, внешнем виде и изменениях предметов, воспринимаемых органами чувств, таких как камни, растения, животные и люди мы узнаем через опыт.

2. О значении этих предметов, о том, чем они могли бы быть и чем, возможно, им должно быть, мы узнаем через прозрение.

Наше чувственное восприятие, порождающее опыт, не дает нам соприкоснуться с более высокими степенями значимости и Уровнями Бытия, существующими в окружающем нас мире: оно не *соответствует* такой цели, ибо было создано только для восприятия *внешних* различий между существующими предметами, а не их *внутреннего* смысла.

Есть такая история: два монаха, заядлых курильщика, спорили, позволительно ли курить, совершая молитву. Прийти к общему заключению им не удавалось, и они решили спросить об этом у своих настоятелей. Один монах сильно прогневал своего аббата, а другого монаха его аббат похвалил. При следующей встрече первый с некоторым подозрением спросил у второго: «Ну и что же ты спросил у своего настоятеля?» «Я спросил, можно ли молиться во время курения», — был ответ. Хотя наши внутренние чувства безотказно отметят глубокую разницу между «молитвой во время курения» и «курением во время молитвы», внешние чувства вообще не видят никакой разницы.

Высшие степени значимости и Уровни Бытия невозможно постичь без веры и без помощи высших способностей внутреннего человека. Когда этими высшими способностями не пользуются по причине их отсутствия, либо потому, что неверие не позволяет ими воспользоваться, познающему не хватает *соответствия*, и в результате все, что принадлежит высшим степеням значения и Уровням Бытия, от него сокрыто.

ГЛАВА 5

СООТВЕТСТВИЕ — II

Согласно Великой Истине *соответствия* восприятие невозможно без соответствующего органа восприятия; понимание невозможно без соответствующего органа понимания. Уровень минералов можно познать в основном при помощи пяти органов чувств, усиленных самыми замысловатыми приборами. Они регистрируют видимые явления, но «внутренность» вещей и такие основополагающие невидимые силы, как жизнь, сознание и осознанность, так и остаются скрытыми. Как можно увидеть, услышать, пощупать, понюхать или попробовать на вкус *жизнь как таковую*? Она не имеет ни формы, ни цвета, ни текстуры поверхности, ни вкуса, не издает особых звуков и запахов. Между тем, раз мы *способны* распознать жизнь, у нас должен быть для этого орган восприятия, орган более «глубокий», а это значит более «высокий», чем органы чувств. Позднее мы увидим, что этот «орган» — жизнь внутри нас, бессознательные растительные процессы и чувства нашего живого тела, сосредоточенные в основном в солнечном сплетении. Таким же образом мы непосредственно узнаем *сознание* нашим собственным сознанием, сконцентрированным главным образом в голове. *Осознанность* мы можем узнать при помощи нашей собственной осознанности, которая находится, как в символическом, так и в прямом смысле, подтверждаемом физическими ощущениями, в районе сердца, глубочайшем и таким образом «высшем» органе человеческого существа.

Поэтому ответ на вопрос «При помощи каких органов человек познает окружающий мир?» неизбежно таков: «При помощи всего, чем он обладает» — живым телом, разумом и осознанным Духом.

Декарт убедил нас в том, что даже собственное существование можно распознать лишь при помощи мыслительных процессов в головном центре — “*Cogito ergo sum*” — я думаю, а, значит, существую. Но любой ремесленник вам скажет, что его знания заключаются не только в голове, но также в разумении тела: кончики его пальцев знают то, о чем ум не имеет никакого представления. Паскаль говорил, что «в сердце есть разум, о котором ум ничего не знает». Утверждая, что человек обладает множеством органов познания, мы, пожалуй, только сбиваем себя с толку, ибо на самом деле *весь человек* — один орган. Но стоит ему убедить себя в том, что внимания достойны только «данные», доставляемые пятью органами чувств в «механизм обработки информации» под названием мозг, и он ограничит свое знание Уровнем Бытия, которым *соответствуют* эти органы, то есть в основном уровне неодушевленной материи.

«В идеале для познания вселенной, — писал сэр Артур Эддингтон (1882-1944), — было бы достаточно лишь одного примитивнейшего зрения, не различающего даже цвета и объема»⁴⁸. А если так, если наука пишет картину Вселенной, воспринимая ее «одним глазом, к тому же не различающим цвета», то вряд ли можно ожидать увидеть на этой картине что-то большее, чем расплывчатый, примитивный механизм. Согласно Великой Истине *соответствия*, отказ от использования органов познания неизбежно сужает и обедняет реальность. Вряд ли кому-то этого *захочется*. Тогда как объяснить то, что это все же случилось?

В поисках ответа на этот вопрос мы вновь обращаемся к отцу современного прогресса, Декарту. Самоуверенности ему было не занимать. Он писал: «В своей книге я изложил истинные принципы, при помощи которых достижима высочайшая степени мудрости, составляющая высшее благо человеческой жизни. До сих пор у человечества были лишь гипотезы, но никогда не было несомненного знания чего бы то ни было... Но теперь человек повзрослел

и становится полноправным хозяином своей жизни, способным все познать при помощи интеллекта». Так Декарт заложил основы «восхитительной науки», построенной на *«самых очевидных и простых идеях, что могут быть непосредственно продемонстрированы»*⁴⁹. А что же, в конце концов, наиболее очевидно, просто и может быть непосредственно продемонстрировано? Именно количественные показания приборов, столь любимые сэром Артуром Эддингтоном*.

Зрением, ограниченным одним глазом, не различающим цвета, как низшим, самым внешним и поверхностным (то есть различающим лишь поверхности) органом человеческого познания, равно как и способностью считать, обладают в равной мере все нормальные люди. Стоит ли говорить, что *понимание* значения таким образом полученной информации требует более высоких, а значит более редких, способностей ума. Но не в этом дело. Дело же в том, что любую выдвинутую (быть может, гениальным человеком) теорию может «проверить» каждый, кто готов потратить определенное количество времени и сил. Знание, получаемое через показания приборов, таким образом, является *«всеобщим достоянием»*, доступным каждому, точным, несомненным, легко проверяемым, легко передаваемым и, самое главное, *практически неокрашенным какой бы то ни было субъективностью наблюдателя*.

* Смотри, например, книгу Эрнста Лерса «Человек или материя» (Ernst Lehms, *Man or Matter*, London, 1951. Pages 132-33.): «Как сказал профессор Эддингтон, физика — это «наука показаний приборов». Взглянем на это с нашей точки зрения: получается, что все измерительные инструменты, которые человек создал с самого начала науки, построены по подобию самого человека, ограниченного не различающим цвет и объем наблюдением. В таком положении ему больше ничего не остается, как отмечать положение стрелок и записывать, на какие цифры они указывают. Получается, что самый совершенный ученый-наблюдатель сам является главным измерительным инструментом».

Я уже упоминал, что зачастую чрезвычайно сложно добраться до голых фактов, не смешанных с мыслями, исходными предположениями и установками наблюдателя. Но что может добавить ум наблюдателя к показаниям прибора, не различающего цвета и объема? Что может добавить ум к счету? Ограничиваясь этим способом наблюдения, мы действительно устраняем субъективность и достигаем объективности. Но одно ограничение влечет за собой и другое: да, мы достигаем объективности, но обрести знание *объекта в его целостности* нам не удастся. Используемые нами инструменты выявляют только «низшие», самые поверхностные аспекты наблюдаемого предмета; все, что наполняет этот предмет смыслом, делает его значимым и интересным человеку, ускользает от нас. Не удивительно, что при таком способе наблюдения мир предстает «безжизненной пустыней», в которой человек — причудливая ошибка Космоса без всякого значения.

Декарт писал:

Я понял: мне следует начать с того же, чем занимаются математики, ибо только они сумели найти доказательства... При помощи длинных цепочек простейших и легчайших умозаключений математики приходят к самым сложным доказательствам. Это навело меня на мысль, что все предметы, доступные человеческому познанию, следуют друг за другом таким же образом и... нет предметов столь удаленных, чтобы их нельзя было достать, или столь скрытых, чтобы их нельзя было открыть⁵⁰.

Очевидно, что в математическую модель мира, о которой мечтал Декарт, укладываются лишь те аспекты реальности, которые можно представить в виде взаимосвязанных количественных показателей. Столь же очевидно, что хотя *чистого количества* не существует, количественные характеристики имеют наибольший вес на низшем Уровне Бытия. По мере продвижения вверх по Лестнице Бытия

важность количества снижается, а значение качества увеличивается, и за построение математической модели приходится платить потерей качественных характеристик, имеющих наибольшее значение.

Променяв «самое приблизительное знание высшего» (Фома Аквинский) на математически точное знание низшего, на «знание самое желанное и полезное в мире» (Кристиан Хугенс, 1629-1695), западная цивилизация перешла от «науки понимания» к «науке манипуляции». Первая служила просвещению и «освобождению» человека, вторая — достижению власти. «Знание — это власть», — сказал Фрэнсис Бэкон, а Декарт пообещал, что человек станет «хозяином и властелином природы». Усложняясь и развиваясь, «наука манипуляции» почти неизбежно переходит от манипуляции природой к манипуляции человеком.

«Науку понимания» часто называли *мудростью*, а термином «наука» обозначали «науку манипуляции». Такое различие проводили многие философы, в том числе и Святой Августин. Этьен Гилсон так излагает его мысли:

Истинное отличие одной науки от другой заключается в природе их предметов. Предмет мудрости таков, что требует от человека проявления высших способностей разума, и хотя бы по этой причине его нельзя использовать во зло; предмет же науки по причине своей материальности постоянно рискует попасть в когти алчности. Отсюда можно провести различие между наукой, подчиненной алчности (а это неизбежно, когда наука становится самоцелью), и наукой, служащей мудрости и направленной на достижение высшей добродетели⁵¹.

Это различие чрезвычайно важно. «Наука манипуляции», подчиненная мудрости, то есть «науке понимания», являет собой ценнейший инструмент, использование

которого не может принести вреда. Но люди перестали стремиться к мудрости, и наука манипуляции уже давно вышла из ее подчинения. Такова история западной мысли со времен Декарта. Старая наука, «мудрость» или «наука понимания» была устремлена в основном «к высшей добродетели», то есть к Истине, Добру, Красоте, знанию которых приносит счастье и спасение. Новая наука в основном направлена на достижение материальной власти. Со временем эта тенденция приобрела такой размах, что усиление политической и экономической мощи теперь считается основной задачей и главным обоснованием расходов на научную работу. Старая наука рассматривала природу как творение Бога и Мать человека; новая наука склонна смотреть на природу как на врага, которого необходимо покорить, или на ресурс, подлежащий разработке и эксплуатации.

Но самое большое и значимое отличие между двумя науками — это их взгляд на человека. «Наука понимания» видела человека созданным по образу Бога, венцом творения, и следовательно «хранителем» мира, ибо *noblesse oblige*. Для «науки манипуляции» человек всего лишь случайный продукт эволюции, высшее коллективное животное и предмет изучения теми же методами, которыми «объективно» изучают и другие феномены в этом мире. Мудрость — это знание, которое можно приобрести только через подключение высших и благороднейших сил разума. В «науке же манипуляции», напротив, для получения знания достаточно использовать лишь способности, доступные каждому (кроме изувеченных калек), в основном считывание показаний приборов и счет. Нет никакой надобности понимать, почему работает та или иная формула, для практических целей вполне достаточно знать, что она *действительно* работает.

Таким образом, эти знания являются публичными: их можно описать в точных общепринятых терминах и сделать понятными для любого человека. Если эти знания

описаны правильно, то доступ к ним открыт любому. Знания, относящиеся к более высоким Уровням Бытия, не могут быть столь же доступными и «открытыми» просто потому, что их невозможно описать в терминах, которым бы *соответствовал* каждый. Считается, что «научными» и «объективными» можно назвать лишь знания, открытые публичной проверке на истинность; все же другие отбрасываются как «ненаучные» и «субъективные». Это совершенно ненадлежащее использование терминов «субъективный» и «объективный», ибо любое знание «субъективно», поскольку может существовать только в уме человека. Разделение же знания на «научное» и «ненаучное» только сбивает с толку, поскольку в отношении знания справедливо говорить лишь о его истинности.

С уничтожением остатков «науки понимания», или «мудрости», в западной цивилизации быстрое и постоянно ускоряющееся накопление «знания манипуляции» становится все более опасным. Теперь мы слишком умны, чтобы выжить без мудрости, и дальнейшее увеличение нашей учености не принесет никакой пользы. То, что научные интересы человека обращены почти исключительно к «науке манипуляции», имеет по крайней мере три очень серьезных последствия.

Во-первых, пренебрегая изучением таких «ненаучных» вопросов, как «В чем смысл и цель существования человека?» «Что — добро, и что — зло?» и «Каковы непреложные права и обязанности человека?» цивилизация неизбежно погрязает в муках, отчаянии и неволе. Здоровье и благополучие людей постоянно ухудшается, несмотря на рост уровня жизни и успехи «здравоохранения» в продлении их жизни. Дело не много, не мало в том, что «не хлебом единым жив человек».

Во-вторых, из-за методичного ограничения научных исследований самыми поверхностными и материальными аспектами Вселенной мир предстает столь пустым и бессмысленным, что даже тех, кто понимает ценность и

необходимость «науки понимания» зачаровывает якобы научная картина мира, и они теряют желание и мужество обращаться к мудрости древних традиций человечества и пользоваться ею. Из-за методологических ограничений и систематического игнорирования более высоких уровней научные данные не содержат никаких свидетельств существования этих уровней. Круг замыкается: вместо того, чтобы воспринимать веру проводником разума к пониманию более высоких уровней, на нее смотрят как на враждебную разуму и отрицающую его, и поэтому ее саму отвергают. Все пути к спасению оказываются перекрытыми.

В-третьих, высшие способности человека, более не задействованные для получения знания и мудрости, постепенно атрофируются или вовсе отмирают. В результате все проблемы, стоящие перед обществом или отдельными людьми, становятся неразрешимыми. И чем энергичней люди берутся за решение своих проблем, тем больше неразрешенных и на первый взгляд неразрешимых проблем становится. Благополучие и богатство продолжает расти, а «качество» самого человека идет на убыль.

II

В идеале структура человеческого знания должна соответствовать структуре реальности. Тогда на высшем уровне мы находим «знание для понимания» в его чистом виде, на низшем — «знание для манипуляции». Понимание позволяет ответить на вопрос «*что* делать?», а «знание для манипуляции» помогает решить, *как* это сделать, то есть как эффективно действовать в материальном мире.

Чтобы действовать успешно, нужно предвидеть вероятные результаты различных направлений действия и выбрать направление, наилучшим образом подходящее для наших целей. Поэтому справедливо сказать, что на этом уровне цель знания — предвидение и управление. Наука сводится

к систематическому описанию существующих феноменов и формулировке предписаний. Каждое предписание — условное предложение типа «если хочешь этого достичь — предприми такие то шаги». Такое предложение должно быть как можно короче и четче, и не должно содержать мыслей или понятий, которые не являются строго необходимыми, а инструкции должны быть точными, и оставлять как можно меньше свободы для исполнителя. Проверка таких инструкций — дело практики: чтобы убедиться в действенности рецепта приготовления пирога, нужно его попробовать. Высшие достижения такой науки чисто практичны и объективны, то есть не зависят от характера и интересов исполнителя, их можно измерить, записать и воспроизвести. Такое знание «принадлежит народу», и дает силу каждому, кому удастся им овладеть: даже подлецы и негодяи могут использовать его для гнусных дел. (Поэтому неудивительно, что постоянно предпринимаются попытки засекретить части этого «общенародного» знания!)

На более высоких уровнях сами понятия предсказания и управления становятся все более спорными и даже нелепыми. Теолог, стремящийся к обретению знаний Уровней Бытия выше человека, ни на мгновение не задумывается о предсказании, управлении или манипуляции. Все, чего он ищет, — это понимание. Его бы несказанно удивила предсказуемость на этом уровне. Все, что предсказуемо, является таковым только по причине «постоянства природы», а чем выше Уровень Бытия, тем меньше постоянства и больше гибкости. «Богу все возможно»⁵², а свобода действия атома водорода чрезвычайно ограничена. Поэтому науки, изучающие неодушевленную материю — физика, химия, астрономия — могут достигнуть практически совершенных способностей предсказания; более того, они могут быть завершены и утверждены раз и навсегда, как это якобы произошло с механикой.

Человеческие существа легко предсказуемы как физико-химические системы, менее предсказуемы как живые

организмы, еще значительно менее предсказуемы как сознательные существа и вряд ли вообще предсказуемы как осознанные личности. Причина этой непредсказуемости не в недостатке *соответствия* со стороны исследователя, но в природе свободы. Перед лицом свободы «знание для манипуляции» невозможно, а «знание для понимания» необходимо. Почти полное исчезновение последнего из западной цивилизации вызвано ничем иным как систематическим пренебрежением традиционной мудростью, запасы которой на Западе не меньше, чем в любой другой части света. В результате трехсот лет одностороннего развития западный человек стал богат средствами, но беден целями. Иерархия его знания обезглавлена: его воля парализована, потому что он потерял всякую почву для выстраивания иерархии ценностей. Каковы его высшие ценности?

Под высшими ценностями человека понимается что-то, что хорошо само по себе и не требует никакого обоснования еще более высокими ценностями. Современное общество гордится своим «плюрализмом» и признает множество вещей «хорошими сами по себе» и являющимися целью, а не средством к достижению цели. Все они равнозначны и могут служить *главным приоритетом*. Если то, что не требует обоснования, назвать «абсолютом», современный мир, *утверждающий*, что все относительно, на самом деле молится на огромное количество «абсолютов». Всех их и не перечислить; здесь мы не станем даже пытаться это делать. Не только власть и богатство считаются хорошими сами по себе (при условии, что они мои, а не чьи-то еще), но и знание ради знания, скорость перемещения, размер рынка, стремительность перемен, объем образования, количество больниц, и проч., и проч. На самом же деле ни одна из этих священных коров прогресса не является истинной целью, все они — средства, выдаваемые за цели. «В преисподней мира знания», — говорит Этьен Гилсон,

есть особое наказание за такого рода грехи — это возвращение к мифам... Мир, потерявший христианского Бога, неизбежно походит на мир, еще его не обретший. Как и эпоха Фалеса и Платона, наша современность «кишит богами». Среди них — слепая Эволюция, ясноокий Ортогенез, великодушный Прогресс и другие, коих лучше не называть по имени. Зачем без нужды оскорблять чувства людей, поклоняющихся им сегодня? Но важно понять: человечество обречено на жизнь под чарами разрастающейся новой научной, общественной и политической мифологии, если только решительно не изгонит эти одурманивающие понятия, что оказывают ужасающее воздействие на современный мир... Ведь когда боги воюют между собой, люди гибнут⁵³.

Когда столько богов конкурируют между собой и претендуют на главенство, но нет верховного бога, высшей добродетели или ценности, которой бы измерялось все остальное, общество неизбежно сползает в хаос. Современный мир полон людей, которых Гилсон называет «мнимыми агностиками, в ком научные познания и общественное великодушие сочетается с полным отсутствием философской культуры»⁵⁴. Пользуясь престижем «науки манипуляции», они безжалостно *разочаровывают* людей, пытающихся восстановить целостность человеческого знания, *заново* развивая «науку понимания».

Что движет ими? Может, страх? По мнению Абрахама Маслоу, занятие наукой часто является защитой. «Возможно, это в основном стремление к безопасности, защитная система, сложный способ избежать беспокойства и упредить проблемы. Подчас научные занятия даже превращаются в бегство от жизни, в некоторого рода самозаточение»⁵⁵.

Хотя изучение психологии ученых и не входит в круг стоящих перед нами задач, необходимо отметить, что, несомненно, они упорно бегут от традиционного понимания человеческого назначения, долга и ответственности,

пренебрежение которыми может быть грешно. Несмотря на весь хаос и страдания современного мира, он категорически отвергает понятие греха. Но что же такое грех? Традиционно это слово означало «промах», огреху, как в стрельбе. Это значит пройти мимо самой сути жизни человека на земле; жизни, предоставляющей уникальные возможности для развития; жизни, что являет собой огромную удачу и, как говорят буддисты, редкую привилегию. «Наука манипуляции» не способна ни подтвердить, ни опровергнуть мудрость веков; проверить ее можно только теми высшими способностями человека, которые *соответствуют* «науке понимания». Если за последней не признают даже права на существование и систематически отрицают все, что с ней связано, то высшие способности никогда не используются и атрофируются, и тогда исчезает сама возможность сначала понять, а потом и достичь цель жизни.

Уильяму Джеймсу (1842-1910) было ясно, что для каждого из нас этот вопрос является в основном делом воли. И в самом деле, *вера* традиционно считалась делом воли.

Мы сами по собственной воле решаем, иметь нам какие-либо моральные убеждения или нет. Истинны они или ложны? А, может, различий между добром и злом вообще не существует, а моральные предпочтения определяются биологическими процессами нашего тела и, следовательно, та или иная вещь хороша или плоха только для *нас*? Если сердце не *хочет*, чтобы мораль была реальностью, то уж конечно голова никогда в нее не поверит. Да и дьявольский скептицизм займет голову куда лучше самого продвинутого идеализма⁵⁶.

Современный мир скептически смотрит на все, что требует высших способностей человека. При этом он отнюдь не скептичен по отношению к скептицизму, который и вовсе ничего не требует.

ГЛАВА 6

ЧЕТЫРЕ СФЕРЫ ПОЗНАНИЯ: 1

Для составления нашей философской карты и путеводителя мы выбрали несколько ориентиров. Первым из них стала иерархическая структура мира, четыре великих Уровня Бытия, где каждый более высокий уровень обязательно включает в себе все нижестоящие уровни.

Второй ориентир — соответствие между человеческими органами восприятия, познавательными и другими способностями с одной стороны и миром с другой. Любую часть, любой аспект вселенной можно познать, только имея и используя соответствующий орган восприятия. Если требуемый орган отсутствует или не используется, то мы не *соответствуем* данной части или аспекту мира и в результате для нас он просто не существует. Это Великая Истина «соответствия».

Получается, что, не пользуясь органами познания и не развивая свои познавательные способности, мы неизбежно воспринимаем мир менее значимым, богатым, интересным, чем он есть на самом деле. И наоборот: используя органы познания, которые по той или иной причине обычно дремлют, и систематически их совершенствуя, мы открываем новый смысл, новые богатства, новые интересы — ранее недоступные нам аспекты мира.

Как мы видели, в стремлении к объективности и точности современные науки крайне ограничили использование человеком инструментов познания. По выражению некоторых ученых и писателей, научное восприятие можно свести к наблюдению количественных различий, доступных не различающему цвета необъемному зрению. С такой методологией человек неизбежно видит мир ограниченным

низшим проявленным уровнем, уровнем неодушевленной материи. Тогда получается, что более высокие Уровни Бытия, включая человека, — всего лишь довольно сложные соединения атомов. Давайте рассмотрим этот вопрос немного подробнее. Если современная методология рисует неполную, одностороннюю, и лишенную всех важнейших качеств картину, то применение каких методов позволит получить полную картину?

Мы не раз отмечали, что для каждого из нас реальность делится на две части: вот я, а вот все остальное — мир, включая других людей.

Мы рассмотрели и другую двойственность: деление на видимое и невидимое или, так сказать, на внешнюю видимость и внутренний опыт. Последний становится относительно все более значимым по мере продвижения вверх по Великой Лестнице Бытия. Хотя внутренний опыт, безусловно, существует, его нельзя наблюдать нашими обычными органами чувств.

Из этих двух пар

«Я» и «Мир»

«Внешняя Видимость» и «Внутренний Опыт»

получается четыре «сочетания», которые можно обозначить таким образом:

1. Я — внутреннее	3. Я — внешнее
2. Мир (ты) — внутреннее	4. Мир (ты) — внешнее.

Это *Четыре Сферы Познания*, каждая из которых необыкновенно важна и представляет огромный интерес для каждого из нас. Четыре вопроса, ведущие в эти сферы познания, можно сформулировать так:

1. Что же происходит в моем внутреннем мире?
2. Что происходит во внутреннем мире других существ?

3. Как я выгляжу в глазах других существ?
4. Что же я вижу в мире вокруг меня?

Если максимально упростить эти вопросы, то получится:

1. Что чувствую я?
2. Что чувствуешь ты?
3. Как я выгляжу?
4. Как ты выглядишь?

(Нумерация этих четырех вопросов и, следовательно, Четырех Сфер Познания, конечно же, произвольна.)

Сразу бросается в глаза, что мы имеем непосредственный доступ только к двум из Четырех Сфер Познания — Сфере 1 и Сфере 4. Другими словами, я непосредственно ощущаю, что значит «быть мной», и вижу, как выглядишь ты, но не могу напрямую ощутить ни что значит «быть тобой», ни как я выгляжу со стороны. Как обрести знание сфер 2 и 3, напрямую *недоступных* нам, то есть как нам узнать и понять, что происходит *внутри* других существ (Сфера 2) и как мы выглядим *снаружи*, просто как объект наблюдения, как одно из множества других существ (Сфера 3)? Овладение этими двумя сферами познания — действительно один из самых интересных, а также жизненно важных вопросов.

В платоновском диалоге «Федр» Сократ говорит: «Согласно дельфийской надписи, следует сначала познать самого себя; по-моему, смешно, не зная себя самого, исследовать чужое». Давайте последуем этому примеру и начнем со *Сферы Познания № 1*: Что же на самом деле происходит внутри меня? Что приносит мне радость, а что — боль? Что делает меня сильнее, а что — слабее? Где я управляю жизнью, а где жизнь управляет мной? Подвластен ли мне мой ум, мои чувства, могу ли я делать то, что хочу? Каково значение самопознания для жизни?

Прежде чем мы углубимся в эти вопросы, следует заметить, что по всему свету и во все времена были

высказывания, сходные с вышеприведенными словами из «Федра» Платона. Ограничусь несколькими:

Фило Юдеус (Александрия, конец первого века до н. э.):

Прошу, не рассказывайте пустых сказок про Луну и Солнце и другие тела на небе и во вселенной, расстояние до которых столь велико, а природа которых столь различна, не разобравшись сначала в себе и не поняв себя. После этого мы, может быть, и поверим вам, когда вы заговорите о других предметах; но пока вы не установили, кто вы сами, не думайте, что сможете судить или быть надежным свидетелем в других делах.

Плотин (древний Рим, 205?-270):

Погрузись в себя и смотри. И если увидишь, что ты еще не красив, то поступай как скульптор, творящий красоту: он убирает здесь, сглаживает там, делает эту линию тоньше, другую чище, до тех пор, пока из мрамора не выступит красивое лицо. Так и ты: не опускай долото и непрерывно работай над своей статуей.

Theologia Germanica (средневековая Европа, 1350 г.):

Доскональное знание себя — это прежде всего искусство, высшее из всех искусств. Если ты хорошо знаешь себя, то ты лучше и достойнее в глазах Бога, чем тот, кто, не зная себя, понимает законы неба, всех планет и звезд, свойства всех трав, строение и предпочтения всех людей и природу всех зверей — и во всем этом обладает высочайшим мастерством на небе и на земле.

Парацельс (1493?-1541), один из образованнейших людей Европы своего времени, обладавший высочайшим знанием «свойств всех трав»:

Люди не знают самих себя и, следовательно, не понимают происходящее в их внутреннем мире. Каждый человек от рождения наделен божественной сутью и всей мудростью и силой мира; он обладает в равной степени всеми видами знания, и тот, кто не находит в себе то, что там есть, не может сказать, что он этим не обладает, а лишь что он плохо ищет.

Свами Рамдас (Индия, 1886-1963):

«Ищи внутри — познай себя», — эти тайные и тонкие намеки из уст святых доносятся до нас из глубины веков.

Азид ибн Мухаммед аль-Насафи (исламский мир, седьмой–восьмой век):

И Али спросил Магомета: «Что мне делать, чтобы не тратить время впустую?» «Узнай себя», — ответил пророк.

Дао Дэ Цзин Лао Цзы (Китай, 604?-531 до н. э.):

Тот, кто знает других, мудр;
Тот, кто знает себя, свят⁵⁷.

Наконец, давайте послушаем писателя двадцатого века, П. Д. Успенского (1878-1947), излагающего свою «основополагающую мысль»:

Человек в знакомом нам виде — *неполное существо*. Природа развивает его до определенного уровня и затем предоставляет ему выбор: развиваться дальше, *своими собственными* усилиями и средствами, жить и умереть таким, каким он был рожден, или опуститься и потерять способность к развитию.

Эволюция человека означает развитие определенных *внутренних* качеств и черт, которые обычно остаются неразвитыми, и не могут развиваться сами по себе⁵⁸.

При всем обилии новых психологических теорий и литературы, современный мир мало что знает о самопознании. По словам Успенского, «психологию иногда называют новой наукой. Это не так. Возможно, психология — *древнейшая наука* и, к сожалению, в сущности *наука забытая*». Эта «сущность» выражалась в основном через религиозные учения, и ее исчезновение во многом объясняется упадком религии в последние века.

Традиционная психология видела в людях «пилигримов» и «путников» на этой земле, что могли взобраться на вершину горы «спасения», «просветления» или «освобождения», и в основном занималась не больными, которых нужно сделать «нормальными», но нормальными людьми, способными и, более того, призванными стать сверхнормальными. Идея «Пути» составляет основу многих великих учений: название китайского учения даосизма исходит от слова *дао*, «Путь»; учение Будды называют «Срединным Путем»; а Иисус Христос Сам говорил: «Я путь». Задача пилигрима — предпринять *путешествие вовнутрь*, которое требует некоторого героизма и непременно готовности иногда пренебрегать мелочными заботами повседневной жизни. Как показывает Джозеф Кэмпбелл в замечательном исследовании «Тысячеликий герой», традиционные учения, большая часть которых имеют форму мифов, «не считают величайшим героем просто добродетельного человека. Добродетель — всего лишь педагогическая прелюдия к вершине прозрения, идущей далеко за пределы всех противоположностей»⁵⁹. Только идеально чистому восприятию открывается идеально ясная картина.

Не стоит полагать, что *путешествие вовнутрь* — только для героев. Да, оно требует внутренней целеустремленности, а любое устремление к неизвестному героично. Но такой

героизм под силу каждому человеку. Очевидно, что изучение «Первой Сферы Познания» требует от человека всех его качеств, ибо только человек целостный может справиться с задачей. Одноглазый, не различающий цвета наблюдатель вряд ли продвинется далеко на этом пути. Но как задействовать человека в его целостности, как подключить высшие качества человеческого существа? Рассматривая четыре Уровня Бытия, мы признали огромное превосходство человеческого уровня над животным, и обнаружили, что «дополнительная сила» z , определяющая это превосходство, тесно связана с *осознанностью*. Без осознанности изучить внутренний мир человека невозможно.

Осознанность же тесно связана с силой внимания или, скорее, способностью *направлять* внимание. Большую часть времени мое внимание, зачастую помимо моей воли, *захвачено* внешними силами — формами, звуками, цветами, и т. д. — или же внутренними переживаниями — ожиданиями, страхами, волнениями, любопытством, и т. д. При этом я работаю почти как машина: не я *делаю* дела, они просто *случаются*. Однако у меня всегда есть возможность взять дело в свои руки и совершенно свободно и по своей воле *направлять* внимание к чему я пожелаю, к чему-то, что не захватывает меня, но что захватываю я. Разница между направленным и захваченным вниманием — такая же, как между *деланием* дел и пусканием всего на самотек, или между «я живу свою жизнь» и «жизнь живет меня». Нет предмета более интересного и важного для всех традиционных учений и в то же время предмета, встречающего больше пренебрежения, непонимания и извращения в мышлении современного мира, чем осознанность и контроль за своим вниманием.

В книге «Йога» Эрнест Вуд говорит о состоянии, которое он (как я понимаю, ошибочно) называет созерцанием:

Да, мы часто «забываем себя». Мы заглядываем в чей-то кабинет и, отойдя два шага от двери, шепчем друзьям: «Его там нет, он думает». Я знаю одного

человека, которому часто приходилось читать лекции на глубокомысленные темы. По его словам, он приобрел способность полностью отключаться — забывать себя — в начале лекции и мысленно смотреть на свою тему как на карту, по которой он проделывал путь, в то время как поток слов свободно тек от одной рассматриваемой идеи к другой. Он говорил мне, что осознавал себя лишь пару раз за всю лекцию. К концу же лекции, садясь на стул, он удивлялся, что это он ее прочел. При этом он все прекрасно помнил⁶⁰.

Это наглядный пример человека-машины, исполняющего написанную заранее программу. *Он*, программист, больше не нужен и может ментально отсутствовать. Если машина выполняет хорошую программу, то лекция удастся, а если плохую программу, то нет. Возможность выполнять «программы» знакома каждому из нас: например, мы можем вести машину и вести интересный разговор в одно и то же время. Что парадоксально, мы можем вести «внимательно», осторожно и вежливо по отношению к другим, но при этом все наше истинное внимание будет сосредоточено на разговоре. А можем ли мы направить внимание на желаемый объект и удерживать его несмотря на отвлекающие внимание факторы, столь долго, сколь мы пожелаем? Нет. Такие моменты полной свободы и осознанности чрезвычайно редки. Большую часть жизни мы проводим в каком-то рабстве; мы захвачены тем или другим, переходим из плена в плен и выполняем программы, которые были загружены в нашу машину, неизвестно как, когда и кем.

Таким образом, первый предмет изучения в Первой Сфере Познания — это *внимание*, что прямиком ведет нас к изучению нашей механистичности. Лучший из известных мне помощников в этом исследовании — книга П. Д. Успенского «Психология возможной эволюции человека».

Успенский отмечает, что человек всегда находится в одном из трех «состояний» или «частей себя» — механическом,

эмоциональном или разумном. Это не сложно проверить на себе. Главный критерий различения этих трех «частей» — качество нашего внимания. «Если внимание отсутствует или болтается туда-сюда, мы в механической части; если внимание увлечено и удерживается предметом наблюдения или размышления, то мы в эмоциональной части; если мы управляем вниманием и усилием воли удерживаем его на предмете, мы в разумной части»⁶¹.

Для того же, чтобы осознавать, где наше внимание и что оно делает, нам настоятельно необходимо *проснуться*. Действуя, думая или чувствуя *механически*, как запрограммированный компьютер или другая машина, мы не бодрствуем и все делаем, думаем и чувствуем не по своей воле. Мы не выбирали, что нам делать, думать или чувствовать. Может, мы после скажем: «Я не хотел» или «Не знаю, что на меня нашло». Мы можем намереваться, обещать и даже клясться сделать много чего, но если мы в любой момент можем сделать «то, что не хотели» или увлечься тем, что «на нас нашло», то наши намерения и гроша ломаного не стоят. Когда мы не бодрствуем в своем внимании, мы уж конечно не осознанны и, следовательно, не полностью человечны и склонны беспомощно действовать в соответствии с неуправляемыми внутренними порывами или внешними обстоятельствами, как животные.

Человечество изучило эти жизненно важные явления задолго до появления современной психологии. Традиционная мудрость, включая все великие религии, всегда описывала себя как «Путь», ведущий к некоему пробуждению. Буддизм называли «Учением Пробуждения». На протяжении всего Нового Завета людей призывают бодрствовать, наблюдать, не спать. В начале «Божественной комедии» Данте *оказывается* в сумрачном лесу и не знает, как он там очутился: «настолько сон его опутал ложью, что он сбился с верного пути». Не физический сон — враг человека, но блуждание и инертное движение его внимания, которое делает его некомпетентным, жалким, не полностью

человечным. Безосознанности, то есть сознания, сознающего себя, человек лишь воображает, будто он управляет собой, будто у него свободная воля и он способен следовать своим намерениям. На самом деле, как бы сказал Успенский, он обладает не большей свободой формулировать намерения и следовать им, чем машина. Он обладает такой свободой только в редкие мгновения осознанности, и его важнейшая задача — тем или иным способом сделать осознанность постоянной и управляемой.

В разных религиях предлагаются различные пути к этой цели. «Сердце буддийской медитации» — это *сатипаттхана*, или осознанность. Один из выдающихся буддийских монахов нашего времени, Ньянапоника Тхера, начинает свою книгу на эту тему такими словами:

Эта книга издается в глубоком убеждении, что систематическое развитие Должной Осознанности, которому учил Будда в Беседе о Сатипаттханае, по-прежнему указывает простейший, самый прямой, тщательный и эффективный метод тренировки ума как для решения его повседневных задач и проблем, так и для достижения его высшей цели — полного и абсолютного освобождения от Зависти, Ненависти и Невежества...

Практика этого древнего Пути Осознанности столь же применима сегодня, как и две с половиной тысячи лет назад. Она одинаково применима на Западе и Востоке, в мирской суете и в тишине монашеской кельи.

Суть развития Должной Осознанности — в росте интенсивности и качества внимания, а суть *качества* внимания в его *чистоте*.

Чистое внимание — ясное и прямое сознание того, что на самом деле происходит с нами и в нас в последовательные моменты восприятия. Его называют «чистым», потому что оно отмечает факты восприятия лишь в том виде, в

котором они поступают... Внимание или осознанность удерживается в состоянии, в котором оно просто отмечает наблюдаемые факты, и не реагирует на них действием, словом или мысленным комментарием, таким как соотнесение с собой (нравится, не нравится, и т. д.), суждение или размышление. Если во время, отведенное практике Чистого Внимания, в уме возникают такие комментарии, их превращают в объекты Чистого Внимания. Не нужно ни отвергать, ни следовать им; стоит осознать их появление, и они исчезают⁶².

Из этого описания становится понятна природа метода: для достижения Чистого Внимания необходимо остановить или, если не получается, просто спокойно наблюдать «внутренний монолог». Оно *выше* размышления, критического рассуждения, формирования мнения — это все нужные, но вспомогательные действия, которые классифицируют, соединяют и выражают словами прозрения, полученные через практику Чистого Внимания. «С помощью этого метода, — говорит Ньянапоники, — ум возвращается к истоку всех вещей... Наблюдение возвращается к начальной фазе процесса восприятия, когда ум пребывает в состоянии чистого восприятия, а внимание лишь отмечает объект»⁶³.

Будда говорил: «В том, что видимо, должно быть только видимое; в том, что слышимо, должно быть только слышимое; в том, что ощущаемо (запах, вкус или прикосновение) должно быть только ощущаемое; в том, что мыслимо, должно быть только мыслимое»⁶⁴.

Другими словами, Путь Осознанности Будды призван обеспечить поступление к разуму человека истинного и неискаженного материала, прежде чем он начнет размышлять. Что обычно искажает получаемый материал? Это очевидно: эгоизм человека, его привязанность к интересам, желаниям, или, словами буддистов, Жадность, Ненависть и Невежество.

Религия — это восстановление связи (*re-legio*) человека с реальностью, каким бы именем эту Реальность ни называли: Бог, Истина, Аллах, Сатчитананда или Нирвана.

Методы, выросшие в христианской традиции, облечены, что неудивительно, в совершенно отличную терминологию, но тем не менее сводятся к тому же самому. Человек ничего не достигнет, пока на его пути стоит маленькое эгоистичное «я» (или даже много маленьких эгоцентричных и довольно разобщенных «я»); чтобы убежать от «я», необходимо обратиться к «Богу» с «чистым намерением», о котором говорится в известном классическом английском трактате «Облако забвения»: «Чистого намерения, направленного к Богу и только к нему, совершенно достаточно». Врагом здесь становится вмешательство *мысли*.

На любую возникающую мысль, что навязчиво стоит между тобой и темнотой и вопрошает, чего ты ищешь, чего ты хочешь, отвечай, что ты хочешь Бога: «Его я жажду, его ищу, и ничего, кроме него»... Очень возможно, что мысль принесет в твой ум множество приятных и прекрасных мыслей о его доброте... Они будут все больше и больше болтать, и твой ум будет очень далеко и вернется к своему старому пристанищу. Не успеешь ты понять, где ты, как тебя растащат на части так, что и вообразить нельзя! А все отчего? Просто оттого, что ты по своей воле стал слушать ту мысль, ответил на нее, принял ее, предоставил ей свою голову⁶⁵.

Дело здесь не в том, хороша или плоха сама мысль. Реальность, Истину, Бога, Нирвану не найти мыслью, *потому что мысль принадлежит Уровню Бытия, задаваемому сознанием*, а не более высокому Уровню, определяемому осознанностью. На уровне же осознанности мысль занимает свое должное место, подчиненное и вспомогательное. Мысли не могут привести к *пробуждению*, потому что весь смысл как раз в том, чтобы проснуться от мыслей

и «узреть». Мысль может поднять любое количество вопросов; но какими бы интересными они ни были, ответы на них никак не помогают нам проснуться. В буддизме их называют «напрасными мыслями»: «Это называют тупиком мнений, пропастью мнений, колючим кустом мнений, чашей мнений, сетью мнений». «Мнение, о ученики, это болезнь; мнение — это опухоль; мнение — это рана. Того, кто преодолел все мнения, о ученики, называют святым, тем, кто знает»⁶⁶.

Что такое йога? По словам величайшего учителя йоги, Патанджали (300 до н. э.), «Йога — это управление мыслями в уме». То, в каком мире мы живем, определяется не столько жизненными обстоятельствами, с которыми мы сталкиваемся, сколько мыслями в нашем уме. Невозможно обрести власть над обстоятельствами, сперва не подчинив себе свои мысли. Поэтому любая религия непременно предупреждает, что *випассану* (если использовать буддийский термин), ясность видения, может достичь только тот, кто сумеет поставить свою «мыслительную функцию» на ее место, так, чтобы она сохраняла молчание, когда ей прикажут молчать, и действовала, только когда ей дадут совершенно определенную задачу. Вот еще одна цитата из «Облака забвения»:

Поэтому энергичную работу твоего воображения, которое всегда столь активно... нужно постоянно подавлять. *Если ты ее не подавишь, она подавит тебя*⁶⁷.

В центре индийского метода стоит йога, а в центре христианского — молитва. Просьба помощи у Бога, благодарение Его, восхваление Его — законные задачи христианской молитвы, но суть молитвы более глубока. Христианина призывают «молиться не переставая». Иисус «сказал также им притчу о том, что должно всегда молиться и не унывать»⁶⁸. На протяжении многих веков эта заповедь обращала на себя серьезное внимание христиан. Возможно,

самый известный отрывок о ней содержится в «Искренних рассказах странника своему духовному отцу», анонимном шедевре мировой литературы, впервые опубликованном в России в 1884 году.

Было прочитано Послание Святого Павла фессалоникийцам. В нем нас призывают, среди прочего, *молиться* непрестанно, и эти слова запали мне в душу. Я начал раздумывать, возможно ли молиться не переставая, ведь каждый должен заниматься и другими вещами, необходимыми для поддержания жизни... «Что же мне делать? — бормотал я в раздумье. — Где найти кого-нибудь, кто объяснит мне это?»⁶⁹

Затем странник обретает «Филокалию»⁷⁰, которая «включает полные и детальные знания о непрестанной внутренней молитве, изложенные двадцатью пятью Святыми Отцами».

Эту внутреннюю молитву также называют «молитвой сердца». Хотя она, конечно же, известна на Западе, ее довели до совершенства в основном в Греческой и Русской православной церквях. Суть ее в том, чтобы «*стоять перед Богом с умом в сердце*»:

Термин «сердце» имеет особое значение в православном учении о человеке. Когда на западе сегодня люди говорят о сердце, обычно они имеют в виду эмоции и нежные чувства. Но в Библии, как и в большинстве аскетических текстов Православной церкви, сердце имеет куда большее значение. Это прежде всего орган человеческого естества, физического и духовного; центр жизни, основополагающий принцип всех наших действий и чаяний. Как таковое, сердце, конечно же, включает эмоции и нежные чувства, но также и многое другое: и действительно, оно охватывает все, что составляет то, что мы называем «личностью»⁷¹.

Личность же отличается от других существ таинственной силой осознанности, и эта сила, как мы уже отмечали, сидит в сердце, где, кстати, ее можно ощутить как особое тепло. Молитва сердца, обычно молитва Иисусова (состоящая на русском языке из слов: «Иисус Христос, Сын Божий, помилуй меня, грешника») бесконечно повторяется умом в сердце, и это наделяет силами, формирует и преобразует всего человека. Один из великих учителей этой практики, Феофан Затворник (1815-1894) объясняет:

Чтобы удержать ум на одном предмете при помощи короткой молитвы, необходимо поддерживать внимание и направить ум в сердце, ибо пока ум остается в голове, где толкуются мысли, он не успевает сосредоточиться на одном предмете. Но когда внимание снисходит в сердце, оно собирает в нем воедино все силы души и тела. Эта концентрация всей жизни человека в одной точке немедленно вызывает в сердце особое ощущение, что есть начало будущего тепла. Это ощущение вначале слабо, но постепенно становится сильнее, устойчивее и глубже. Сначала оно лишь тепловато, но затем перерастает в теплое чувство, на котором концентрируется внимание. Вот и получается, что на первом этапе внимание удерживается в сердце силой воли, а со временем сила этого внимания порождает тепло в сердце, и это тепло уже удерживает внимание без специального усилия. Начиная с этого момента они поддерживают друг друга и становятся неразлучны, ибо рассеивание внимания охлаждает тепло, а уменьшение тепла ослабляет внимание⁷².

Утверждение, что бесконечное повторение про себя короткой последовательности слов ведет к духовному результату, действительно проявляющемуся в *физическом* ощущении *духовного* тепла, настолько странно для современного склада мышления, что обычно его отвергают как

полную чушь. С нашим прагматизмом и любовью к фактам, которыми мы так гордимся, не так-то просто попробовать такой способ. Но почему бы и нет? Потому что такие попытки ведут к некоторым прозрениям и определенного рода знаниям, и однажды открывшись для них, мы будем всегда носить их в своем сердце; они поставят перед нами своего рода ультиматум: или ты изменяешься, или гибнешь. Современный мир любит вещи-игрушки, а с результатами непосредственного изучения и развития осознанности уже не поиграешь.

Другими словами, Первая Сфера Познания — минное поле для всякого, кто никак не может понять, что на человеческом Уровне Бытия *невидимое* бесконечно сильнее и значимее *видимого*. Обучением этой основополагающей истине традиционно занималась религия, и поскольку западная цивилизация забросила религию, передать это учение больше некому. В результате западная цивилизация потеряла способность решать настоящие проблемы жизни на человеческом Уровне Бытия. От мощи ее способностей на более низких уровнях захватывает дух; но в том, что касается по-настоящему человеческих проблем, она невежественна и некомпетентна. Без мудрости и учений подлинной религии Первая Сфера Познания остается заброшенным пустырем, поросшим сорняками, многие из которых ядовиты. Здоровые и полезные растения здесь еще можно встретить только по счастливой случайности. Без осознанности (в полном смысле «фактора z») человек действует, говорит, учится, реагирует механически, как машина, на основе случайно, ненароком, механически приобретенных программ. Он не знает, что действует в соответствии с программами; поэтому перепрограммировать его не составляет труда: можно заставить его думать и действовать совсем не так, как он думал и действовал раньше, — лишь бы только новая программа его не разбудила. Ибо в бодрствующем состоянии никто не в силах запрограммировать его: он программирует себя сам.

Это древнее учение, которое я лишь излагаю современным языком, предполагает наличие двух составных частей вместо одной: программиста и компьютера. Последний может прекрасно работать без всякого внимания со стороны программиста — просто как машина. Сознание, «фактор у», может прекрасно работать в отсутствии осознанности, «фактора z», пример чему — все высшие животные. Все великие религии утверждают, что целостность человеческого «ума» не сводится к одной составляющей. Это утверждение теперь подтверждается и результатами новейших научных исследований. Незадолго до своей смерти в возрасте восьмидесяти четырех лет Уайлдер Пенфилд, всемирно известный невролог и нейрохирург, обобщил свой опыт в книге «Загадки разума»:

На протяжении своей научной карьеры я, как и другие ученые, силился доказать, что разум сводится к мозгу. Но, возможно, теперь пришло время непредвзято взглянуть на факты и задаться вопросом: *а правда ли разум сводится к механике мозга?* Можно ли объяснить разум тем, что мы знаем теперь о мозге? И если нет, которая из двух возможных гипотез более разумна: что человеческое существо основано на одном элементе или на двух?⁷³

Доктор Пенфилд приходит к заключению, что «разум, похоже, действует независимо от мозга наподобие того, как программист действует независимо от своего компьютера, при всей его зависимости от функционирования компьютера для достижения некоторых целей». Далее он объясняет:

Я уверен, что никто никогда не сможет объяснить разум на основе действия нейронов в мозге. Мне кажется, что разум самостоятельно развивается и достигает зрелости на протяжении жизни индивида как ведущий элемент. Компьютером (коим является мозг) должна управлять

сила, способная на независимое понимание. По этим причинам я склонен выбрать предположение, что наше существо необходимо объяснять на основе двух фундаментальных элементов⁷⁴.

Очевидно, что программист «выше» компьютера, точно так же как осознанность «выше» сознания. Изучение Первой Сферы Познания предполагает систематическое развитие этого «высшего» элемента. Нельзя научить программиста, просто ускорив и улучшив работу компьютера. Ему требуется не просто знание фактов и теорий, но понимание или *прозрение*. Не удивительно, что процесс обретения понимания весьма отличен от процесса обретения знания фактов. Многие люди не видят разницы между знанием и пониманием и поэтому воспринимают методы тренировки типа сатипаттханы, йоги или безуданной молитвы как какой-то суеверный вздор. Такое отношение, конечно же, не имеет никакого веса и просто указывает на отсутствие *соответствия*. Любые систематические усилия приводят к некоторому результату.

Молитва Иисусова служит постоянным напоминанием человеку смотреть внутрь *непрестанно*, осознать свои бегущие мысли, внезапные эмоции и даже движения с тем, чтобы он смог попробовать подчинить их себе... Тщательно исследуя и наблюдая свое собственное внутреннее существо, он все лучше узнает свою никчемность, и это знание может повергнуть его в отчаяние... Это родовые схватки духа и стоны просыпающейся в человеке духовности... Молитву Иисусову советуют повторять в «тишине»... Под тишиной здесь понимается и внутренняя тишина, тишина своего ума, отключение воображения от бурного нескончаемого потока мыслей, слов, впечатлений, картинок и мечтаний, что держат человека во сне. Это не просто, так как ум работает почти автономно⁷⁵.

Мало кто из современных западных философов уделял серьезное внимание методам изучения Первой Сферы Познания. Редкое исключение — это В. Т. Стэйс, около двадцати пяти лет, начиная с 1935 года, бывший профессором философии Принстонского Университета. В своей книге «Мистицизм и философия» он ставит давно назревший вопрос: «Имеет ли отношение так называемый «мистический опыт» к важнейшим вопросам философии? И если да, то какое?» Его исследования привели его к «направленному внутрь мистическому опыту» и таким образом к методам, используемым теми, кто ищет такого опыта. Быть может, жаль, что профессор Стэйс использует слово «мистический», которое обрело довольно «мистическое» значение, хотя на самом деле речь идет ни о чем другом как внимательном исследовании человеком своего внутреннего мира. Однако это не умаляет значимости его наблюдений.

Он отмечает, что *без всякого сомнения* основные психологические факты этого «направленного внутрь опыта» по сути «универсальны и одинаковы во всех культурах, религиях, во всех странах и во все времена». Профессор Стэйс пишет как философ и не претендует на то, что он лично имел подобный опыт. Поэтому он находит его поистине странным. По его словам, «эти переживания столь необычайны и парадоксальны, что в них трудно будет поверить любому неподготовленному к ним человеку, на которого они внезапно обрушатся». Затем он излагает «факты словами мистиков, без комментариев и замечаний». Хотя на самом деле мистики никогда не использовали такие термины, его изложение столь ясно, что его стоит здесь привести:

Представьте, что человек пытается отключить органы чувств и сконцентрировать все ощущения на сознании... *A priori* нет причины, по которой человек, взявшийся за решение этой задачи, не мог бы, обретя достаточную сосредоточенность и контроль над умственными

процессами, устранить все физические ощущения из своего сознания.

Представьте, что, избавившись от всех ощущений, человек продолжает убирать из сознания все чувственные образы и абстрактные мысли, размышления, желания и остальное его содержимое. Что тогда останется от сознания? В нем больше не будет какого бы то ни было ментального содержимого, но лишь полная пустота, вакуум, ничто⁷⁶.

Именно к этому и стремятся те, кто желает изучить свой внутренний мир, — к устранению всех беспокоящих влияний, исходящих от чувств или от «мыслительной функции». Однако профессор Стэйс оказывается в глубоком замешательстве:

Казалось бы, можно *a priori* предположить, что тогда сознание полностью исчезнет, и человек заснет или потеряет сознание. Но обращающиеся внутрь мистики, тысячи мистиков по всему миру, в один голос утверждают, что они достигли этого полного отсутствия ментального содержания, но то, что происходит потом, совершенно отлично от провала в бессознательное. Напротив, возникает состояние *чистого* сознания, «чистого» в том смысле, что это не сознание какого-то эмпирического предмета. Оно не имеет содержания кроме себя самого⁷⁷.

В ранее использованных нами терминах можно сказать: появляется программист, который, конечно же, не обладает никаким «содержимым» компьютера; или, другими словами: фактор *z*, осознанность, по-настоящему появляется только тогда, когда фактор *y*, сознание, ретируется.

Профессор Стэйс продолжает: «Парадокс в том, что можно иметь реальный опыт без реального содержания, опыт, что одновременно что-то и ничто». Но нет ничего

парадоксального в том, что «более высокая» сила сменяет силу «более низкую» в опыте, что является чем-то, но *ничем*. Парадокс существует только для тех, кто упорно верит в то, что ничто не может быть «выше» их будничного сознания и опыта. Как можно в такое верить? Ведь у всех в жизни были моменты, имевшие большее значение, большую яркость и остроту переживаний, чем повседневная жизнь. Такие мгновения — указатели, проблески нереализованного потенциала, вспышки осознанности.

Профессор Стэйс далее пишет:

В обычном состоянии наше сознание всегда заполнено объектами, образами или нашими собственными чувствами и мыслями, воспринимаемыми изнутри. Представьте, что мы устраняем все объекты — физические и ментальные. *Когда самость человека не занята восприятием объектов, она осознает себя*. И возникает сама самость... Также можно сказать, что мистик избавляется от эмпирического эго, а чистое эго, что обычно скрыто, выходит на свет. *Эмпирическое эго — это поток сознания. Чистое эго — это целостность, держащая разнородный поток вместе*⁷⁸.

Примечательно, что эти взгляды по сути тождественны взглядам Уайлдера Пенфилда. Оба подтверждают основное учение великих религий, которые, на множестве языков и разными способами призывают человека открыться для «чистого эго», «Себя», «Пустоты» или «Божественной силы», что заключена в нем; проснуться и перейти от состояния компьютера в состояние программиста; шагнуть из сознания в осознанность. Только вырвавшись из плена чувств и мыслительного процесса — слуг, а не хозяев — путем переноса внимания с *видимых предметов* на *предметы невидимые* можно достичь «пробуждения». «Мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно»⁷⁹.

Можно было бы еще очень много написать об этом величайшем искусстве, искусстве обретения знания о себе путем изучения Первой Сферы Познания. Но нам будет полезнее обратиться теперь ко *Второй Сфере Познания*, то есть познанию нами *внутреннего* опыта *других* существ. Одно несомненно: по-видимому, мы не имеем *прямого доступа* к такому знанию. Как же тогда проникнуть в эту сферу? Возможно ли это?

ГЛАВА 7

ЧЕТЫРЕ СФЕРЫ ПОЗНАНИЯ: 2

Чем выше Уровень Бытия, тем большее значение имеет внутренний опыт, то есть «внутренний мир», по сравнению с внешним видом, то есть таким непосредственно наблюдаемым и измеряемым свойствам, как размер, вес, цвет, движение и т. д. Кроме того, чем выше Уровень Бытия, тем с большей вероятностью мы можем познать «внутренний мир» других существ, по крайней мере вплоть до человеческого уровня. Мы уверены, что знаем кое-что о внутреннем опыте других людей, немного даже о внутреннем мире животных, почти ничего — о внутреннем мире растений и уж, конечно, вовсе ничего о внутреннем мире камней и прочих неодушевленных предметов. Когда Апостол Павел говорит: «Ибо знаем, что все творение совокупно стонает и мучится доныне»⁸⁰, — можно примерно догадаться, что он имеет в виду в отношении человека и, возможно, животных, но когда речь идет о растениях и минералах, мы сталкиваемся с огромными трудностями.

Поэтому давайте сначала разберемся, как мы познаем внутренний опыт других людей. Ранее я говорил, что мы живем в мире людей *невидимых*. Многие вообще не хотят открывать свой внутренний мир для чужих глаз; они говорят: «Не лезь ко мне в душу, оставь меня в покое, не суй нос не в свое дело». Но даже желая «открыться», человек понимает, насколько это сложно: он не умеет объясниться и, при всем своем старании рассказать чистую правду, между тем, обычно говорит множество небылиц. В отчаянии он может попытаться общаться без слов — жестами, знаками, прикосновениями, криком, плачем и даже насилием.

Все мы знаем (пусть иногда об этом очень хочется забыть), что благополучие в огромной степени зависит от наших отношений с людьми. Никакое богатство, здоровье, слава или власть не спасет нас от жалкого существования, если отношений с окружающими испортились. Отношения же между людьми определяются нашей способностью *понять* других, и их способностью *понять* нас.

Похоже, большинство людей считают, что общение сводится к выслушиванию собеседника и наблюдению движений его тела. Другими словами, подразумевается, что *видимые* сигналы другого человека точно передают его *невидимые* мысли, чувства, намерения и т. д. Увы! все не так просто. Предположим, что один человек искренне желает донести свою мысль до другого (то есть устраним всякую возможность намеренного обмана) и шаг за шагом рассмотрим то, что для этого нужно.

Во-первых, тот, кто передает мысль, должен примерно знать, *какую* мысль он хочет передать.

Во-вторых, он должен найти видимые (и слышимые) символы — жесты, движения тела, слова, интонацию и т. д. — которые, по его мнению, станут наиболее точным «внешним» выражением его «внутренней» мысли. Это можно назвать «*первым превращением*».

В-третьих, слушатель должен безупречно улавливать эти видимые (и прочие) символы; ему необходимо не только точно слышать, что говорится, но и внимательно следить за невербальными символами (такими как жесты и интонация).

В-четвертых, слушатель должен затем собрать множество полученных им символов воедино и превратить их снова в мысль. Это можно назвать «*вторым превращением*».

Несложно заметить, что на каждом из четырех этапов этого процесса могут возникнуть ошибки, особенно с двумя «превращениями». Можно даже прийти к выводу, что надежная и точная передача мыслей и вовсе невозможна. Даже если передающий мысль, совершенно ясно понимает,

какую мысль он хочет донести, выбор символов — жестов, сочетаний слов, интонации — крайне индивидуален; и даже если слушатель идеально слушает и наблюдает, где гарантия, что он правильно истолкует полученные символы? Эти сомнения и вопросы совершенно обоснованны. Описанный процесс чрезвычайно трудоемок и при этом ненадежен, даже когда огромное количество времени и усилий тратится на формулировку определений и на объяснение исключений, оговорок и условий. Сразу приходят на ум юридические или дипломатические документы. Казалось бы, это случай общения между двумя «компьютерами»: все должно быть сведено к чистой логике — или, или. Вот воплощенная мечта Декарта: в расчет берутся только точные, ясные и абсолютно достоверные представления.

Но вот загадка! В реальной жизни точная передача мыслей возможна и не так уж и редка. При этом люди обходятся без сложных определений, условий и оговорок. Порой собеседник даже говорит: «Я бы выразил это совсем по-другому, но я согласен с тем, что вы имеете в виду». Это очень важно. Может произойти «встреча умов», для которой слова и жесты — не более чем приглашение. Слова, жесты, интонация могут быть двух видов (или даже чем-то средним): языком программирования или приглашением к встрече для двух «программистов».

Если нам не удастся достигнуть настоящей «встречи умов» с людьми, с которыми мы общаемся чаще всего в повседневной жизни, наше существование становится сплошным кошмаром. Чтобы достичь «встречи умов», мне необходимо узнать, что значит быть «тобой», а «тебе» нужно узнать, что значит быть мной. Оба должны хорошо разбираться в том, что я называю Второй Сферой Познания. Известно, что большинству из нас очень мало знаний даются «бесплатно»: чаще всего приобретение знаний требует определенных усилий. Поэтому неизбежно встает вопрос: «Как мне узнать и понять внутренний мир людей, с которыми я живу?»

Примечательно, что все традиционные учения дают на этот вопрос один и тот же ответ: «Понять других можно только настолько, насколько ты знаешь самого себя». Естественно, необходимо тщательно наблюдать и внимательно слушать; но дело в том, что даже идеальное наблюдение и слушание ни к чему не ведут, если полученные *данные* затем подвергаются неправильному толкованию; для правильного понимания я непременно должен знать себя, иметь собственный внутренний опыт. Другими словами, должно быть *соответствие* по каждому пункту. Человек, который никогда не испытывал боли в теле, вряд ли знает что-нибудь о боли, испытываемой другими. Он, конечно, заметит внешние проявления боли — звуки, движения, слезы — но для правильного понимания необходимо соответствие. Человек же, не знавший боли, такого *соответствия не имеет*. Несомненно, он попытается дать проявлениям боли какие-то объяснения; он может счесть их забавными, устрашающими или просто непостижимыми. *Невидимая составляющая* другого существа — в данном случае внутреннее ощущение боли — останется скрытой от него.

Я оставляю на откуп читателю исследование огромного разнообразия внутренних ощущений, наполняющих человеческую жизнь. Как я отмечал выше, все они невидимы, недоступны внешнему наблюдению. Пример с физической болью столь показателен именно потому, что в нем нет ничего сверхъестественного. Мало кто сомневается в реальности боли. Подумать только: боль, принимаемая всеми как реальная, настоящая, как одно из огромных «неизбежных зол» человеческого существования, при этом *невидима для внешних органов чувств*! Если реальным, «объективным», признаваемым наукой считать только то, что доступно наблюдению нашими внешними органами чувств, боль должны отвергать как нереальную, «субъективную» и ненаучную. То же самое относится ко всему, что касается наших внутренних чувств: любви и ненависти, радости и

печали, надежды, страха, тоски и т. д. Если все эти силы или движения внутри меня не *реальны*, то не стоит принимать их всерьез, а если я не принимаю их всерьез в себе, как я могу считать их реальными и воспринимать их всерьез в другом существе? Как удобно думать, что другие существа по-настоящему не страдают, как мы, и на самом деле не обладают столь же сложной, тонкой и уязвимой внутренней жизнью, как наша собственная! И правда, на протяжении многих веков человек не раз демонстрировал недюжинные способности стойко и спокойно сносить страдания других. Более того, как тонко подметил Дж. Г. Беннетт⁸¹, мы видим себя в основном в свете своих намерений, невидимых для других, в то время как других воспринимаем в основном в свете видимых нам действий. Так мы оказываемся в положении, где непонимание и несправедливость являются нормой.

Выйти из этого положения можно только путем упорного систематического развития Первой Сферы Познания, ведь *только* через нее мы обретаем прозрения, необходимые для развития Второй Сферы Познания — знания внутреннего опыта других существ.

К внутреннему миру ближнего можно относиться серьезно при условии серьезного отношения к собственному внутреннему миру. Что это значит? Это значит, что я должен войти в состояние, в котором могу по-настоящему наблюдать происходящее, и понимать то, что я наблюдаю. В наше время считается, что человек — существо *социальное*, что «человек не остров, затерянный посреди океана» (Джон Дон, 1571-1631). Поэтому звучит немало призывов если уж не любить, то, по крайней мере, не ненавидеть своего ближнего, и относиться к нему с терпимостью, состраданием и пониманием. В то же время до самопознания почти никому и дела нет, за исключением случаев, в которых оно активно подавляется. Невозможно полюбить ближнего, не полюбив себя; нельзя понять ближнего, не поняв себя; нельзя узнать «невидимого человека» в другом кроме как

через самопознание — об этих фундаментальных истинах забыли даже многие служители мировых религий.

Следовательно, призывы ни к чему не приведут. Истинное понимание ближнего своего сменилось сентиментальностью, от которой, разумеется, не остается и следа, как только личные интересы оказываются под угрозой и по отношению к соседу возникают какие-либо опасения. Достоверное знание уступает место предположениям, пустым теориям и домыслам. Огромная популярность самых грубых и низких психологических и экономических учений, якобы «объясняющих» действия и мотивы других людей (но ни в коем случае не нас самих!), свидетельствует о катастрофических последствиях современного невежества во Второй Сфере Познания, которое, в свою очередь, напрямую обусловлено отказом заниматься Первой Сферой Познания, самопознанием.

Стоит кому-то открыто отправиться в *путешествие внутрь себя*, оставить бесконечную суету повседневной жизни и заняться сатипаттханой, йогой, молитвой Иисусовой или схожей практикой, без которой истинное самопознание недостижимо, его тут же обвинят в эгоизме и пренебрежении своими общественными обязанностями. Между тем, по мере того, как в мире растет число неразрешимых проблем, все жалуются на недостаток или даже полное отсутствие «мудрых» людей, бескорыстных руководителей, надежных советчиков и т. д. Вряд ли разумно ожидать таких высоких качеств от людей, что никогда в жизни не занимались никакой *внутренней работой* и даже не понимают значения этих слов. Они могут считать себя добропорядочными, законопослушными людьми и хорошими гражданами; возможно «гуманистами» или даже «верующими». Их *мнение о себе* не имеет никакого значения. Как шарманка, они играют механическую музыку; как компьютеры они выполняют когда-то написанные программы. Программист же спит.

Важная часть современной «программы» — отвержение религии как приторного нравоучения, устаревшего,

ритуального догматизма. Таким образом, отбрасывается именно та сила, возможно единственная, что могла бы пробудить нас и поднять на истинно человеческий уровень, уровень осознанности, самоконтроля, знания себя и, таким образом, знания и понимания других, и что наделила бы нас *способностью помогать им*, когда это необходимо.

Говорят, что все дело в общении. Не спорю. Но общение, как мы видели, подразумевает два «превращения» — из мысли в символ и затем обратно, из символа в мысль. Символы не понять как математическую формулу, необходимо ощутить их значение *внутри*. Распознать их должным образом может не сознание, но лишь осознанность. Так, жест невозможно понять рациональным мышлением; необходимо осознать его значение внутри себя, в большей степени телом, чем головой. Иногда понять настроение или чувства другого человека можно только имитируя его позу, жесты и мимику. Существует странная и таинственная связь между внутренним-невидимым и внешним-видимым. Уильям Джэймс, интересовавшийся телесным выражением эмоций, выдвинул теорию, что испытываемая нами эмоция — всего лишь ощущение некоторых телесных изменений:

В соответствии со здравым смыслом, теряя большие деньги мы расстраиваемся и плачем; наталкиваясь в лесу на медведя мы пугаемся и убегаем; а в ответ на оскорбления соперника мы злимся и даже лезем драться. Я же исхожу из того, что эта последовательность неверна и что разумнее сказать, что мы печалимся оттого, что плачем, злимся оттого, что ударили, боимся оттого, что дрожим (а не плачем, ударяем или дрожим от печали, злости или страха)⁸².

Хотя эта гипотеза замечательна скорее своей оригинальностью, нежели истинностью, она ярко подчеркивает тесную связь между внутренними чувствами и их телесным выражением; указывает на таинственный мост,

перекинутый от невидимого к видимому и обозначает тело как *инструмент познания*. Я не сомневаюсь, что ребенок многое узнает об эмоциях своей матери, подражая ее позе и мимике и затем определяя, какие чувства связаны с этими телесными выражениями.

Именно по этим причинам все методы самопознания (Сфера 1), уделяют огромное внимание положениям тела и жестам, ибо установление контроля над телом является, по меньшей мере, *первым шагом* к установлению контроля над мышлением. Неуправляемое лихорадочное движение тела неизбежно порождает неуправляемое лихорадочное движение мыслей, а такое состояние препятствует всякому серьезному изучению своего внутреннего мира.

С достижением изрядного внутреннего спокойствия и тишины «компьютер» исчезает и на первый план выходит сам «программист». Буддисты называют это *випассаной*, «ясностью зрения». Христиане говорят, что происходит некая встреча с Уровнем Бытия более высоким, чем человеческий. Естественно, люди, никогда не стоявшие на более высоком уровне, не могут даже вообразить, что это такое; и язык тех, кто пытается рассказать о нем либо ничего для нас не значит, либо мы воспринимаем их как чудаков или даже сумасшедших. Отличить дочеловеческое «помешательство» от сверхчеловеческого не так-то просто. Но можно посмотреть на жизнь этого человека в целом и если она свидетельствует о незаурядных умственных и организаторских способностях, мудрости и влиятельности, можно быть достаточно уверенным, когда мы не понимаем его, что

Ошибка, милый Брут, не в звездах,
Но в нас самих, в том, что мы ниже.

Никто не *соответствует* тому, что выше него. Однако всегда можно найти зачатки готовых открыться возможностей и вдохновиться на истинное усилие к пробуждению.

Сегодня много говорят о достижении «высших состояний сознания». К сожалению, эти устремления в большинстве случаев вытекают не из глубокого уважения к великим и мудрым традициям человечества, мировым религиям, а из таких фантастических понятий как «астральные путешествия» или «эволюция сознания» и обычно связаны с полной неспособностью отличить духовное от оккультного. Создается впечатление, что истинная цель этих движений — испытать новые сильные ощущения, овладеть магией и чудодействиями, чтобы таким образом скрасить скуку существования. Все знатоки внутреннего мира человека советуют *не* искать оккультного опыта и *не* придавать ему никакого значения, если он случается (а он почти неизбежно появляется, когда предпринимается интенсивная внутренняя работа). Великий учитель буддийской Медитации Сатипаттхана, почтенный Махаши Саядав (1904-1955) предупреждает ученика, что тот столкнется со всякими необычными явлениями:

И увидит он блистающий свет. Одному он явится как свет фонаря, другому как вспышка молнии или как сияние луны или солнца, и так далее. У одного это может продолжаться лишь мгновение, у другого — дольше... Также возникает *восторг... спокойствие* ума... очень тонкое чувство *счастья*... Испытав этот восторг и счастье вместе с «искрящимся светом»... медитирующий думает: «Видно, вот я и достиг Небесного Пути и пожал его плоды! Теперь задача медитации выполнена». Так он принимает за Путь то, что Путем не является. Именно описанным выше образом происходит искажение Понимания... Заметив эти и другие проявления Блистающего Света, или оставив их вовсе без внимания, тот, кто истинно ищет, идет дальше, как и раньше... Он преодолевает соблазны сияющего света, восторга, спокойствия, счастья, привязанности и т. д.⁸³

Христианские святые столь же ясно высказывались по этому поводу. Приведем в качестве типичного примера слова Святого Иоанна (1542-1591):

Духовные люди могут столкнуться (и обычно сталкиваются) с сверхъестественными явлениями и предметами, воспринимаемыми всеми органами чувств...

Должно знать, что хотя все это может случиться с органами чувств по воле Божьей, *нам ни в коем случае не следует полагаться на них или принимать их*, но бежать от них, не пытаясь определить, добро это или зло... ибо органы чувств еще более некомпетентны в духовных вещах, чем звери в делах разума.

Тот же, кто принимает такие вещи, *совершает грубейшую ошибку и на беду свою может впасть в глубочайшее заблуждение*; в любом случае *достичь духовности ему будет совершенно невозможно*⁸⁴.

Измененные состояния сознания, о которых столько сегодня говорят, не помогут нам справиться с трудностями и лишь усугубят общую неразбериху, если только они не вырастают из искреннего стремления к самопознанию (Первая Сфера Познания) и не переходят к столь же искреннему исследованию внутреннего мира других существ (Вторая Сфера Познания), а также Третьей Сферы Познания (которую мы рассмотрим позднее). Если Новое Сознание ведет лишь к увлечению оккультными явлениями, оно принадлежит Четвертой Сфере Познания (что также будет рассмотрено ниже), и никак не улучшит наше понимание себя и других существ.

Работа над собой, или *йога* самых разных видов — вовсе не диковинка Востока, но стержень всех истинных религий. Ее называли «прикладной психологией религии»⁸⁵ и следует отметить, что *религия без прикладной психологии совершенно никчемна*. «Мало просто верить в правдивость

религии и умом принимать ее постулаты и учение о божественном. Если не убедиться в ее истинности при помощи научного метода *йоги*, то получается, что слепой ведет слепого»⁸⁶, — говорит У. Й. Эванс-Вентц, проведший большую часть своей жизни «редактируя» священные тексты Тибета и публикуя их на Западе. Он отмечает:

Доколе на Западе люди будут довольствоваться изучением внешнего мира и не познавать самих себя? Если... восточный мудрец может научить нас, жителей Запада, методу научного познания скрытой природы человека, не будет ли с нашей стороны безрассудством отказываться дать этому методу беспристрастную научную оценку?

К сожалению, прикладные науки у нас ограничены химией, экономической теорией, математикой, механикой, физикой, физиологией и т. п., а антропология и психология как прикладные науки (в том смысле, в котором это понимается в *йоге*) почти всеми западными учеными воспринимаются как пустые мечтания непрактичных мистиков. Однако не думаю, чтобы эта ошибочная точка зрения протянула долгое время⁸⁷.

«Прикладные науки в том смысле, в котором это понимается в *йоге*» означают науку, предмет изучения которой находится не во внешних проявлениях других существ, но *во внутреннем мире самого ученого*. Конечно же, нет смысла изучать внутренний мир, если это беспросветный хаос. Из такого внутреннего мира ничего не почерпнешь. Методы западной науки применимы каждым их изучившим. Научные же методы йоги могут действительно применяться только теми, кто готов сначала навести порядок в собственном доме через дисциплинированность и систематическую работу над собой.

Самопознание — неременное условие понимания не только других людей, но и, в некоторой степени, внутреннего мира существ более низкого уровня — животных и даже

растений. С животными умел общаться Святой Франциск, а также другие люди, достигшие исключительного знания себя и владения собой. Пользуясь нашим сравнением, можно сказать, что такое общение не под силу компьютеру, но только программисту. Он обладает способностями, не ограниченными ни временем, ни пространством. Такие способности превосходят все, знакомые нам из повседневной жизни.

Эрнест Е. Вуд, несомненно обладавший йогическим опытом, говорит: «Хотелось бы предостеречь новичка от двух опасностей: не следует давать себе оценку и не следует ставить себе цели. Нужно открыться и довериться тем высшим силам, которые проявляются и действуют в вас»⁸⁸. Поэтому нет нужды и даже нежелательно подробно рассматривать эти вопросы. Те, кому по-настоящему интересно не приобретение сверхъестественных способностей, но саморазвитие, изучат жизнь и труды людей, доверившихся руководству «Высшего Разума» и таким образом вырвавшихся из обычных границ времени и пространства. Перед нами немало примеров из разных времен и уголков мира. Для наших целей достаточно будет рассмотреть три недавних случая, в которых высшие способности человеческого существа проявили себя почти что на наших глазах.

Первый пример — Якоб Лорбер, родившийся в австрийской провинции Штирии в 1800 году. Его отец владел двумя небольшими виноградниками, что приносили семье скудный доход, а также умел играть практически на всех инструментах и подрабатывал как дирижер. Его старший сын, Якоб, обладал недюжинными музыкальными способностями, выучился играть на органе, фортепиано и скрипке, но лишь в сорок лет получил работу, дававшую большие возможности для приложения своих талантов. Он уже собирался покинуть Грац и перебраться в Триест, чтобы занять свою новую должность, как вдруг совершенно явственно услышал внутри себя голос, приказавший ему: «Встань, возьми перо, пиши». Это произошло 15 марта 1840

года, и Якоб Лорбер так и остался в Граце и записывал то, что ему диктовал внутренний голос, до самой своей смерти в возрасте шестидесяти четырех лет, 24 августа 1864 года. За эти двадцать четыре года он написал монументальное «Новое откровение» — двадцать пять томов в четыреста страниц каждый. Его рукописи сохранились и являют собой совершенно ровное письмо почти без исправлений. Многие видные люди того времени были близкими друзьями Лорбера, и некоторые из них помогали ему продуктами и деньгами на протяжении многих лет его писательской деятельности, которая почти не оставляла ему времени, чтобы зарабатывать на жизнь. Несколько его друзей записали свои впечатления об этом чрезвычайно скромном человеке, который жил в бедности и для которого писательские обязанности часто становились очень тяжелым бременем.

Центральное место в писаниях Лорбера занимает «Новое Евангелие от Иоанна» в десяти толстых томах. Я не буду даже пытаться описать или как-то охарактеризовать этот труд, написанный от первого лица: «Я, Иисус Христос, говорю». В нем можно найти много странных вещей, неприемлемых для современного мышления, но вместе с тем он наполнен столь высокой мудростью и прозрениями, что сложно было бы найти что-либо подобное во всей мировой литературе. В то же время книги Лорбера полны научных высказываний, прямо противоречащих науке его времени и предупреждающих большую часть современной физики и астрономии. Никто никогда не сомневался, что рукописи появились в 1840-1864 годах и были написаны исключительно Якобом Лорбером. Также нет логического объяснения их широте, глубине и точности. Лорбер и сам всегда уверял и в конце концов убедил своих друзей, что ничто из записанного им не являлось плодом его мысли и что он первый более всего поражаюсь тому, что писал⁸⁹.

Пример Эдгара Кэйси, возможно, еще более поразителен. Он жил в Соединенных Штатах с 1877 по 1945 год и оставил более четырнадцати тысяч стенограмм высказываний,

сделанных им в состоянии некоторого сна, когда он отвечал на конкретные вопросы более шести тысяч разных людей на протяжении сорока трех лет. Эти высказывания являют собой «одно из величайших и самых впечатляющих собраний записей о психическом восприятии, когда-либо составленных одним человеком. Записи, переписка и отчеты были упорядочены, по ним был составлен каталог с перекрестными ссылками под тысячами предметных заголовков. Сегодня все больше психологов, ученых, писателей и исследователей интересуются ими»⁹⁰.

Как и Якоб Лорбер, Эдгар Кэйси жил скромно, даже бедно, многие годы своей жизни, и уж конечно никогда не пользовался своей огромной славой. Его дар был сопряжен с напряженной работой, ложившейся на его плечи часто тяжким бременем; но даже имея вспыльчивый характер, он при этом всегда оставался скромным и простым. Тысячи людей обращались к нему за медицинской помощью. Входя в некий транс, он ставил в целом точный диагноз болезни совершенно незнакомым ему людям, жившим за сотни или даже тысячи миль. «Сдается мне, — говорил он, — что я один из немногих людей, кому удалось сбросить с себя индивидуальность настолько, что душа может настроится на вселенский источник знания, но я вовсе не желаю хвастаться этим... Я уверен, что люди даже не знают, какими огромными способностями обладает каждый из нас. Чтобы проявить эти способности, достаточно забыть о своих личных интересах. *Хотелось бы вам, пусть раз в году, полностью сбросить с себя вашу индивидуальность?*»⁹¹

И совсем недавний пример: Тереза Нойман, также известная как Тереза из Коннерсройта, жившая на юге Германии с 1898 по 1962 год. Много можно рассказать о внутренних переживаниях Терезы и их необыкновенных внешних проявлениях, но, возможно, наибольшего внимания достойна такая ее черта: эта крепкая, жизнерадостная, необыкновенно здравомыслящая крестьянка на протяжении тридцати пяти лет ничего не ела и не пила, кроме ежедневной

евхаристии. Это отнюдь не древняя легенда из далеких стран; все произошло на наших глазах, и множество людей были тому свидетелями. Феномен Терезы Нойман почти непрерывно изучали на протяжении всех этих тридцати пяти лет в Коннерсройте, в американской оккупационной зоне Западной Германии.

Якоб Лорбер, Эдгар Кэйси и Тереза Нойман были чрезвычайно набожными людьми и непрерывно утверждали, что все их знания и способности исходили от «Иисуса Христа» — с уровня неизмеримо выше нашего. На этом сверхчеловеческом уровне каждый из них нашел, по-своему, освобождение от ограничений, действующих на обычном человеческом уровне, — ограничений, накладываемых пространством и временем, потребностями тела и мраком неосознанного ума. Все три примера иллюстрируют парадоксальную истину: человек не может обрести «высшие способности» штурмом. Только когда стремление к «способностям» полностью исчезло и на смену ему пришла тоска по чему-то высшему, часто называемая любовью к Богу, их, возможно, «даруют тебе» (а может и нет).

ГЛАВА 8

ЧЕТЫРЕ СФЕРЫ ПОЗНАНИЯ: 3

Сталкиваясь с феноменальными способностями Якоба Лорбера, Эдгара Кэйси, Терезы Нойман и множества других людей, современный мир забывает о своей непредвзятости, которой он так гордится, и делает вид, что их просто не существует, ибо он на дух не переносит все, что относится к Уровню Бытия более высокому, чем обыденная серая жизнь.

Кроме того, современная цивилизация боится всего, что не поддается логическому объяснению. Самопознание же действительно сопряжено с опасностями, и это приводит нас к рассмотрению *Третьей Сферы Познания*. Систематическое изучение своего внутреннего мира (Сфера 1) и мира других существ (Сфера 2) должно быть обязательно уравновешено и дополнено столь же систематическим изучением себя как объективного феномена. Здоровое и целостное самопознание непременно должно состоять из двух элементов: изучения моего внутреннего мира (Сфера 1) и «изучения того, как я выгляжу со стороны» (Сфера 3). Первый элемент без последнего может привести к серьезным и опасным заблуждениям.

Мы имеем прямой доступ к Сфере 1, но не к Сфере 3. В результате наши намерения обычно куда более реальны для нас, чем наши действия, что может привести к глубоким разногласиям с окружающими, для которых наши действия куда более реальны, чем наши намерения. Если мое представление о себе складывается исключительно из Сферы 1, моего внутреннего опыта, я неизбежно буду представлять себя пупом земли: все вращается вокруг меня; я закрываю глаза — мир исчезает; я страдаю — мир

полон тоски и печали; я счастлив — мир становится раем. Приходит на ум отрывок из дневников Геббельса, одного из титанов гитлеровской Германии: «Если погибнем мы, то погибнет весь мир». Но можно обратиться и не к таким уж мрачным примерам. Многие безобидные и благодушные философы всерьез задаются вопросом, будет ли дерево, на которое они смотрят, по-прежнему существовать, если на него никто смотреть не будет. Они затерялись в Сфере 1 и так и не достигли Сферы 3.

В Сфере 3 требуется полностью отрешенное, объективное наблюдение. Стоит принять желаемое за действительное, и все усилия пойдут насмарку. Что я наблюдаю на самом деле? Или, скорее: что бы я увидел, если бы наблюдал себя со стороны? Достигнуть такой объективности очень трудно, но без нее гармоничные отношения с другими людьми невозможны. Выражение «поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой» имеет смысл, только если мне известно, как окружающие воспринимают мое поведение по отношению к ним.

Как-то раз я прочитал историю о человеке, что умер и попал в загробный мир. Там он встретил множество людей. В некоторых он узнал своих старых добрых знакомых, в других — своих давних недругов. Но один незнакомец был просто невыносим. Его слова, манеры поведения, привычки, леность, лицемерие, ужимки — все приводило нашего героя в ярость и вызывало глубочайшее отвращение. Кроме того, ему были известны все мысли этого человека, его чувства, тайны и фактически вся его жизнь. Он спросил у знакомых, кто этот несчастный зануда. Ему ответили: «Знаешь, у нас здесь все видится не так как на земле. Этот зануда есть ты сам». Представим себе, что вам пришлось жить с человеком, который есть вы сами. Возможно, ваши близким приходится делать то же самое. Конечно, если вы не привыкли наблюдать за собой, то, наверное,

воображаете себя сущим ангелом. И вздыхаете: «Ах, если бы все люди были похожи на меня, жизнь на свете была бы по-настоящему счастливой». Тщеславию и самодовольству нет пределов. Ставя же себя в положение другого человека, вы тем самым принимаете его точку зрения: *как* он видит вас, слышит вас, и ощущает ваше повседневное поведение. Вы видите себя его глазами⁹².

Это яркое и точное описание того, что означает познание Сферы 3. Кроме того, из него становится ясно, что знание Сферы 1 очень отлично от знания Сферы 3 и что первое без второго бесполезно, не сказать хуже.

Интересно, как мы выглядим со стороны, как звучит наш голос и какое впечатление мы производит на других? Это любопытство совершенно естественно. Но мы не обладаем восприятием себя со стороны (как в той истории о загробном мире), и, возможно, это великая милость по отношению к нам. Увиденное вызвало бы у нас шок столь сильный, что еще неизвестно, смогли бы мы от него оправиться. Всегда тяжело осознавать, что мы далеко *не* ангелы, поэтому нас снабдили множеством механизмов, защищающих от этого открытия. Вот и получается, что наше природное любопытство не так-то далеко продвигает нас в познании Сферы 3, и мы слишком легко переключаемся с изучения своих недостатков на недостатки других. Морис Николь напоминает нам слова Евангелия: «И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь?» Он отмечает, что «на греческом слово, которое перевели как сучок, означает *видеть*, а слово, что перевели как бревно в своем глазу, означает “замечать, обнаруживать, обретать знание чего-либо, узнавать о чем-то, учиться, наблюдать, понимать”». Получается: “Вот ты смотришь и видишь брата своего, но не ведаешь, как сам выглядишь в его глазах”. Очевидно, имеется в виду что-то намного более сложное, чем просто видение недостатков другого человека: посмотреть на себя со стороны так трудно»⁹³.

Как же нам справиться с этой задачей, решение которой столь важно для гармоничной жизни с другими людьми? Методология приводится в писаниях традиционных религий, но в разрозненном виде. Быть может, самое полезное руководство в этой области можно найти в книге Николя «Психологические комментарии к учению Гурджиева и Успенского», из которой я цитировал выше. Он советует «наблюдать со стороны», ставя себя на место другого человека. Это требует очень высокой степени внутренней честности и свободы. Этому не научишься за день, и добрые намерения не приведут к успеху без продолжительных усилий.

Какого рода усилий? В этом деле не обойтись без *осознанности*. Чтобы войти в положение другого человека, я должен выйти из своего. Обыденное сознание на это не способно: ему не выйти за пределы моего *внутреннего* опыта. Компьютер лишь выполняет заданную программу, и не более того. Только программист способен изменить что-то по-настоящему, например, «поставить себя на место другого». Другими словами, требуемое качество или сила — это не просто *сознание*, которое мы называли «фактором у», делающим живое существо животным, но *осознанность*, «фактор z», превращающий животное в человека. По словам Николя, «наблюдение себя со стороны — работа очень полезная. Суть ее не в том, чтобы определить, прав я или сосед, но в развитии сознательности»⁹⁴ и я бы добавил: «до уровня осознанности».

Есть одна вещь, которую мы в себе практически не осознаем. Это «колебания нашего маятника». Наши противоречия, скрытые от наших глаз, ясно видимы для окружающих. Познание Сферы 3 позволяет нам увидеть себя со стороны и тем самым осознать свои противоречия. Позже мы поймем, насколько это важно. Дело не в том, что кажущиеся противоречия обязательно свидетельствуют об ошибке: скорее, они говорят об Истине. Реальность полна противоположностей, но на уровне разума

противоположности с трудом уживаются друг с другом. Окружающие явственно видят колебания нашего маятника от одной крайности к другой, равно как и мы явственно видим колебания их маятника. Именно эта задача и стоит передо нами в Сфере 3: полное осознание колебания *своего* маятника, осознание того, что *нам свойственна* смена одного мнения на противоположное, причем нам следует не просто отметить эту перемену, но отметить ее не критично, не осуждая и не оправдывая. Познание Сферы 3 основывается на *некритичном самонаблюдении* с целью получения ясной, объективной картины того, что происходит в реальности, а не картины, «подретушированной» нашими сегодняшними представлениями о том, что правильно, а что нет.

Один из способов изучения Сферы 3 — это «сфотографировать» себя. В результате мы сможем хоть краешком глаза увидеть себя такими, какими мы есть на самом деле. Так иногда бывает, когда мы не осознаем, что смотрим на себя. Николь дает следующее описание:

Возьмем альбом хороших «фотографий», сделанных путем продолжительного самонаблюдения. Перевернув лишь несколько страниц, мы найдем в себе то, что нам так не нравится в других. Тогда мы сможем поставить себя на место другого, понять, что в нем есть то, что мы заметили в себе; у него, как и у нас, существуют немало внутренних проблем, и так далее.

Чем меньше в вас тщеславия и чем больше вы наблюдаете за собой со стороны, тем менее значимым вы предстанете в собственных глазах⁹⁵.

Столь необходимое изучение Сферы 1 может усиливать ощущение собственной значимости, но в противовес ему изучение Сферы 3 должно привести к осознанию своей ничтожности. Что я в огромной, бесконечной Вселенной? Кто я? Лишь один из четырех миллиардов маленьких муравьев, что населяют эту крохотную Землю! Как говорил

Паскаль, «человек — всего лишь травинка, слабейшее существо в природе, но при этом травинка мыслящая», то есть обладающая осознанностью. В этом и есть бесконечная ценность человека, пусть даже большую часть времени его осознанность дремлет.

Наша *социальность* — огромное подспорье в изучении Сферы 3. Мы живем не в одиночестве, но среди себе подобных. И окружающие нас люди становятся своего рода зеркалом, отражающим нас такими, какими мы есть на самом деле, а не какими мы себя воображаем. Таким образом, лучший способ обрести требуемые знания о себе — это наблюдать и стараться понять потребности, заблуждения и проблемы других людей, ставя себя на их место. Со временем это может у нас получиться столь совершенно, что *нас*, маленьких «я» с собственными потребностями, заблуждениями и проблемами, вообще не будет видно. Столь полное отсутствие *эго* означало бы, что мы достигли полной объективности.

Христианство учит «любить ближнего своего как самого себя». Что это значит? Когда человек любит себя, ничто не стоит между дающим и получающим любовь. Но когда он любит ближнего своего, его собственное маленькое «я» обычно стоит между ними. Таким образом, любить ближнего своего как самого себя означает любить без всякого вмешательства своего собственного эго, означает достижение полного альтруизма и устранение всяких следов эгоизма.

Сострадание — необходимое условие изучения Второй Сферы Познания, альтруизм же — необходимое условие изучения Третьей.

Как мы отмечали ранее, эти две Сферы недоступны нашему непосредственному наблюдению. И только высшие качества сострадания и альтруизма помогают нам познать их.

ГЛАВА 9

ЧЕТЫРЕ СФЕРЫ ПОЗНАНИЯ: 4

Теперь мы обращаемся к *Четвертой Сфере Познания*, «внешнему виду» окружающего нас мира. Под «внешним видом» я понимаю все, что доступно нашим органам чувств. Ключевой вопрос при изучении Четвертой Сферы Познания — «что я наблюдаю?» Для ответа на него необходимо избавиться от допущений, представлений, предубеждений касательно всего (включая причины наблюдаемых явлений), что нельзя проверить при помощи органов чувств. Таким образом, Сфера 4 — истинный рай для всякого рода *бихевиоризма*, ибо здесь нас интересует только непосредственно наблюдаемое *поведение*. Все науки занимаются именно этой сферой, и немало людей уверены в том, что лишь в ней сосредоточено истинное знание.

В качестве примера можно процитировать Вильфреда Парето (1848-1923), чей *Trattato di Sociologia Generale* превозносили как «величайший и благороднейший труд, утверждающий объективное мышление без всяких сантиментов и развивающий методы, что способствуют воспитанию рационального состояния ума»⁹⁶. Парето, как и многие другие, утверждал, что «научный подход» возможен лишь в Сфере 4:

В своих исследованиях мы прибегаем лишь к непосредственному наблюдению и опыту. Речь идет вовсе не о так называемом «внутреннем» или «христианском» опыте, но лишь об опыте и наблюдении, необходимом для изучения таких естественных наук, как астрономия, химия, физиология, и т. д.⁹⁷.

Другими словами, Парето основывается только на «опыте и наблюдении», то есть на фактах, регистрируемых — в соответствии с теоретическими установками — исключительно физическими органами чувств, вооруженными приборами. Таким образом, он исключает любой *внутренний* опыт: любовь и ненависть, надежду и страх, радость и тоску, и даже боль. По его мнению, это единственный возможный рациональный подход и залог истинного успеха:

История науки до самого недавнего времени являлась историей борьбы против методов изучения человеком своего «внутреннего» опыта и священных текстов... Современные физические науки *развиваются столь успешно именно благодаря искоренению этих методов*, которые все еще хозяйничают в политической экономии и нагло заправляют социологией. Чтобы успешно развиваться, гуманитарные науки должны следовать *примеру естественных наук*⁹⁸.

Совершенно ясно, что Парето не желает или просто не может провести различия между разными Уровнями Бытия. Одно дело изгнать «внутреннее» знание из науки о неодушевленной природе, о низшем из четырех Уровней Бытия. Насколько нам известно, на этом уровне «внутренний мир» не существует, и все подчиняется лишь внешним факторам. Следовательно, человек может досконально изучить материю при помощи своих «внешних» органов чувств. Совсем другое дело отказаться от внутреннего знания в науке о человеческой природе и поведении, на высшем из четырех Уровней Бытия. На этом уровне значимость внешних факторов по сравнению с внутренним опытом ничтожна.

При рассмотрении Второй Сферы Познания (изучение внутреннего мира других существ) мы обнаружили, что наибольшее знание достижимо в отношении высоких уровней, и напротив, внутренний мир неодушевленной материи

остается для нас загадкой. В Четвертой Сфере Познания все наоборот: в изучении неодушевленной материи можно достичь огромных высот, однако, знания о человеке будут ограничены поверхностными внешними аспектами.

По мнению Парето, «закономерности экономической и общественной жизни ни капли не отличаются от закономерностей, выявленных естественными науками». Перед нами типичный пример мыслителя, который отказывается признать иерархию Уровней Бытия; для него человек отличается от камня лишь своей «сложностью».

Наблюдаемые отличия в основном обусловлены большей или меньшей сложностью взаимодействия различных законов...

Еще одно отличие законов общественных наук от законов естественных наук заключается в возможности выявить их действие путем эксперимента... В одних науках опыты получили широкое применение. В других использование опытов ограничено. В третьих же, например, в общественных науках, они практически не применимы⁹⁹.

Действительно, неодушевленную материю можно подвергнуть любым экспериментам. Никакое вмешательство не уничтожит в ней жизнь и не исказит ее внутренний мир, ведь она не обладает ни тем, ни другим.

Эксперимент является достоверным и правомерным методом исследования лишь тогда, когда в ходе опыта исследуемый предмет не разрушается. Неодушевленная материя не поддается разрушению, но лишь преобразованию. С другой стороны, жизнь, сознание и осознанность очень уязвимы и почти неизбежно разрушаются, когда над ними ставят опыты, то есть когда исследователь исходит из того, что элемента *свободы*, присущего этим трем силам, не существует.

Применение эксперимента на более высоких Уровнях Бытия становится недостоверным не только

из-за сложности исследуемого объекта. Дело в том, что причинно-следственные связи, являющиеся верховным законом на уровне неодушевленной материи, на более высоких уровнях занимают подчиненное положение и *используются* высшими способностями в целях, неизвестных на уровне физики и химии. (Вспомним *продвижение* «физическая причина — стимул — мотив — воля» из третьей главы.)

Непонимание этого факта и попытки втиснуть все науки в рамки методов физики, действительно, приводят к некоторым «достижениям»; но накапливаемые знания, скорее всего, станут препятствием к пониманию и даже проклятием, снять которое потом будет очень сложно. Высшее заменяется низшим. Представьте себе ученого, который при изучении шедевров Рафаэля ограничился бы химическим анализом холста и красок.

По всеобщему убеждению, естественные науки, включая химию и астрономию, наиболее развиты и совершенны. Науки о жизни, общественные науки и так называемые гуманитарные науки считаются менее совершенными, так как в них присутствует куда большая доля неопределенности. С точки зрения «совершенства» науки получается, что чем более совершенен предмет изучения, тем менее совершенна наука, его изучающая. Действительно, человек куда более совершенен, чем кусок минерала.

Если материю мы обозначили как m ,
то человека должно обозначить как $m + x + y + z$.

Тогда неудивительно, что о минерале мы приобрели более определенное знание (при этом лишь знание некоторого рода), чем о человеке. Физика имеет дело лишь с « m », причем, как мы уже видели, крайне ограниченным способом. Она может досконально исследовать материю и в этом достичь совершенства. Точно так же механика достигла совершенства в объяснении действия физических сил при

определенных условиях. Но, без всякого сомнения, нам никогда досконально не исследовать « x », « y » и « z ».

Давайте разберемся, чем же все-таки занимаются различные науки в Сфере 4. Их можно условно разделить на две группы: одни заняты *описанием* явлений, воспринимаемых органами чувств, другие в основном изучают работу различных систем и делают *предписания* по их использованию для получения предсказуемых результатов. Примером первой может служить ботаника, примером второй — химия. Различие между науками этих двух видов редко принимают во внимание. Философия науки занимается лишь предписательными науками, как будто описательных наук вообще не существует. Вопреки расхожему мнению разница между «описанием» и «предписанием» не имеет отношения к «зрелости» науки: совершенно неправильно будет сказать, что описательная наука менее совершенна, чем предписательная. Ф. С. С. Нортроп утверждает, что «любая нормально развивающаяся эмпирическая наука начинается с обобщения большого количества частных фактов; затем на основе сделанных обобщений формулируется теория, *подчиненная законам формальной логики и математики*»¹⁰⁰. Это совершенно верно в отношении предписательной науки, скажем, геометрии и физики. Но описательные науки, такие как ботаника, зоология, география, не говоря уже об истории, развиваются совершенно отличным образом.

Различие между описательными и предписательными науками в чем-то похоже на различие между «науками понимания» и «науками манипуляции», которые мы рассмотрели ранее. Достоверное *описание* отвечает на вопрос: «Что же я вижу (или ощущаю другими органами чувств)?» Действенное *предписание* отвечает на совершенно другой вопрос: «Что мне сделать для получения определенного результата?» Совершенно очевидно, что ни описательные, ни предписательные науки не являются беспорядочным нагромождением полученных извне фактов; в обоих случаях факты «очищаются» от случайностей,

обобщаются; формулируются понятия, выдвигаются теории. Однако для достоверного описания необходимо полное отражение действительности, то есть сбор и отражение всех факторов. Действенное же предписание требует упоминания лишь строго необходимых и значимых факторов. По сути, необходимо отбросить все, что напрямую не связано с *получением результатов*. Поэтому можно сказать, что описательная наука занимается (или должна заниматься) в основном *всей истиной*, а предписательная наука занимается в основном только теми *частями или аспектами истины*, манипуляция которыми полезна. В обоих случаях я говорю «в основном», потому что разница между ними не абсолютна и не может быть абсолютной.

Действенные предписания обязательно ясны, точны, несомненны и непротиворечивы. Предписание типа «возьми немного теплой воды» не подходит. Оно может сойти для стряпни, но не для *точной* науки. Нам нужно точно знать, сколько воды и какой температуры, и свести на нет возможность «субъективной» интерпретации. Поэтому предписательная наука стремится все перевести на язык формул и цифр, а *качества* (например, красный цвет) отбрасываются, если только они не соотносятся с каким-либо измеряемым феноменом (таким как световые волны определенной частоты). Так логика и математика выходят на первый план.

С развитием логики и математики было обнаружено, что физические явления подчиняются чудесному *математическому* порядку. Осознав это, одни из самых вдумчивых физиков современности отошли от грубого материализма естественных наук девятнадцатого века и признали существование реальности, выходящей за пределы непосредственно наблюдаемых явлений. Избегая терминологию традиционных религий, приписывающих «царство, власть и славу» Богу, они все же не могли не отметить, что строение и законы Вселенной пронизаны высшей математической гармонией. Так естественные науки сделали чрезвычайно важный шаг навстречу религии. Теперь одни

из самых продвинутых физиков современности признают, что «вся природа — не более чем символ трансцендентных реальностей»¹⁰¹.

Некоторые физики видят в Боге великого математика. Это лишнее доказательство того, что «предписательная наука» *имеет дело только с неодушевленным аспектом Вселенной*. Ведь по сути математика далека от жизни. При всей своей красоте и элегантности (возможно, даже свидетельствующей об Истинности) математические построения холодны и лишены присущего жизни беспорядка роста и разложения, надежды и отчаяния, радости и страдания. Поэтому непременно нужно иметь в виду: нацеленные на достижение предсказуемых результатов физика и другие предписательные науки неизбежно ограничиваются безжизненной стороной реальности. Ведь жизнь и в еще большей степени сознание и осознанность плохо поддаются манипуляции; они обладают собственной волей, что является признаком совершенства.

Давайте теперь отметим на нашей *карте познания* важнейший вывод: поскольку физика и другие предписательные науки основаны на изучении неживой природы, *они не могут научить нас смыслу жизни*. Физики девятнадцатого века утверждали, что жизнь — бессмысленная космическая случайность. Лучшие физики двадцатого века забирают слова своих предшественников обратно и соглашаются, что их наука имеет дело только с функционированием строго изолированных систем и эти знания никоим образом не могут (и не должны) приводить к общепризнанным выводам.

Предписательные науки не в состоянии ответить на вопрос: «в чем смысл жизни и что с ней делать?», однако созданные с их помощью технологии *формируют наш образ жизни* и тем самым чрезвычайно сильно влияют на нашу жизнь. Но используются созданные ею технологии во благо или во вред, науки уже не касаются. Пожалуй, будет справедливо сказать, что с этической точки зрения

эти науки нейтральны. Между тем, не бывает науки без ученых. Даже если вопросы добра и зла не волнуют науку, они непременно должны волновать ученых. Сегодня без преувеличения можно говорить о кризисе предписательной науки. Оставаясь бесконтрольной разрушительной силой, она порождает по отношению к себе недовольство и отторжение, которое может привести и к насилию.

Поскольку предписательные науки занимаются не всей истиной, но лишь теми ее аспектами, с помощью которых можно добиться практических *результатов*, судить о том, насколько науки полезны или вредны, следует исключительно по их результатам.

По всеобщему убеждению наука порождает Истину, то есть точное, непоколебимое, надежное, «научно доказанное» знание. Эта уникальная способность науки ставит ее выше всех других занятий человека. Весь престиж науки основан на этом утверждении, и поэтому оно заслуживает нашего пристального внимания. Во-первых, что значит «научно доказанное»? Можно выдвинуть множество теорий, но на всякую ли найдется доказательство? Очевидно, можно с легкостью «доказать» предписание, имеющее такой вид: «сделайте *X* и получите *Y*». Если это не сработало, что ж, это предписание никуда не годится; если сработало — значит оно «доказано». *Прагматизм* — философия, меряющая истину одним единственным критерием: *работает* — значит *истинно*. Прагматик никогда не скажет: «Истинная идея работает», — он утверждает: «Работающая идея истинна». Однако в чистом виде прагматизм относительно безобиден: это просто метод проб и ошибок, в котором любой вывод относится лишь к наблюдаемому случаю. А какие только предписания не *работают*, если рассматривать их в отдельности! Но чтобы расширить сферу предписательного знания, непременно нужно вывести принцип или «закон», из-за которого данная система работает.

Таким образом, понятие доказательства, а вместе с ним и понятие истины в предписательных науках предполагает

две вещи: предписание должно работать, то есть приводить к обещанным результатам, а также должно *укладываться* в рамки научной парадигмы. Непостижимые в этом смысле феномены для предписательной науки попросту бесполезны и, следовательно, ее не интересуют. Поэтому *методология* предписательных наук *требует* не обращать на такие феномены внимания. Не позволим необъяснимому ставить под сомнение устоявшиеся научные принципы; это не прагматично!

Предписательным наукам нужна лишь та частица истины, что необходима для обеспечения эффективности и надежности их инструкций. Следовательно, и *доказательство* здесь обладает теми же ограничениями: оно устанавливает, что набор предписаний работает и что лежащие в их основе научные принципы *достаточно* верны, чтобы эти предписания работали. Но это вовсе не значит, что не будут работать другие предписания и что действенность предписаний нельзя объяснить совершенно другим набором научных принципов. Как известно, инструкции по расчету движения небесных тел солнечной системы, основанные на теории, что солнце вращается вокруг земли, долгое время давали куда более точные результаты, чем инструкции Коперника и его последователей.

А что является *доказательством* в описательных науках? Ответ очевиден: мы можем составлять классификации, выявлять закономерности, строить домыслы, формулировать теоремы различной правдоподобности, *но доказать что бы то ни было здесь совершенно невозможно*. Научное доказательство имеет место только в предписательной науке (и то лишь с выше описанными ограничениями), поскольку *доказать* можно лишь то, что сделано нашим умом или руками. Нашим умам *по силам* геометрия, математика и логика; поэтому мы можем составлять *работающие* предписания и таким образом установить *доказательство*. Точно так же наши руки способны осуществить самые разнообразные преобразования с материей; поэтому мы

можем составить предписания, как достигнуть ожидаемых результатов и тем самым установить доказательство. Без «действия» на основе предписаний доказательство невозможно.

В рамках предписательных наук спорить с прагматизмом невозможно. Напротив, именно здесь его должное место на «карте познания». Не должно вызывать нареканий и сведение понятия истины к *постижимым* феноменам, что предполагает игнорирование непостижимых вещей, и к теориям, имеющим *эвристическую* ценность, что предполагает отбрасывание «бесплодных» теорий, не ведущих к расширению предписательного знания. Строгое соблюдение этих методологических требований и ведет к «прогрессу», то есть к росту прикладных знаний человека и его способности использовать природные процессы в своих целях.

Но беда в том, что методологию предписательных наук принимают за универсальную научную методологию. Применение методологических требований предписательных наук к описательным наукам порождает ошибочную методологию, ведь ограничение прагматизмом, эвристикой и лаконичностью несовместимы с достоверным описанием. (Я еще раз сделаю это важное замечание, когда мы дойдем до Учения об Эволюции.)

Физика и смежные предписательные науки имеют дело с неодушевленной материей, которая, насколько известно, не обладает ни жизнью, ни сознанием, ни осознанностью. Минералы обладают лишь «внешним видом», но не «внутренним опытом»; на этом Уровне Бытия нас интересуют лишь доступные наблюдению *факты*. Естественно, ничего кроме *фактов* здесь и быть не может, ведь под фактами мы понимаем то, что доступно наблюдению при помощи наших органов чувств. Факты нераспознанные (и тем более нераспознаваемые) внешними органами чувств в теории физики не могут и не должны играть никакой роли. Поэтому на этом уровне совершенно непродуктивно делать

различие между *тем, что мы можем познать* и *тем, что действительно существует*, то есть между эпистемологией и онтологией. Современные физики порой заявляют: «Рано или поздно в наших экспериментах мы сталкиваемся сами с собой». В этом нет ничего таинственного, и было бы совершенно неправильно заключить, что при этом исчезает разница между наблюдателем и наблюдаемым. Просто результаты эксперимента зависят, не полностью, но в большой степени, от вопроса, на который физик желает ответить, ставя этот опыт. Философы-схоласты выразили это очень просто: *per modum cognoscentis* — всякое знание соответствует познавательным способностям познающего.

Различение между эпистемологией и онтологией, или между *тем, что поддается нашему познанию* и *тем, что действительно существует*, обретает смысл только при изучении более высоких Уровней Бытия. Возьмем в качестве примера феномен жизни. Мы в состоянии распознать жизнь, поэтому люди говорили о «витализме», о жизненной силе и утверждали, что «во всех живых существах присутствует внутренняя сила, — неуловимая, неопишущая и неизмеримая, — активирующая жизнь»¹⁰². Но эта здравая точка зрения неприемлема для предписательных наук. Утверждается, что Эрнест Нагель, философ науки, «положил конец витализму» в 1951 году, заявив, что вопрос с «жизненной силой» закрыт, «поскольку витализм оказался бесполезен в биологических исследованиях, а альтернативные подходы имеют большую эвристическую ценность»¹⁰³.

Примечательно, что в этом заявлении против витализма речь идет не о его *истинности*, но о его *пользе*. Смешение этих двух понятий — очень распространенная и вредоносная ошибка. Понятием «польза» — совершенно легитимным методологическим принципом — подменяют понятие *истинности* и раздувают из него теорию, претендующую на универсальную правдивость. Как отметил Карл Штерн, «метод становится менталитетом»¹⁰⁴.

Предположение считается ложным не потому, что оно не соответствует наблюдаемым нами фактам, а потому, что им нельзя руководствоваться в исследованиях и оно не имеет эвристической ценности. С другой стороны, как бы неправдоподобно ни выглядела теория с позиций здравого смысла, она считается истинной просто вследствие ее «высокой эвристической ценности».

Задача описательных наук — это описание. Ученые, занимающиеся этими науками, знают, что мир полон чудес, по сравнению с которыми все человеческие планы, теории и другие измышления кажутся детским лепетом. Поэтому многие из них обладают научной скромностью и, в отличие от Декарта, вовсе не считают своим призванием стать «хозяевами и властителями природы»¹⁰⁵. Однако достоверное описание должно быть не только точным, но и *доступным восприятию* человеческим умом, а ум не может переварить бесконечное скопление фактов. Поэтому совершенно необходимы классификации, обобщения и объяснения, — другими словами, теории, предлагающее некоторые соображения касательно того, как «увязать воедино» факты. Такие теории не могут быть «научно доказаны». Чем шире охват теории в описательных науках, тем больше приходится принимать ее *на веру*.

Универсальные теории в описательных науках можно разделить на две категории: одни видят в описываемых фактах *смысл и работу разума*, другие — лишь игру *случайности и необходимости*. Ясно, что ни первое, ни второе нельзя «увидеть», то есть воспринять человеческими органами чувств. В Четвертой Сфере Познания мы наблюдаем лишь материальные явления, а стоящие за ними смысл и назначение, разум или случайность, свобода или необходимость, так же как жизнь, сознание и осознанность, недоступны восприятию органами чувств. Мы находим и видим лишь «знаки» и выбираем *степень их значимости*. Истолковывать эти знаки как случайность или необходимость так же «антинаучно», как и заявлять, что они — проявления

сверхчеловеческого разума: первое является таким же актом веры, как и второе. Это не значит, что все объяснения знаков одинаково истинны или ложны при любой степени значимости или на любом Уровне Бытия; это лишь значит, что истинность или ложность таких объяснений определяется на основе не научного доказательства, но здравого смысла, который настолько же выше простой логики, насколько ум программиста выше компьютера.

II

Обсуждаемые различия имеют поистине глобальное историческое значение, когда речь заходит о, возможно, самом влиятельном современном учении, Учении об Эволюции. Понятно, что это учение никак не предписательное, а описательное. Поэтому встает вопрос: «Что же оно описывает?»

Джулиан Хаксли определяет эволюцию как «используемое в биологии универсальное понятие без четких границ, применяемое в отношении любого изменения, происходящего в строении животных и растений...»¹⁰⁶ То, что с течением времени физический облик животных и растений действительно менялся, подтверждается многочисленными находками их окаменевших останков в земной коре. При помощи радиоактивного датирования ученые очень точно определили возраст этих окаменелостей и расположили их в исторической последовательности. По этой и другим причинам можно считать, что эволюция, как обобщение в рамках описательной науки изменения форм жизни, установлена с полной достоверностью.

Однако *Учение об Эволюции* — совсем другое дело. Не желая ограничиваться системным описанием изменения форм жизни, оно будто бы доказывает и объясняет это изменение, словно речь идет о предписательной науке. Это философская ошибка с катастрофическими последствиями.

Нам говорят: «Дарвин сделал две вещи: показал, что эволюция действительно противоречит библейской легенде о творении мира и что причина эволюции, естественный отбор, действует автоматически и не оставляет места божественному промыслу»¹⁰⁷. Каждому, кто способен к философскому мышлению, должно быть ясно, что научное наблюдение как таковое не в состоянии сделать эти «две вещи». «Творение» и «божественный промысел» никак не поддаются научному наблюдению. Любой селекционер знает наверняка, что отбор, включая «естественный отбор» приводит к изменению форм животных или растений. Поэтому с научной точки зрения корректно будет сказать, что «естественный отбор является одним из средств эволюционного изменения». Мы даже можем доказать это на практике. Но кто вправе заявлять, будто тем самым доказано, что «естественный отбор действует автоматически и не оставляет места божественному промыслу»? Можно доказать, что люди находят деньги на улице, но это вовсе не означает, что находки на улице составляют единственный источник доходов человека.

Все начинается с невинного объяснения изменений в строении живых существ; затем ни с того ни с сего утверждается, что это учение якобы также объясняет развитие сознания, осознанности, языка, общественных институтов и даже происхождение самой жизни. Нам внушают, будто «все биологи принимают существование процесса эволюции; они также признают, что причина ее — естественный отбор». Поскольку появление жизни считается «значительным эволюционным событием»¹⁰⁸, нам предлагается поверить в то, что даже неодушевленная материя — ловкий участник естественного отбора. Создается впечатление, что для Эволюционного Учения даже самая малая вероятность какого-либо события принимается как научное доказательство того, что это событие действительно произошло:

Под воздействием электрических разрядов и ультрафиолета в атмосфере из водорода, паров воды, аммиака и метана было получено большое количество органических соединений. Это доказывает, что синтез сложных соединений мог происходить до возникновения жизни¹⁰⁹.

И на этом основании мы должны поверить в то, что живые существа возникли совершенно случайно и, появившись, смогли выжить во всеобщем хаосе:

Разумно предположить, что жизнь зародилась в водянистом «супе» добиологических органических соединений и что позднее какая-то часть этих соединений была ограничена мембранами. Так появились «клетки» — первые живые организмы. Обычно это считают отправным пунктом органической («дарвиновской») эволюции¹¹⁰.

Все так просто! Вот органические соединения объединяются, окружают себя мембранами — что могло быть проще для этих чудо-соединений — и ба! вот вам и клетка. А коль скоро возникла клетка, ничто не мешает ей превратиться в Шекспира, пусть даже, ясное дело, на это потребуется некоторое время. Поэтому зачем твердить о чудесах *или признаваться, что мы чего-то не знаем?* Один из величайших парадоксов нашего века в том, что люди, претендующие на гордое звание «ученых», осмеливаются выдавать столь несуразные и наглые измышления за новые научные знания и что *это им сходит с рук*.

Необычайно проницательный психиатр Карл Штерн комментировал это так:

Если сформулировать теорию эволюции строго научным образом, то получится что-то наподобие следующего: «В определенный момент времени температура Земли

стала наиболее благоприятной для объединения атомов углерода и кислорода с азотно-водородными соединениями. Из случайно возникших сложных соединений появились молекулы, структура которых наилучшим образом подходила для возникновения жизни. С тех пор на протяжении многих миллионов лет жизнь постоянно развивалась, пока путем естественного отбора наконец не возникло существо, способное предпочитать любовь ненависти и справедливость несправедливости, способное писать стихи как Данте, сочинять музыку как Моцарт и рисовать как Леонардо да Винчи». Конечно же, такая космогония безумна. Причем слово безумный я употребляю не как ругательство, но скорее как технический термин, означающий психическое расстройство. Такой взгляд на мир имеет много общего с некоторыми аспектами мышления шизофреника¹¹¹.

Между тем, такое мышление по-прежнему преподносится как объективная наука не только биологам, но всякому, кто стремится разобраться в происхождении, значении и цели человеческого существования на Земле. Более того, подобную идеологию внушают практически всем детям по всему миру¹¹².

В задачу науки входит беспристрастное наблюдение и описание наблюдений. Ей вредно *постулировать* существование первопричины, будь то Творец, разум или что-то еще, ведь такая первопричина совершенно недоступна прямому наблюдению. «Давайте попытаемся объяснить наблюдаемые феномены причинами, доступными наблюдению» — вот чрезвычайно разумный и, кроме того, плодотворный методологический принцип. Эволюционизм же превращает методологию в веру, которая исключает, *ex hypothesi**, саму возможность существования более высоких степеней значимости. Вся природа, включая, естественно, и

человека, считается продуктом случая и необходимости *и ничего больше*; в ней нет ни смысла, ни цели, ни разума — «сказка в пересказе глупца, и ничего не значит». Это Вера, и все противоречащие наблюдения либо игнорируются, либо истолковываются не в ущерб Вере.

Современный эволюционизм не имеет научного основания. Его можно охарактеризовать как причудливую выродившуюся религию. Многие из ее высших жрецов даже не верят в то, что они проповедуют. Несмотря на широкое неприятие этой веры, пропагандисты учения продолжают беспрепятственно утверждать, что научные открытия эволюции *не оставляют места* никакой более высокой вере. Контраргументы же просто игнорируются. Статья об эволюции в «Новой британской энциклопедии» 1975 года завершается пунктом под названием «Победное шествие эволюции». В нем утверждается, что «против идей эволюции выступали служители церкви и, некоторое время, отдельные государственные деятели»¹¹³. Кто бы мог подумать, что самые веские возражения были выдвинуты многочисленными биологами и другими учеными с безупречной репутацией? Видно, упоминание о них считается неуместным, и такие книги, как «Иллюзия трансформизма» Дугласа Девара¹¹⁴, в которой эволюционизм наголову разгромлен с чисто научных позиций, даже не включаются в список литературы по этому вопросу.

Эволюционизм — это не наука; это научная фантастика, даже можно сказать мистификация. Это обман, который слишком хорошо удался; в результате современный человек застрял в якобы непримиримом конфликте между «наукой» и «религией». Учение об Эволюции разрушило веру, устремлявшую человечество вверх, и заменило ее верой, что тянет человечество вниз. “*Nil admirari*”*. Да, случай, необходимость и утилитарный механизм естественного отбора подчас предоставляют нашему вниманию любопытные,

* Ex hypothesi — гипотетически (лат.) — Прим. пер.

* Nil admirari — ничему не следует удивляться (лат.) — Прим. пер.

невероятные или жестокие вещи, но все они случайны, а значит бессмысленно восхищаться ими, видеть в них *свершение* — ведь никто не станет восхищаться достоинствами человека, случайно выигравшего приз в лотерее. Здесь нет «высшего» или «низшего», есть только большее или меньшее, пусть даже одно случайным образом оказалось сложнее другого. Эволюционизм, претендующий на объяснение всего и вся исключительно естественным отбором для адаптации и выживания, — самое крайнее проявление материалистического утилитаризма девятнадцатого века. Современная мысль так и не смогла выпутаться из этого обмана, что грозит катастрофой, чреватой крахом всей западной цивилизации. Ибо цивилизация не может выжить без веры в смысл и ценности, выходящие за пределы утилитаризма комфорта и выживания, другими словами, без религиозной веры.

«Не вызывает сомнения», — отмечает Мартин Лингс,

что в современном мире первой причиной потери религиозной веры стала теория эволюции. Удивительно, что многие люди все еще умудряются строить свою жизнь на скользкой и опасной комбинации религии и эволюционизма. Но логически мыслящим людям приходится непременно выбирать то или другое — то есть либо учение о падении человека, либо «учение» о его восхождении — и полностью отвергнуть то, которое они не выбрали...

Миллионы наших современников выбрали эволюционизм на том основании, что эволюция — «научно доказанная истина», как тому их учили в школе. Пропасть между ними и религией становится еще глубже из-за того, что религиозный человек, если только он не ученый, не может найти общий с ними язык, не может выдвинуть правильных научных аргументов против эволюционизма¹¹⁵.

«Ненаучный аргумент» освищут и забьют «всяким научным жаргоном». На самом же деле изначальный аргумент должен быть *не* научным, но *философским*. Он очень прост: если описательная наука пускается в теоретические обобщения и объяснения, которые не могут быть ни подтверждены, ни опровергнуты опытом, она становится ненаучной и необоснованной. Такие теории являют собой не «науку», а «веру».

III

На этом этапе нашего исследования мы можем сказать, что невозможно прийти к *настоящей* ВЕРЕ, основываясь на изучении исключительно Четвертой Сферы Познания, которая касается всего лишь *наблюдения внешних проявлений*.

Но, между тем, следствием все более точного, скрупулезного, осознанного и изобретательного наблюдения внешних проявлений, которым занимаются лучшие современные ученые, становится появление все большего количества данных, полностью противоречащих материальному утилитаризму девятнадцатого века. Здесь я не стану подробно излагать эти открытия. Могу лишь еще раз упомянуть выводы, к которым пришел Уайлдер Пенфилд и которые удивительным образом подтверждаются исследованиями Хэрольда Сакстона Бурра, бывшего профессора анатомии Школы медицины Йельского университета. Его «путешествие в науку» началось в 1935 году и продолжалось сорок лет. Он искал таинственный фактор «х», который превращает неодушевленную материю в живой организм и затем поддерживает его. В человеческом теле идет постоянный распад и синтез молекул и клеток. «К примеру, период “оборота” белка человеческого тела составляет шесть месяцев, а в некоторых органах, таких, как печень, и того меньше. Когда мы встречаем друга, которого не видели шесть месяцев, в его лице нет ни одной молекулы,

что были там при последней встрече»¹¹⁶. Профессор Бурр и его коллеги открыли, что

человек и все живые существа упорядочиваются и управляются электродинамическими полями, поддающимися точному измерению и изображению...

При всей своей сложности «поля жизни» имеют ту же природу и подчиняются тем же законам, что и более простые поля, известные современной физике. Как и физические поля, они являются частью структуры Вселенной и испытывают влияние могущественных космических сил. Так же, как и физические поля, они способны упорядочивать и управлять, что было подтверждено многими тысячами опытов.

Структурирование и управление предполагают цель, а, значит, они прямо противоположны случайности. Поэтому поля жизни являются поддающимся научному наблюдению подтверждением того, что человек — не случайность. Напротив, он неотъемлемая часть Космоса, включенная во все его всесильные поля, подпадающая под его непреложные законы и участвующая в судьбе и цели Вселенной¹¹⁷.

На этом фоне мысль о том, что все чудеса живой природы сводятся лишь к сложным химическим соединениям, появившимся благодаря естественному отбору, выглядит совершенно несостоятельной, пусть даже упорядочивающая сила *полей* по-прежнему остается загадкой. Профессор Бурр развенчал химию, а вместе с ней и биохимию со всей ее мифологией о служащих информационными системами молекулах ДНК и тем самым сделал важнейший шаг в правильном направлении. Однако при этом Бурр не отрицал значимость химии:

Это топливо, приводящее машину в движение, и не более того. Химия живого организма не предопределяет

его функциональные качества, точно так же, как марка бензина не предопределяет, является ли машина Фордом или Роллс-Ройсом. Химические процессы снабжают организм энергией, но направление течения энергии внутри живой системы задается именно электродинамическим полем, без которого понять механизм роста и развития всех живых существ невозможно¹¹⁸.

Примечательно, что по мере приобретения описательной наукой все большей утонченности и точности, грубые утилитарно-материалистические учения девятнадцатого века одно за другим рассыпаются в прах. И это несмотря на то, что большинство ученых ограничиваются в своей работе Четвертой Сферой Познания, а поэтому методично исключают все свидетельства проявлений сил, исходящих с более высоких Уровней Бытия, и ограничиваются рассмотрением неодушевленного аспекта Вселенной. Такое методическое самоограничение вполне оправданно в предписательных науках хотя бы потому, что высшие силы — жизнь, сознание и осознанность — выше «предписаний», ибо предписывают *они сами!* Но в описательных науках такой подход неоправдан. Кому нужны описания, где опущены наиболее интересные свойства и черты объектов? К счастью, сегодня немало ученых, таких как зоолог Адольф Портман и ботаник Генрих Золлер, осмелившихся вырваться из картезианских застенков и показать нам Вселенную, таинственную, царственную, могущественную и славную.

IV

Ранее мы разделили целостное знание на Четыре Сферы Познания. Мы это сделали с тем, чтобы показать целостность знания во всей ее полноте. Вот несколько примеров того, что исследование Четырех Сфер Познания позволяет нам понять:

1. Целостность знания нарушается в случае остановки развития одной или нескольких Сфер Познания или же если развитие одной Сферы происходит при помощи средств и методологий, подходящих для другой Сферы.

2. Для обретения ясного понимания Реальности необходимо соотнести Четыре Сферы Познания с четырьмя Уровнями Бытия. Мы уже касались этого вопроса ранее. И действительно, что можно узнать о человеческой природе, ограничивая исследования Четвертой Сферой Познания, сферой внешних проявлений? Аналогично, что узнаешь о царстве минералов, изучая свой внутренний опыт, если только у человека не открылись некоторые высшие способности, как в случае с Лорбером, Кэйси и Терезой Нойман?

3. Предписательным наукам следует направить свое внимание исключительно на Сферу 4, поскольку математическая точность достижима только в этой сфере внешних проявлений. С другой стороны, описательные науки не выполняют своего назначения, пытаясь по примеру предписательных наук ограничиться наблюдением внешних проявлений. Если же описательная наука не в состоянии проникнуть в *смысл* и *назначение*, познаваемые только через внутренний опыт (Сферы 1 и 2), то такая наука остается бесплодной, а ее знания можно употребить лишь для составления «описей», а это вряд ли достойно благородного звания науки.

4. Самопознание, превозносимое как высшая ценность, становится не только бесполезным, но и вредным, если оно основывается исключительно на изучении Сферы 1, своего внутреннего опыта. Изучение Сферы 1 *непременно* должно дополняться столь же усердным изучением Сферы 3, посредством которой мы учимся видеть себя со стороны. Этот важнейший момент частенько остается незамеченным из-за неумения отличить Сферу 1 от Сферы 3.

5. Наконец, существуют социальные знания, необходимые для налаживания гармоничных отношений

между людьми. Поскольку Сфера 2, внутренний опыт других существ, нам непосредственно недоступна, то важнейшей задачей человека как социального существа является поиск опосредованного доступа к ней. Это опосредованное понимание приобретается только через самопознание, поэтому обвинение человека, стремящегося к самопознанию, в «пренебрежении обществом» является совершенно несостоятельным. Наоборот: человек, пренебрегающий самопознанием, опасен для общества, ибо он склонен неправильно истолковывать слова и действия других людей, а также не имеет никакого представления о воздействии своего поведения на окружающих.

Глава 10

ДВА ВИДА ПРОБЛЕМ

Сначала мы рассмотрели «Мир» с его четырьмя Уровнями Бытия; затем «Человека» с его способностями к восприятию мира и степень соответствия этих способностей миру. И, наконец, мы говорили о «Четырех Сферах Познания» — о познании мира и себя самого. А теперь давайте задумаемся, что же значит жить в этом мире?

Жить — значит *бороться* и приспосабливаться к различным зачастую сложным обстоятельствам. Сложные обстоятельства представляют собой *проблемы*, и можно сказать, что жить — значит, помимо всего прочего, постоянно решать проблемы.

Не берусь судить о наших далеких предках, но у наших современников нерешенные проблемы часто порождают мировоззренческий кризис и переживания. Но у современного человека есть мощное оружие против экзистенциальных мук, а именно картезианский подход к решению проблем: «работай только с тем, что очевидно и отчетливо, точно и не подлежит никакому сомнению, и поэтому полагайся на геометрию, математику, числа, измерения и на точные наблюдения». Вот способ, и как нам говорили, единственный способ решения проблем; только он приведет нас к прогрессу. Не будьте сентиментальными, забудьте о всяких чудесах и необъяснимых явлениях, и тогда все проблемы могут быть и будут решены. Мы живем во времена правления Количества¹¹⁹. Говорят, что количественные методы и анализ, основанный на сравнении издержек и выгод, смогут справиться с большинством, если не со всеми нашими проблемами. Остается лишь собрать достаточное количество данных и их проанализировать.

На это потребуется еще какое-то время, ведь мы имеем дело с довольно сложными существами — людьми — и системами — человеческим обществом. Западная цивилизация считает себя уникальным специалистом в решении проблем. Сегодня в мире упорно трудятся больше ученых и людей, применяющих «научные» методы, чем за всю предыдущую историю человечества. Они не теряют время на созерцание чудес Вселенной и на самоизучение, они *решают проблемы*. (Кто-то, возможно, взволнованно воскликнет: «Ну раз так, то скоро мы будем жить без проблем?») Поспешу обнадежить: во все прежние времена перед человечеством не стояло так много сложных и острых проблем, включая проблему выживания.)

Такая неординарная ситуация заставляет задуматься о природе «*проблем*». Мы знаем, что существуют *решенные* и *нерешенные* проблемы. Понятно, что первые больше не заслуживают нашего внимания, что же касается вторых, то здесь встает вопрос: а не могут ли среди них оказаться не просто нерешенные проблемы, но неразрешимые?

Сначала рассмотрим решенные проблемы. Возьмем техническую проблему, к примеру, как сделать двухколесное средство передвижения, работающее от мышечной силы человека? Выдвигается множество решений, которые постепенно все больше *сходятся* к одному; в конце концов появляется конструкция, ставшая ответом на поставленную проблему — велосипед. Поразительно, но это изобретение не теряет своей актуальности на протяжении длительного времени. Почему же оно до сих пор актуально? Просто потому, что это решение проблемы согласуется с законами Вселенной — законами уровня неживой природы.

Я предлагаю называть этот тип проблем *сходящимися*. Чем глубже вы (кем бы вы ни были) вникаете в суть задачи, тем больше *сходятся* решения. Эту группу проблем можно разделить на «*решенные сходящиеся проблемы*» и «*пока не решенные сходящиеся проблемы*». Здесь важно слово «пока», так как нет причин, по которым *в принципе* эта

проблема не будет однажды разрешена. На все нужно время, и значит просто не прошло достаточно времени, чтобы найти решение этой проблеме. И так, для решения пока нерешенной сходящейся проблемы нужно время, больше инвестиций в исследования (НИОКР) и, может быть, больше таланта.

Однако, случается, что ряд талантливых и способных людей начинают изучать проблему и приходят к противоречащим друг другу решениям. Эти решения *не сходятся*. Наоборот, чем больше логически разрабатывают эти решения, тем больше они *расходятся*, пока одни не станут полной *противоположностью* другим. Например, большинство из нас рано или поздно сталкивается с серьезной проблемой — не технической проблемой создания двухколесного транспорта, а с чисто человеческой проблемой обучения своих детей. Эта проблема неизбежна и требует к себе внимания. Мы начинаем просить совета у толковых и знающих людей. Одни не задумываясь нам скажут: «Образование — это процесс передачи существующей культуры от старшего поколения к младшему. Тот, кто обладает (или считается, что обладает) знаниями и опытом становится *учителем*, а тот, у кого этих знаний и опыта нет, становится *учеником*. Чтобы обучение было эффективным, нужно установить дисциплину и непреложный авторитет учителя». Все просто, четко, логично и справедливо. Для обучения нужен *авторитет* учителя и *дисциплина* и *послушание* учеников.

Другие же, старательно изучив проблему, скажут: «Образование — не больше и не меньше, как обеспечение *благоприятных условий*. Учитель, наподобие хорошего садовника, подготавливает здоровую, плодородную почву, где молодое растение сможет пустить крепкие корни, через которые будет извлекать необходимые для жизни вещества. Юное растение развивается по своим законам, столь тонким и сложным, что не поддаются человеческому воображению. Дайте растению полную свободу брать из почвы нужные вещества, и оно разовьется в полную мощь». Другими

словами, для обучения в этом случае нужны не дисциплина и послушание, а свобода, полная и неограниченная свобода.

Если права первые, и дисциплина и послушание — это хорошо, тогда по законам логики, чем больше хорошего, тем лучше. И было бы просто великолепно, если бы дисциплина и послушание стали идеальными... и школа превратилась в тюрьму.

Вторые, в свою очередь, утверждают, что свобода — это хорошо. И опять же по принципу «чем больше хорошего, тем лучше», идеальный вариант для обучения — это полнейшая свобода. Тогда школа станет джунглями или даже психиатрической лечебницей.

Свобода и дисциплина (послушание) здесь — пара противоположностей. И никаких компромиссов. Или «делай, что хочешь», или «делай, что говорят».

Логика здесь не помощник, так как по правилам логики если верно А, то противоположное этому (¬А) не может быть верно в одно и то же время. Также логика утверждает, что если это хорошо, то чем больше этого хорошего, тем лучше. Проблема с обучением — одна из типичных и фундаментальных проблем, которые я называю *расходящимися*. Такие проблемы не поддаются обычной прямолинейной логике, они демонстрируют нам, что *жизнь выходит далеко за рамки логики*.

Проблема «какой метод обучения лучше» являет собой расходящуюся проблему в чистом виде. Решения проблемы расходятся, и чем более логичны и обоснованны эти решения, тем больше расхождение между ними. «Свобода» или же «дисциплина и послушание»? Выхода из этого противостояния нет. Но как же получается, что одним учителям обучение детей удастся лучше, чем другим? Можно спросить у них самих. Но если с ними поделиться нашими философскими изысканиями, столь разумный, казалось бы, подход может вызвать раздражение. Возможно, они прервут нас: «Послушайте, это для меня слишком сложно. Поймите одну простую вещь: этих маленьких сорванцов

нужно просто *полюбить*». Любовь, сочувствие, соучастие, понимание, сострадание — это качества *высшего порядка*, более высокого, чем тот, который нужен для установления дисциплины или свободы. Для пробуждения высших качеств, которые бы служили человеку постоянно, а не от случая к случаю, нужен высокий уровень осознанности, и именно это отличает талантливого учителя.

Классическим примером расходящейся проблемы является не только обучение, но и, безусловно, политика, где «свобода» и «равенство» — самая часто встречающаяся пара противоположностей, что на самом деле значит свобода *или* равенство. Стоит все пустить на самотек, и сильный процветает, а слабый страдает; здесь нет и намека на равенство. С другой стороны, установление равенства означает ограничение свободы — да, это так, *пока не вмешаются силы высшего порядка*.

Не знаю, кто придумал девиз французской революции*, новлюбомслучаеэтобылудивительнопроницательныйчеловек. К паре логически непримиримых противоположностей Свобода (*Liberté*) и Равенство (*Egalité*) он добавил третий фактор — Братство (*Fraternité*), силу высшего порядка. Как отличить ее от двух других? Свободу или равенство можно установить насильно в законодательном порядке, но братство — человеческое качество, неподвластное государству и церкви, им невозможно манипулировать. Его можно достичь строго индивидуально путем напряжения и мобилизации собственных высших качеств и сил, одним словом, для этого нужно измениться внутренне в лучшую сторону. «Как же заставить людей меняться в лучшую сторону?» Подобный вопрос звучит столь часто, что становится ясно: суть вопроса постоянно теряется из виду. *Заставить* людей стать лучше значит манипулировать ими,

* Говорят, что это был Луи Клод де Сэн-Мартен (1743-1803), что подписывал свои работы псевдонимом Le Philosophe inconnu, Безвестный Философ.

манипуляция же относится к тому уровню, где существуют противоположности, примирить которые невозможно.

Итак, мы поняли, что существует два разных *вида* проблем, которые могут встречаться на нашем жизненном пути: «сходящиеся» и «расходящиеся». В этой связи возникают интересные вопросы:

Как распознать, к какому виду относится та или иная проблема?

В чем различие этих видов?

Что является решением для проблем каждого из видов?

Существует ли «прогресс»? Можно ли решения накапливать и передавать будущим поколениям?

Пытаясь разобраться в этих вопросах, мы неизбежно углубляемся в дальнейшие размышления.

Начнем с вопроса о распознавании вида проблемы. Как мы уже упоминали, если проблема сходящаяся, то предлагаемые решения постепенно сходятся, становятся все более точными, и в конце концов они могут быть записаны в виде инструкции.

Как только решение найдено, проблема более не представляет интерес: решенная проблема — мертвая проблема. Чтобы претворить решение проблемы в жизнь, не требуются высшие качества и способности — задача решена, и работа сделана. Кто бы ни пользовался в дальнейшем этим решением, он может оставаться относительно пассивным, всего лишь принимая готовое решение и не тратя на него никаких усилий. Сходящиеся проблемы относятся к *неодушевленной* стороне Вселенной, где манипуляция не встречает никаких препятствий и где человек — «хозяин и повелитель», так как тонкие высшие силы, к которым мы отнесли жизнь, сознание и осознанность, не осложняют ситуацию своим присутствием. Но там, где серьезно замешаны высшие силы, проблема перестает быть сходящейся. Можно сказать, что проблема *сходится* в том случае, если нет жизни, сознания и

осознанности. Такие проблемы могут возникать в областях естественных наук: физики, химии, астрономии, а также в таких абстрактных науках, как геометрия и математика, или играх типа шахматы.

Но если в проблему вовлечены высшие Уровни Бытия, она становится *расходящейся*, так как в ней участвуют, может быть, почти незаметно, свобода и внутренний опыт. Такие проблемы заключают в себе наиболее универсальные противоположности, составляющие суть Жизни: рост и разрушение. Рост процветает в условиях свободы (я имею в виду здоровый рост; патологический рост — это на самом деле одна из форм разрушения), тогда как силы разрушения и распада можно сдерживать только некоторым порядком. Эти основные пары противоположностей

Рост или же Разрушение
и Свобода или же Порядок

можно наблюдать везде, где есть жизнь, сознание и осознанность. Как мы уже поняли, именно противоположности создают расходящуюся проблему, тогда как в отсутствии таких фундаментальных противоположностей проблема непременно сходится.

Современную методологию решения проблем можно смело сравнить с «лабораторным подходом», суть которого в том, чтобы устранить всенеподдающиеся контролю и точным измерениям факторы. То, что остается после такой чистки, уже трудно назвать жизнью со всей ее неопределенностью; оставшееся скорее напоминает изолированную систему в стерильных условиях, где все проблемы сходятся, а значит, в принципе, *поддаются решению*. Решение сходящихся проблем *доказывает* что-то в этой изолированной системе, но это доказательство никоим образом не распространяется за ее пределы.

Решить проблему — значит убить проблему. Можно спокойно «убивать» сходящиеся проблемы, ведь они

относятся к «неодушевленному» Уровню Бытия без жизни, сознания и осознанности. Но можно и нужно ли «убивать» расходящиеся проблемы? (Слова «окончательное решение» для людей моего поколения все еще имеют ужасный смысл.)

Расходящуюся проблему невозможно убить, так как она не поддается решению в виде пошаговой инструкции. Однако можно стать выше расходящейся проблемы. Свобода и порядок — противоположности только на уровне обыденной жизни, но на более высоком уровне, где человек, обладая должной *осознанностью*, становится Человеком, они перестают быть противоположностями. И тогда высшие силы: любовь, сострадание, понимание и сочувствие не просто просыпаются время от времени, как это происходит на низших уровнях, а становятся мощной постоянной силой. Противоположности мирно сосуществуют вместе, словно лев и ягненок с известного изображения святого Джерома (который собой являет «высший уровень») руки Альбрехта Дюрера.

Почему же при вмешательстве «высших сил» противоположности перестают быть таковыми? Почему свобода и равенство в присутствии братства прекращают вражду и подают друг другу руку дружбы? С точки зрения логики на эти вопросы ответов не существует. Это вопросы *экзистенциальные*. Экзистенциализм же требует, как отмечалось¹²⁰, чтобы *внутреннее переживание принимали как доказательство*. Это предполагает, что нет доказательства без личного внутреннего опыта. То, что противоположности преодолеваются, когда вмешиваются «высшие силы», такие как любовь и сострадание, не докажешь логикой — это необходимо испытать своим существом (слово «экзистенциализм» идет от «экзистенции», то есть существования). Возьмем семью с четырьмя детьми: двумя старшими сыновьями и двумя младшими дочерьми, где царят свободные порядки. Однако же эта свобода не уничтожает равенства среди членов семьи, ведь *братство* не позволяет старшим братьям пользоваться тем, что они сильнее.

Очень важно осознать сосуществование этих противоположностей. Наш логический ум их не очень-то жалуется; он привык работать по принципам компьютера: «или-или» либо «да-нет». Поэтому наш ум всегда пытается выбрать из пары противоположностей что-нибудь одно, что еще дальше уводит от реальности и ведет к полной утрате сути вещей. Тогда ум, часто совершенно незаметно для себя, обращается к другой противоположности. Он мечется из крайности в крайность, словно маятник; и в каждой крайней точке ему кажется, что он «нашел свежее решение», либо ум становится застывшим и безжизненным, залипает на одну из противоположностей и думает, что «проблема решена».

Противоположности, основными из которых являются *порядок и свобода* и *рост и разрушение*, создают в мире трение, обостряющее чувствительность и повышающее осознанность человека. Вряд ли можно достичь настоящего понимания без осознания существования этих противоположностей, присутствующих во всех делах человека.

В жизни человеческого общества необходимы и справедливоенаказание, и милостивое прощение. Как говорил Фома Аквинский, «наказание без прощения превращается в жестокость, а прощение без справедливой кары — в разрушение»¹²¹. Его слова — прекрасная иллюстрация расходящейся проблемы. Справедливость — отрицание прощения, а прощение — отрицание справедливости. Примирить их может только высшая сила — мудрость. Проблему невозможно решить, но с помощью мудрости можно встать над проблемой. Аналогично, обществу нужны стабильность и перемены, традиции и новшества, уважение общественных интересов и уважение личных интересов, планирование и свобода предпринимательства, порядок и свобода, рост и разрушение. Здоровье общества зависит от одновременного достижения взаимно противоположных целей и осуществления противоположных видов деятельности. Но залипание на чем-нибудь одном, другими словами

окончательное решение для человеческого общества все равно, что смертный приговор, и несет с собой либо жестокость, либо разрушение, а обычно и то, и другое.

Расходящиеся проблемы для логического ума — пища трудноперевариваемая. Ему бы хотелось устранить трение и встать на какую-нибудь сторону. Но противоположности подхлестывают, побуждают и обостряют у человека способности высшего порядка, без которых человек всего лишь умное животное. Если человек упрямо отказывается признать, что расходящиеся проблемы не имеют окончательного решения, то его высшие способности так и не просыпаются, а то и просто атрофируются, а когда это происходит, «умное животное» скорее всего уничтожает себя.

Таким образом, жизнь человека — это череда расходящихся проблем, они неизбежны и требуют к себе внимания. На них не действует простая логика и мечущийся из крайности в крайность разум. Расходящиеся проблемы можно назвать силовым тренажером для развития Человека Целостного и его высших качеств, стоящих над логикой. Во всех традиционных культурах жизнь считалась для человека лучшей школой.

II

На этом этапе наших рассуждений необходимо упомянуть искусство. Сегодня, пожалуй, за искусство может сойти все, что угодно. Кто посмеет осуждать то, что претендует на «искусство, опережающее свое время»? Но не стоит стесняться. Мы можем сформировать свое отношение к тому или иному произведению искусства, определив, как оно влияет на человека, его чувства, мысли и волю. Если цель искусства — это воздействие на чувства человека, то его можно смело назвать развлечением, если искусство воздействует на волю человека — то это уже пропаганда. Пропаганда и развлечение являются противоположностями,

и нам нетрудно почувствовать, что в каждой из них чего-то не хватает. Нельзя сказать, что великие мастера искусства чуждались в своих произведениях развлечения и пропаганды, однако они никогда не ограничивались только ими. Они постоянно стремились отобразить истину, передать ее *силу*, взывая к высшим человеческим качествам, разумности, которые по своей природе выше логики. Развлечение и пропаганда не дают нам никакой силы, наоборот, они подавляют нас. Но когда в развлечение и пропаганду привносится стремление к передаче Истины, тогда противостояние преодолевается, и искусство служит развитию высших человеческих качеств.

Искусство может претендовать на истинную ценность, как говорит Ананда К. Кумарасвами,

если оно стремится питать лучшие человеческие качества и способствовать их росту, если оно для человека то же, что плодородная питательная почва для растения. Оно должно вести к пониманию, а не к утонченным чувственным переживаниям. С одной стороны, публика права в своем желании узнать, «о чем» данное произведение искусства... Так давайте откроем им горькую правду: большинство великих произведений искусства — о Боге, которого не принято упоминать в образованном обществе. Так давайте признаемся себе в том, что воспитание может соответствовать глубочайшей природе и красноречию этих великих произведений искусства, только если это будет воспитание не чувственное, но воспитание философское, в том смысле, который вкладывали в слово «философия» Платон и Аристотель, для которых *она означает онтологию, теологию, карту жизни и мудрость, что должна быть применена к повседневной жизни*¹²².

Все великие произведения искусства говорят «о Боге» в том смысле, что они указывают заблудшим путь, дорогу

Ссылка на файл: <http://www.samorodok.org/schum.pdf>

вверх и являются Картой для Заблудившихся. Можно снова вспомнить «Божественную комедию» Данте, которая стала одним из величайших примеров такого искусства. Данте писал для обычных людей, а не для тех, кто достаточно богат, чтобы в основном интересоваться утонченными чувствами. «Я проделал эту работу, — писал Данте, — не в умозрительных, но в практических целях... главная цель ее — вытащить живущих в этом мире из ямы страданий и привести их к храму блаженства»¹²³. Герой Комедии, пилигрим, странник в поисках истинны — сам Данте — пребывая на вершине славы и успеха в обществе, вдруг осознал, что он вовсе не на вершине, а напротив «очутился в сумрачном лесу, утратив правый путь».

Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозный,
Чей давний ужас в памяти несусь!
Так горек он, что смерть едва ль не слаще.

И он совершенно не помнит, как вообще попал туда,

Настолько сон меня опутал ложью,
Когда я сбился с верного следа.

Но, очнувшись, Данте взглянул вверх на гору и увидел,

Что свет планеты, всюду путеводной (Солнца),
Уже на плечи горные сошел.

Он увидел ту самую гору, на которую собирался взойти. Тогда, передохнув, Данте направился вверх, но обнаружил, что его путь преградили три зверя: во-первых,

И вот, внизу крутого кособора,
Проворная и выющая рысь,
Вся в ярких пятнах пестрого узора.

Все права защищены. www.samorodok.org

Она, кружа, мне преграждала высь,
И я не раз на крутизне опасной
Возвратным следом помышлял спастись.

Проворная, вьющаяся, «с шерстью прихотливой», рысь символизирует все приятные соблазны жизни, которым он привык уступать. Но дальше — больше: дорогу преграждали лев, страшный в своей свирепости, и волчица,

чье худое тело,
Казалось, все алчбы в себе несет;
Немало душ из-за нее скорбело.
Меня сковал такой тяжелый гнет,
Перед ее стремящим ужас взглядом,
Что я утратил чаянье высот...

Но с высоты рая за ним наблюдает Беатриче, которой захотелось помочь Данте. Сама она помочь ему уже не может, так как он пал слишком низко, чтобы религия могла протянуть ему руку помощи. Тогда Беатриче просит *Искусство*, в лице Вергилия, вывести его из этой «долины темной». Искусство — посредник между человеческой заурядностью и его высшими способностями. И Данте принимает помощь Вергилия:

Я так был рад словам твоим внимать
И так стремлюсь продолжить путь начатый,
Что прежней воли полон я опять.
Иди, одним желаньем мы объаты:
Ты мой учитель, вождь и господин!¹²⁴

Только Истина может служить учителем, вождем и господином. И как заблуждаются те, кто ценит искусство ради искусства, ради красоты. Истинное назначение искусства — наполнить человека стремлением «продолжить путь начатый» вверх, на самую вершину горы. На самом

деле мы действительно хотим взобраться на вершину, правда постоянно забываем об этом нашем желании возвратиться к «прежней воле».

Темой всех великих литературных произведений были расходящиеся проблемы. Если вы читаете такую литературу (пусть даже Библию!) просто как «читиво», ради наслаждения поэзией, ярким сюжетом и образами, хорошим стилем и удачными сравнениями, то вы низводите тонкое и возвышенное до уровня посредственности.

III

В настоящее время многие твердят о необходимости новых моральных устоев и этических норм для общества. Говоря о «новом» они, похоже, забывают, что имеют дело с проблемой расходящейся, которая требует не очередного изобретения, а развития высших человеческих качеств и их применения на практике. В пьесе «Мера за меру» Шекспира есть такие слова: «Одни на грехе вознесутся, а другие и на добродетели падут», которые означают, что важно не просто решить, что добродетель — благо, а зло — порок (что так и есть на самом деле!), гораздо важнее возвышение человека и пробуждение его высших качеств. Обычно человек возвышается через добродетель, но если он совершает добрые дела автоматически, не вкладывая в них свои лучшие качества, то основной мотив такой добродетели — самодовольство, и возвышения человека не происходит. Аналогично, то, что по обычным меркам считается грехом, может вызвать этот важнейший процесс развития, если грех пробуждает в человеке потенциал его высших качеств. Здесь можно процитировать восточный трактат Кула нава Тантра: «Человек на чем падет, на том и вознестись может».

Традиционная мудрость, столь яркими представителями которой являются Шекспир и Данте, стоит выше обыденной

расчетливой логики и определяет «Благо» как то, что помогает нам стать Человеком с большой буквы и развить наши высшие качества, которые являются необходимым условием и частью осознанности. Без них нет человечности, которая отличает человека от животного, без них «Благо» сводится к дарвиновским проблемам приспособления и выживания, а также к утилитарному «чем больше имеешь, тем более счастлив», где счастье — ничего больше, чем комфорт и чувственное удовольствие.

На самом деле человек с трудом принимает такое упрощение. Даже хорошо устроившись в жизни, обеспечив себя максимальным комфортом и имея все тридцать три удовольствия, он тем не менее он по-прежнему задается вопросами: «Что такое Добро? Что такое Счастье? Что есть Зло? Что есть Грех? Как вести достойную человека жизнь?»

Этика — чуть ли не единственная область философии, в которой царит полная неразбериха. Спросите у профессора этики совета о надлежащем поведении, и он расскажет вам, кто, когда и что сказал по этому поводу. За редким исключением преподаватели углубляются в вопросы этики без предварительного разьяснения цели человеческого существования на Земле. Но как можно однозначно сказать, что есть добро, а что зло, что правильно и что неправильно, что хорошо, а что плохо, не определив цели: а хорошо для чего и для кого? Вопрос о цели и назначении добродетели назвали «натуралистическим заблуждением» — у добродетели не может быть цели; добродетель — это цель в себе. Вряд ли кто-нибудь из великих духовных учителей человечества удовлетворился бы таким ответом. Если говорят, что это хорошо, но никто не может объяснить, для чего и почему это хорошо, то не стоит ожидать, что это, даже якобы хорошее, заинтересует хоть кого-нибудь. Если на нашей Карте Жизни с комментариями не нанесено местонахождения «Добра» и не обозначено как до него добраться, то какой прок в такой Карте?

Давайте подведем итоги. Мы обсудили, в чем заключается первая Великая Истина: структура мира иерархична. Иерархия состоит по крайней мере из четырех Уровней Бытия, и чем выше по Лестнице Бытия, тем больше новых качеств прибавляется на каждом последующем Уровне. Очевидно, что Уровень человека не окончательно сформирован. Для человека нет обозримых пределов для совершенства; как говорили древние, человек — *sapax universi*, то есть обладает неограниченными, вселенскими возможностями; а великое достижение пусть *одного единственного* человека, даже если никто так и не смог добиться того же, будет гореть звездой во мраке и напоминать остальным о великих способностях Человека. Очевидно, что даже взрослый зрелый человек — это далеко не заверченный продукт, хотя люди, несомненно, находятся на разных уровнях «завершенности». У большинства людей присущая только человеку способность к осознанию так и остается до конца жизни в зачаточном состоянии, активизируется крайне редко и то на короткие мгновения. Это поистине «талант», который, согласно традиционным учениям, мы должны усердно развивать и культивировать и ни в коем случае не зарывать в землю.

Мы лишь поверхностно рассмотрели различные «продвижения», которые можно выделить на различных Уровнях Бытия: от неодушевленного минерала до человека, обладающего осознанностью и далее до совершенной, абсолютно целостной, просветленной, свободной Сущности. Эта экстраполяция необходима не только для понимания того, что имели в виду наши предки, когда говорили о Боге, но и для осознания единственного пути развития человека на Земле, если, конечно, он хочет, чтобы жизнь его имела цель и смысл.

Вторая Великая Истина заключается в *соответствии* — всему окружающему нас в этом мире должен как бы соответствовать какой-либо орган чувств, способность или сила внутри нас; в противном случае мы даже не

будем знать о существовании какого-либо объекта или явления. Таким образом, внутри нас существует иерархия способностей, и неудивительно, что к чем более высокому уровню относится способность, тем реже она встречается и тем больше усилий требуется для ее развития. Чтобы достичь уровня Человека, нам необходим образ жизни, который бы способствовал такому развитию. Это значит, что наша низшая составляющая должна получать от нас ровно столько внимания, сколько ей необходимо, оставшуюся большую часть свободного времени и внимания нужно посвятить развитию нашей высшей составляющей.

Центральное место в этом развитии занимает работа в Четырех Сферах Познания. Наше понимание главным образом зависит от того, насколько беспристрастно, объективно и усердно мы учимся познавать себя — то, что внутри нас (Сфера 1), и как мы предстаем в глазах окружающих (Сфера 3). Традиционные религиозные учения сосредотачивали свои усилия в основном на этих двух видах самопознания, но на Западе на протяжении веков самопознанию не уделяется практически никакого внимания. Вот почему мы не доверяем друг другу, вот почему большинство живет в постоянной суете и тревоге, вот почему несмотря на наши высокие технологии, общение между нами становится все труднее и труднее, вот почему нам нужно и дальше развивать систему социальной поддержки, которая бы залатала дыры в нашем дезинтегрированном обществе. Христианские (и другие) святые так хорошо познали себя, что могли «видеть насквозь» и других. Современному человеку, который так запустил область самопознания, что теперь с трудом находит общий язык с женой, конечно, тяжело поверить, что Святой Франциск мог общаться с животными, птицами и даже цветами.

«Внутренний мир» (Сферы 1 и 2) — это мир свободы, «окружающий мир» (Сферы 3 и 4) — это мир необходимости. Между этими двумя полюсами свободы и необходимости и распределены все наши серьезные жизненные проблемы.

Эти проблемы *расходящиеся*, и решений не существует. Наше неумное стремление к *решению* проблем проистекает из-за недостатка самопознания, в результате чего развивается что-то вроде экзистенциальной тоски. У Кьеркегора, например, она носила особенно выраженный характер. В стремлении *решить* все проблемы, мы сосредоточили все интеллектуальные усилия на изучении *сходящихся* проблем.

Более того, добровольное ограничение необъятного Разума и сведение его к «искусству решения проблем» даже стало предметом гордости. «Хорошие ученые, — говорит П. Б. Медавар, — изучают самые серьезные проблемы, которые по их мнению, они только способны решить. В конце концов, именно решение проблем, а не просто их изучение и понимание — профессиональный долг ученого»¹²⁵. Что ж, это вполне справедливо, и в то же время демонстрирует нам, что «хорошие ученые» могут работать лишь с неодоушевленной, мертвой частью Вселенной. Но истинные проблемы жизни приходится *изучать и понимать*. Повторяя слова Фомы Аквинского: «Самое приблизительное знание высшего более ценно, чем самое точное знание низшего», а «изучение и понимание» при помощи самого приблизительного знания и составляет истинную суть жизни, в то время как решение проблем (которые, чтобы быть решаемыми, должны быть *сходящимися*) при помощи «самого точного знания низшего» — просто одно из многих полезных и совершенно достойных человеческих занятий, призванных снизить затраты труда.

Логический ум ненавидит расходящиеся проблемы и норовит избежать их. Высшие же способности человека принимают вызовы жизни такими, какие они есть, без всяких жалоб, ибо знают, что когда все необыкновенно противоречиво, абсурдно, сложно и досадно, тогда и *только тогда* жизнь действительно имеет смысл: это механизм, толкающий и даже практически заставляющий нас расти к более высоким Уровням Бытия. Весь вопрос заключается в

вере, в выборе нашей собственной «степени значимости». Наш обычный ум постоянно пытается убедить нас, что мы всего лишь желуди, и наше высшее счастье — быть побольше, пожирнее и получше блеснуть; но это интересно только свиньям. Наша вера открывает знание куда лучшей участи: мы можем стать дубами.

Что такое добродетель и что такое зло? Все зависит от нашей веры. Ориентируясь по четырем Великим Истинам, рассмотренным в этой книге, и изучая взаимосвязи между этими четырьмя ориентирами на нашей «карте», мы без труда различаем, в чем состоит истинное развитие человека:

1. Первая задача человека — учиться у общества и «традиции» и обрести временное счастье, следуя внешним указаниям.

2. Вторая задача человека — усвоить обретенные знания, сделать их «своими»: просеять их, разобраться в них, оставить хорошее и выбросить плохое. Этот процесс можно назвать «индивидуализацией», превращением в самоуправляемое существо.

3. С третьей задачей человеку не справиться, пока не выполнены первые две, и для ее выполнения ему необходима лучшая помощь, которую только можно найти. Последняя задача — смерть собственного эго, устранение предпочтений, остановка суетной жизни. В той степени, в которой это человеку удастся, он перестает быть управляемым извне, а также перестает управлять собой сам. Тогда человек обретает свободу или, можно сказать, становится ведомым Богом. Христианин надеется достичь именно этого.

Если такова тройная задача, стоящая перед каждым человеком, мы можем сказать, что «хорошо» то, что помогает мне и другим в этом путешествии к освобождению. Меня призывают «любить ближнего своего как самого себя», но я вообще не могу любить его (кроме как чувственно или

сентиментально), если только не любил себя достаточно для того, чтобы отправиться в такое путешествие саморазвития. Как я могу любить его и помочь ему, если вслед за апостолом Павлом говорю: «Не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю»? Чтобы обрести способность любить ближнего своего и помогать ему, а также любить себя и помогать себе, меня призывают «любить Бога», то есть усердно, терпеливо, изо всех сил тянуться умом к высшему, к Уровням Бытия выше моего собственного. Только в них заключено для меня Благо.

ЭПИЛОГ

В самом начале «Божественной комедии» Данте «проснулся» и обнаружил, что оказался вдруг в страшном лесу, темном и дремучем. Он в ужасе пытается взойти на гору, но это ему никак не удастся. Тогда Данте пришлось спуститься в ад, где он осознал всю реальность греховности. Сегодня людей, понимающих, что современный мир — это *самый настоящий ад*, принято обзывать в лучшем случае пессимистами. Дороти Сэйерс, прекрасно разбирающаяся в Данте и в проблемах современного общества, отмечала следующее:

Никто не станет отрицать, что ад Данте — это картина погрязшего в пороках и морально разложившегося человеческого общества. Совершенно ясно, что общество сбилось с верного пути и движется к самоуничтожению и сегодня в окружающем мире не трудно увидеть все степени деградации человека вплоть до полного разложения. Никчемность человека, потеря живой веры, распущенные нравы, жадное потребление все большего количества товаров, финансовая безответственность и несдерживаемые отрицательные эмоции, самодурство и ярый индивидуализм, насилие, бесплодность, отсутствие уважения к жизни и собственности, чужой и своей, злоупотребление сексом, испорченный рекламой и пропагандой язык, превращение религии в бизнес, потворство суевериям и зомбирование умов людей массовой истерией и самыми разнообразными «заклинаниями», продажность марионеточной государственной власти, лицемерие, мошенничество в делах материальных, «научная» ложь, разжигание межклассовой и межнациональной вражды в корыстных

478

целях, вырождение способности общаться, эксплуатация самых низменных и глупых стадных чувств, разложение основ отношений в семье, в государстве, с друзьями и клятвopеступления — все это до боли знакомые проявления разложения и деградации общества и угасания всяких цивилизованных отношений¹²⁶.

Какое обилие расходящихся проблем! Между тем люди продолжают требовать «решений». Они выходят из себя, когда слышат, что обновление общества должно идти изнутри, а никак не извне. Этот отрывок был написан двадцать пять лет назад. С тех пор мы продолжаем катиться в пропасть, а картины ада становятся все более знакомыми.

Но есть и перемены к лучшему: слова о том, что *обновление должно прийти изнутри* уже не вызывают такой злобы и отторжения; а свято верующих в то, что все сводится к «политике» и что для спасения цивилизации достаточно перестройки «системы», заметно поубавилось. Во всем мире находятся люди, что меняют свой образ жизни и отказываются от излишеств западного общества потребления; убывает наглая самоуверенность материалистической «науки» и иногда даже в образованном обществе позволительно говорить о Боге.

Неспорю, что некоторые перемены взглядов проистекают не от духовных прозрений, но от материалистического страха, порождаемого экологическим и энергетическим кризисом, угрозой продовольственного кризиса и серьезного ослабления здоровья целых наций. Сталкиваясь с этими и многими другими угрозами, большинство людей по-прежнему свято верят во всемогущество науки и техники. Стоит нам обуздать *энергию ядерного синтеза*, говорят они, и проблема недостатка топлива отпадет раз и навсегда; стоит наловчиться перерабатывать нефть в съедобные белки, и мир забудет о голоде и нехватке продовольствия; а новейшие лекарства обязательно решат проблемы со здоровьем... и так далее.

Как бы то ни было, вера во всемогущество современного человека тает на глазах. Даже если бы наука и техника решила все современные проблемы, атмосфера никчемности, беспорядка и духовного разложения никуда не делась бы. Она сформировалась еще до возникновения глобальных современных проблем, и не исчезнет сама по себе. Все больше людей начинают сознавать, *что «эксперимент нового времени» провалился*. Он начался с так называемой картезианской революции, что неумолимой логикой отделила человека от Высших Уровней, а ведь только одни способны поддерживать его человечность. Человек захлопнул для себя врата Неба и с необычайной энергией и изобретательностью попытался ограничиться Землей. Теперь он открывает, что Земля — лишь переходное состояние, и отказ от стремления к Небу означает невольное погружение в Преисподнюю.

Человек может обойтись без церквей, но не может обойтись без религии, то есть без систематической работы по установлению и поддержанию контакта с Уровнями Бытия более высокими, чем уровень «обыденной жизни» со всеми ее удовольствиями или болью, чувствами, удовлетворенностью, утонченностью или грубостью — с чем бы то ни было. *Современные попытки безбожной жизни провалились*, и как только мы это осознаем, мы также осознаем задачи, стоящие перед нами в будущем. Замечательно, что немало молодых людей самого разного возраста уже смотрят в правильном направлении. Они чувствуют нутром, что сосредоточение только на успешном решении сходящихся проблем зачастую мешает решению расходящихся проблем, которые и составляют живой материал настоящей жизни.

Искусство жить — это умение плохое превратить в хорошее. Только *осознав*, что мы уже давно спустились в *преисподнюю*, где нас ждет лишь «разложение и деградация общества и угасание всяких цивилизованных отношений», мы можем набраться смелости и воображения для

устремления к высшему. Тогда мир предстанет в новом свете, как благодатное место, где задачи, которые современный человек без устали себе ставит, но никак не решит, *могут быть решены*. Щедрость матушки Земли позволяет нам обеспечить пищей все человечество; мы достаточно хорошо разбираемся в экологии, чтобы постоянно поддерживать здоровье Земли. На Земле хватает места и материалов, чтобы у каждого была крыша над головой; мы обладаем всеми необходимыми знаниями, чтобы производить достаточное количество предметов первой необходимости и уничтожить нищету. А главное, мы увидим, что экономическая проблема — сходящаяся и *уже решена*: мы знаем, как обеспечить *достаток*, и для достижения этого не нуждаемся в насильственных, бесчеловечных, агрессивных технологиях. Экономических проблем *не существует* и, можно сказать, никогда не существовало. Но есть проблемы этические, а они не сходятся, их невозможно решить раз и навсегда, так, чтобы будущие поколения уже никогда не задумывались над ними. Нет, это расходящиеся проблемы, которые требуют понимания. А тот, кто понял, поднимается над ними.

А вы уверены, что люди захотят устремиться к высшему и их будет достаточно много, чтобы спасти современный мир? Этот вопрос задают очень часто, но каков бы ни был ответ, он лишь собьет с толку. Ответ «да» приведет к самоуспокоению, ответ «нет» — к отчаянию. И мы не станем мучительно искать ответ на этот вопрос, а лучше примемся за дело.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О философских картах

- ¹ В дни советского вторжения в Чехословакию.
- ² *Summa theologiae* I,1,5 ad 1.
- ³ Maurice Nicoll, *Psychological Commentaries*, Vol. 1 (London, 1952).
- ⁴ A. Koestler & J. R. Smythies (eds.), *Beyond Reductionism*. Chapter on “Reductionism and Nihilism” by Victor E. Frankl (London, 1969).
- ⁵ *Ibid.*
- ⁶ Quoted by Michael Polanyi, *Personal Knowledge* (London, 1958).
- ⁷ Koestler and Smythies, *op. cit.*
- ⁸ Платон, «Пир».
- ⁹ Cf. F. S. C. Northrop, *The Logic of the Science and Humanities* (New York, 1959).
- ¹⁰ W. Y. Evans-Wentz, *Tibetan Yoga and Secret Doctrines* (Oxford, 1935). [У.Й. Эванс-Вентц, «Тибетская йога и тайные учения», Самара: Агни, 1998.]
- ¹¹ René Descartes, *Rules for the Direction of the Mind*. Translated by E. S. Haldane and G. R. T. Ross, *Encyclopaedia Britannica* (Chicago, 1971). [Рене Декарт, «Правила для руководства ума».]
- ¹² René Descartes, *Discourse on Method*. [Рене Декарт, «Рассуждение о методе».]
- ¹³ René Descartes, *Rules for the Direction of the Mind*. [Рене Декарт, «Правила для руководства ума».]
- ¹⁴ *Ibid.*
- ¹⁵ Jacques Maritain, *The Dream of Descartes* (London, 1946).
- ¹⁶ *Ibid.*
- ¹⁷ René Descartes, *Rules for the Direction of the Mind*. [Рене Декарт,

«Правила для руководства ума».]

¹⁸ Etienne Gilson, *The Unity of Philosophical Experience* (London, 1938).

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ Blaise Pascal, *Pensées*, Section II, No. 169. [Блез Паскаль, «Мысли», раздел II, № 169.]

²¹ Quoted in *Great Books of the Western World: The Great Ideas*, Vol. 1, Chapter 33 (Chicago, 1953).

²² *Summa contra Gentiles*, Vol. 1 (London, 1924-1928).

²³ *Summa contra Gentiles*, Vol. 3.

Глава 2. Уровни Бытия

²⁴ Arthur O. Lovejoy, *The Great Chain of Being* (New York, 1960).

²⁵ Catherine Roberts, *The Scientific Conscience* (Fontwell, Sussex, 1974).

Глава 3. Продвижения

²⁶ Послание к Римлянам 7:14

²⁷ Vol. 5, Book Four, Chapter XI.

²⁸ Maurice Nicoll, *Living Time*, Chapter 1 (London, 1952).

²⁹ *Ibid.*

³⁰ Слова Гурджиева ученикам.

³¹ Евангелие от Луки 12:6

³² Откровение Иоанна Богослова 10:5-6

Глава 4. Соответствие — I

³³ G. N. M. Tyrrell, *Grades of Significance* (London, 1930).

³⁴ R. L. Gregory, *Eye and Brain — The Psychology of Seeing* (London, 1966).

³⁵ Tyrrell, *op. cit.*

³⁶ Евангелие от Матфея 13:13.

³⁷ Евангелие от Матфея 13:15, Деяния святых Апостолов 28:27.

- ³⁸ Откровение Иоанна Богослова 3:15-16.
- ³⁹ Etienne Gilson, *The Christian Philosophy of Saint Augustine* (London, 1961).
- ⁴⁰ *Ibid.*
- ⁴¹ Jalal al-Din Rumi, *Mathnawi*, Vol. 4 (Gibb Memorial Series) (London, 1926-1934).
- ⁴² John Smith the Platonist, *Select Discourses* (London, 1821).
- ⁴³ Richard of Saint-Victor, *Selected Writings on Contemplation* (London, 1957).
- ⁴⁴ *Suttanipata*, IV, ix, 3.
- ⁴⁵ *Majjhima Nikaya*, LXX.
- ⁴⁶ Евангелие от Иоанна 8:32
- ⁴⁷ Nicoll, *op. cit.*, Chapter X (London, 1952).

Глава 5. Соответствие — II

- ⁴⁸ Sir Arthur Eddington, *The Philosophy of Physical Science* (London, 1939).
- ⁴⁹ René Descartes, Preface to the French translation of *Principia Philosophiae*, Part II.
- ⁵⁰ *Ibid.*
- ⁵¹ Gilson, *The Christian Philosophy of Saint Augustine*, *op. cit.*
- ⁵² Евангелие от Матфея 19:26.
- ⁵³ Gilson, *The Unity of Philosophical Experience*, *op. cit.*
- ⁵⁴ *Ibid.*
- ⁵⁵ Abraham Maslow, *The Psychology of Science*, Chapter 4 (New York, 1966). [Абрахам Маслоу, «Психология науки».]
- ⁵⁶ William James, *The Will to Believe* (London, 1899).

Глава 6. Четыре Сферы Познания: I

- ⁵⁷ All quotes are from Whitall N. Perry, *A Treasury of Traditional Wisdom* (London, 1971).
- ⁵⁸ P. D. Ouspensky, *The Psychology of Man's Possible Evolution*, First Lecture (London, 1951). [П.Д. Успенский, «Психология возможной

- эволюции человека».]
- ⁵⁹ Joseph Campbell, *The Hero with a Thousand Faces*, Prologue (New York, 1949). [Джозеф Кэмпбелл, «Тысячеликий герой».]
- ⁶⁰ Ernest Wood, *Yoga*, Chapter 4 (London, 1959).
- ⁶¹ Ouspensky, *op. cit.* [Успенский, та же книга.]
- ⁶² Nyanaponika Thera, *The Heart of Buddhist Meditation, a Handbook of Mental Training Based on the Buddha's Way of Mindfulness*, Introduction (London, 1962). [Ньянапоника Тхера, «Суть буддийской медитации».]
- ⁶³ *Ibid.*
- ⁶⁴ *The Instruction to Bahiya*, quoted by Nyanaponika Thera, *op. cit.*
- ⁶⁵ *The Cloud of Unknowing*, a new translation by Clifton Wolters (London, 1961).
- ⁶⁶ *Majjhima Nikaya*, CXL. Cf. also J. Evola, *The Doctrine of Awakening*, Chapter IV (London, 1951).
- ⁶⁷ *The Cloud of Unknowing*, *op. cit.*
- ⁶⁸ Евангелие от Луки 18:1. (Выделено автором.)
- ⁶⁹ In *A Treasury of Russian Spirituality*, compiled and edited by G. P. Fedotov (London, 1952).
- ⁷⁰ See *Writings from the Philokalia on Prayer of the Heart* (London, 1951) and *Early Fathers from the Philokalia* (London, 1954).
- ⁷¹ Hieromonk Kallistos (Timothy Ware) in his introduction to *The Art of Prayer* (see next note).
- ⁷² *The Art of Prayer: An Orthodox Anthology*, compiled by Igumen Chariton of Valamo, Chapter III, iii (London, 1966).
- ⁷³ Wilder Penfield, *The Mystery of the Mind* (Princeton, 1975).
- ⁷⁴ *Ibid.*
- ⁷⁵ "On the Prayer of Jesus," from the *Ascetic Essays of Bishop Ignatius Brianchaninov* (London, 1952). The quotations are from the Introduction by Alexander d'Agapeyeff.
- ⁷⁶ W. T. Stace, *Mysticism and Philosophy* (London, 1961).
- ⁷⁷ *Ibid.*
- ⁷⁸ *Ibid.* (Emphasis added.)

⁷⁹ Второе послание к Коринфянам 4:18.

Глава 7. Четыре Сферы Познания: 2

⁸⁰ Послание к Римлянам 8:22.

⁸¹ J. G. Bennett, *The Crisis in Human Affairs*, Chapter 6 (London, 1948).

⁸² William James, *The Principles of Psychology*, Chapter 25 (Chicago, 1952).

⁸³ The Venerable Mahasi Sayadaw, *The Progress of Insight Through the Stages of Purification*, Chapter IV, 4 (Kandy, Ceylon, 1965).

⁸⁴ St. John of the Cross, *Ascent of Mount Carmel*, Book II, Chapter 11. In *The Complete Works of Saint John of the Cross*, translated and edited by E. Allison Peers (London, 1935). (Emphasis added.)

⁸⁵ Wood, *op. cit.*

⁸⁶ W. Y. Evans-Wentz, *Tibetan Yoga and Secret Doctrines*, General Introduction, section XI (London, 1935). [У.Й. Эванс-Вентц, «Тибетская йога и тайные учения», общее введение, раздел XI. Самара, Агни, 1998.]

⁸⁷ *Ibid.* [там же]

⁸⁸ Ernest Wood, *Practical Yoga, Ancient and Modern*, Chapter 4 (London, 1951).

⁸⁹ Lorber's writings are published, in German only, by Lorber-Verlag, Bietigheim, Württemberg, West Germany.

⁹⁰ See books on Edgar Cayce by Hugh Lynn Cayce and Edgar Evans Cayce (his sons), Thomas Sugrue, M. E. Penny Baker, Elsie Sechrist, W. and G. McGarey, Mary Ellen Carter, Doris Agee, Noel Langley, Harmon Hartzell Bro. (New York).

⁹¹ Doris Agee, *Edgar Cayce on ESP*, Chapter Two (New York, 1969). (Emphasis added.)

Глава 8. Четыре Сферы Познания: 3

⁹² Maurice Nicoll, *Psychological Commentaries on the Teaching of G. I. Gurdjieff and P. D. Ouspensky*, Vol. 1, p. 266 (London, 1952-1956).

⁹³ *Ibid.*, Vol. 4, p. 1599.

Ссылка на файл: <http://www.samorodok.org/schum.pdf>

⁹⁴ *Ibid.*, Vol. 1, p. 267.

⁹⁵ *Ibid.*, Vol. 1, p. 259.

Глава 9. Четыре Сферы Познания: 4

⁹⁶ Arthur Livingston in his Editor's Note to *The Mind and Society* (see next note).

⁹⁷ Vilfredo Pareto, *The Mind and Society*, paragraphs 69,2; 99/100; 109/110 (London, 1935).

⁹⁸ *Ibid.* (Emphasis added.)

⁹⁹ *Ibid.*

¹⁰⁰ F. S. C. Northrop, *The Logic of the Science and the Humanities*, Chapter 8 (New York, 1959). (Emphasis added.)

¹⁰¹ René Guénon, *Symbolism of the Cross*, Chapter IV (London, 1958).

¹⁰² "Nature, Philosophy of," in *The New Encyclopaedia Britannica* (1975), Vol. 12, p. 873.

¹⁰³ *Ibid.*

¹⁰⁴ Karl Stern, *The Flight from Woman*, Chapter 5 (New York, 1965).

¹⁰⁵ René Descartes, *Discourse on Method*, Part VI.

¹⁰⁶ Julian Huxley, *Evolution: The Modern Synthesis*, Chapter 2, section 7 (London, 1942).

¹⁰⁷ "Evolution," in *The New Encyclopaedia Britannica*, Vol. 7, pp. 23 and 17.

¹⁰⁸ *Ibid.*

¹⁰⁹ *Ibid.*

¹¹⁰ *Ibid.*

¹¹¹ Stern, *op. cit.*, Chapter 12.

¹¹² Лондонская газета «Таймс» пишет в номере от 24 января 1977 г.: «Г-н Джон Ватсон, глава секции религиозного воспитания школы Рикмэнсворт, уволенный за преподавание традиционного библейского взгляда на творение вместо эволюционного взгляда, утвержденного в учебной программе, намеревается обратиться в суд с иском. Г-н Ватсон был миссионером в Индии на протяжении 16 лет и написал две книги, представляющие теорию

Все права защищены. www.samorodok.org

божественного сотворения мира». Еще один пример того, что любая *Вера* обычно нетерпима.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Douglas Dewar, *The Transformist Illusion* (Dehoff Publications, Murfreesboro, Tennessee, 1957).

¹¹⁵ Martin Lings in *Studies in Comparative Religion*, Vol. 4, No. 1, 1970, p. 59; published quarterly by Tomorrow Publications Ltd., Bedfont, Middlesex, England.

¹¹⁶ Harold Saxton Burr, *Blueprint for Immortality: The Electric Patterns of Life* (London, 1972).

¹¹⁷ *Ibid.* (Emphasis added.)

¹¹⁸ *Ibid.*

Глава 10. Два вида проблем

¹¹⁹ See René Guénon, *The Reign of Quantity and the Signs of the Times*, translated by Lord Northbourne (London, 1953).

¹²⁰ Cf. Paul Roubiczek, *Existentialism... For and Against* (Cambridge, 1964).

¹²¹ Thomas Aquinas, Commentary on the Gospel of Matthew 5:2. [Фома Аквинский, *Комментарий к Евангелию от Матфея 5:2.*]

¹²² Ananda K. Coomaraswamy, *Christian and Oriental Philosophy of Art*, Chapter One, "Why Exhibit Works of Art?" (New York, 1956). (Emphasis added.)

¹²³ Quoted in Dorothy L. Sayers, *Further Papers on Dante*, p. 54 (London, 1957).

¹²⁴ Данте, «Божественная Комедия», пер. М. Лозинского.

¹²⁵ P. B. Medawar, *The Art of the Soluble*, Introduction (London, 1967).

Эпилог

¹²⁶ Dorothy L. Sayers, *Introductory Papers on Dante*, p. 114 (London, 1954).

ОБЩЕСТВА ШУМАХЕРА

В США и Великобритании действуют общества Э.Ф. Шумахера, продолжающие распространять его идеи и способствовать их претворению в жизнь:

США: **E. F. Schumacher Society**
140 Jug End Road
Great Barrington MA 01230, USA
ph: +1-413-528-1737; e-mail:
EFSSociety@aol.com
www.smallisbeautiful.org

Великобритания: **Schumacher Society**
CREATE Environment Centre
Smeaton Road, Bristol, BS1 6XN, UK
ph: +44-117-903-1081;
e-mail: admin@schumacher.org.uk
www.schumacher.org.uk

Россия: Э.Ф. Шумахеру, его книгам, его идеям и их претворению в жизнь посвящен раздел русскоязычного веб-сайта:
www.samorodok.org

Издание на русском языке выполнено при поддержке
Всемирного фонда дикой природы (WWF) России:

109240 Москва, ул. Николоямская,
д. 19, стр. 3
тел.: (095) 727 0939;
эл. почта: russia@wwf.ru
www.wwf.ru

КАРТА ДЛЯ ЗАБЛУДИВШИХСЯ

Эрнест Фридрих Шумахер (1911-1977), выдающийся экономист и философ, сочетал в себе деловую практичность и глубокие знания духовных практик. По его мнению, отмахиваясь от важнейших вопросов о смысле жизни и месте человека во Вселенной, современное общество обрекает человека на глубокий мировоззренческий кризис, при этом достижение состояния счастья становится почти невозможным. «Карта для заблудившихся» написана в помощь всем, кто хочет разобраться в себе и найти ответы на вопросы: «В чем смысл жизни?» «В чем предназначение человека?» «Как мне стать счастливым?» «Почему в мире столько проблем, и как их решать?»

Книга Шумахера помогает человеку понять мир и свое место в этом мире. Но при этом он не раскрывает тайн и не отвечает на вопросы, а лишь указывает направление поисков и расставляет ориентиры на «мировоззренческой карте», которой так не хватает современному человеку.

Более двадцати лет Э.Ф. Шумахер был экономическим советником при правительствах Великобритании, Бирмы и Индии. Он обобщил свое видение человеческой экономики, построенной на идеалах красоты, долговечности и ненасилия, в одной из самых влиятельных книг второй половины XX века — «Малое прекрасно: экономика для людей».

Книги Э.Ф. Шумахера переведены на двадцать языков и стали бестселлерами по всему миру.

Книгам и идеям Э.Ф. Шумахера и их претворению в жизнь посвящен раздел русскоязычного веб-сайта **www.samorodok.org**

Ссылка на файл: <http://www.samorodok.org/schum.pdf>